Одной из серьезных забот строителей замков и укрепленных поселений было надежное снабжение жителей питьевой водой как в мирное время, так и особенно в случае осады. В Ервандашате, как видно из слов Хоренского, источником водоснабжения являлся Аракс, и тут строители нашли весьма целесообразный способ скрыто ввести воды реки в подземные городские цистерны. Для того чтобы неприятель не мог обнаружить устья тоннелей, было достаточно пробить их ниже уровня реки в мелководье, что, вероятно, и было сделано. Нужно надеяться, что археологические исследования на месте откроют остатки этих древних сооружений, в былом существовании которых нет оснований сомневаться.

Сообщения древних авторов показывают, что в окрестностях городов правители возводили загородные дворцы и устраивали специальные загоны, где насаждали деревья и разводили редкую дичь для охоты, после которой тут же отдыхали и пировали в гротах, нарядно украшенных изображениями охотничьих сцен. Около Ервандашата тоже была построена вилла Ервандакерт, поэтичное описание которой дает Хоренский:

«Мне приятно рассказать и о прекрасной вилле Еруандакерте, которую тот же Еруанд украсил изящными и бесподобными постройками. Он наполнил средину большой долины людьми и веселыми (на вид) зданиями, светлыми, как зеница ока. Жилища же людей он обвел цветниками, цветами благоухающими, как окружает зеницу ока весь круг глаза». Из этого отрывка видно, что в столь глубокой древности строители проявляли заботу о благоустройстве и украшении цветниками тех участков, на которых строились. Кроме того, около Ервандашата была насаждена большая роща к северу от реки (названная рощей Рождения), обнесенная стенами, куда впустили «быстрых оленей, ланей, онагров и вепрей, которые, размножившись, наполнили рощу для царской забавы во время охоты»[12].

Большая посадка дубового леса (для царской охоты) была произведена несколькими веками позднее по приказу царя Хосрова II, по прозванию «Короткий» (330—338), в Айраратской области между основанным им Двином, в бу-

дущем столичным городом, и Гарни, где находилась летняя царская резиденция.

Сведения о существовании специальных охотничьих загонов находим даже в задачнике армянского математика VII века Анании Ширакца: «Задача 20. Охотничий загон Нерсеха Камсаракана, тэра Ширака и Ашарупика (VII в.), был у подножия горы, называемой Артин»[13].

После поражения, нанесенного римлянами Селевкидам во II в. до н. э., Софена и Великая Армения выступают как самостоятельные государства и быстро разрастаются за счет своих соседей. Столицей Великой Армении становится Арташат (Artaxata) на Араксе, основанный в это время Арташесом I (189—ок. 160).

Страбон (ок. 63 г. до н. э.—ок. 20 г. н. э.), указав, что Арташат стоит на Араксе подле Араксинской равнины, говорит: «Город этот расположен в углублении, похожем на полуостров: кругом его, исключая перешеек, тянется перед рекою стена; перешеек его обведен рвом и насыпью». Не расходится со Страбоном и Мовсей Хоренский, который сообщает, что Арташат находился при впадении в Аракс его левого притока Мецамора[14]. Эти свидетельства показывают, что город стоял напротив Арарата на мысу при слиянии названных рек и во всяком случае не на месте нынешнего селения Арташат, где находятся развалины более позднего Двина.

До раскопок трудно что-либо сказать об архитектуре Арташата, но, несомненно, в нем было немало монументальных зданий, так как у римлян он считался крупным и весьма красивым, хорошо построенным городом—«Карфагеном Армении», как его называет Плутарх (ок. 46—126). Есть основания полагать, что в числе гражданских построек был и театр, в котором играли греческие актеры. До нас дошел рассказ о том, что две тысячи лет тому назад на торжествах по случаю пребывания в Арташате парфянского царя Орода и его сына Пакора, вступившего в брак с сестрой армянского царя Артавазда, при дворе исполнялись сцены из трагедии Еврипида «Вакханки». Рассказ сохранил и имя одного из исполнителей—находчивого грека Ясона из Тралл, связавшего

во время представления одну из сцен трагедии с только что полученным известием о поражении римляи армяискими и парфянскими войсками при Каррах[15].

В 59 г. Арташат был до основания разрушен римскнм полководцем Корбулоном. В следующем десятилетии основатель армянской династии Аршакидов Трдат I предпринял восстановление города. Судя по сообщениям древних авторов, в этих работах принимали участие и римские мастера, привезенные Трдатом при возвращении его из вынужденной поездки в Рим к Нерону в 65 -66 гг.

При Тигране II (95—56) Великая Армения на непродолжительное время стала могущественной державой, территория которой простиралась от Каспийского до Средиземного моря[16]. Арташат и крупнейшие города юга находились теперь на окраинах обширного государства, и Тигран предпринял постройку новой столицы—Тигранакерта, местоположенне которой из-за противоречий у древних авторов (Страбон, Птоломей, Евтроп, Тацит, Фавстос) вызывало разногласия среди ученых. И только после тщательных изысканий, произведенных па месте Леманном и Бельком, ученые пришли к убеждению, разделяемому и Я. А. Манандяном, что Тигранакерт стоял к северу от Тигра, там, где находится сейчас город Фаркин.

Строительство своей новой столицы Тигран вел с большим размахом при содействии знати и простых горожан, старавшихся угодить царю. Город был окружен стеной, имевшей высоту 50 локтей, настолько толстой, что в ней умещались склады и конюшни. Внутри его находилась цитадель, а вне городских стен—сильно укрепленный замок н загородный дворец, вокруг которого раскинулись рощи и парки для охоты и прогулок, с прудами, в которых разводили рыб. По свидетельству древних авторов, в Тигранакерте было построено много прекрасных зданий, в том числе театр, к открытию которого прибыли специально приглашенные греческие актеры. Интересио отметить, что сын Тиграна Артавазд сам писал трагедии на греческом языке. На архитектурных формах всех этих построек, как н иа общей планировке города, здесь сильнее, чем в каком-либо другом центре Армении,

[illegible] казаться воздействие эллинизма, так как вся преобра[illegible] деятельность Тиграна была направлена на при[illegible] страны к эллинистической культуре, основным оча[illegible] которой на армянской земле должна была стать новая [illegible] Тигран окружил себя видными греческими учены[illegible], писателями, художниками. Одним из советников царя [illegible] философ и политический деятель Метродор из Скепсиса, [illegible] его историю, утраченную еще в древности; сюда [illegible] приглашен известный писатель и ритор Амфикрат, из[illegible] из Афин. В соответствии с намерениями Тиграна, весь [illegible] городской жизни должен был строиться по-новому, для [illegible] он около 77 г. до н. э. насильственно переселил в Тиг[illegible]ерт жителей из разрушениых во время войн городов [illegible]докии и Киликии. О масштабах этого мероприятия мож[illegible], учитывая, конечно, обычные преувеличения, из [illegible] Аппиана и Страбона. Первый называет цифру [illegible] человек, второй говорит, что Тигран поселил у себя в [illegible] «жителей двенадцати эллинских городов».

В октябре 69 г. до н. э. Лукулл нанес решительное пора[illegible] армянским войскам под Тигранакертом, а затем после [illegible]тимесячной осады взял и разгромил город. Эта катастрофа [illegible] к окончательному распаду державы Тиграна. Элли[illegible]м, сыгравший значительную, прогрессивную роль во всех [illegible]ластях жизни страны, не исключая и искусства, потерял [illegible]приятную почву для распространения своего влияния и [illegible] был уступить место Риму. В дальнейшем же, в пер[illegible] века христианства, в армянской архитектуре можно [illegible]третить лишь отзвуки античных форм волюту на капите[illegible], зубец и модульон на карнизе, сильно переработанный [illegible]. Армянские зодчие нашли собственные пути, с которых [illegible] разу не свернули, хотя на протяжении веков и встречали [illegible] мало различных перекрестков.

Оживленное строительство городов развернулось в прав[illegible] первых царей из династии Аршакидов (53—428). На протяжении немногим более полувека были осуществлены три [illegible]чительные стройки. Начало положил Трдат I, восстано[illegible] разрушенный Арташат. В конце первого или в самом [illegible]чале второго века Санатруком был основан около Евфра-

та—Арацани город Мцурн, уже не существовавший в V в. Сын Санатрука Вагарш построил в первой половине II в. на левом берегу реки Касах, в нижнем его течении, город Вагаршапат, объявленный в 163 г. столицей[17], где после утверждения в Армении христианства был сооружен собор Эчмиадзин и основан монастырь, ставший впоследствии главным духовным и административным центром армянской церкви.

Архитектура названных городов нам не известна, так как на территории первых двух археологические работы не производились, а небольшие раскопки в Вагаршапате пока не дали существенных результатов. Но если мы учтем отмеченное уже общение Армении с эллинистическим миром, а также сообщения историков о работе на некоторых стройках наряду с местными архитекторами и римских мастеров, то не придется удивляться в случае обнаружения остатков зданий, в которых найдут отражение античные формы. Известное влияние могло оказать и пребывание в этих краях в первых веках нашей эры регулярных римских отрядов, которые, как известно, в мирное время привлекались к производству строительных работ.

Правдоподобность этих соображений подтверждают великолепные развалины укрепленной летней резиденции Аршакидов в Гарни.

Гарни

Крепость, языческий храм, дворцовые постройки

В 27 км к юго-востоку от Еревана в одноименном современном селении Котайкского района находятся развалины укрепленной летней резиденции армянских царей из династии Аршакидов. Она была расположена на скалистом мысу, который выдавался в ущелье реки Азат из высокого плато правого берега. С запада и частично с востока мыс защищен отвесными скалами, и потому сооружение крепостных стен понадобилось только в месте примыкания его к плато и в северной половине восточного склона (рис. 2). С подобным выбором топографических условий для укрепленных поселений, крепо-

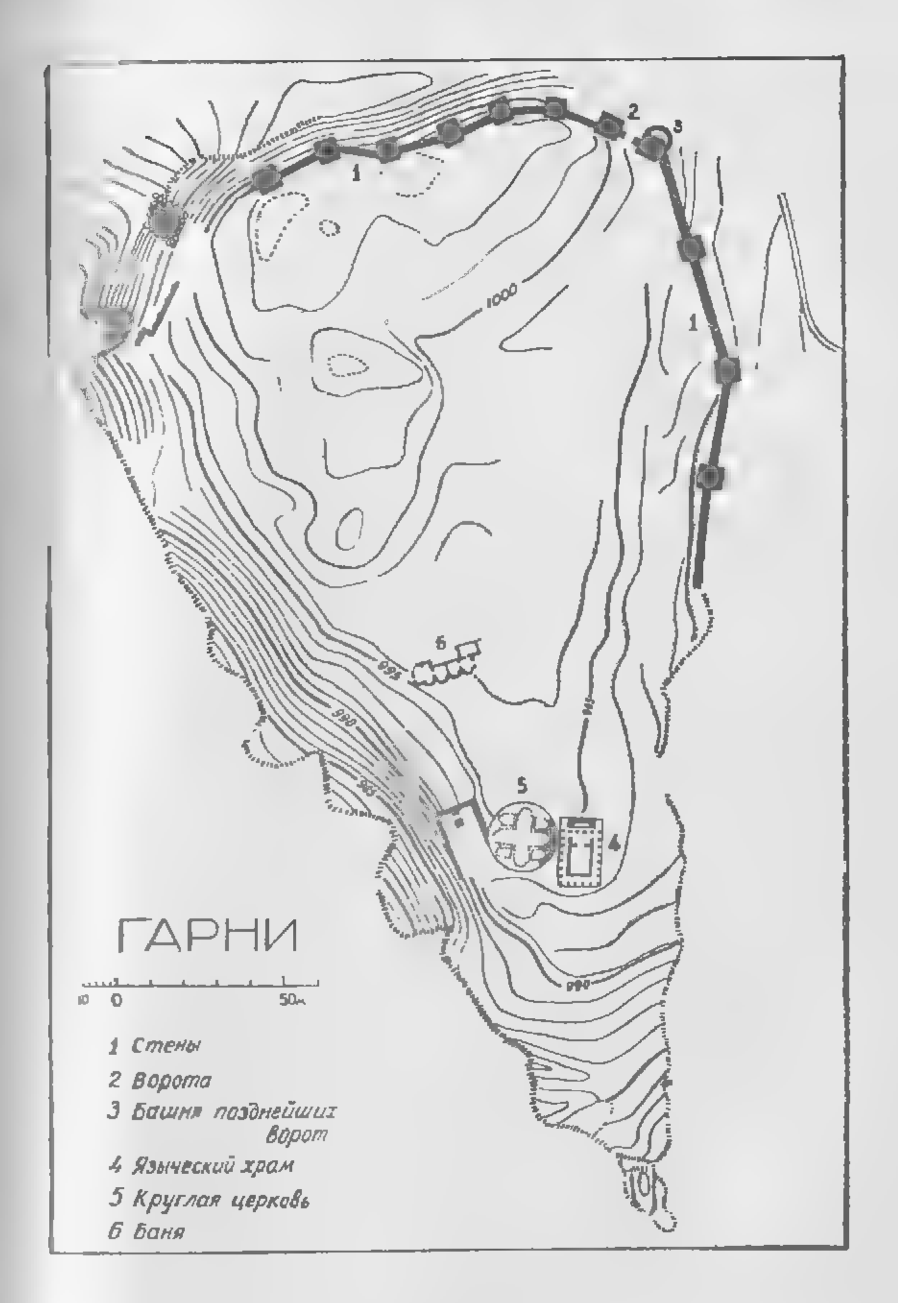


Рис. 2. Гарни. Генральный план крепости.

стей и замков встречаемся повсеместно на территории древней Армении и в последующее время (Анберд, Ани и др.).

К северу и северо-востоку от гарнийской крепости на плато было расположено большое поселение, о котором имеются сведения у армянских историков. В середине IV в. упоминается гарнийский епископ.

До раскопок, которые ведутся здесь с 1949 года, гарнийская крепость была широко известна благодаря находящимся в ней на южной оконечности мыса развалинам замечательного языческого храма. Почти вся крепостная стена находилась под землей, и только у ворот виднелось несколько рядов первоначальной кладки; с восточной стороны входа в крепость сохранился монолитный массив с остатками облицовки и свода, перекрывавшего проем ворот, сооруженных здесь позднее. У самого языческого храма прослеживались контуры круглой церкви, помеченные на глазомерном плане, составленном Я. И. Смирновым в 1911 году.

В результате работ гарнийской археологической экспедиции Академии наук Армянской ССР почти на всем протяжении раскрыта крепостная стена, расчищены остатки круглой церкви и обнаружены развалины большого зала и дворцовой бани с прекрасно сохранившимся мозаичным полом[18].

Крепость. Раскопки открыли крепостную стену на протяжении 314 м. Она защищала всю северную сторону мыса и больше половины восточного склона. Северный участок стены имеет десять прямоугольных в плане башен, отстоящих друг от друга на 10—12 м, восточный—четыре башни с интервалами между ними свыше 25 м. Никаких помещений в башнях не обнаружено и если они и были, то только в верхней, ныне разрушенной части. Стена и башни сложены из громадных хорошо тесаных каменных блоков (камень с надписью имеет, например, размеры: длина—165 см, высота—50 см, толщина—80 см). Камни были скреплены между собой железными скобами и штырями, залитыми свинцом. Об этом свидетельствует не только наличие гнезд в камнях, но и сообщение Моисея Хоренского, который говорит, что царь Трдат завершил постройку крепости в Гарни из тесаных камней, скрепленных железными скобами и свинцом. Такая же система крепления обнаружена и в храме, во время расчистки которого были найдены железные скобы, бронзовые и железные штыри и куски свинцовой заливки. О высоте стены и башен можно высказывать только предположения. Б. Аракелян, сообразуясь с наличными остатками сооружения и привлекая для сравнения сведения древних авторов о высоте стен Тигранакерта, считает, что высота стены в Гарни была около 25 м.

На дороге, ведущей в крепость, сохранились остатки ворот, построенных, несомненно, значительно позднее, что видно по их кладке, выполненной в отличие от кладки стен из небольших камней на известковом растворе.

Время основания крепости в Гарни не известно. Я. А. Манандян определял его III—II вв. до н. э., исходя из тождества техники кладки стен крепости и храма, сооружение которого он ошибочно относил к этому времени[19].

Гарни впервые упоминается у Тацита (ок. 55—ок. 120), из рассказа которого видно, что здесь в 51 г. н. э. в крепости со стенами, «безопасной по местоположению», оборонялся римский ставленник царь Михрдат от напавшего на него племянника Радамиста.

Моисей Хоренский приписывает окончание строительства крепости и летнего дворца в Гарни Трдату, сыну Хосрова, т. е. Трдату III, при котором в самом начале IV в. Армения приняла христианство. Как теперь выяснено, в этом сообщении, правдивом в отношении факта строительства, историк спутал двух Трдатов (I и III). Летом 1945 г. на кладбище в восточной части сел. Гарни М. Сарьяном и Ц. Давтяном был обнаружен большой отесанный камень из крепостных стен, использованный как надгробье. На боковой стороне его вырезана греческая надпись с именем Трдата и датой. Концы восьми строк в правой части камня, содержавшие 3—6 букв, не сохранились, так как эта часть камня отбита, вероятно, при перетаскивании его сначала в маслобойню, а потом на кладбище. Происхождение камня из крепости не вызы-

вает сомнений, так как на верхней его стороне есть три гнезда для металлических скоб.

После обнаружения надпись была опубликована пять раз: С. Д. Лисицианом, дважды Я. А. Манандяном, А. Г. Абрамяном и К. В. Тревер. Первые два исследователя изучали надпись, видимо, по неудачной фотографии, так как допустили совершенно неоправданные искажения текста даже там, где буквы читаются без затруднений. У них осталась незамеченной даже явная дата «AI»—11, *выделенная* глубоко врезанными точками, причем Я. А. Манандян и при втором издании надписи вновь не усмотрел в ней этой даты. Не вдаваясь в разбор всех предложенных чтений надписи, отметим несомненное и чрезвычайно важное сообщение о том, что Трдат в одиннадцатый год своего царствования построил (вернее, возобновил) здесь неприступную крепость. К. В. Тревер полагает, что счет годам правления Трдата следует вести от 66 г., когда Нерон возложил на него царскую корону, и соответственно датировать гарнийскую надпись 77 годом. Уже было отмечено, что крепость и царское жилище упоминается у Тацита в связи с событиями 51 г. И если в 77 г. Трдат опять строит здесь крепость (и усадьбу—по толкованию К. В. Тревер), то это значит, что одновременно с Арташатом около 60 г. основательно пострадала при нашествии римских войск и летняя царская резиденция в Гарни[20].

Языческий храм. Сведения о языческих храмах Армении, как и о гражданских постройках рассматриваемого времени, весьма скудны. В сочинениях древних авторов можно найти лишь названия городов и селений, где находились чтимые святилища, да весьма приукрашенные рассказы об их богатствах. Нет также достаточных археологических материалов, которые могли бы дать верное представление об их архитектуре. В отмеченное большим строительством царствование Тиграна II на формах новых храмовых построек должно было сказаться влияние эллинизма, захватившего все стороны жизни страны, не исключая и религии армян. В это время началось отождествление армянских божеств с богами Олимпа, и когда Тигран вывез из завоеванных им го-

...ов многочисленные греческие статуи, он разместил их в ...иболее видных армянских храмах.

Своеобразные отношения, сложившиеся после неудачных ...ий Тиграна между Арменией и Римом, которые то состоя... в союзе, то сталкивались на полях сражений, способство... ...и занесению в страну некоторых форм римской (италий... ...ой) архитектуры, нашедших здесь для себя благоприят... ...ю почву, подготовленную эллинизмом. Языческий храм в ...арни, стоявший в сохранности до конца XVII в., является ...красным примером того, как умело были вплетены мест... ...ими мастерами отдельные римские черты в эллинистиче... ...ю основу.

Расчистка этой постройки в 1909—1910 гг. дала настолько ...ный материал, что, несмотря на разрушение до основания ...н и колонн, реконструкция ее не представила особых за... ...днений. Все камни нашли свое место, кроме плохо сохра... ...ившегося фрагмента, украшенного акантовой пальметкой. ...ствовавший в экспедиции К. К. Романов считал возмож... ...ым лишь предположительно определить его как акротерий, ...чавший фронтон[21].

Обмеры гарнийского храма выполнил и издал Н. Г. Бунтов в книге «Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни» (Эривань, 1933).

Храм стоял на самом конце гарнийского мыса высоко ...д рекой Азат (табл. 2). Он был построен по типу перипте..., т. е. здания, окруженного со всех сторон портиком на колоннах. Поверхность скалы имеет уклон к реке и потому была выравнена под постройкой при помощи бетонного основания, отсутствующего в северной части и постепенно утолщающегося к югу. На этом основании возведен высокий подий, образующий платформу длиной около 15 м и шири... ...и около 11 м, на которой стояли разрушенные ныне стены ...нтрального помещения (целлы) и 24 колонны портика (рис. 3, 4). С северной стороны ко входу поднимается широ... ...я лестница из девяти мощных ступеней. Две нижние сту... ...ни окаймляют со всех сторон подий, образуя цоколь; сле... ...ющие шесть врезаются в него, а верхняя, девятая, совпа... ...ющая с уровнем пола портика, продолжается в виде плин...

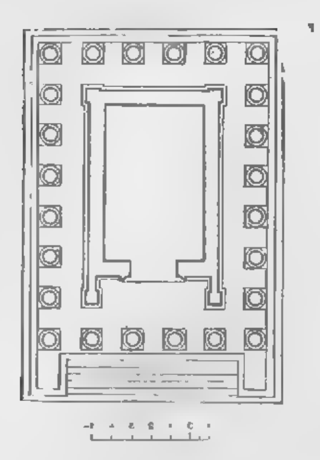


Рис. 3 Гарни. План храма.

та над его карнизом. Между цокольными плитами и стенками подия уложен ряд профилированных камней. Выступающие по сторонам лестницы массивы заканчиваются плитами, украшенными барельефными изображениями атлантов, стоящих на одном колене с воздетыми руками. Пол целлы приподнят над полом портика на один ряд камней, образовывающий у двери ступень и выступающий из-под кладки стен в виде профилированного плинта, отвечавшего базам колонн.

В главной (северной) части портика продольные стены целлы

Рис. 4. Гарни. Северный фасад храма (реконструкция К. Романова).

выдвигались вперед в виде антов, образуя открытые без колонн стены с дверью в глубине. Анты, как и южные углы стен святилища, были обработаны пилястрами.

Колонны стояли по всему периметру подия, причем вторые от углов приходились напротив пилястр целлы, что определяло расстояние между ними, равное ширине портика. На главном и тыловом коротких фасадах было по шести колонн, на боковых—по восьми. Ионические капители с энергично прорезанными спиралями волют и ониками украшены лиственным орнаментом, покрывающим и балюстры, где изваяны акантовые и лавровые листья (табл. 3). В капителях угловых колонн наружная угловая волюта расположена по диагонали, а внутренняя составлена из двух половинок простых волют, сходящихся под прямым углом. Пилястры целлы имели плоские ионические капители с диагонально отвернутыми волютами. Капителям пилястр на стенах здания отвечал орнаментированный иониками и бусами пояс.

Архитрав антаблемента имел разные профили с внешней и внутренней сторон. Снаружи он был разделен бусами и завернутыми в жгут лентами на три ступени и заканчивался наверху каблучком с порезкой. Внутренний профиль архитрава завершал также стены целлы, выходившие в портик (рис. 5). Нижнюю поверхность архитравных камней между колоннами украшали небольшие орнаментированные полосы в резных рамках, на которых помещены преимущественно вьющиеся ветви с листьями аканта и плюща, виноградом и «бобами». Выпуклый фриз заполнял акантовый орнамент с ветвями и листьями, плавно переходящими из одной спирали в другую; над акантами—украшенный иониками валик и полочка. Венчающий карниз состоял из пояса сухариков, покрытого резьбой каблучка, слезника и гуська с львиными головками и пальметками. Над антаблементами северного и южного фасадов высились крутые фронтоны, отвечавшие двускатной кровле здания.

Плафон портика был составлен из больших плит, уложенных на архитравы антаблемента колоннады и стен. Его резной наряд имел вид ромбических и восьмиугольных орнаментированных кессонов, обрамленных иониками и заключен-

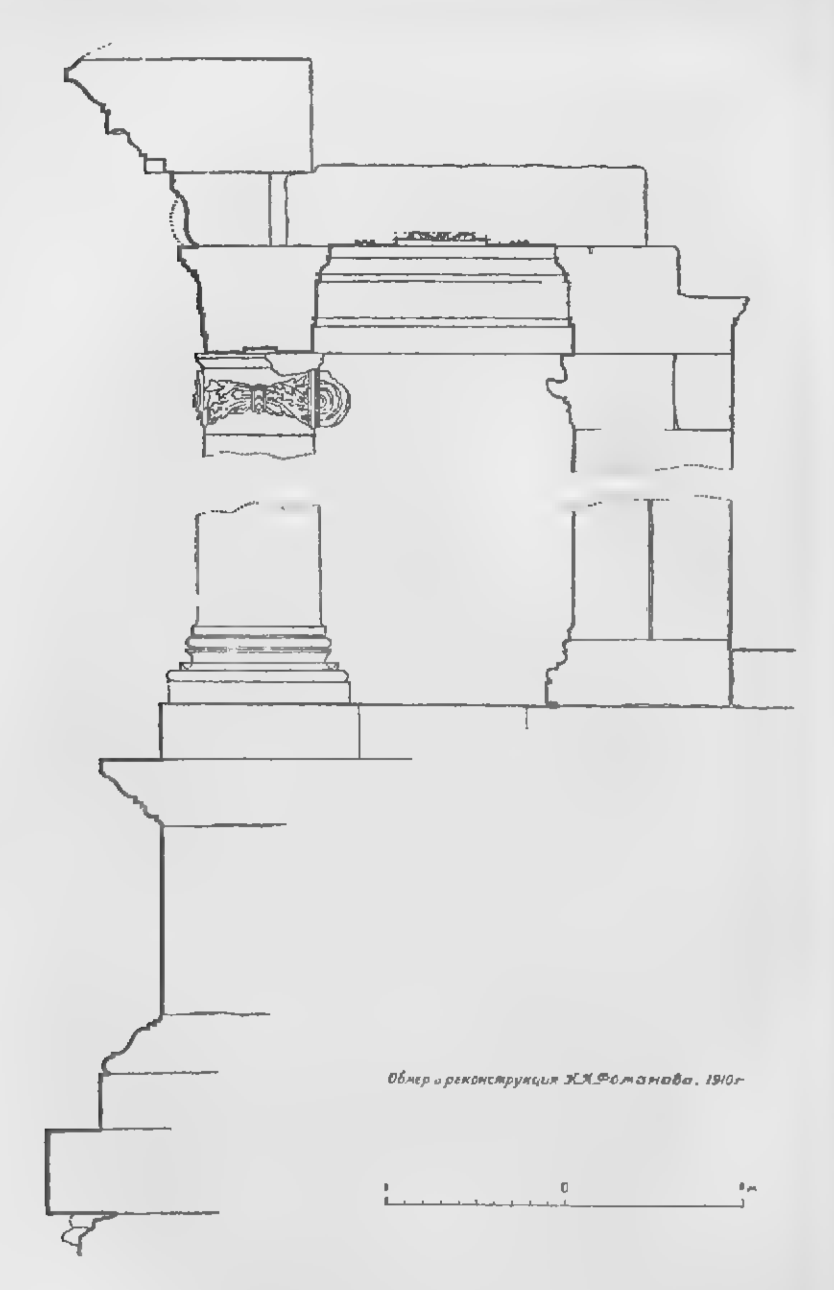


Рис. 5. Гарни. Разрез портика храма (рконструкция К. Романова).

ные прямоугольники, между которыми напротив колонн шли поперечные полоски такого же вида, как и на нижней плоскости архитрава.

Единственная дверь здания была нарядно убрана резным наличником и сложным сандриком в виде антаблемента, в котором архитравом служила верхняя горизонтальная часть наличника. Порядок, форма и убранство профилей сандрика почти те же, что и на антаблементе портика, но здесь они пропорционально меньше по размерам.

Вся постройка возведена из базальта. Крупные каменные блоки в свое время были связаны железными и бронзовыми штырями и скобами, залитыми через специальные канальцы свинцом. Этот прием применялся в дальнейшем в колоннах и вышел из употребления только в конце VII в. Превосходно выполненные теска и резьба показывают высокую технику местных мастеров, ибо только они могли успешно справиться с такой тонкой обработкой твердого базальта, непосильной для пришлых римлян, обычно имевших дело с податливым мрамором.

Храм стоял до XVII в. В 1593 г. он был воспет армянским ученым монахом Семеном Апаранским. Наиболее вероятной датой его разрушения следует считать среду 15 июня 1679 г., когда в Айраратской области произошло катастрофическое землетрясение. Дьякон Захария Канакерский (XVII в.), говоря в своей «Истории» об этом землетрясении, указывает, что эпицентр (по современной терминологии) был около Гарни, и называет селения нынешнего Котайкского района, в которых были разрушены церкви.

Некоторые исследователи склонны считать, что гарнийские развалины принадлежат не храму, а летнему дворцу. Эта точка зрения основывается на повествовании Моисея Хоренского о том, что царь Трдат не только закончил сооружение крепости, но и построил здесь для своей сестры Хосровидухт (в переводе — дочь Хосрова) летние палаты — *տուն հովանոց* (буквально—дом прохлады), украшенные барельефами, и начертал на них в память о себе надпись греческими буквами[22] Такое мнение можно было бы принять, если бы оно нашло подтверждение в надписи, находившейся в свое

время на стенах именно этой постройки. Но такой надписи не обнаружено. Упомянутая же выше греческая надпись, несомненно, находилась в кладке крепостных стен и к храму непосредственного отношения не имеет. Об этом свидетельствует как ее содержание, так и вид камня, на котором она начертана.

Сходство содержания надписи и сообщения Моисея Хоренского свидетельствует, что историк видел эту надпись, но по каким-то неизвестным нам причинам приписал ее Трдату III, сыну Хосрова. На самом деле, если принять толкование К. В. Тревер, строительство крепости и усадьбы, включавшей, надо думать, и «дом прохлады», вел Трдат I на одиннадцатом году своего царствования, т. е. в 77 г. н. э.

Размеры и надежно восстанавливаемые формы гарнийского колонного здания показывают, что оно не могло быть ни приемным залом дворца, ни дачным жилым павильоном. Учитывая правдивость свидетельства историка в отношении технических подробностей, подтверждаемых наличными остатками сооружений, трудно допустить, чтобы он спутал храм с богато украшенным дворцом, остатки которого скрыты еще под землей. Значит сообщение Моисея Хоренского нельзя непосредственно связывать с этими развалинами.

По вопросу о времени сооружения храма в Гарни имеются различные мнения. Можно встретить даты, заключенные между III в. до н. э. (Манандян) и IV в. н. э. (Романов)[23].

Я. А. Манандян свою датировку основывает на строительной технике, якобы унаследованной армянами от урартов и на сходстве плана и архитектурных форм гарнийского храма с урартским храмом в Мусасире, известным нам лишь по утраченному ныне барельефу из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (Ассирия, конец VIII в. до н. э.).

На самом деле, кажущееся сходство в формах обоих храмов не дает оснований говорить о непосредственной преемственности, так как в гарнийском храме убедительно выражена его античная природа. Потому-то все исследователи, занимавшиеся вопросом о дате храма, неизбежно прибегали к сравнению его с античными памятниками, даже столь отдаленными, как Мэзон Карре в Ниме (южная Франция). При

этом следует иметь в виду те существенные архитектурные особенности храма в Гарни, которые могли появиться лишь при условии знакомства строителей с архитектурой Рима, следовательно не ранее I в. до н. э.

Главнейшие из них следующие: 1. Храм стоит не на ступенчатом основании, обычном для греческого периптера, а на высоком подиc, бока которого обработаны в виде пьедестала с базой и карнизом, выдающегося по сторонам лестницы на главном фасаде, как это делалось в италийских храмах. М. И. Ростовцев следующим образом определяет этот тип в описании архитектурного пейзажа с виллой: «Там, где встречаются храмы, они имеют обычный характер со склонностью скорее к тому, чтобы представить так называемый италийский тип храма с высоким подием и врезанной в нем лестницей»[24]. 2. Анты, выступающие из стен целлы, имеются только со стороны главного фасада, вследствие чего целла выдвинута в глубину; это сближает храм в Гарни с малыми римскими храмами, где она занимает всю тыловую часть здания за портиком. 3. Пропорции крутого фронтона, свидетельствующие о римской, а не греческой системе его построения. 4. Выпуклая форма фриза, сближающая храм с памятниками так называемого римского барокко, и пластичный характер его акантового орнамента, столь непохожего на остролистый греческий. 5. Отсутствие каннелюр на колоннах, если это не результат того, что обработка колонн, производившаяся после установки их на место, не была закончена.

Отмеченные особенности показывают, что для принятия предложенной Я. А. Манандяном даты нет никаких оснований.

К. К. Романов, сравнивая храм в Гарни с малыми римскими храмами Мэзон Карре в Ниме и на Бычьем Форуме в Риме, усматривал в нем черты отсталости, сказавшиеся прежде всего в устройстве по эллинистическому образцу открытого портика, окружающего целлу, в то время как в Ниме на боковых фасадах стоят прислоненные к стенам трехчетвертные колонны и портик имеется только со стороны входа, а на Бычьем Форуме открытых портиков вообще нет. Последнее

замечание К. К. Романова основано на каком-то недоразумении, так как портик со стороны входа существовал и пространство между его колоннами было заполнено кладкой позднее. Сейчас они разобраны; нет их и на обмерах Палладио. По нашему мнению, указанная особенность храма в Гарни не может служить доводом в пользу его датировки временем Трдата III; наоборот, она указывает скорее на I в. н. э., когда еще были сильны эллинистические традиции, унаследованные от отмеченной интенсивным строительством эпохи Тиграна II, и римское влияние не успело пустить глубокие корни на армянской почве, в частности в архитектуре.

С конца II в. до правления императора Диоклетиана (284–305) Римская империя переживала тяжелый политический и хозяйственный кризис. Государство потрясали непрекращавшиеся волнения рабов и бедноты, восстания в армии, повсеместные разбои и пиратство, борьба претендентов на трон и вторжения германцев. В довершение всего Риму пришлось вести новые войны на Востоке на этот раз с сасанидской Персией. Кризис этот отразился на положении связанных с империей стран. В Армении, опять оказавшейся участницей римско-персидских вооруженных столкновений, значительно сократилась транзитная торговля, что, конечно, не могло благоприятствовать осуществлению значительных строительных предприятий, даже силами пребывавших здесь во II—III вв. римских легионеров, которым М. И. Ростовцев приписывал решающую роль в сооружении гарнийского храма.

К. В. Тревер в своей работе «Очерки по истории культуры древней Армении» считает наиболее вероятным, что храм построен в I в. Трдатом I и был посвящен «богу Солнца Арегу-Михру, которому особенно поклонялись армянские цари». Такая же дата была названа до того Н. Буниатовым и мною[25]. Обнаружение в Гарни датированной строительской надписи подтвердило это предположение. Восстанавливая в 77 году крепость и летнюю резиденцию в Гарни, Трдат I мог построить и храм для обслуживания переезжавшей сюда на лето царской семьи. Это тем более вероятно, что, по свидетельству Тацита, Трдат выполнял обязанности ж р е ц а (Анналы,

XV, 24). К. В. Тревер отмечает возможность, «что слова гарнийской надписи ὡς δεσπότης должны были в 77 г. подчеркнуть самостоятельность и могущество Трдата». Не потому ли и вновь сооружаемый храм в загородной царской усадьбе, по замыслу Трдата, видевшего италийские храмы, должен был не уступать в красоте форм и богатстве отделки постройкам столицы римской державы.

Храм в Гарни—пока единственное известное монументальное сооружение времени аршакидской династии. Другие светские и храмовые здания лежат под землей в развалинах и поэтому до вскрытия их раскопками не представляется возможным иметь исчерпывающее суждение о дохристианской архитектуре аршакидской Армении. Надо надеяться, что систематические раскопки в Гарни откроют «дом прохлады» и другие постройки царской резиденции, которые, как показали результаты проведенных уже здесь археологических работ, могли находиться к северо-западу от храма.

Примерно в 50 м к северо-западу от храма экспедицией Академии наук Армянской ССР раскопаны остатки небольшого здания, оказавшегося баней, видимо, дворцовой. Оно состоит из 4-х прямоугольных помещений, идущих в ряд одно за другим и имеющих с одной стороны полукружия в виде экседр. Первое отделение от других стеной с дверью и являлось, вероятно, предбанником с двумя входами в на ружных стенах (рис. 6). Здесь в прямоугольной части сохранились остатки мозаичного пола. Мозаика, утраченная почти наполовину,

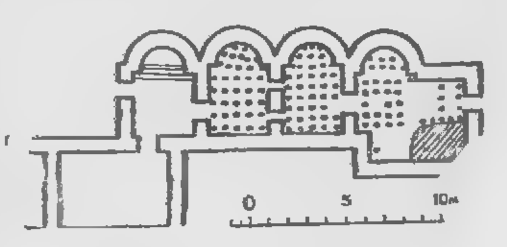


Рис. 6. Гарни. План бани.

набрана из мелких естественных камешков пятнадцати оттенков. Насколько малы размеры камней можно судить по тому, что в одной греческой букве «тэта» их содержится 36 штук. В центре пола в квадратной рамке, заполненной кольцевой плетенкой, помещены изображения мужчины с надпи-

сью «Океанос» и женщины с надписью «Таласса». Над ними набрана фраза: «Ничего не получая, работали». Надписи— греческие. Изображение мужчины утрачено, от женской головы сохранилась только верхняя часть. За пределами центрального квадрата вдоль стен изображены рыбы, рыбаки, мореходы и мифические обитатели водной стихии. Греческие надписи у голов персонажей сообщают их названия. Мозаика набрана на надежном основании, состоящем из хорошо утрамбованного грунта, трех слоев рваного базальта и булыжника в известковом растворе и бетона толщиной 14—15 см (табл. 4). В двух следующих отделениях бани сохранились почти все круглые кирпичные столбики, поддерживавшие пол значит, здесь была применена система обогрева пола горячим дымом из топки, с чем встретимся и в дальнейшем в постройках подобного назначения. В последнем отделении, расширенном с двух сторон и тоже с обогреваемым полом, обнаружены следы бассейна для воды и топочное отверстие.

Время сооружения бани не известно. В вопросе о дате может оказаться полезным сравнение гарнийской мозаики с подобными памятниками как на Востоке, так и на Западе. Так, например, обращает на себя внимание сходство ее в трактовке фигур и обрамлений и с римской мозаикой той же техники в далекой Швейцарии. В Историческом музее в Берне есть мозаика первых веков нашей эры с изображением Нептуна в центральном квадрате, обрамленном поясом с кольцевой плетенкой, совпадающей с гарнийской по деталям рисунка и расположению камней по интенсивности расцветки[26].

Здесь уместно упомянуть о развалинах однонефной церкви в Багаране, в которой сильно выступающие пилястры продольных стен увенчаны коринфскими капителями. Этот пока единственный случай появления в армянской постройке второго античного ордера представляет особый интерес в связи с отмеченным уже сообщением Моисея Хоренского о создании в Багаране в III—II вв. до н. э. языческого религиозного центра. Нам, к сожалению, не пришлось побывать в Багаране и потому, располагая лишь не совсем удачной фото-

графией развалин*, мы не можем сказать ничего определенного об этой постройке, возведенной, возможно, до утверждения христианства и в дальнейшем обращенной в церковь. Не исключена возможность и того, что капители попали сюда из какого-нибудь разрушенного более древнего здания.

Сведения древних историков и дошедшие до нас в развалинах памятники свидетельствуют о вкладе армянского народа в культурное строительство рабовладельческого общества на новом, так называемом эллинистическом этапе его развития. Поэтому нам представляются неправильными, искажающими историческую действительность имевшие место попытки отгородиться от эллинизма в стремлении подчеркнуть независимость армянской культуры от каких-либо влияний. По нашему мнению, именно тот факт, что армянская культура, пройдя в какой-то мере через «эллинистический» этап, сумела найти в дальнейшем собственные пути развития, говорит об ее подлинной самобытности.

* Фотоархив Института археологии АН СССР (Ленинград), фотография инв. № Q.350.61.

АРХИТЕКТУРА IV—VII вв.

После крушения державы Тиграна II армянские земли стали ареной бесконечных военных действий сначала между Римом и Парфией, а затем между Римом, Византией и сасанидской Персией. Армения то вовлекалась в их кровавые столкновения, то сама становилась жертвой захватнической политики своих сильных соседей, дважды деливших между собой армянские земли и упразднивших в конце концов власть армянских царей в западной Армении в 391 г., а в подвластной персам восточной части страны в 428 г. Одновременно внутри страны происходили важные перемены. Изжившая себя рабовладельческая система уступила место феодализму, окончательно сложившемуся в правление династии армянских Аршакидов (64–428). В руки отдельных княжеских родов постепенно перешли не только крупные земельные владения, но и целые округа и области, жители которых находились у них в полном подчинении. В стране возник ряд наследственных феодальных княжеств, называвшихся н а х а р а р с т в а м и. Среди нахарарских родов выделялись Багратуни (Багратиды), Сюни, Арцруни, Мамиконяны, Камсараканы и некоторые другие.

Язычество не устояло перед быстро распространявшимся в стране христианством, которое в 301 г. было провозглашено государственной религией. В этом же веке церковь определилась как влиятельная организация, принимавшая деятельное участие в судьбах государства и сыгравшая на первых порах значительную роль в общем культурном развитии страны.

Здесь следует отметить, что четвертое столетие было ознаменовано историческим событием в жизни армянского народа: выдающийся деятель своего времени в области науки и просвещения *Месроп Маштоц*, вышедший из простого народа, создал армянский алфавит, настолько совершенный, что он сохранился почти без изменений до наших дней. К этому времени необходимость в единой общеармянской письменности стала неотложной. Отсутствие ее тормозило развитие культуры нового, феодального общества, затрудняло борьбу с язычеством и проповедь христианства.

Становление нового общественного строя проходило в сложных условиях и внутри страны. Нахарары, находившиеся в вассальной зависимости от царя, всячески старались ослабить эту зависимость и полновластно распоряжаться в своих владениях. Со своей стороны армянские цари стремились к укреплению самодержавной власти. Эти противоречия, осложненные наличием противоположных ориентаций (западной и персидской) среди самих нахараров, вызывали частые междоусобицы. Наконец, и в своих владениях князья не могли особенно рассчитывать на полную покорность подвластного им несвободного населения, которое они жестоко эксплуатировали.

Все эти обстоятельства сказались на характере строительства. Злополучное буферное положение страны диктовало государству и отдельным владетельным князьям необходимость быть наготове ко всяким случайностям, всемерно укреплять города, строить замки и другие оборонительные сооружения. Замки, как хорошо защищенные резиденции, были нужны феодалам также и в связи со взаимоотношениями внутри страны.

Введение новой религии -христианства—поставило перед строителями новые задачи, связанные с сооружением церквей. Армянские зодчие блестяще справились с этими задачами и в IV—VII вв. разработали разнообразные типы церковных зданий, которые послужили основой для всего дальнейшего

развития христианской культовой архитектуры в Армении.

Раскопки, произведенные в древних городах и селениях, открыли также развалины просторных палат, построенных представителями светской и церковной власти. Эти, правда еще немногочисленные, памятники дают представление о характере монументальной гражданской архитектуры рассматриваемого времени.

В этой главе в разделе гражданской архитектуры приведены сведения о замках и других оборонительных сооружениях, об одной из древних столиц Армении—городе Двине и открытых раскопками дворцовых постройках. Второй раздел посвящен церковной архитектуре.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Замки, форты, сторожевые посты

Изучению замков Армении до сих пор уделяется незаслуженно мало внимания. В лучшем случае можно найти краткие описания, сделанные на основании беглого осмотра памятников. Лишь в Анберде под руководством академика И. А. Орбели в 1936 г. были проведены значительные археологические работы, раскрывшие различные стороны быта обитателей замка. Поэтому Анберд приводится здесь в качестве примера, тем более, что в нем имеются все характерные черты феодального гнезда, с которыми встречаемся и в других сооружениях такого вида: выбор места, ряд наслоений в системе укреплений, забота о снабжении жителей водой как в мирное время, так и при осаде.

Феодалы строили себе замки, используя естественную защиту, как это было сделано, например, в гарнийской крепости. Они обычно выбирали либо скалистый мыс при слиянии речек, либо неприступный утес, соединенный с основным массивом гор узкой полоской земли, где строителям не было надобности возводить сплошное кольцо укреплений, а можно было ограничиться только стенами на уязвимых перешейках, да в разрывах скал. Владетельные князья иногда строились высоко в горах, куда неприятелю было труднее добраться. Кроме

Рис. 7. Анберд Генеральный план замка. 1—дворец. 2—первоначальные стены и ворота. 3—стены XI в. 1—церковь 1026 г. 5—бани. 6—ворота XIII в. 7—часовня XIII в. 8—цистерна. 9—потайной ход к речке.

того, они прекрасно понимали, что в стране, где орошение определяет благосостояние земледельца и садовода, выгодно держать в руках истоки оросительных систем. Так поступили, например, строители замка в Анберде на южном склоне Арагаца, вершина которого была охвачена кольцом плотин, удерживавших воду в водохранилищах после таяния снегов. Водосборные сооружения на Арагаце, по-видимому, относятся к глубокой древности, так как при них выше Анберда были обнаружены вишапы—каменные изваяния громадных рыб, покровителей орошения, которые обычно встречаются около древних, ныне забытых искусственных водохранилищ.

На утесе между горными речками Анбердом и Архашяном около VII в. н. э. был построен многоэтажный замок-дворец Анберд, за которым на скалистом мысу при слиянии речек было расположено небольшое поселение, где обитала замковая челядь. Дворец на протяжении последующих шести-семи веков несколько раз обстраивался и укреплялся, а на мысу для защиты разросшегося поселения были возведены новые стены (рис. 7).

Первоначально дворец представлял вытянутое поперек водораздела здание, внешняя сторона которого была укреплена башнями (рис. 8, 9). Внутри здание делилось продольной стеной на две половины: одна, примыкавшая к стене с башнями, служила коридором, а в другой, как показали раскопки, в двух нижних этажах было по пяти помещений, расположенных в ряд; вероятно, такой же план имел и верхний ныне разрушенный этаж. Перекрытия были деревянные, о чем свидетельствуют гнезда в стенах для балок и найденные при раскопках остатки самих балок. Катастрофа, постигшая в XIII в. дворец, сопровождалась пожаром. Со стороны селения в здание вела дверь, надежно запиравшаяся каменной плитой, которую можно было вращать в каменных же подпятниках. Толстые брусья удерживали плиту при натиске непрошенных гостей; от них же защищали обитателей дворца решетки из железных прутьев, вставленные в окна. С нападающими расправлялись через прорезанные в толще стены над входом бойницы, осыпая их градом стрел и каменных ядер, обливая кипящим варом (табл. 6, 8).

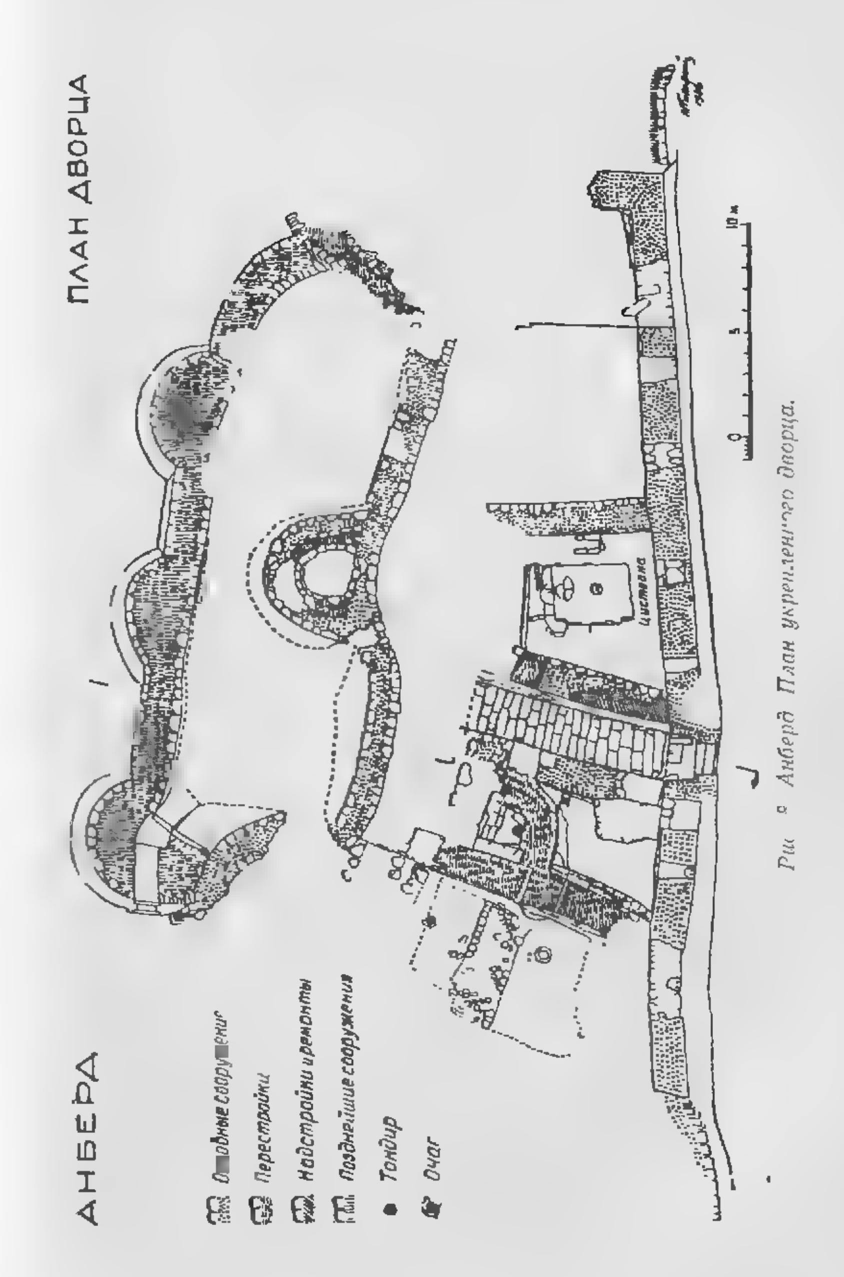


Рис. 8. Анберд. План укрепленного дворца.

Знатный гость поднимался по широкой каменной лестнице в парадные покои верхних этажей (табл. 7); здесь среди узорчатых тканей и ковров, покрывавших по издавна заведенному обычаю стены и пол, он мог отдохнуть после утомительного подъема к замку, любуясь через широкие окна седым красавцем Масисом (Араратом); здесь он мог освежиться студеной водой, которую из далеких родников в расположенную в нижнем этаже сводчатую цистерну приносил водопровод, мастерски сооруженный из глиняных труб. Когда же в небе загорались первые звезды, колеблющееся пламя бронзовых светильников прорезало сумрак покоев; из фигурных курильниц струились ароматы смол, в драгоценные кубки и расписные фаянсовые чаши лилось янтарное вино, привезенное из аштаракских и вагаршапатских садов.

Бронзовые светильники, курильницы и ступки, обломки фаянсовой посуды, туалетных флаконов из расписанного египетского стекла и даже кусочек разбитой селадоновой чаши, завезенной купцами из далекого Китая, были обнаружены при раскопках.

Поселение сначала занимало часть мыса, прилегающую ко дворцу; оно было ограждено каменными стенами с полукруглыми башнями-контрфорсами и воротами под дворцом со стороны Анбердской речки. Можно полагать, что обитатели замка имели здесь церковь, развалины которой пока скрыты под землей[27].

В начале XI в., когда жители заняли остальную часть мыса, владевшие тогда Анбердом князья Пахлавуни возвели вдоль речки Архашян и в других незащищенных природой местах новые каменные укрепления, а самый дворец с внешней стороны усилили внушительной стеной с тремя башнями и калиткой (табл. 5). В XIII в. при князьях Долгоруких на подступах ко дворцу из Анбердского ущелья выросла каменная преграда, угловая башня которой охраняла новые ворота на древней дороге; прорвавшийся через них неприятель попадал в каменный мешок, где ему грозило уничтожение.

В 1026 г., согласно надписи, прославленный армянский военачальник Вахрам Пахлавуни сооружает в новой части замкового поселения одну из лучших по своему благородному

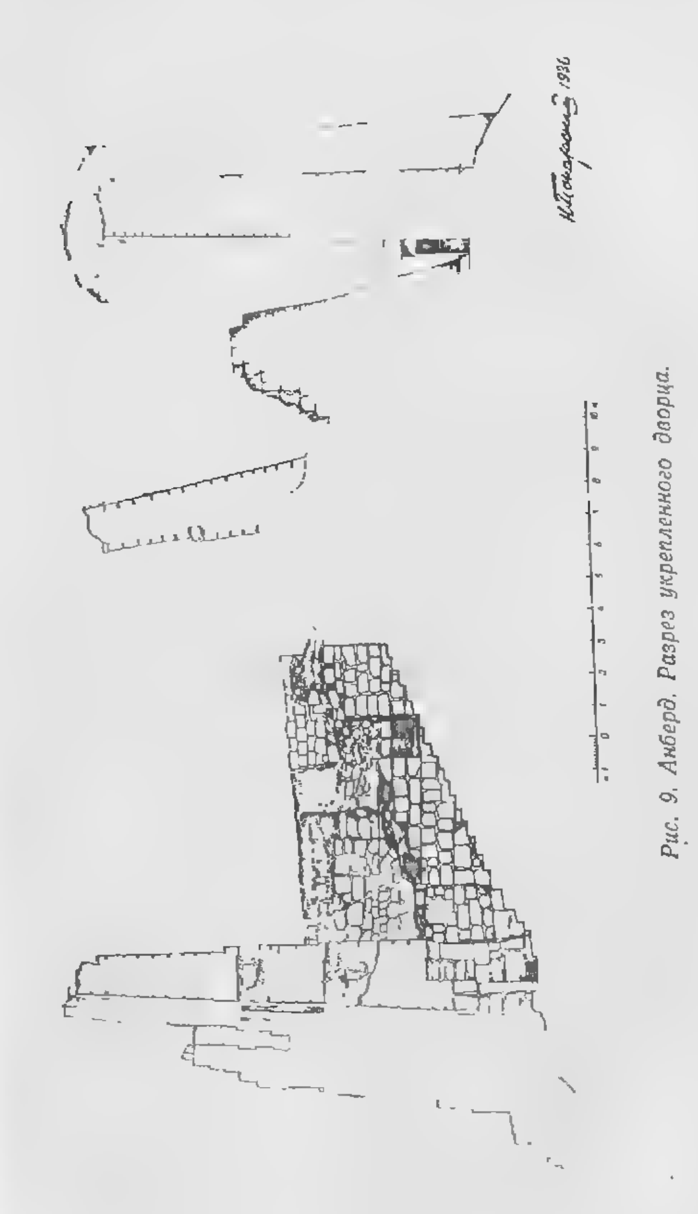


Рис. 9. Анберд. Разрез укрепленного дворца.

изяществу церквей Армении, стоящую и поныне; к этому же времени, наверное, относится и небольшая баня, сохранившаяся в развалинах неподалеку от дворца. Читателю предстоит в дальнейшем особо остановиться на этих двух постройках.

Удовлетворение потребности жителей в воде, как уже сказано, было одной из важнейших задач, стоявших перед строителями. В зависимости от местных условий они изыскивали самые разнообразные способы водоснабжения. Как показали раскопки и обследования в Двине, Анберде, Ани и других пунктах, для подачи воды чаще всего строились водопроводные магистрали, которые разводили воду по территории поселения, беря начало далеко за его пределами у источников с хорошей питьевой водой. Для устройства водопроводов применялись обычно гончарные трубы, составлявшиеся из отдельных звеньев, входивших одно в раструб другого. Длина звеньев и форма их были различны, как и диаметры, которые, несомненно, подбирались с учетом потребного расхода воды. Обычные фасонные водопроводные части (угольники и тройники) из глины, видимо, не выделывались; поэтому при крутых поворотах под углом применялись глиняные сосуды, которые могли играть роль отстойников и смотровых колодцев. Такой колодец, правда в раздавленном виде, был открыт в Анберде у крепостной стены снаружи, в том месте, где водопроводная труба круто поворачивала на территорию поселения. У дворцовой цистерны и бани поворот был осуществлен с помощью небольших каменных ящиков, сложенных на растворе и покрытых водонепроницаемой штукатуркой. Железные внутридомовые водопроводы, известные уже в XI в., также составлялись из отдельных коротких звеньев, которые соединялись между собой или по способу гончарных труб (Ани), или при помощи муфт (Анберд). В анбердской бане были найдены и бронзовые краны в виде задвижек.

Анбердский водопровод удалось проследить вне замка на протяжении свыше 4 км. Начало его точно не установлено, так же как и место, где магистраль разветвлялась на две линии, из которых одна уходила во дворец, а другая направлялась вдоль стены на архашянском склоне к известному уже колодцу. Эта линия, обслуживавшая жителей поселения, была открыта только в пределах раскопа у бани, и потому пока неизвестно, куда она направлялась далее и где заканчивалась. К бане от нее шло несколько ответвлений, набранных из звеньев меньшего диаметра.

Для того чтобы иметь запас воды на случай осады, когда водопровод мог быть обнаружен и испорчен неприятелем, в крепостях и замках строились водохранилища-цистерны, углубленные в большинстве случаев в материк. В Анберде такая цистерна была раскопана в нижнем этаже дворца в помещении рядом с лестницей. Ее покрывал цилиндрический свод с круглым лазом, каменная крышка которого была найдена при раскопках на полу, куда она упала при обрушении свода. Вода поступала сверху, что видно из того, что рядом с крышкой оказались аккуратно уложенные каменные плиты защищавшие штукатурку пола от ударов падавшей струи Для предотвращения подъема воды выше пят свода на их уровне была устроена сливная труба, которая могла одновременно служить для подачи воды в соседние помещения нижнего этажа.

В Анберде, кроме скрытого во дворце водохранилища было второе -наземное, представляющее собой продолговатую отдельно стоящую постройку, покрытую разрушенным ныне сводом, без окон и дверей, сплошь оштукатуренную внутри. Обследование показало, что в стенах не было отверстий для ввода труб, и потому остается предположить, что наполнение водой производилось тоже через свод, к которому она подводилась по трубе, проложенной из дворца, стоящего несколько выше.

Конечно, запасов воды в цистернах надолго хватить не могло даже при сугубо экономном расходовании, и приходилось думать о снабжении водой иными способами. С этой целью строились подземные и потайные ходы, по которым можно было добираться незамеченным до протекавших около поселений речек. Подземные ходы пробивались целиком в материке в виде тоннелей, а потайные имели искусственное покрытие. В Анберде потайной ход шел к Анбердской речке по косогору под скалами. Он представлял из себя галерею, покрытую громадными грубо отесанными плитами, которые

одним концом были уложены на отвесно срезанную скалу, а другим — на специальную стенку, засыпанную снаружи землей. Извне такой ход производил впечатление дороги, вымощенной на косогоре камнем; вполне вероятно, что в мирное время этот каменный настил действительно использовался как вьючная тропа. К сожалению, обвалившаяся скала разрушила и засыпала обломками ход в том месте, где он выходил к реке, и нам не удалось выяснить, что было здесь устроено для тайного набора воды.

Ознакомление с конструкцией анбердского потайного хода показывает, что в описании потайных устройств Ервандашата, которое дает Моисей Хоренский, нет ничего фантастичного.

Анбердские сооружения, за исключением церкви, документально не датированы. Единственная строительская надпись на церкви сообщает, что построена она Вахрамом Пахлавуни в 1026 г. Из этой даты и приходится исходить. Церковь находится вне древних стен первоначального небольшого поселения. Надо полагать, что ее не стали бы строить на незащищенной площадке. Значит, вторая линия стен разросшегося поселения была возведена либо одновременно с церковью, либо несколько ранее ее, но тоже в багратидское время, когда замок был во владении дома Пахлавуни. К тому же времени должны быть отнесены и новые укрепления с внешней стороны дворца, так как они сходны со вторыми стенами поселения по своей кладке и резко отличаются от стен, возведенных в начале XIII в. Не отвечает художественным вкусам XIII в. и отделка калитки в крайней западной башне с ее полуциркульной, а не стрельчатой декоративной аркой. Отсюда напрашивается вывод, что дворец и древние стены первоначального поселения с воротами под дворцом на склоне, обращенном к Анбердской речке, возведены значительно ранее и, конечно, не во времена владычества арабов. Они могли быть построены скорее всего в VII в. при Камсараканах, что находит подтверждение и в характере кладки из более крупных камней. В 1200 г. Захария Долгорукий отвоевал у мусульманских эмиров Анберд, захваченный сельджуками в конце XI в. О победе Захарии узнаем из надписи на крестном камне, сооружен-

ном в честь этого события. После освобождения Анберда под дворцом между древними воротами и башней с калиткой. была возведена стена с воротами, защищенными четырехугольной башней. На склоне, обращенном к речке Архашян, в это время тоже появились новые ворота с двумя четырехугольными башнями. Датировка этих сооружений началом XIII в. оправдывается характерной для этого времени стрельчатой формой арок, а также наличием на архашянских воротах клинчатого архитрава из черного и красного камня. Кладка стен XIII в. из мелкого камня с густой и не очень аккуратной промазкой швов раствором. Отнести эти постройки к более позднему времени затруднительно, так как в 1225—1230 гг. в Армении бесчинствовали войска хорезмшаха Джелал-ад-дина, а в 1236 году в страну вторглись монголы

Архитектура замка-дворца проста, сурова и подчинена основному требованию—надежно обеспечивать безопасность владельца, его семьи и челяди. При разработке плана строитель здесь был ограничен контуром наружных стен здания, продиктованным как рельефом местности, так и необходимостью максимально сократить протяжение оборонительной линии. Крупные каменные блоки, из которых сложена облицовка стен, должны были принимать на себя удары вражеских метательных снарядов и стенобитных орудий, а потому и нуждались в чистой теске. Украшений никаких нет,—только красочные пятна фаянсовых тарелок, вделанных в кладку под зубцами башен, своим блеском поражали, по поверию, дурной глаз.

Здесь нам придется отступить от соблюдения хронологической последовательности и ознакомиться с несколькими памятниками, построенными позднее. Это позволит составить более цельное представление о средневековых замках и других военных сооружениях Армении, которое в дальнейшем пополнится еще описанием замечательных укреплений багратидской столицы—Ани.

Очень своеобразно использованы природные условия в крепости М а г а с б е р д, стоящей на Ахуряне, к югу от Ани

Здесь река, бегущая в глубоком ущелье, своей излучиной вырезает в плато мыс, ограниченный с трех сторон отвесными скалами. Доступ на него, как и в Анберде, преграждает грозный массив цитадели с сильно выступающими полукруглыми башнями (табл. 9). С внешней стороны идет второй ряд стен, сооруженных, вероятно, позднее, так как, насколько можно судить по фотографиям, они отличаются по своей кладке от главного укрепления и сходны со стенами, построенными в Анберде при Долгоруких. Как и там, стены эти сложены из более мелкого камня довольно грубой тески без пригонки в швах, промазанных раствором.

Крепостные сооружения приходилось иногда строить в сравнительно ровных местах, где неприятель не встречал существенных естественных помех. Таков, например, Тигнис, возможно, построенный Багратидами в IX—X вв. для защиты с севера подступов к их доанийской резиденции в Ширакаване (Еразгаворе) на Ахуряне. Он расположен у обрыва на высоком плато, простирающемся к северу от Ани по правому берегу Ахуряна. Такая топография определила вид сооружения. Здесь не приходилось рассчитывать на естественную защиту, и потому два ряда стен образуют замкнутое оборонительное «кольцо». Главное укрепление представляет своеобразный прямоугольный донжон, высокие стены которого усилены в углах и посредине каждой стороны полукруглыми башнями с помещениями и нависавшими некогда бойницами (табл. 10). Вокруг него видны остатки стен, обслуживавших наружную замкнутую линию обороны крепости. Прорвавшийся через нее противник попадал под удары донжона в узком пространстве между стенами. Кроме того, наружные стены являлись серьезным препятствием для применения против главного укрепления стенобитных орудий, передвижных башен и т. п.

Наряду с укреплениями, опоясывавшими непосредственно самые поселения и княжеские резиденции, оборонительные сооружения нередко возводились в виде фортов, защищавших подступы к важным пунктам, а также тропы и проходы по долинам. Так, например, вход в боковое ущелье от реки Дебед, по которому идет дорога к знаменитому ахпатскому монастырю, был надежно заперт крепостью-фортом Каянберд, о которой говорят историки и надписи XIII в.[23]. В дни, когда монастырю грозила опасность, сюда переносили на хранение рукописи и монастырские ценности; здесь же укрывалось и население Ахпата. Крепость занимает вершину сильно выступающего между речками мыса с крутыми склонами. Две небольшие площадки были ограждены хорошо сложенными стенами с полукруглыми башнями и воротами, остатки которых видны и сейчас среди густых зарослей. Небольшая церковка со строительной надписью 1233 г. на стенах приютилась на краю обрыва и кажется издали башней, роль которой, вероятно, она не раз исполняла при натиске врага. Постройки на крепостном дворе разрушены, и только после раскопок можно будет иметь суждение о внутреннем устройстве этого очень интересного памятника военной архитектуры.

Для наблюдения за передвижением неприятельских сил и сигнализации в случае какой-либо опасности в удобных для того местах, защищенных главным образом природными условиями, устраивались специальные сторожевые посты. Такое сооружение можно видеть неподалеку от Каянберда в Ахтале, где на головокружительной высоте невысокими стенками ограждены неприступные сами по себе скалистые пики над входом в боковое ущелье из долины реки Дебед. Размеры их площадок столь малы, что гарнизон едва ли мог превышать несколько десятков человек и оказывать непосредственное влияние на ход военных операций у реки, тем более, что находился высоко в скалах. Но зато отсюда долина реки Дебед была видна в обе стороны, как на ладони, и никакое подозрительное движение не ускользало от внимания наблюдателей. Такое орлиное гнездо могло в трудную минуту послужить и убежищем для знатных обитателей ниже расположенных селений, вынужденных укрываться со своими ценностями. Регулярное снабжение этого поста около Ахталы водой из реки или имевшихся внизу родников при осаде исключалось, и строителям пришлось прибегнуть к сооружению открытых цементированных баков, вырубленных в скале, в которые собиралась дождевая вода. О таких цистернах имеют-

ся сведения и у историков, отмечающих случаи, когда защитникам крепостей с таким водоснабжением приходилось сдаваться из-за длительного отсутствия дождей.

Двин

Развалины одного из крупнейших городов древней Армении—Двина, бывшего некоторое время столицей страны, находятся к югу от Еревана около современного районного центра Арташата.

В отношении изученности Двин оказался в несравненно лучшем положении, чем упомянутые древнейшие города Армении. Его посещали путешественники и ученые. В цитадели Н. Я. Марр вел разведочные раскопки. Х. Дадьян частично расчистил от земли развалины собора VII в. В число задач, поставленных перед организованными в Советской Армении научными учреждениями, было включено и производство раскопок в Двине. Первые большие раскопочные работы были проведены здесь в 1937—1938 гг. под руководством С. В. Тер-Австисяна. После перерыва, вызванного Великой Отечественной войной, раскопки возобновлены Академией наук Армянской ССР и производятся ежегодно. Результаты их за 1937—1950 годы опубликованы руководителем экспедиции К. Г. Кафадаряном[29]. Сведения древних авторов о Двине собрал и издал А. С. Шахназарян[30].

Раскопки показали, что заселение центрального двинского холма началось в конце третьего тысячелетия до н. э. В античную эпоху здесь была крепость, за стенами которой при Аршакидах в начале IV в. уже существовало городское поселение. В тридцатых годах этого столетия царь Хосров II Короткий (330 –338) перенес сюда столицу из расположенного по соседству Арташата, жители которого стали выселяться из-за заболачивания его окрестностей, вызванного изменением русла реки Аракс. Во второй половине V в. Двин уже большой город, играющий первостепенную роль в политической, экономической и культурной жизни страны. В V—VII вв. Двин был широко известен своим ремесленным производством, значительная часть продукции которого шла на внешний рынок. В оживленной торговле наряду с армянами принимали участие и купцы других национальностей (сирийцы, персы, евреи). Торговый люд был настолько многочислен, что обитал не только в городе, но и в окрестных селениях. Утратив значение столичного города, Двин до конца X в., уже после основания Ани, продолжал быть центром экономической жизни страны. Городу пришлось пережить периоды сильнейшего упадка во время арабского владычества (особенно в VIII в.) и сельджукских завоеваний в XI—XII вв. Но каждый раз он оправлялся от потрясений, и в нем возобновлялась деятельность ремесленников и купцов. Подъем городской жизни в XIII в. в правление братьев Долгоруких прервали вторгшиеся в страну в 1236 г. монголы. Двин был разрушен и довольно быстро пришел в полное запустение.

Равнинное положение города, позволявшее жителям селиться во всех направлениях от цитадели, определяет своеобразие его планировки, сходной с планировкой среднеазиатского феодального города. В центре, расположенном между нынешними селениями Арташатом и Топрах-кала, возвышается холм, который в свое время был занят цитаделью с дворцовыми постройками, образованной двумя линиями стен, от которых на поверхности не сохранилось ничего, кроме едва заметных валов на месте внешних укреплений (рис. 10). Раскопки на вершине холма открыли остатки дворцовых зданий, находившиеся под землей на разных уровнях. По определению К. Кафадаряна, они были возведены в разное время на протяжении V—IX вв. Что касается зданий из верхнего слоя, то некоторые из них, если и не были построены в XII—XIII вв., то во всяком случае были заново отделаны в это время, судя по приемам и сюжетам убранства (резная терракота, звездчатые кирпичные выкладки в алебастре, литой гипс).

С севера к цитадели примыкал небольшой квартал неправильной треугольной формы, защищенный высокими толстыми стенами с башнями в углах, выложенными из сырцового кирпича, которые оплыли от времени и обратились в бесформенные валы. Первоначально здесь могли быть размещены правительственные учреждения; впоследствии с утратой

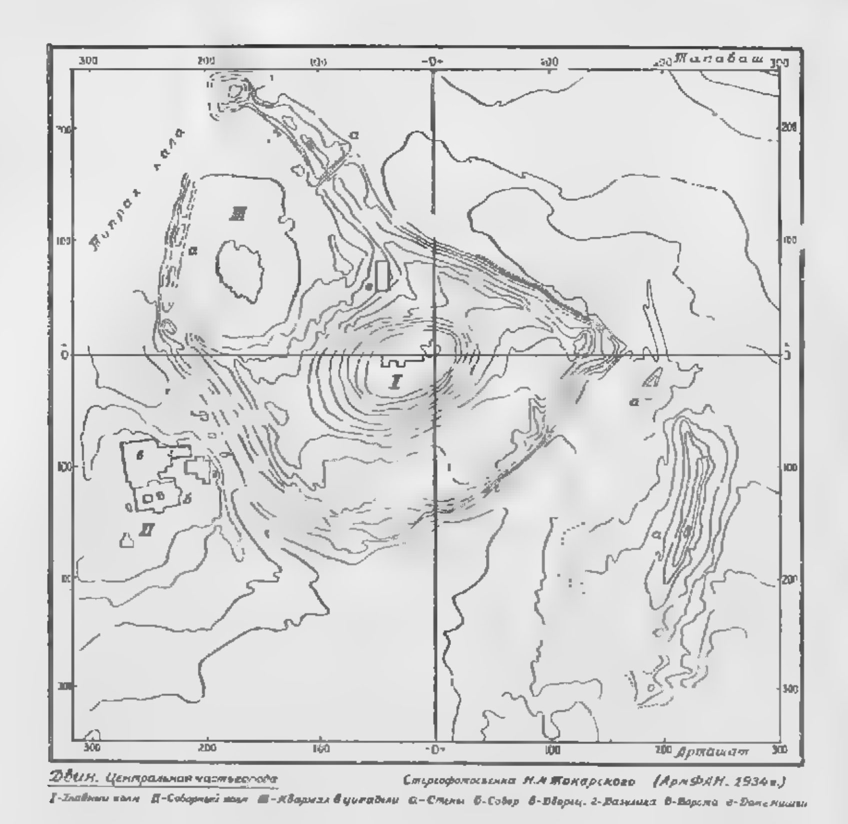


Рис. 10. Двин. План центральной части города.

Двином его административного значения этот квартал, вероятно, богатые горожане заняли под жилые постройки, о чем свидетельствуют остатки дома XII - XIII вв., вскрытые раскопками на северном склоне главного холма.

К западу от цитадели расположен второй холм меньшей высоты, отделенный от нее широким рвом. Возможно, что он тоже был укреплен, так как со стороны рва при раскопках обнаружены остатки каменного сооружения, более всего похожего на основание ворот, которые могли быть построены и просто в конце улицы между домами. Здесь в наиболее возвышенной части, где производились основные археологические работы, были открыты развалины больших монумен-

тальных построек, относящихся ко времени пребывания в Двине главы армянской церкви - католикоса. К западу от предполагаемых ворот стояла большая трехнефная базилика, сооруженная вскоре после введения христианства в Армении. В VII в. она была разобрана и на ее месте сооружен большой купольный собор св. Григория. С севера рядом с собором открыты богатые палаты, как предполагают, католикоса, а к востоку от них более ранняя однонефная бескупольная церковь. Ремесленники, торговцы и прочий городской люд заселяли обширную территорию, охватывающую центр и тоже огражденную стенами. Остатки их можно видеть к югу и западу от центра города в садах Арташата и на землях Айгестана—селений, обосновавшихся на месте древнего города.

На протяжении почти тысячелетней жизни Двина его укрепления, наверное, не раз обновлялись и усиливались. Положение и конфигурация центральных кварталов, а следовательно, и ограждавших их стен при этом вряд ли менялись, так как они были связаны с холмом, на котором стояла цитадель, и заключали в себе главнейшие общественные здания города. Изменения могли происходить на окраинах города в зависимости от колебаний в численности их населения. Так как в стенах Двина нигде не обнаружено признаков правильной кладки из камня, приходится прийти к выводу, что с самого начала (IV в.) они были кирпичные, как и большинство построек города. Только городские ворота, судя по развалинам собора, и ряд выдающихся зданий доарабского времени были возведены из камня. Позднее камень был совершенно вытеснен кирпичом. Так, когда в палатах около собора стали производить переделки, вероятно в связи с обращением их в мечеть, то применили уже кирпич, скрывший, например, в новых пилонах первоначальные каменные колонны. Найденные при раскопках остатки богатой отделки стен из кирпича, терракоты, фигурных изразцов, резного и литого алебастра также свидетельствуют, что после X в. основным строительным материалом был кирпич, которым даже выстилались полы.

Около Двина имелась загородная царская усадьба с дворцом в дубовом лесу, искусственно насажденном в доли-

не гарнийской речки по приказу царя Хосрова II. В огражденный в лесу загон, как в Ервандакерте, были пущены дикие животные и звери для царской охоты. Возможно, что остатки этого дворца (Тикнуни—как называет его Фавстос Бузанд), погребенные под развалинами более поздних построек, находятся на одиноком утесе Кыз-кала, возвышающемся примерно в 3 км к северо-востоку от главного двинского холма.

Дворцовые здания

Двин, Аруч, Вагаршапат

Мастера, строившие дворцы в Двине, Аруче и Вагаршапате, открытые раскопками, были в более выгодном положении, чем анбердский архитектор. Эти сооружения не служили оборонным целям, и они могли свободно разрабатывать свои композиции, сообразуясь с установившимися традициями.

Двин и Аруч. Дворцы, открытые здесь раскопками, настолько сходны между собой, что целесообразно вести ознакомление с ними одновременно. Это позволит, во-первых, яснее охарактеризовать распространенный в это время вид дворцового здания и, во-вторых, уточнить время сооружения наиболее раннего из них—двинской постройки.

В центральной части Двина рядом с собором Григория (VII в.), строительство которого в непосредственной близости от крепостного холма вызвало в свое время беспокойство персидского начальника крепости[31], стояло большое здание, где, возможно, были размещены покои главы армянской церкви—католикоса (патриарха). Сейчас это здание совершенно разрушено: от стен остались только фундаменты да кое-где нижний ряд облицовки, от колонн — несколько баз, наполовину скрытых под более поздним кирпичным полом, и одиноко лежащая огромная капитель, украшенная с одной стороны резьбой. Посредине ее, как бы вырастая из ствола колонны, подымаются два пальмовых листа; по бокам два таких же листа свернуты в кольца и образуют своеобразные плоские волюты; абака в виде широкой полки украшена дву-

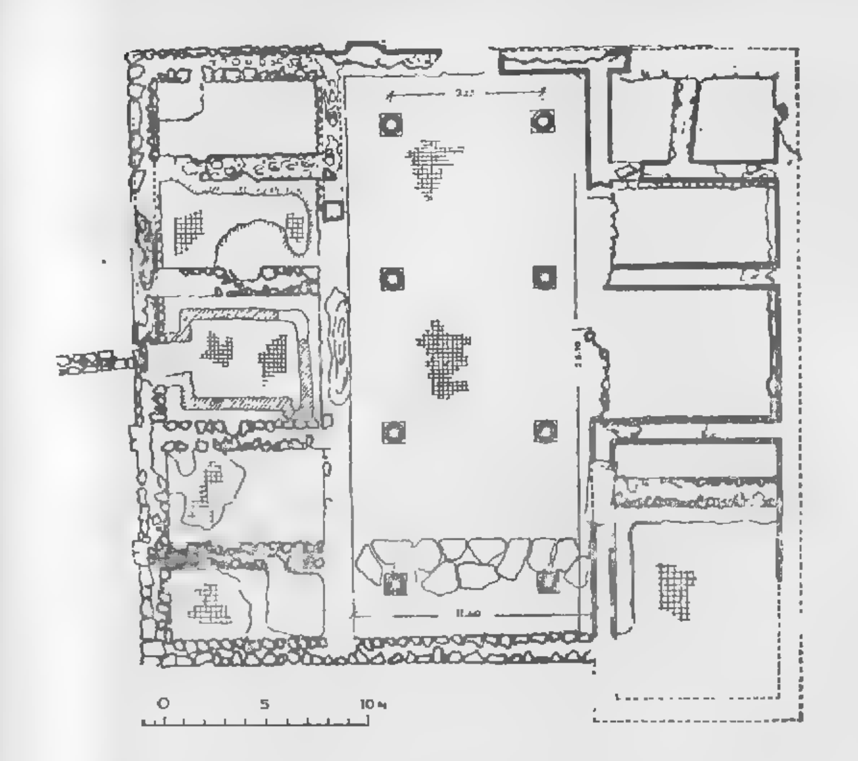


Рис. 11. Двин. План дворца.

мя рядами арочек с трилистниками между ними, опирающихся на гуртик, идущий посредине (табл. 11). С этим узором встретимся еще на оконных архивольтах ряда церквей VI—VII вв. (Джрвеж, Таргманчац-ванк в Айгешате, Сисиан).

Дворец представляет почти квадратное здание, расположенное параллельно собору. Две внутренние стены, идущие с запада на восток, делят его на три основные части. Каждая из боковых частей заключала по пяти комнат, расположенных в ряд. В средней части дворца, судя по уцелевшим на месте базам, стояли два ряда колонн, по четыре в каждом ряду (рис. 11). Высота колонн не может быть установлена, так как от них не сохранилось даже отдельных камней. В отношении былого вида этой части здания существуют разные мнения. Все они вполне правдоподобны, но ни одно из них не

может считаться безусловным из-за недостаточности данных, которыми в настоящее время располагают исследователи этого ценного памятника светской архитектуры.

В. Арутюнян, обследовавший и обмеривший архитектурные памятники Двина, считает, что здесь был парадный зал, имевший наподобие сельского дома деревянное перекрытие из трех квадратных брусчатых шатров между колоннами со световыми отверстиями наверху (рис. 12)[32].

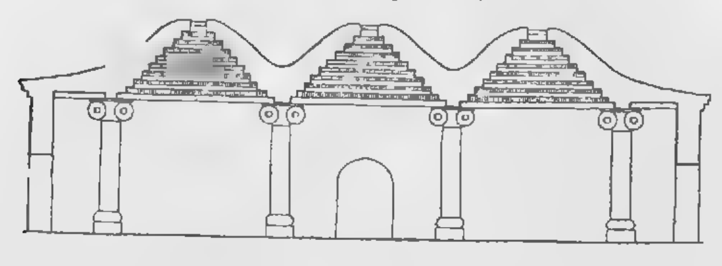


Рис. 12. Двин. Продольный разрез дворца (реконструкция В. Арутюняна)

О. Халпахчьян согласен в основном с реконструкцией В. Арутюняна, но полагает более вероятной восьмиугольную форму венцов шатра.[33]

Г. Кочоян реконструирует центральную часть здания тоже как базиличный зал с плоским покрытием по балкам и «верхним» светом через отверстия в потолке. Такие же перекрытия показаны и в остальных помещениях[34]. У названных авторов в реконструкциях показан земляной покров кровли. Такое решение находится в противоречии с данными раскопок; здесь было найдено значительное количество плоской черепицы, отогнутые борта которой в свое время были перекрыты желобами; сохранились и желобчатые звенья, простые и с орнаментированными треугольными торцами, заканчивавшие кровлю у ее свеса.

Как показано на нашей реконструкции, мы полагаем, что дворец состоял из двух одинаковых пятикомнатных зданий с крытыми галереями, стоявших друг против друга по сторонам продолговатого двора. Галереи по концам могли быть соединены крытыми переходами (рис. 13). Кровли галерей поддерживались колоннами, на капители которых вдоль дво-

Рис. 13. Двин. Дворик дворца (реконструкция Н. Токарського).

ра были уложены деревянные брусья; в них можно было врубить стропила, опиравшиеся другим концом на стены. О том, что пролеты между колоннами имели плоское деревянное, а не арочное перекрытие, свидетельствует как форма капителей, так и неглубокий желоб в верхней их плоскости, предназначенный для укладки балок.

Предположение, что здесь был дворик, а не зал, основывается на следующих соображениях. В случае зала базиличного или трехшатрового вида все боковые покои должны были освещаться окнами, выходившими на центральные городские улицы и площади, что едва ли возможно, так как с юга напротив окон по другую сторону площади стоял собор, а с востока — церковь, привлекавшие шумные толпы богомольцев. При этом нужно иметь еще в виду традиционный прием застройки усадьбы вокруг двора с глухими наружными стенами и единственны-

ми всегда закрытыми воротами или калиткой, на которых висит молоток, возвещающий о приходе гостя или возвращении хозяина. И если так строились, отгораживаясь от внешнего мира, простые смертные, то есть все основания думать, что покои главы церкви или видного нахарара были не менее старательно ограждены от городского шума и любопытных взоров. Вид дворика, окруженного со всех сторон галереями на редко расставленных колоннах, не может вызывать недоумения, так как в стране, имевшей постоянные взаимосвязи с античным миром, в архитектуре могла найти отражение эллинистическая схема дома с перистилем, вполне отвечавшая замкнутому быту восточного жителя. Если же дворик в Двине был задуман как перистиль, то крайние колонны вполне закономерно стоят так же близко от торцовых стен, как и от продольных, образуя галерею, окружающую двор.

Наконец, раскопки до сих пор не показали, что перед западным, вероятно, главным входом были какие-либо помещения, выполнявшие функции сеней*. Между тем сомнительно, чтобы в парадный зал входили непосредственно с улицы, что вполне естественно для двора.

При наличии двора помещения освещались через окна, открывавшиеся в галереи, защищавшие обитателей дворца от горячих лучей яркого южного солнца.

Необходимо снять хотя бы половину позднего кирпичного пола, скрывающего первоначальный уровень центральной площадки дворца. Это, возможно, позволило бы установить, был ли здесь пол зала или грунт насаждений, окружавших обычный для двора бассейн.

О времени сооружения дворца у собора нет никаких прямых документальных данных (строительских надписей и свидетельств историков, указывающих именно на *это* здание). Основываясь только на упоминании древних авторов о *существовании* в Двине патриаршего дворца, В. Арутюнян утверждает, что он построен, «бесспорно», не позднее 572 года, а К. Кафадарян называет две даты—461 или 485 годы[35]. Напра-

---

* Вторая наружная дверь имелась в средней комнате южного крыла дворца и выходила на соборную площадь.

шивается, однако, вопрос, откуда видно, что именно интересующий нас дворец был построен для католикоса и именно к нему мы имеем основания приурочить свидетельства историков. Подобные утверждения тем более рискованны, что только нахождение раскопанного здания по соседству с собором явилось поводом считать его дворцом католикоса. Никаких других данных для этого не имеется, и потому вообще нельзя предположение С. Тер-Аветисяна, открывшего развалины, обращать в бесспорное утверждение. Исследователи молчаливо согласились с С. Тер-Аветисяном и продолжают по *традиции* постройку у собора называть патриаршим дворцом, не задумываясь над тем, что для этого на самом деле нет твердых оснований. Сам К. Кафадарян, ссылаясь на свидетельство историка Фомы Арцруни, отмечает, что «многие нахарары, кроме своих дворцов в собственных владениях имели еще палаты в столице»[36]. Значит владельцем здания у собора, до мелочей сходного с дворцом князя Григория Мамиконяна в Аруче, мог быть и представитель светской знати, возможно, Смбат Багратуни, пожелавший, как и Григорий Мамиконян, иметь дворец рядом с сооруженным им величественным собором.

Немного дает для датировки и сам памятник. Только полоска орнамента на абаке имеет параллели на церковных зданиях VI—VII вв. Конечно, возможность установления даты только по этой детали могла вызывать сомнения, но результаты недавних раскопок дворца в Аруче, по нашему мнению, рассеяли эти сомнения.

Историк католикос Иоанн (Драсханакертский) сообщает, что упомянутый Григорий Мамиконян построил в Аруче дворец на краю скалистого ущелья к югу от сооруженной им же большой церкви[37]. Еще до раскопок здесь привлекала внимание заложенная в современную ограду огромная каменная капитель колонны, сходная по форме с капителью из Двина; только на ней вместо «волют» из пальмовых листьев вырезаны шестилопастные розетки, а на абаке—ланцетки (рис. 15) По поводу этой капители мною в книге «Архитектура древней Армении» было высказано предположение, что она происходит из колоннады дворца Григория Мамиконяна, сход-

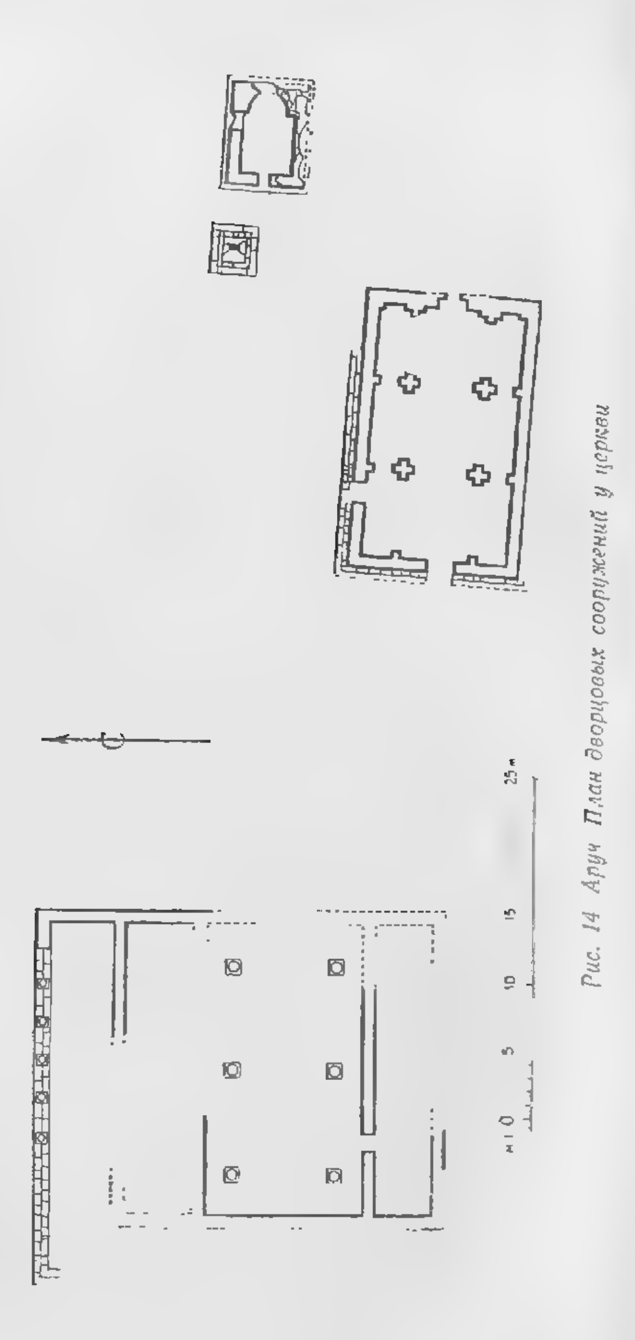


Рис. 14 Аруч План дворцовых сооружений у церкви

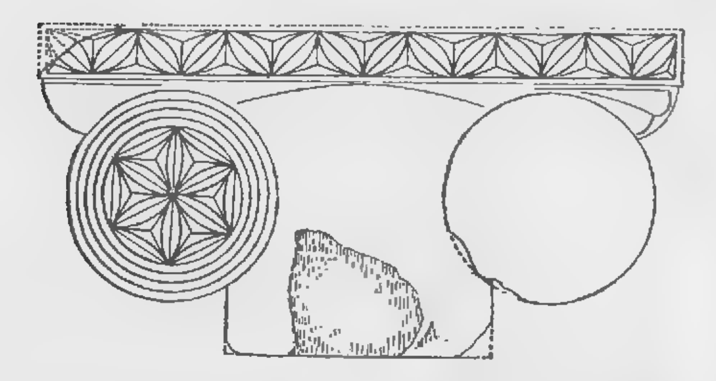
ного с двинским. Действительно, раскопки. произведенные в Аруче в 1951—1952 гг., открыли на месте, указанном историком, в нескольких десятках метров к югу и к юго-востоку от церкви два больших светских здания и часовню (рис. 14)[88].

Одно из этих зданий очень сходно с дворцом в Двине не только по плану, но и по размерам центральной части (кроме длины). Оно расположено параллельно церкви в 15,82 м от южной ее стены. Центральная часть здания, как и в Двине, представляет прямоугольник, в котором на расстоянии 1,90 м (до центров) от продольных стен обнаружены по три базы стоявших здесь некогда колонн. Ширина этого прямоугольника 11,35 м (в Двине—11,40 м), длина его, ввиду разрушения в этом месте восточной стены здания, не известна, но может быть предположительно восстановлена по остаткам восточных стен боковых помещений, что не противоречит и расположению колонн. В этом случае только число их будет на одну пару меньше, чем в Двине (там их четыре пары). На генеральном плане, составленном В. Арутюняном и А. Гаспаряном, с восточной стороны здания помечено место, где могла стоять четвертая пара колонн. На возможность этого указывает еще одна база, найденная около церкви. Однако, тогда нарушается единство объема всего здания, к чему, судя по компактности плана, стремился архитектор. Представляется более вероятным, что центральная часть не выступала из линии восточных стен и по сравнению с двинской постройкой была короче. По сторонам ее, как в Двине, были расположены в один ряд комнаты, число которых из-за разрушений не известно; глубина их была примерно на 3 м меньше чем в Двине. С северной стороны обнаружены остатки открытой галереи, кровлю которой поддерживали колонны; в западной части галереи прослеживается угол, это позволяет думать, что она имела продолжение вдоль западной стены здания.

Все главнейшие размеры центральной части в обоих дворцах отличаются друг от друга всего на несколько дециметров (и даже сантиметров), что видно из таблицы, составленной В. Арутюняном, обмерившим и опубликовавшим эти памятники.

Вот некоторые наиболее характерные данные из этой таблицы (первая цифра относится к Двину, вторая—к Аручу)

Длина	26,70;	?
Ширина	11,40;	11,35
Расстояние между центрами колонн продольное	7,30;	7,55
То же поперечное	7,25;	7,55
Расстояние (от центра) баз до продольных стен	2,10;	1,90
То же от торцовых стен до края баз	2,00;	2,55
Диаметр колонн (верхний)	0,78—0,80;	0,77—0,78



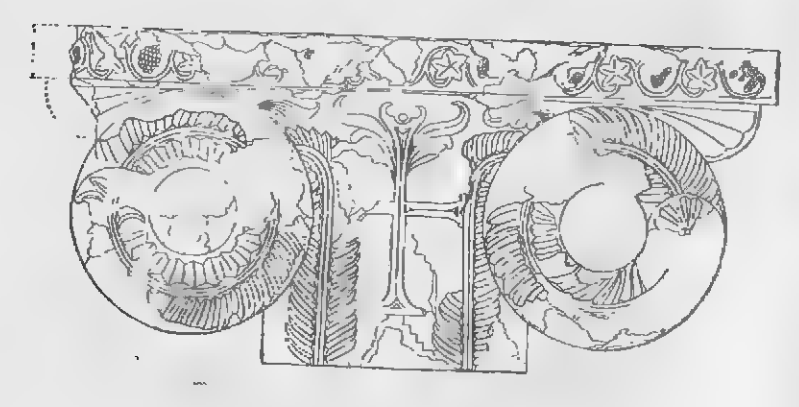


Рис. 15. Аруч. Капители из дворца у церкви.

Особо примечательна находка еще одной капители от колонны. Если ранее известная капитель была сходна с двинской по общим формам, то новая повторяет и «пальмовый» сюжет, также только на одной, лицевой стороне (рис. 15). Два пальмовых листа, свернутых в кольца, образуют массивные волюты; между ними над колонной вырастают такие же листья, разделенные (в отличие от Двина) процветшим крестом. На абаке вырезана волнистая виноградная лоза с листьями и гроздьями в характерной для VII в. четкой декоративной трактовке. Такое изображение виноградного мотива увидим на ряде церковных построек этого времени, включая и аручскую церковь.

Интересно сравнение размеров двинской и аручской капителей. Они приводятся в том же порядке, что и в предыдущем перечне (по обмеру В. Арутюняна)

Длина капители	— 2,05; 2,20
Высота	— 0,90; 0,98
Толщина	— 0,70; 0,75
Диаметр волют	— 0,70; 0,72
Расстояние между центрами волют	— 1,555; 1,22

Значит, обе капители ближайше сходны не только по композиции, но и по размерам.

Датировка аручского дворца второй половиной VII века не вызывает сомнений, поскольку католикос Иоанн указывает именно на то место, где остатки его и были обнаружены. Встает вопрос, как можно объяснить такое сходство в решении и даже в размерах двух построек одинакового назначения—аручской и двинской, если принять датировки В. Арутюняна и К. Кафадаряна для дворца в Двине.

В. Арутюнян считает, что это результат преемственности в работе архитекторов, ссылаясь на то, что в Ани в XI в. был воспроизведен лежавший в то время уже в развалинах круглый трехъярусный храм VII в.—Звартноц[39]; но хорошо известно, что анийская постройка не представляла преемственного развития разработанного за три с половиной столетия до того типа. Здесь архитектору царем Гагиком I было дано прямое задание повторить определенное древнее сооружение, о чем в специальной главе (XLVII) своей «Всеобщей истории» пишет

современник события историк X—XI вв. Степан Таронский (Асогик). Задание было выполнено с исключительной точностью, но только в общем архитектурном решении; в орнаментации же мы не видим сюжетов, заимствованных с воспроизводимого сооружения VII в. Указывая на анийский пример, В. Арутюнян упускает из виду это последнее немаловажное обстоятельство. Столь разительное совпадение форм и размеров как всего здания, так и капителей, а также полное сходство редчайшей пальмовой композиции с волютами из свернутых в кольца листьев позволяет с большей вероятностью говорить о разнице в датах в несколько десятилетий, а не в два века. Теперь после раскопок в Аруче и полоска орнамента на абаке двинской капители уже не одинока,—она закономерно становится рядом с виноградным мотивом и ланцетками на абаках аручских капителей. Да иначе не могло и быть, поскольку все эти три мотива неоднократно повторяются на постройках VII в.

Результаты раскопок в Аруче позволяют с еще большей вероятностью считать, что дворец в Двине построен в VII в. одновременно с большим собором св. Григория, стоявшим рядом с ним, и мог принадлежать либо католикосу, либо Смбату Багратуни.

Возвращаясь к вопросу о виде центральной части двинского и аручского дворцов, приходится отметить, что развалины аручского здания также не дают на него определенного ответа. Сторонники реконструкций в виде залов считают, что они служили для парадных приемов. Однако в Аруче для этой цели могли использовать второе здание, раскрытое раскопками у обрыва, там, где бьет родник, о котором упоминает католикос Иоанн, указывая место дворцовых построек Григория Мамиконяна. Это трехнефный зал размером 18,7×10,7 м, сводчатое перекрытие которого поддерживали две пары пилонов крестообразного сечения. Здание не было церковью, так как не имеет алтарной абсиды, на месте которой помещена одна из трех дверей. Никаких других помещений, с ним связанных, нет, из чего явствует, что оно не принадлежало к жилой части дворцового комплекса и предназначалось, вероятно, для приемов и собраний. Едва ли стали бы строить такое парадное здание, если бы в стоящем всего в 25 м от него дворце был вместительный, нарядно убранный зал. Можно полагать, что это строительство было вызвано отсутствием зала во дворце и тем, что жилые помещения в нем располагались вокруг перистильного двора.

Развалины палат у двинского собора носят следы капитальной перестройки. Сохранившаяся база средней колонны южного ряда оказалась заключенной в кирпичную кладку, образовывающую пилон прямоугольного сечения. Надо полагать, что и вторая средняя колонна того же ряда тоже была скрыта в позднем пилоне. Проход между этими пилонами вел в среднее южное помещение, имевшее дверь, через которую выходили к собору. В земле около этой двери были найдены остатки превосходной отделки из резного алебастра—архивольт, колонки и пр. Это дает основание полагать, что при перестройке дверной проем был обращен в богато орнаментированную нишу. По нашему мнению, характер перестройки свидетельствует, что здание в это время было обращено в мечеть с двориком, окруженным галереей, как это делалось повсеместно в мечетях арабского типа. Кирпичные пилоны поддерживали арку портала, за которым в южном помещении был устроен айван с михрабом на месте древней двери, обращенным на юг в сторону Мекки. Это предположение подтверждается сообщением арабского географа X в. Ал-Истахрия, который пишет о Двине (Дабиле): «Вокруг Дабиля стена; здесь много христиан, и соборная мечеть рядом с церковью»[40]. Перестройка двинских палат в мечеть не могла быть произведена позднее 30-х годов X в., когда писал Ал-Истахрий. Не противоречит такой датировке перестройки и резной алебастровый орнамент, очень сходный с подобной отделкой других ранних мечетей, как например, в Наине, построенной в X в.[41]

В а г а р ш а п а т. З в а р т н о ц. Уроженец армянской области Тайк католикос Нерсес III Строитель, получивший образование в Византии, возглавлял склонявшуюся на сторону Византии часть армянской феодальной знати. Из политических соображений он первоначально втайне готовил воссоединение армянской церкви со вселенской (принявшей поста-

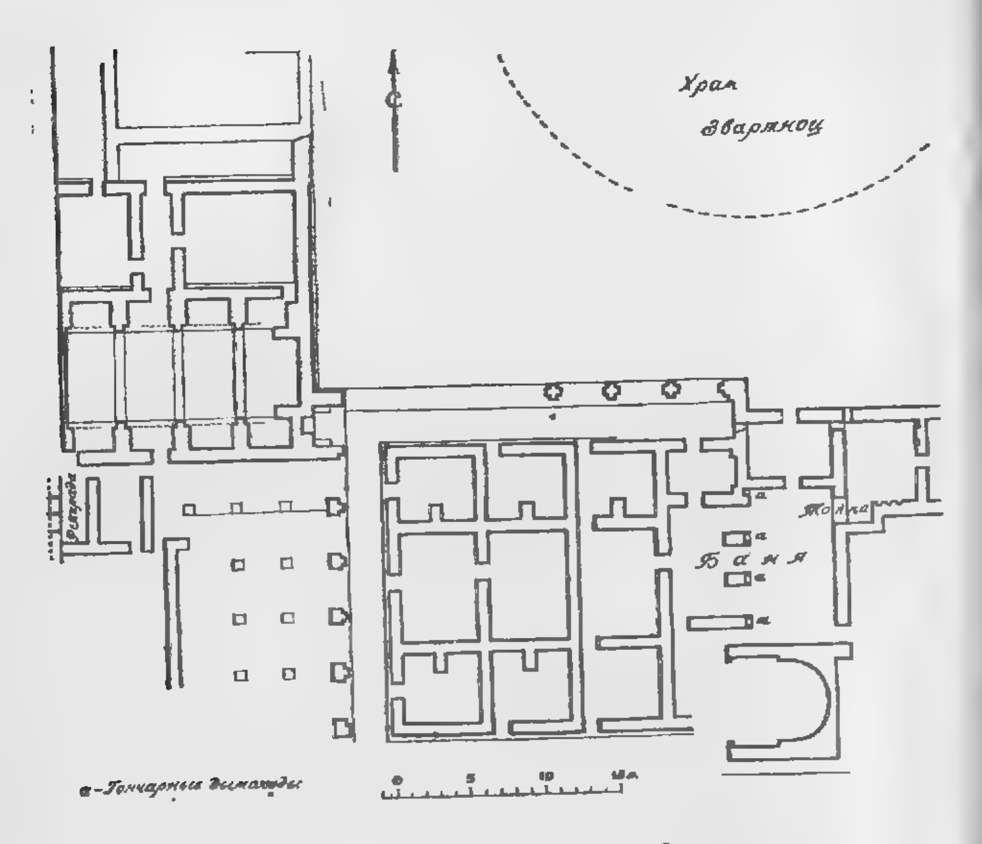


Рис. 16. Вагаршапат. План дворца при Звартноце.

новления Халкидонского собора). Предвидя, однако, что его намерения встретят в Двине сильное сопротивление со стороны влиятельных противников византийской ориентации и халкидонитства, Нерсес, заняв патриарший престол, приступил к созданию нового религиозного центра в Вагаршапате около почитаемых древних святынь.

Новая резиденция католикоса коренным образом отличается от городских зданий. Это—обширное поместье духовного феодала с вновь насажденными на каменистом месте садами, орошаемыми проведенной из реки водой, постройки которого представляют комплекс залов, жилых и подсобных помещений, обнесенный вместе с новым храмом стеной.

Дворец Нерсеса состоял из двух крыльев, расположенных под прямым углом к западу и к югу от построенного им храма Звартноца (рис. 16). Западное крыло заключало в себе два больших зала, из которых один разделялся колоннадами на три нефа, а также жилье и службы. В южном крыле, отделенном от западного коридором, были расположены в три ряда комнаты с примыкавшей к ним в восточной части баней, сходной по системе обогревания с гарнийской. Со стороны, обращенной к храму, это крыло имело длинную открытую галерею, столбы которой были соединены между собой и с северной стеной этой части дворца арками, поддерживавшими кровлю; основанием для такого предположения служит крестообразная форма сечения столбов, обычная для опор арочных конструкций. Внутри зданий при таких столбах арки расходились во все четыре стороны. В галерее вагаршапатского дворца от наружных пилястр столбов аркам некуда было идти и потому следует предположить, что эти пилястры поддержи-

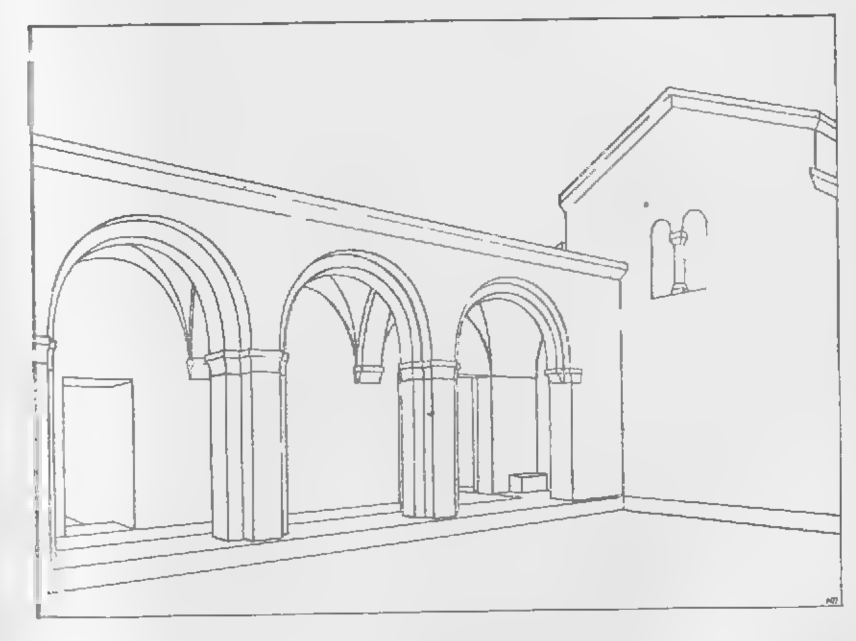


Рис. 17. Вагаршапат. Звартноц. Дворовые фасады дворца (схематическая реконструкция).

вали вторые фасадные арки, как показано на схематической реконструкции юго-западной части здания, обращенной к храму (рис. 17). Внутренние арки были переброшены от столбов к стене, где их должны были поддерживать кронштейны, так как здесь пилястр не имелось. Разрушенные ныне своды могли быть и цилиндрическими и крестовыми. Последние довольно часто встречаются в церквах VII в. Значит, применение их в вагаршапатском дворце было вполне возможно и не противоречило существовавшей в то время строительной практике. В реконструкции отдано предпочтение крестовому своду, который позволял сократить высоту кладки над фасадной аркадой галереи, чего нельзя было сделать при цилиндрическом своде, пята которого должна располагаться выше арок. Да и сама форма крестового свода была более нарядной для парадной стороны дворца.

Небольшие размеры помещений южного крыла дают основание думать, что они имели деревянные перекрытия, позволявшие устроить верхний свет в среднем ряду комнат, не имевших наружных стен. Деревянный потолок, несомненно, имел и трехнефный зал, так как, судя по размерам сохранившихся баз, колонны весьма небольшого диаметра могли быть только деревянными. Что касается ряда проемов, выходящих в коридор между южным и западным крылом здания, то здесь форма и размеры сечения столбов свидетельствуют о былом существовании аркатуры, что и понятно, так как над ней располагалась стена, поддерживавшая балки зала и перекрытие коридора, которое могло быть сводчатым. Подобную композицию зала, вероятно, подсказали зодчему формы народного жилья, а не примеры из церковной архитектуры, где к этому времени была вполне разработана трехнефная *сводчатая* церковь-зала с каменными столбами Т-образного сечения. Второй зал западного крыла дворца, как видно из плана, был перекрыт циркульным сводом, который покоился на арках, перекинутых между массивными пристенными пилонами. Свод, судя по наличию пилястр на пилонах, должен был иметь подпружные арки. Сводчатое перекрытие глубоких прямоугольных ниш, образованных пилонами, могло быть простым цилиндрическим или иметь вид конхи с переходом к ней от пря-

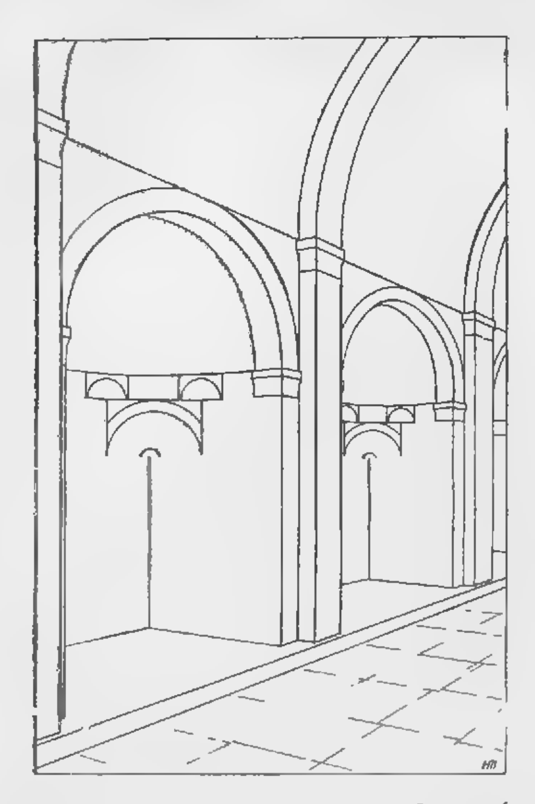


Рис. 18. Вагаршапат. Звартноц. Сводчатый зал дворца (схематическая реконструкция).

моугольника через систему тромпов (рис. 18)*. Так сделано в боковых крыльях армянской церковки VII века в Лмбате (рис. 41б), а раньше—в персидских дворцах Сасанидов и в одной из церквей Курдистана (Керкук). Следует отметить большое преимущество применения здесь конх, так как они лучшим образом связывают отдельные элементы интерьера в единый объем.

Композиция сводчатой залы с пристенными пилонами и куполом в центральной части уже к VII веку была разработа-

* Конха—свод в виде четверти шара.
Тромп—свод в виде половины конуса.

на в церковном зодчестве (Птгни—рис. 36). Этот тип «купольной залы», начиная с X в., получил самое широкое распространение в стране.

В юго-восточном углу южной части палат сохранилась абсида небольшой церкви, которая стояла здесь еще до сооружения дворца и вошла в состав его помещений.

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА

Проникновение христианства в Армению в основном шло с юга, из Сирии. Первые переводы богослужебных книг были сделаны с сирийского текста, что нашло отражение и в вещественных памятниках, как это можно видеть на каменном барельефе в нише южной стены анийской дворцовой церкви, где в полном соответствии с сирийской версией библии изображена сцена жертвоприношения Авраама[42].

В IV в. христианство стало государственной религией в Армении и архитекторам пришлось заняться строительством церквей. Хотя на первых порах шло повсеместное разрушение языческих святилищ, некоторые из них, уцелев, могли быть приспособлены для христианского богослужения. Но, конечно, такое решение могло носить только временный характер, и довольно скоро начали появляться специально построенные здания.

К числу приспособленных под церкви языческих святилищ Т. Тораманян и И. Стржиговский относили разрушенную ныне церковь в Диракларе, основываясь, между прочим, на прямоугольной якобы форме первоначального алтаря[43]. На самом деле в Диракларе никакого прямоугольного алтаря не было, и новая облицовка абсиды приложена в 1861 г. к первоначальной, тоже *полукруглой* абсиде (рис. 20). Это было точно установлено детальным обследованием алтарной абсиды, произведенным нами в 1941 г. Кроме Дираклара, Т. Тораманян был склонен усматривать и в первоначальной текорской базилике перестройку из языческого храма. Подобные предположения имеются также в исследовании А. Саиняна о касахской базилике и К. Кафадаряна о двинской[44].

Но спрашивается, почему все эти здания так точно ориентированы по христианским правилам с запада на восток, тогда как единственный известный нам языческий храм в Гарни расположен главной осью с севера на юг? Это—существенный аргумент против мнения, выдвинутого названными исследователями. Мы считаем, что все отмеченные памятники были сооружены заново, как церкви после утверждения христианства.

Сирийские истоки христианства в Армении наложили известный отпечаток на первые сооружения христианского культа. Так, в скромной полуподземной усыпальнице IV в., сохранившейся до наших дней в **Ахце** на южном склоне Арагаца, о которой упоминает Моисей Хоренский, есть много общего с подобными сирийскими усыпальницами, например, в Миджлейа (IV в. н. э.). Как и там, усыпальница в Ахце представляет в плане крест (но с абсидой), в боковых крыльях которого было устроено подобие саркофагов, украшенных на лицевой стороне барельефами; для спуска ко входу в скале пробит дромос (рис. 19).

По нашему мнению, нет оснований и необходимости отрицать сходство некоторых ранних христианских памятников Армении с сирийскими образцами (в основном во внешнем убранстве), так как это сходство отнюдь не умаляет ни их художественных достоинств, ни выдающихся дарований армянских мастеров, и объясняется, конечно, не низким уровнем строительного искусства и архитектурной мысли, а *новизной архитектурной темы,* обусловленной специфическими особенностями непривычной еще для армян христианской церковной архитектуры.

Первые церкви, судя по сохранившимся памятникам, представляли из себя продолговатую залу с деревянным перекрытием, заканчивавшуюся в восточной части алтарной абсидой. Абсида чаще всего бывает скрыта в прямоугольнике стен, но встречаются и постройки, в которых она выступает наружу из восточной стены, имея граненое очертание. В некоторых из этих однонефных церквей стены внутри разбиты на части простыми прямоугольными пилястрами, что указывает на то, что деревянное перекрытие в них было заменено сводчатым на

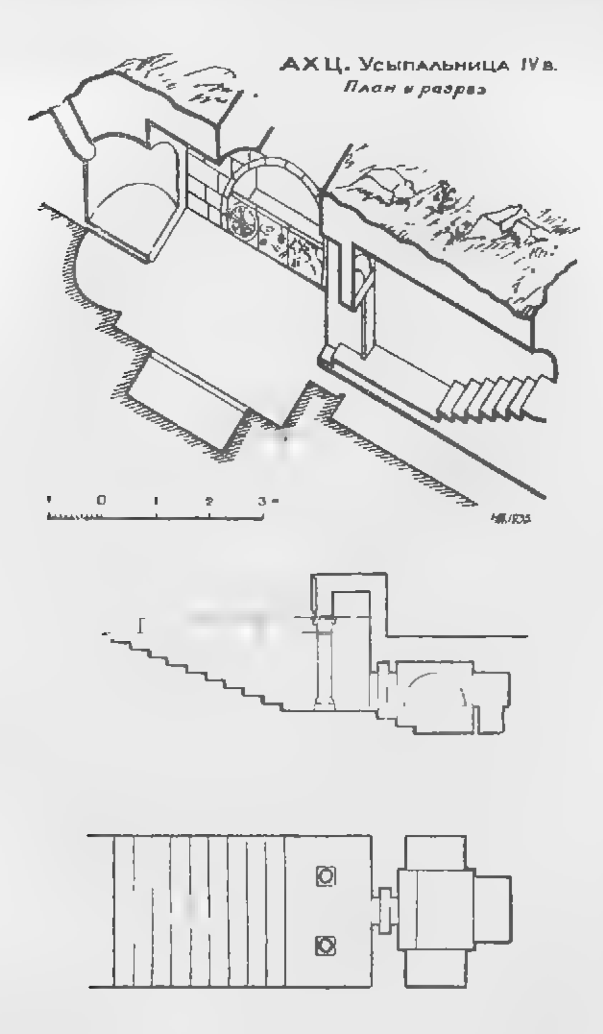


Рис. 19. а—Ахц. Внутренний вид подземной усыпальницы,
б - Миджлейа. План и продольный разрез подземной усыпальницы.

подпружных арках (Егварт, Ширванджух, Гарни и др.). В дальнейшем размеры таких построек уменьшаются, помещение для молящихся по форме приближается к квадрату, и однонефная церковь перерождается в небольшую сводчатую часовню с двускатной кровлей, сооружение которой становится под силу рядовому жертвователю. Подобные миниатюрные

постройки различного художественного достоинства, относящиеся к разным периодам истории армянского зодчества, можно встретить повсюду—в городах и селениях, на кладбищах, на уединенных утесах и холмах.

В Аравусе Сисианского района сохранился в развалинах прекрасный образец однонефной церкви без купола, построенной в V—VI вв., когда эта церковь, по свидетельству историка Стефана Орбелиана, была главной во владениях Сюнийских князей (табл. 12). В пользу такой датировки памятника, известного под древним названием Танаат-ванка, наряду с указанием историка, говорят и особенности самой постройки. Не выступающая наружу алтарная абсида имеет подковообразную арку, украшенную зубцами; вдоль южной стены шла открытая галерея на колоннах, что также характерно для ранних церквей (рис. 20).

Примером однонефной церкви с *выступающей* пятигранной снаружи, полукруглой внутри алтарной абсидой может служить раскопанная мною в 1958 г. церковь на кладбище в селении Джрвеж (рис. 20). Это—небольшая прямоугольная постройка, размером внутри (без абсиды) 8,40×4,08 м, с очень толстыми стенами (1,17 м), от которых сохранился внутри только один ряд облицовки из больших хорошо отесанных плит, имеющих высоту 70—75 см. Снаружи стены внизу опоясаны цоколем из трех массивных ступеней, общая высота которых примерно равна высоте первого ряда внутренней облицовки, благодаря чему следующие (не сохранившиеся) ряды облицовочных камней внутри и снаружи находились на одном уровне. Из деталей архитектурной отделки сохранились три камня карниза с крупными зубцами, в том числе один угловой, и каменный брус из обрамления двери с валиком на углу и прямоугольной пилястрой, поддерживавшей декоративную арку над дверным проемом. Все отмеченные особенности позволяют отнести этот ценный памятник к раннему периоду церковного строительства в Армении, вернее всего к V веку.

Говоря о раскопках в Джрвеже, следует упомянуть об очень интересном надгробном памятнике, стоявшем около северо-восточного угла раскопанной церкви, современником которой он является. Хотя это надгробие почти целиком разрушено, сохранившиеся две ступени основания и ряд его частей,

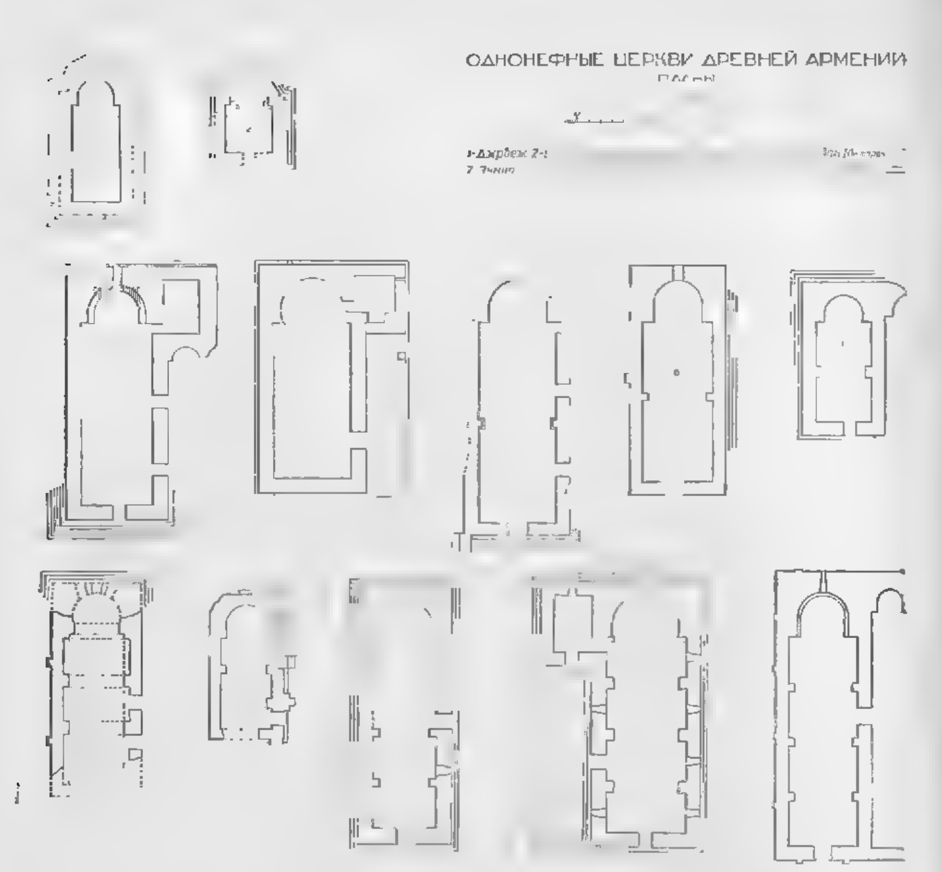


Рис. 20 Однонефные церкви древней Армении. Планы.

лежавших тут же на поверхности земли и найденных при раскопках, позволяют вполне правдоподобно восстановить его былой вид. Основанием служил квадратный стилобат из семи крупных ступеней, число которых восстанавливается по размерам сохранившихся. Стилобат завершался каменным кубом, на котором стояла колонна с базой сложного профиля и нарядно убранной, четырехгранной капителью, расширяющейся к абаке. Наверху был водружен метровый каменный крест превосходной формы с полупальметами у основания. Общая высота сооружения была около 6,50 м. На джрвежском кладбище таких надгробий было несколько, так как вместе с обломками креста были обнаружены пальметы еще трех видов

и размеров. О довольно широком распространении памятников этого типа в рассматриваемое время можно судить по тому, что их стилобаты встречаются во многих селениях. В частности, в Аване, расположенном в 5 км от Джрвежа, нами зарегистрировано три стилобата, из которых один, стоящий у гарнийского шоссе, сохранился снизу доверху, включая и каменный куб. Каменные кресты и капители колонн обнаружены также в Двине. Колонны иногда заменялись восьмигранными столбами.

Наряду с церквами в виде удлиненных зал вскоре после утверждения христианства появляются более крупные церковные сооружения —трехнефные базилики.

Из дошедших до нас наиболее древних представителей этого типа прежде всего следует отметить замечательную базилику в **Е р е р у й к е**, стоящую ныне в развалинах (табл. 13).

Эта постройка, возведенная на мощном основании из шести ступеней, представляла хорошо освещенную просторную залу, разделенную на три нефа двумя рядами столбов Т-образного сечения (рис. 21). Средний неф почти в три раза шире боковых и, судя по уцелевшему углу в средней части западной стены, который можно видеть и на фотографии, до разрушения возвышался над их кровлями. Продольные стены этого нефа были возведены на арках, переброшенных между столбами. В них, вероятно, были окна, освещавшие

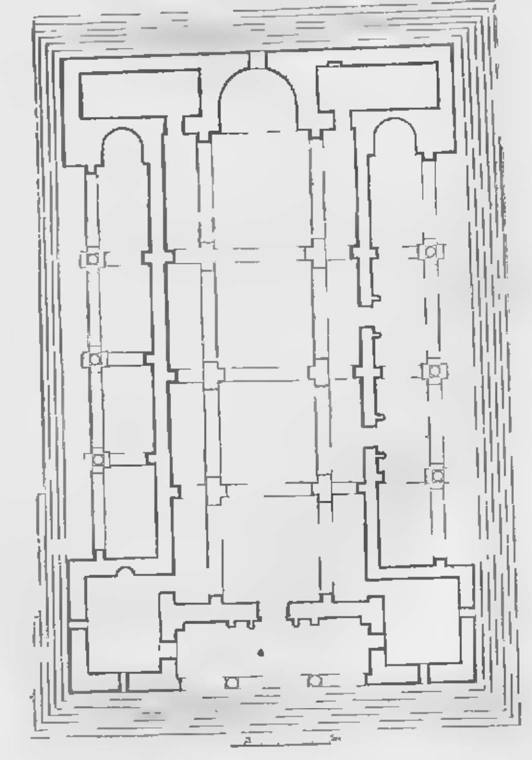


Рис. 21. Ерерукйк. План базилики.

среднюю часть базилики. Главный неф заканчивался в восточной части алтарной абсидой, помещенной между двумя сводчатыми приделами, сильно выступающими на северном и южном фасадах. В западной части базилики этим выступам отвечают две пристройки, имевшие, вероятно, в свое время вид двухэтажных башен, как это можно наблюдать в сирийских памятниках (Калб Лузе, Турманин и др.), с которыми ереруйкская базилика имеет известное сходство. Центральное помещение было окружено с трех сторон портиками, заключенными между башнями и восточными выступами (рис. 21). На плане, составленном Т. Тораманяном, показаны арки, которыми колонны портиков соединялись между собой и с пилястрами стен; существование фасадных арок не вызывает сомнений, так как остатки одной сохранились в восточном конце южного портика, около абсиды, которой он (как и северный) здесь заканчивается; что же касается поперечных арок, то едва ли они вообще были, так как не только не видно никаких следов сопряжения их со стенами, но над самыми пилястрами проходит сплошной поясок, украшенный сухариками. Стропила односкатных черепичных кровель боковых галерей опирались, вероятно, одним концом на стены здания выше этого пояска, а другим на стенки над фасадными арками. Стропила кровли западного портика могли быть уложены одним (верхним) концом на пилястры (рис. 22). Позднее здесь возвели новый портик, остатки свода которого видны и сейчас;

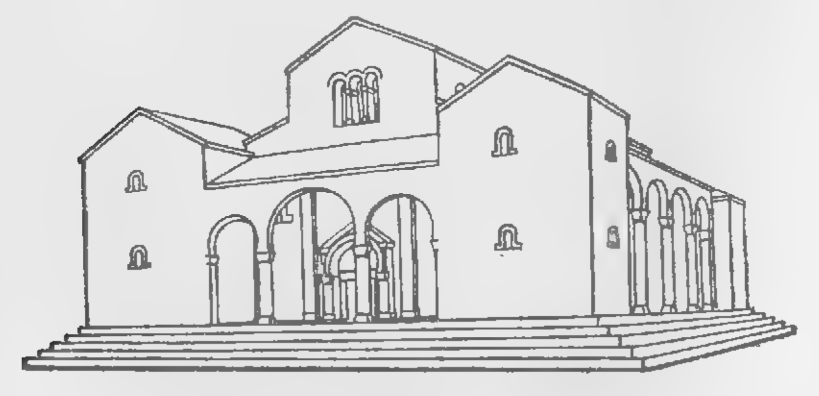


Рис. 22. Ереруйк. Вид базилики с юго-запада (схематическая реконструкция).

при этой перестройке был уничтожен фронтон западного входа. Портики базилики, построенной в V в., предназначались для тех, кто готовился к переходу в христианство и не мог быть еще допущен в храм; об этом убедительно свидетельствует купель (бассейн для крещения), помещенная в абсиде южной галереи.

Вопрос о виде перекрытия ереруйкской базилики не может считаться окончательно решенным. И. Стржиговский полагает, что она была сводчатая с неполными полуцилиндрами над боковыми нефами, так как иначе одна их пята оказалась бы ниже замка продольных арок между столбами[46]. Такую реконструкцию он основывает на одном камне в северо-восточном углу северного нефа, и потому к ней надлежит отнестись с большой осторожностью, тем более, что можно привести доводы в пользу деревянного перекрытия. Решающее значение при выяснении вида перекрытий в Ереруйке должны иметь характерные особенности самого памятника, отличающие его от трехнефных базиличных церквей Армении, безусловно имевших своды (Касах, Аштарак и др.). В этих сооружениях строители, прекрасно понимавшие необходимость погашения распора большого свода среднего нефа, не вознесли его высоко над боковыми, а поместили под общей двускатной кровлей, создав устойчивую конструктивную систему, в которой было достигнуто необходимое равновесие между действовавшими в ней внутренними силами (рис. 26). В Ереруйке в случае покрытия среднего нефа сводом его основание должно было располагаться выше окон; при этом средняя часть базилики была бы непомерно вытянута по высоте, а весь распор свода приходился на свободно стоящие продольные стены, ослабленные оконными проемами. При деревянном перекрытии стропила могли быть расположены на любой высоте над окнами среднего нефа в соответствии с художественными замыслами выдающегося мастера, создавшего этот замечательный памятник армянской архитектуры. Какое же назначение могли иметь пилястры Т-образных столбов и наружных стен внутри боковых нефов при отсутствии сводов? Ответ дает сравнение ереруйкской базилики с теми сирийскими памятниками, в которых не было сводов.

Эти пилястры показывают, что поперек здания во всех трех нефах были переброшены арки; на них так же, как и в сирийских постройках (например, в Рувейа, рис. 23), могли быть возведены поперечные стены, заканчивавшиеся щипцами в средней части и полущипцами по бокам, которые вместе со стропилами поддерживали обрешетку черепичной кровли. И, наконец, в Ереруйке могла найти применение комбинированная система перекрытий: в среднем нефе—дерево, в боковых—неполные полуциркульные своды с подпружными арками.

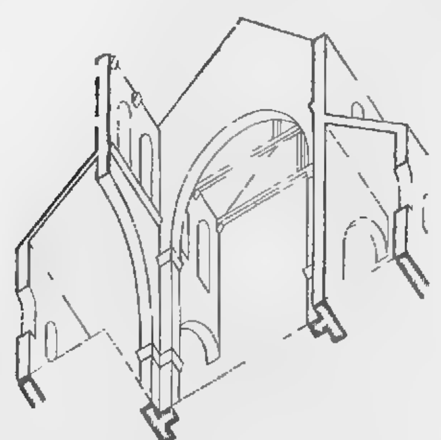


Рис. 23. Рувейа (Сирия). Аксонометрический разрез базилики.

Архитектурный наряд здания скромен: вокруг окон с циркульным верхом идут тяги, отгибающиеся в стороны у основания проема, в которых можно усмотреть первоисточник классического армянского оконного архивольта—«бровки», ставшего к VI в. излюбленным завершением окон в армянском зодчестве.

Такая форма обрамления окон свидетельствует, что в убранстве ереруйкская базилика имеет общие черты с сирийскими образцами (рис. 24). В Сирии основой обрамления является горизонтальная тяга, идущая на уровне низа оконных проемов и огибающая их в виде наличника по бокам и сверху. В некоторых памятниках, где окна помещены рядом, тяга эта переходит внизу из одного наличника в другой по дуге круга. Известны также случаи, когда горизонтальный поясок, подобно импосту, поднят на уровень пят арки, завершающей оконный проем, и огибает его только сверху, как архивольт. Такое решение встречаем в VII в. в Армении на алтарных окнах при многогранной выступающей абсиде (Мрен. Агарак). Хотя в Ереруйке обрамления окон и не соединены

между собой горизонтальными поясами, связь их с этой сирийской системой несомненна, на что указывают короткие, отогнутые в стороны концы у основания окна. Такая форма не получила широкого распространения в армянском зодчестве; пройдя через промежуточную стадию, в которой отогнутые концы располагались, как в Касахе, примерно на середине высоты окна, она переродилась в так называемую бровку, встречаемую спустя столетие повсюду на церквах Армении. Бровка не имеет вертикальных элементов, и концы ее, отогнутые в стороны, заканчивают непосредственно дугу, охватывающую верх окна.

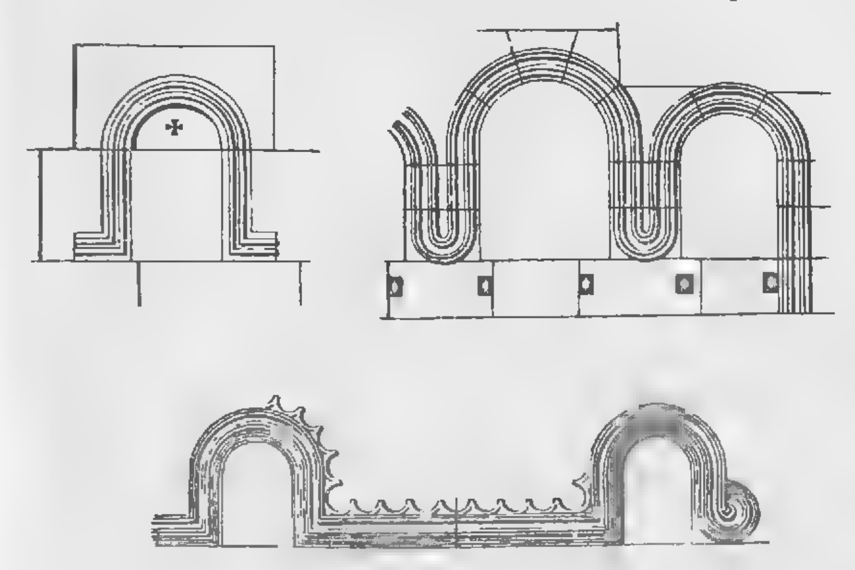


Рис. 24. Наличники окон сирийских церквей.

Центральное окно западной стены ереруйкской базилики—тройное с двумя колонками. Двери перекрыты архитравно большими каменными плитами, над которыми сделаны разгрузные прорези; по бокам дверей—пилястры с трехчетвертными колоннами, между которыми переброшены профилированные подковообразные арки, прорезающие фронтоны; базы состоят из плинта, вала и выкружки, капители украшены остролистными резными пальметами. Равноконечный «си-

рийский» крест, в большинстве случаев вписанный в круг и сопровождаемый либо шестилопастными розетками по бокам, либо растительными побегами, виден всюду: на архитравах дверей, капителях и базах пилястр, между арками западного тройного окна. Сухарики оживляют подковы триумфальных арок абсид, карнизы дверных фронтонов и обрамления некоторых окон.

Собор в Текоре, в нынешнем виде купольное здание, был уже в глубокой древности перестроен из трехнефной базилики, сходной с ереруйкской (табл. 14). Об этом свидетельствуют особенности его плана и отделки. Так, по сторонам алтарной абсиды, незначительно выступающей тремя гранями на восточном фасаде, помещены два продолговатых (с севера на юг) придела. Они образуют на северной и южной сторонах здания два выступа, от которых начинались

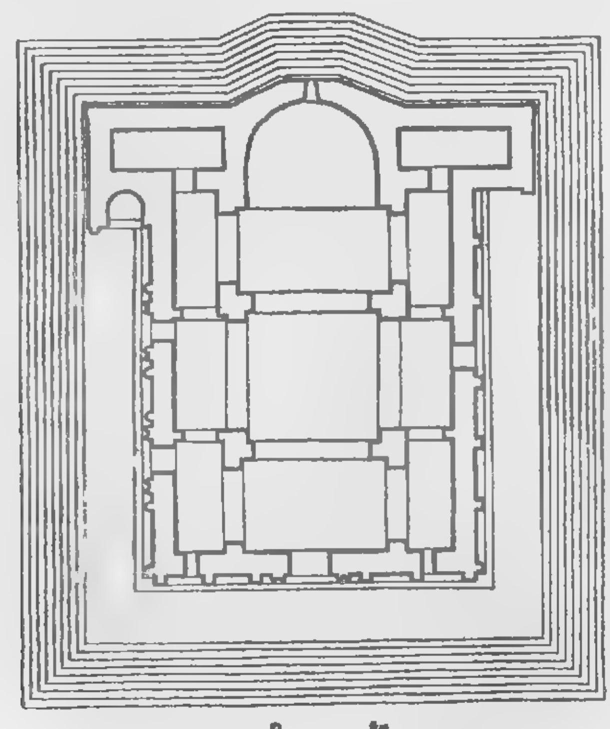


Рис. 25. Текор. План собора.

не существующие ныне открытые галереи, охватывавшие его с трех сторон, на что указывают размеры верхней площадки многоступенчатого основания (рис. 25). Форма и расположение приделов, открытые галереи, в одной из которых имеется небольшая абсида, мощное основание сближают Текор с Ереруйком и позволяют исследователям без боязни впасть в ошибку, считать, что здесь первоначально стояла базилика, сооруженная примерно в то же время, что и в Ереруйке. Такой датировке не противоречит и остролистный растительный орнамент в убранстве дверей текорского собора, разработанном и выполненном с большим мастерством. Оформление дверей состоит из двух приземистых пилястр, лицевые стороны которых имеют по две колонны, объединенные массивными капителями, поддерживающими широкую декоративную арку. Кружевной узор из поставленных в ряд пальмет покрывает поверхность капителей. Эта композиция пользуется большой популярностью среди советских архитекторов Армении, и ее можно видеть на многочисленных зданиях Еревана и других центров республики. Искусная резьба украшает также широкий наличник, окаймляющий дверной проем.

Текорская базилика на своем веку претерпела много всяких трансформаций; самой коренной перестройкой, совершенно изменившей ее внешний и внутренний вид, было сооружение купола на четырехгранном снаружи «барабане». Для этого пришлось сломать столбы, разделявшие внутреннее пространство базилики на три нефа, и заменить их четырьмя пилонами. Между ними были переброшены арки, образовывавшие подкупольный квадрат. Переход к восьмиграннику, служившему основанием для завершавшей всю систему полусферы, был достигнут внутри «барабана» с помощью четырех наклонных трапеций в углах. Центральная часть собора была пересечена поперечным нефом—трансептом, который в сочетании с главным продольным нефом образовывал крестообразный верх здания (табл. 14).

Прежде чем перейти к ознакомлению с другими трехнефными бескупольными церквами следует отметить, что при общности принципиального решения эти постройки по внутренним пропорциям могут быть разбиты на две группы. Одни,—

ближе стоящая к ереруйкской базилике, характеризуется бо́льшим простором интерьера, благодаря бо́льшим пролетам между столбами, разбивающими пространство главного нефа на квадратные в плане части. Объединяет эти постройки также постоянное число столбов в каждом ряду (три) и Т-образная форма их сечения. Соотношение внутренних размеров постоянно и равно примерно 1:2 (в Ереруйке—1:2,4). Во второй группе число столбов больше и ставятся они чаще, что как бы изолирует пространство среднего нефа от боковых и создает впечатление большей протяженности здания с запада на восток. В базилике Двина и фактическое отношение длины к ширине больше, чем в церквах первой группы.

В связи с развернувшимся церковным строительством армянским зодчим пришлось решать сложные архитектурные задачи, совершенствуя строительные приемы, выработанные на протяжении веков сообразно с местными условиями. В стране, изобилующей прекрасным строительным камнем, издавна славящейся искусными каменщиками, зодчие, естественно, должны были обратиться к сводчатым конструкциям, в отличие от деревянных, более отвечавшим монументальному характеру возводимых построек. И, действительно, в пятом, а может быть уже и в четвертом веке появляются трехнефные бескупольные церкви, покрытые сводами под общей двускатной кровлей. Так создается новый вид базиличной церкви, называемой иногда «зальным типом».

Церковь в Касахе—одна из первых сводчатых базилик подробно обследована и обмерена А. Саиняном[47]. Это—прямоугольное в плане здание, внутренние размеры которого составляют отношение 1:2 Оно разделено тремя парами столбов Т-образного сечения на три нефа. Расположение столбов примерно такое же, как в Ереруйке, что позволяет отнести памятник по плану к названной первой группе. В продольных стенах столбам отвечают пилястры, на которые опирались подпружные арки боковых сводов. Форма столбов свидетельствует о том, что такие же арки были и в своде главного нефа. Сохранившиеся продольные арки между столбами и подпружные арки сводов имеют ясно выраженное подковообразное очертание, как и план абсиды, выступающей

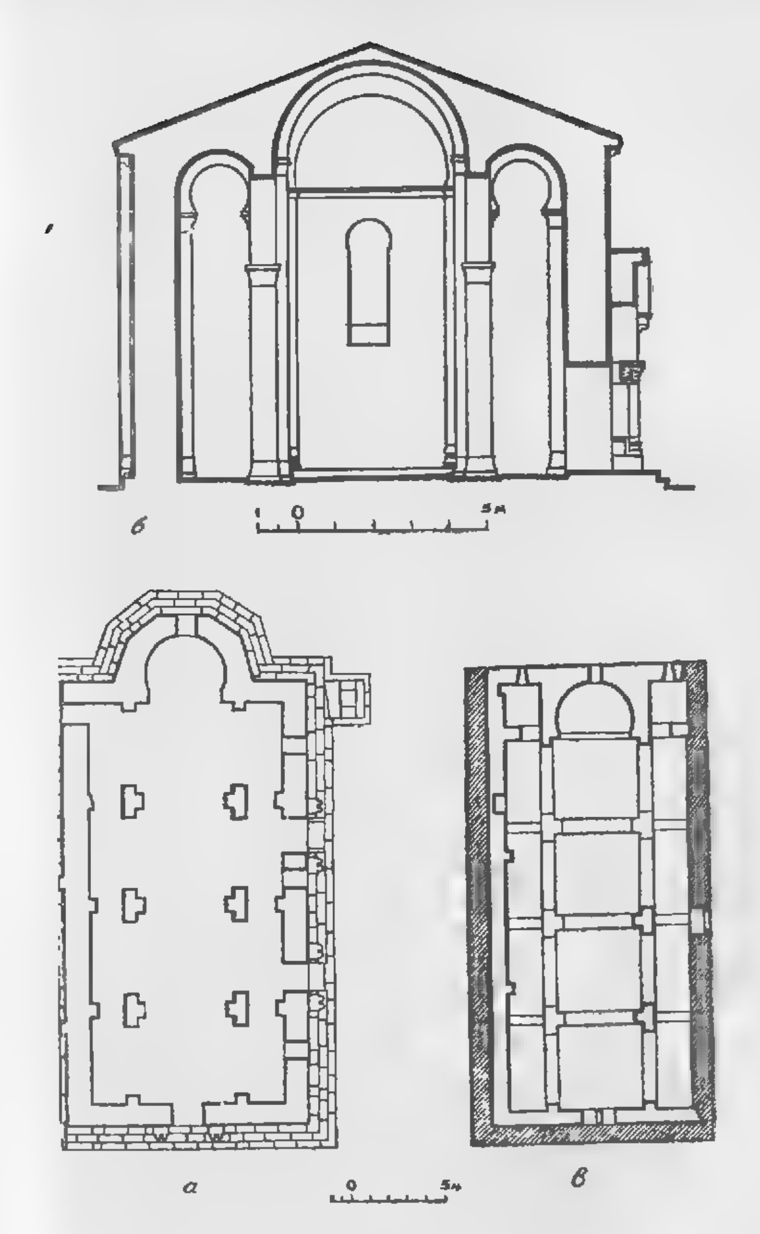


Рис. 26. а, б—Касах. План и разрез базилики; в—Аштарак. План базилики.

наружу пятью гранями. Все три свода скрыты под общей двускатной кровлей, образовывавшей в свое время на западной и восточной стенах фронтоны. Такая форма завершения стен встречается только в самых ранних церквах и в дальнейшем (к VII веку) повсеместно вытесняется щипцом (рис. 26а, б).

А. Саинян на основании изучения на месте отдельных частей здания считает, что современный вид его складывался постепенно. Первоначальную, простую по своему плану постройку он относит к четвертому веку, допуская возможность и более ранней дохристианской датировки, когда она могла служить языческим храмом. Затем в V в. были пристроены, по его мнению, абсида, комната и галерея с северной стороны и портики у входов. К этому же времени А. Саинян относит и появление больших окон с подковообразным верхом в абсиде и на торцовых фасадах. В архитектурном убранстве видны также черты, характерные для раннехристианских памятников. Обрамления окон занимают по своему виду промежуточное положение между наличником с отогнутыми у основания окна концами и бровкой, концы которой отгибаются в стороны сразу же после дуги, окаймляющей верх окна. В Касахе архивольт опускается до середины прямоугольной части окна, где к нему впритык примыкают горизонтальные части обрамления. Такой, надо признать, недоработанный вид отделки окна показывает, что мастер искал, но не нашел еще новой формы, которая на век позднее прочно вошла в творческий обиход армянских зодчих. Дверные проемы, по реконструкции А. Саиняна, были помещены в портиках на двух парах колонн с перекинутой между ними подковообразной аркой, врезающейся в фронтон. Проемы перекрыты архитравными брусьями с рельефами на лицевой стороне. Карниз стен и входных портиков—зубчатый.

Касахская базилика (разрушенная ныне в верхней части), безусловно, является одним из первых, если не первым трехнефным церковным зданием без наружного возвышения среднего нефа.

Раскопки в Касахе, как и в других местах, не дали ве-

щественных доказательств, подтверждающих былое существование прямоугольного языческого алтаря.

Церковь в А ш т а р а к е в своей основе по общему решению и пропорциям интерьера весьма сходна с Касахской базиликой. Существенное различие видно только в положении алтарной абсиды: здесь она не выступает на восточном фасаде, а скрыта в прямоугольнике стен между двумя небольшими приделами (рис. 26в). Это новое по сравнению с Касахом, Ереруйком и Текором решение алтарной части позволяет считать, что аштаракская базилика была построена несколько позднее, вероятно, в первой половине VI века.

Здание разделено внутри на три нефа тремя парами столбов также Т-образного сечения и было перекрыто полуциркульными сводами с подпружными арками. Как и в Касахе, пролеты между столбами почти равны ширине среднего нефа между пилястрами, и потому его свод был разбит подпружными арками на квадратные в плане части. Возвышение среднего нефа над боковыми снаружи могло только угадываться, так как все своды были скрыты под общей двускатной кровлей, уклон которой можно установить по остаткам карниза с крупными зубцами на восточной стене. Церковь почти полностью разрушена; от столбов и сводов сохранилась лишь незначительная часть в юго-западном углу, позволяющая, однако, восстановить былой вид внутри здания. Южная стена выложена заново и снабжена бойницами; церковью в дни военных невзгод, видимо, пользовались как укреплением. Две другие—западная и северная—для предотвращения их падения снаружи одеты также более поздними кладками, и поэтому трудно что-либо сказать о первоначальной отделке фасадов. Изнутри видны только окна в западной стене, расположенные над другим, из которых нижнее—двойное с колонкой посредине, что характерно для ранних церквей. Аштаракская базилика в древности перестраивалась, так как северная стена имеет внутри две пилястры, не отвечающие нынешнему расположению столбов. Эти пилястры разбивают стену на три равные части, которым до перестройки могли соответствовать более

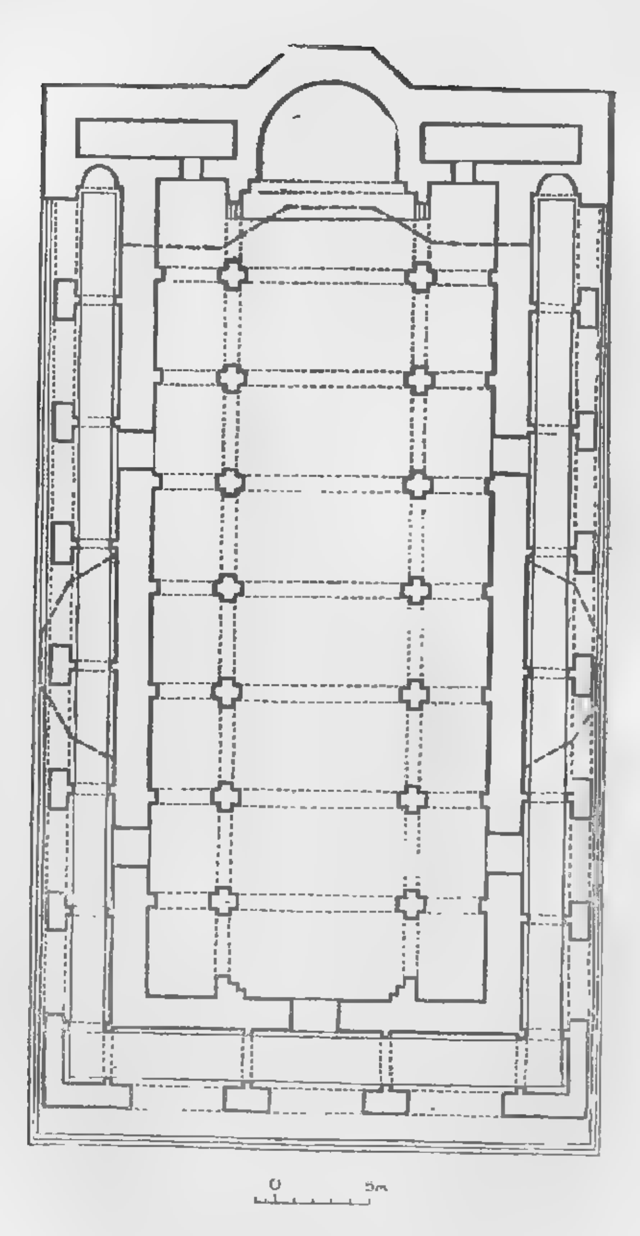


Рис. 27. Двин. План базилики.

широкие пролеты между столбами. Не исключена возможность, что такая редкая расстановка столбов сказалась на устойчивости сооружения и число их в дальнейшем пришлось увеличить.

По-иному выглядели в свое время базилики в Двине и Егварте. Их отличие от рассмотренных нами построек базиличного типа сказалось в основном на внутреннем строении, что сразу видно при сравнении планов.

Базилика в Двине, как отмечено, была снесена в VII в. в связи с постройкой на ее месте собора св. Григория. Обнаруженные при раскопках собора остатки древних кладок позволяют более или менее верно восстановить ее план (рис. 27). Она была сильно вытянута с запада на восток и имела выступающую тремя гранями алтарную абсиду, заключенную между двумя приделами, по форме и расположению сходными с приделами в Ереруйке и Текоре. Выступы приделов и остатки наружных кладок около стен собора вполне обосновывают предположение о существовании открытых галерей, охватывавших здание с трех сторон. Двинская базилика, несомненно, была трехнефной. При перестройке внутренние столбы были до основания разобраны и заменены четырьмя пилонами купольного собора. На плане Г. Кочояна помечены камни, выступающие внутри из цоколя продольных стен, которые можно принять за следы пристенных пилястр. В соответствии с их положением он намечает и более частую чем в Касахе и Аштараке, расстановку столбов. Удлиненная форма трехнефного зала и частая расстановка столбов резко отличает двинскую базилику от рассмотренных уже трехнефных бескупольных церк-

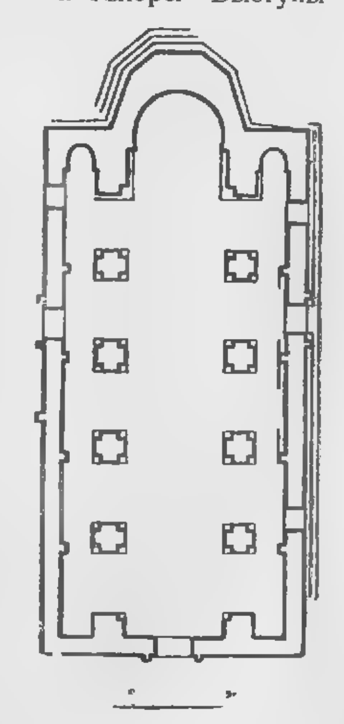


Рис. 28. Егварт. План базилики.

вей и сближает ее с некоторыми вытянутыми с запада на восток однонефными церквами, как например, в Двине или в соседнем Гарни. Возвышался ли средний неф над кровлями боковых, трудно сказать утвердительно. Неизвестен также и вид перекрытия. Время ее сооружения может быть отнесено к IV—V вв., но утверждение, что первоначально она была языческим храмом, не может считаться обоснованным.

Базилика в Егварте разделена на три нефа четырьмя парами столбов, поставленных чаще, чем в Касахе и Аштараке. Средний неф почти в три раза шире боковых и заканчивается в восточной части глубокой бемой и алтарной абсидой, которая выступала пятью гранями наружу. Ныне она без особой надобности уничтожена при проведении новой улицы. Боковые нефы в восточной части также заканчиваются абсидами, которые скрыты в углах здания (рис. 28). Весь верх базилики больше чем наполовину разрушен, и потому нельзя сказать, каковы были перекрытие, кровля, карнизы и обрамления окон. Частично сохранились лишь отделка одной из южных дверей и идущая в одну строку по южной стене надпись, большие красивые буквы которой по начертанию сходны с буквами надписи VI—VII вв. в Аване. Две сильно выступающие по бокам двери пилястры с простыми капителями, через которые также проходит надпись, несут широкую арку, украшенную тягами, зубчиками и бусинами. На архитраве над проемом помещена резная круглая розетка. Дата церкви точно не известна, но должна быть помещена в последней четверти VI в., так как в однострочной надписи упоминается как основатель католикос Моисей II (574—604).

Армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь. Они блестяще разрешают и задачу сооружения церковного здания, увенчанного куполом.

Едва ли купольная форма постройки была выработана только в связи с церковным строительством; есть все основания полагать, что техника возведения куполов была хорошо знакома армянским архитекторам значительно раньше. То обстоятельство, что в Армении пока не обнаружено купольных зданий, построенных до V в., не может служить доказательством незнакомства архитекторов с куполом в дохристианское время и в первые века христианства. Ведь уже в Ерéруйке видим превосходную конху большого диаметра над алтарной абсидой, свидетельствующую, что мастер, конечно, справился бы с сооружением купола.

Что касается самой идеи завершения зданий куполом, то едва ли была нужда завозить ее откуда-нибудь из-за рубежа—от персов или римлян. Ведь у себя в родной стране, в каждой деревушке армянские зодчие видели на домах столь напоминающую купол «шатровую» деревянную кровлю, поддерживаемую столбами. Примечательно, что значительно позднее, в XII—XIII вв., когда купол в церковном зодчестве имел семивековую давность, архитекторы, создавая многочисленные притворы, пристраивавшиеся повсеместно к церквам, обращаются к сокровищнице народного творчества, воспроизводя в камне шатровое покрытие со световым отверстием, основанное на колоннах или перекрещивающихся арках.

Развитие купольных церковных сооружений в Армении пошло по двум самостоятельным направлениям. С одной стороны, зодчие венчают куполом базиличные здания, с другой— разрабатывают различные типы центрально-купольных церквей, основой которых является квадратное помещение, завершенное куполом. Первыми базиличными и зальными сооружениями, на которых появился купол, пока можно считать перестроенный собор в Текоре и малую церковь в Артике, о которой будет сказано в дальнейшем.

Нужно, однако, отметить, что до недавнего времени существовало мнение, основанное на работах Т. Тораманяна, что собор Эчмиадзин с момента основания имел купол[48].

Месроп Тер-Мовсесян в работе о Звартноце перечисляет сообщения древних авторов об истории собора в первые века его существования[49]. У Агафангела (V в.) имеются легендарные сведения о сооружении его в IV в. Фавстос Бузанд сообщает о разрушении Вагаршапата в конце IV в. и о восстановлении церквей католикосом Нерсесом Великим. Лазарь Парбский (и позднее Асогик)[50] говорит о возобновлении собора, пришедшего в ветхость, Ваганом Мамиконяном в конце V в. Наиболее подробные сведения о капитальных строи

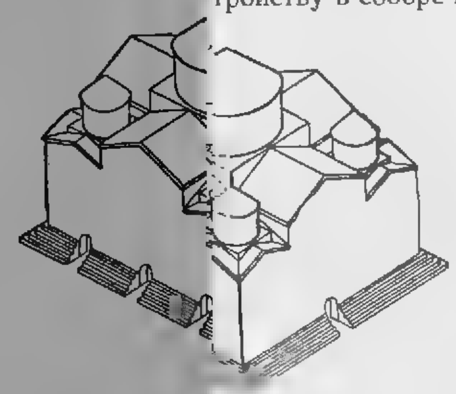
тельных работах, произведенных в Эчмиадзине в VII в. католикосом Комитасом, находим у Себеоса и католикоса Иоанна (X в.). Первый говорит, что Комитас «снял деревянную кровлю святого собора в Вагаршапате, восстановил ветхие части стен, построил каменную кровлю»[51], а второй,—что Комитас, «разобрав перекрытый деревом купол собора, что в городе Вагаршапате, строит его, прекрасно приладив и придав чудный вид, из тесаных камней»[52].

Т. Тораманян, сопоставляя эти сведения с наличными остатками древних частей храма и исходя из предположения, что по образцу Эчмиадзина была построена при Багратидах пятикупольная церковь Апостолов в Ани, делает в своей статье вывод, что к моменту возобновления Комитасом собор Эчмиадзин представлял пятикупольное здание с планом в виде креста из четырех абсид с приделами в углах, заключенного в прямоугольный наружный контур (рис. 29а). Примерно через 20 лет после капитальных работ Комитаса, по мнению Тораманяна, католикос Нерсес Строитель сломал внутренние абсиды и вынес их наружу, как видим их и ныне; центральный барабан и купол при этом получили новое основание в виде четырех пилонов. На мысль о существовании четырех малых куполов наводит наличие на угловых частях здания остатков карнизов щипцов, выступающих из-под новых кладок. В суждениях Т. Тораманяна об Эчмиадзине имеется серьезное противоречие, на которое как-то никто не обращал внимания. Ведь если уже в седьмом веке были уничтожены угловые помещения и вынесены наружу абсиды, то не приходится говорить о сооружении анийской церкви Апостолов по образцу Эчмиадзина, так как их планы и общая композиция (кроме пятикупольности) не имеют между собой ничего общего (рис. 29б, 67).

Сопоставляя сведения древних историков о первых церквах Армении, и в частности об Эчмиадзине, с наличными остатками церковных построек первых веков христианства, мы в 1946 г. в книге «Архитектура древней Армении» (стр. 61) высказали мнение, что до VII в. Эчмиадзин вернее всего был обычной для того времени базиликой с деревянной кровлей и только при Комитасе получил один, а может быть,

и пять куполов. В настоящее время имеются данные, позволяющие думать, что наши предположения находят частичное подтверждение.

В связи с работами по устройству в соборе нового алтаря



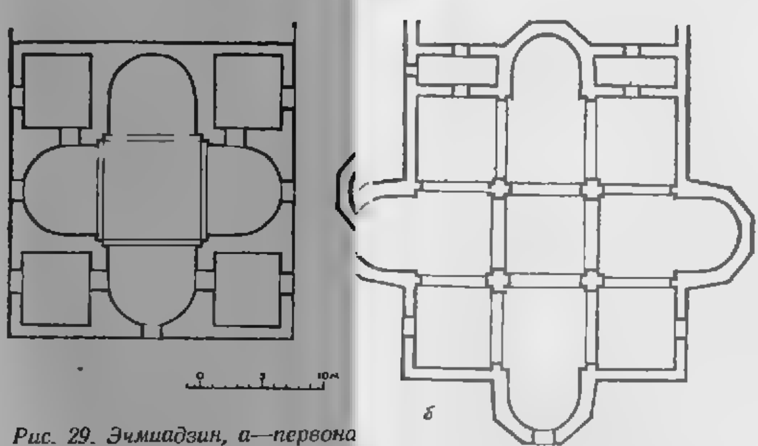


Рис. 29. Эчмиадзин, а—первоначальный вид собора по Тораманяну. б—современный план собора.

потребовалась разборка существовавшего возвышения, что дало возможность произвести здесь раскопки. Одновременно А. Саинян, руководивший этими работами, обследовал основания стен и подкупольных пилонов. Под полом алтаря были обнаружены остатки небольшой абсиды, а под базами нынешних пилонов—базы пилонов более древней постройки, кото-

рая, по мнению А. Саиняна, представляла трехнефную сводчатую базилику, построенную в первые годы христианства в Армении. Базилика эта стояла до 80-х гг. V в., т. е. вплоть до того, как была разрушена до основания Ваганом Мамиконяном, предпринявшим на ее месте сооружение существующего ныне собора. Мнение Т. Тораманяна о плане и формах Эчмиадзина не подтвердилось, так как при исследовании собора не было обнаружено никаких следов внутренних абсид и стен угловых помещений. Дошедшая до нас крестообразная композиция с четырьмя пилонами и выступающими наружу абсидами, как полагает А. Саинян, была создана уже при Ваганс Мамиконяне[53] Ознакомление с остатками древних сооружений в соборе наводит нас на мысль, что первой христианской постройкой здесь была не трехнефная базилика, а однонефная церковь, которой и принадлежала обнаруженная абсида.

Окончательное суждение о выводах исследователя в отношении истории строительства собора и его вида на отдельных этапах существования может быть составлено лишь по опубликовании подробных обмеров и надлежаще документированных реконструкций, обязательных для подобного рода исследований

Вопросу о происхождении и развитии центрических купольных композиций в Армении все исследователи уделяют большое внимание, считая, что основой их в церковном зодчестве является квадратный в плане объем, завершенный куполом. Однако до настоящего времени в Армении ни в светской архитектуре, ни среди церквей раннего периода не было обнаружено купольных зданий этого простейшего типа и исследователям приходилось ограничиваться лишь предположениями.

Раскопки, произведенные нами в 1960—61 гг. в селении Вохджаберд, расположенном на гарнийском шоссе в 17 км от Еревана, восполнили этот существенный пробел в истории средневекового армянского зодчества.

На пашне к западу от возвышенности, на которой расположено у шоссе селение, были открыты развалины небольшой церкви (табл. 100). В плане она представляет точный квадрат (4,08×4,10 м). Алтарная абсида (полукруглая, как

обычно, внутри) выступает тремя гранями с восточной стороны. Как и в раскопанной кладбищенской церкви расположенного по соседству Джрвежа, стены снаружи имеют цоколь из трех массивных ступеней; исключение представляет алтарь—здесь в связи с повышением почвы ступеней только две. Из архитектурных деталей были найдены в первый год раскопок лишь импост конхи, которая перекрывала абсиду и обломок базы аттического профиля одной из колонок дверного портала. По характеру архитектуры (выступающая абсида, ступенчатый цоколь) открытая церковь очень сходна с джрвежской; даже внутренние поперечные размеры (4.08 м) совпадают до сантиметра (рис. 20). Но в отличие от джрвежской и вообще от ранних однонефных церквей, вытянутых с запада на восток, она—квадратна. Это наталкивало на мысль о купольном перекрытии. Но в результате первого года раскопок можно было высказывать только предположения, так как не было найдено ни одного камня из сводов.

В 1961 году раскопки были продолжены вокруг здания и полностью подтвердили предположение о куполе. Были найдены два тромпа из четырех, создавших в углах переход от квадрата к кругу купола. В отличие от зданий с восьмигранным барабаном, где размер тромпа должен быть равным стороне восьмиугольника, здесь тромпы меньше. Кроме того, лицевая поверхность камней, в которых они высечены, имеет циркульное очертание. А это означает, что тромп (прямоугольный в плане) входил непосредственно в состав свода у его основания. Это для Армении первый случай купольной церкви без барабана, указывающий на очень раннюю дату (возможно, IV век).

К сожалению, такие существенные детали как карниз и обрамления окон при раскопках не обнаружены.

Восточная базилика в противоположность западной, где нефы разделялись рядами часто поставленных колонн, могла быть увенчана куполом без каких-либо органических изменений в конструкции. Если в западной базилике нельзя этого сделать без введения дополнительных опор, то в восточной было вполне достаточно, увеличив сечения столбов, расставить их с таким расчетом, чтобы средний неф оказался раз-

битым на квадраты. Подобную расстановку столбов можно видеть в церквах в Ереруйке, Касахе, Аштараке, хотя они и не имеют еще купола. Армянские зодчие в полной мере учли это обстоятельство и создали в первой половине VII в. ряд превосходных купольных базилик.

Одним из характерных образцов этого типа является величественный собор в **Мрене**, сооружение которого, согласно имеющейся на нем строительной надписи, закончил в 639 или 640 г. князь Давид Сааруни (табл. 15)[54]. Здесь вытянутый с запада на восток прямоугольный зал разделен на три нефа двумя парами стройных пилонов, по форме и расположению напоминающих скорее столбы базилики, чем опоры купольного здания (рис. 39а). В этом нетрудно убедиться, сравнив их сечение с сечением столбов уже знакомых нам базилик; налицо—совершенно логичное развитие Т-образной формы. Нельзя поэтому согласиться с мнением Т. Тораманяна, который, разбирая вопрос о Текоре, усмотрел и в Мрене перестройку базилики в купольное сооружение, для обоснования чего ему пришлось проделать на чертеже сложную, но конструктивно неосуществимую операцию над пилонами собора, не подтвержденную, кстати, и нашими наблюдениями на месте[55].

Средний неф значительно выше боковых; его продольные стены, возвышающиеся над односкатными кровлями боковых нефов, возведены на арках (а), перекинутых от пилонов к пилястрам западной и восточной стен зала. Все три нефа пересечены в среднем пролете (а не перед алтарем) трансептом (б) такой же высоты, как и главный продольный неф; стены трансепта, в свою очередь, основаны на арках (в), идущих от пилонов к пилястрам северной и южной стен. Средний продольный неф и трансепт, покрытые по полуциркульным сводам двускатными кровлями, образуют верхнюю крестообразную часть здания, вырастающую из основного прямоугольного массива, в центре которой высится барабан, покрытый куполом. Так в купольных базиликах VII в. зарождается форма крестовокупольного храма, столь характерная в последующие века для церковного зодчества страны.

Арки (г) между пилонами образуют подкупольный квад-

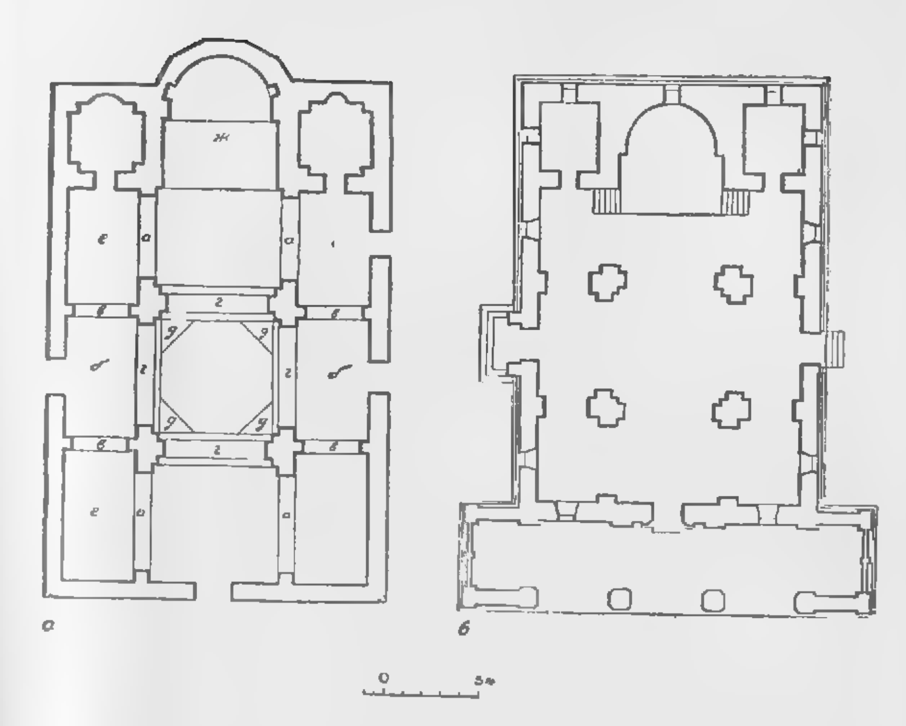


Рис. 30. а—Мрен. План собора б—Вагаршапат. План церкви Гаяне.

рат, в углах которого размещены тромпы (д), служащие переходом к восьмигранному барабану, увенчанному полусферой, скрытой под пирамидальной кровлей. Угловые части храма (е) перекрыты продольными цилиндрическими сводами, над которыми расположены односкатные кровли. Это показывает, что архитектор, проектируя свою постройку, взял за основу базилику, в которой в связи с купольным решением ему пришлось все нефы пересечь трансептом.

Бэма (ж), выступающая, пятигранная снаружи, абсида и два придела по бокам удлиняют здание в восточной части, вследствие чего с юга и с севера барабан кажется сдвинутым к западу.

Из описания мренского собора видно, что зодчие первоначально ставили купол на базилику с таким расчетом, чтобы он находился в центре помещения для молящихся, основ

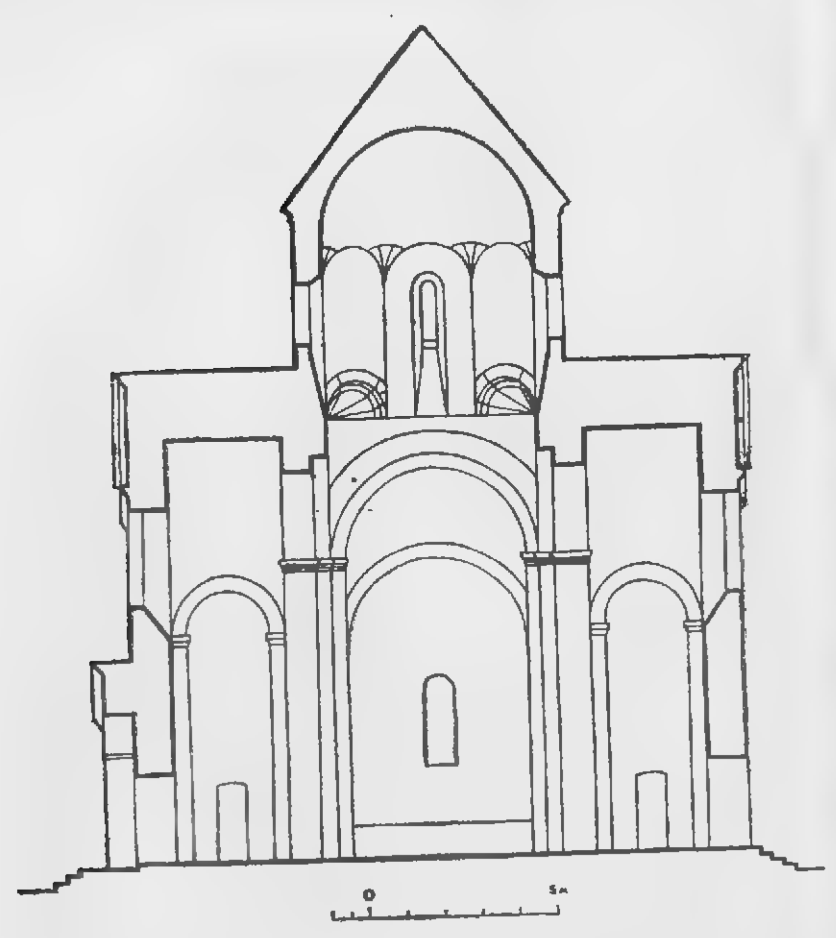


Рис. 31. Вагаршапат. Поперечный разрез церкви Гаяне.

ной объем которого имел подчеркнутую большей высотой крестообразную форму. Этого они достигли, сократив число столбов на одну (западную) пару. G. Millet, давая описание византийских памятников, приводит примеры подобных церквей в Византии, которые по плану он называет «сложным крестом». У автора вопрос о возникновении подобного плана не освещен, но имеется указание, что такие же сооружения встречаются и в Армении. Он справедливо отмечает, что собор в Мрене и церковь Гаяне в Вагаршапате напоми-

нают базилику,' а также, что крестокупольные церкви Армении представляют собой базилику с трансептом посредине[56]. Действительно, названные памятники, созданные значительно раньше подобных им византийских, убедительно свидетельствуют о том, что в Армении этот тип был разработан на основе базилики. Однако это обстоятельство уже показывает несостоятельность не[illegible] давно широко распространенного взгляда на армянское зодчество как на одну из ветвей византийского искусства. В Армении процесс формирования крестовокупольного

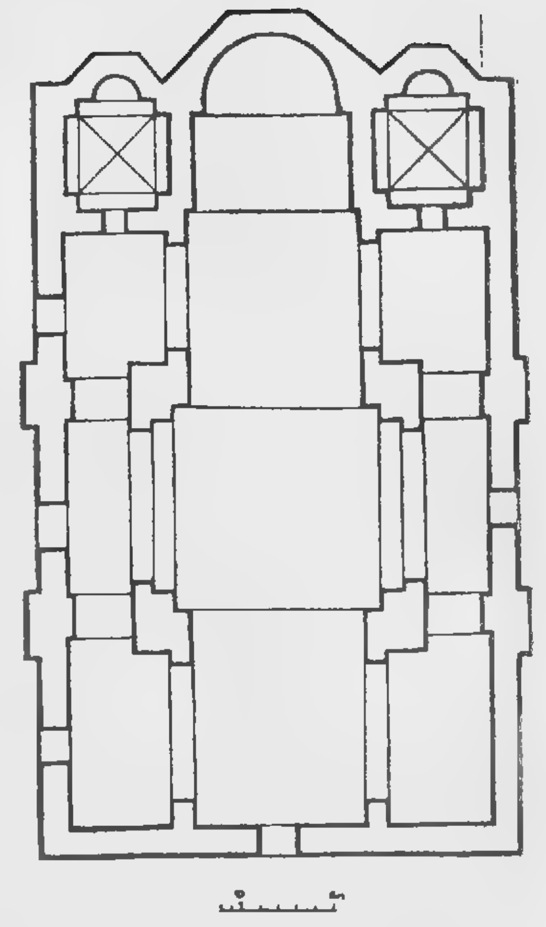


Рис. 32. Багаван. План церкви.

типа был завершен в то время, когда в Византии только начали создаваться первые известные нам церкви типа «сложного креста».

Кроме собора в Мрене, к числу выдающихся памятников этого типа должны быть отнесены церкви в Багаване, Одзуне и Вагаршапате (св. Гаяне).

Сооружение грандиозного храма в Багаване (близ Диадина) было закончено в 639 году[57]. По своим размерам (16×27 м) он превосходит все наиболее крупные постройки первой половины VII века. Сейчас он стоит без купола, убран-

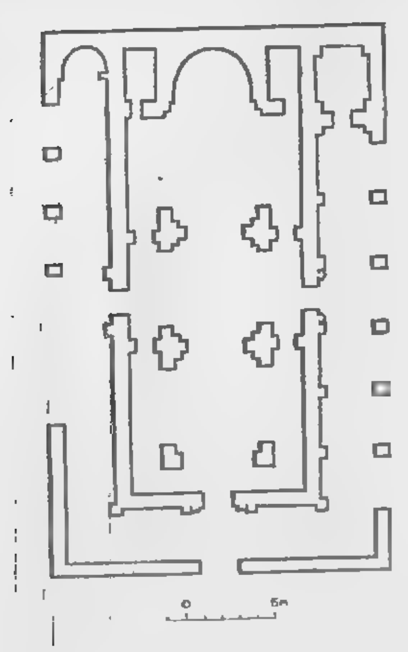


Рис. 33. Одзун. План церкви.

ство входов частью отсутствует, частью переделано; многочисленные широкие окна заложены, что придает фасадам несколько подслеповатый вид; и все же этот могучий памятник армянского зодчества производит исключительно сильное впечатление (рис. 32). Превосходно разработана восточная часть с тремя выступающими трехгранными абсидами, завершенными монументальным карнизом с крупными зубцами (рис. 60в).

Точная дата сооружения церкви в **Одзуне** (Узупларе) не известна. Новая надпись на северо-восточном пилоне гласит, что церковь возобновлена в 1888 г. и построена в 735 г. католикосом Иоанном Одзунским. Едва ли, однако, в VIII в. в тяжелые годы арабского владычества могли построить такое выдающееся по своим художественным достоинствам здание. С другой стороны—и это особенно существенно—характер архитектурных форм и убранства позволяет вполне уверенно отнести этот памятник к первой половине VII в., а то и к более раннему времени. Здесь даже сохранена примечательная деталь, присущая древним армянским базиликам: вдоль южной и северной стен идут открытые галереи с приземистыми столбами, соединенными арками. В западном конце они упираются в глухую паперть с входом посредине, а в восточном — заканчиваются маленькими (рис. 33, табл. 16) часовенками. Из элементов скромного убранства обращают на себя внимание играющий на солнце светом и тенью арочный карниз, барельефы по сторонам арок оконных проемов и наличник западной двери, украшенный резной, очень хорошо прорисованной вьющейся виноградной лозой.

Церковь Гаяне в Вагаршапатс, капитально перестроенная католикосом Езром в 630 г., повторяет формы купольных базилик: купол находится в центре помещения для молящихся, алтарная часть с двумя приделами и снаружи имеет вид более низкой пристройки, удлиняющей восточную половину здания (табл. 17, рис. 30б). Однако сравнение пилонов вагаршапатской церкви с мренскими показывает, что архитектор хотел подчеркнуть центричность своей постройки: здесь (как и в Багаване) профилированные стороны пилонов обращены не в средний неф, как в Мрене, а в подкупольную, просторную часть. Открытая паперть с западной стороны пристроена в 1683 г.

Главная абсида и абсиды приделов в церквах этой группы иногда выступают гранями из основного массива здания (Мрен, Багаван), что можно объяснить их близостью к древним базиликам Армении, в которых, как уже видели, также встречаются выступающие абсиды.

В дальнейшем зодчие начинают ставить купол в центре всей постройки. Они достигают равновесия между западной и восточной половинами без изменения схемы купольной базилики тем, что приближают алтарную абсиду и расположенные по бокам приделы к восточной паре пилонов. Так поступил, например, как увидим дальше, знаменитый строитель собора в Ани, архитектор Трдат, работавший в X—XI вв. (рис. 64). В этих постройках абсида снаружи больше не появляется, ее всегда скрывают внутри между приделами.

В VII в. были построены соборные церкви в **Двине** и **Талине**, в которых зодчие развили тип купольной базилики, придав ей под щипцами южного и северного фасадов выступающие абсиды.

Двинский собор св. Григория, постройка которого была начата Смбатом Багратуни и закончена католикосом Комитасом в первой трети VII века[58], разрушен до основания; но уже по остаткам, вскрытым раскопками, путем сопоставления их со сходными по плану, лучше сохранившимися развалинами в Талине можно составить представление о его виде. Свидетельство Себеоса, на котором мы основываем датировку двинского собора, не оставляет сомнений в том, что речь идет

именно об этой постройке. Историк отмечает беспокойство персидского начальника двинской крепости по поводу того, «что (церковь) очень близка к крепости и представляет опасность со стороны врагов». Действительно, раскопанные развалины находятся у самого крепостного рва к западу от главного холма.

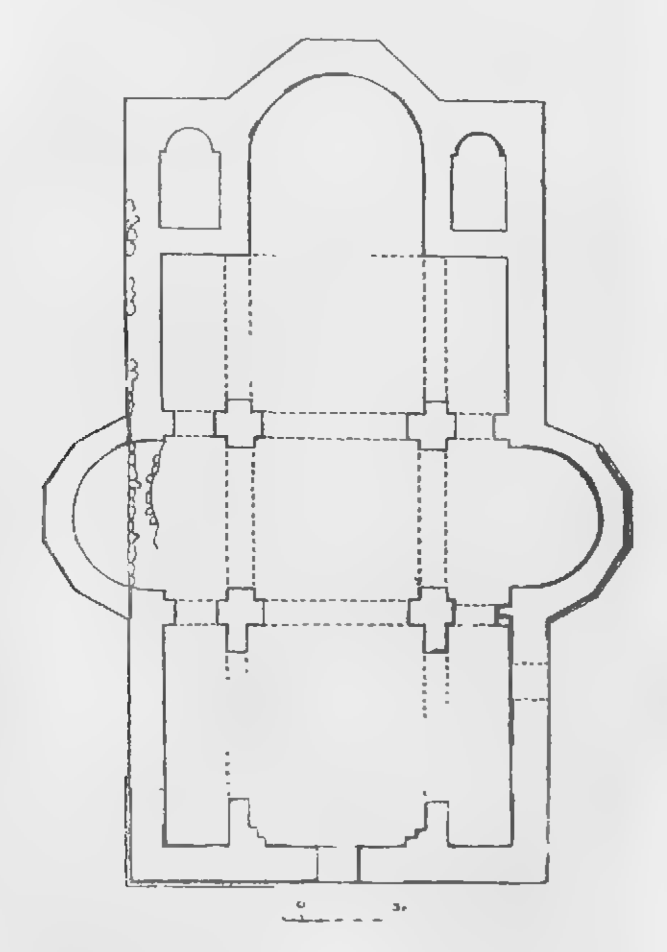


Рис. 34. Двин. План собора.

Судя по плану, собор представлял купольную базилику с несколько удлиненной западной частью и граневыми снаружи абсидами, выступавшими на трех фасадах, кроме западного (рис. 34)*. Из-за разрушений и после раскопок остается нерешенным вопрос—существовали ли северная и южная абсиды с самого начала или были пристроены позднее. Основанием для этих сомнений являются остатки стены в северной абсиде внутри храма. От архитектурной отделки памятника ничего не сохранилось; можно лишь полагать, что найденная на кладбище соседнего селения Арташат левая половина большой плиты со сценой сбора винограда и крестом представляет часть архитрава, который в свое время перекрывал одну из дверей собора (табл. 11).

В Талине разрушены купол и юго-западная часть здания, включая южную абсиду, которая, судя по имеющимся фотографиям, обвалилась сравнительно недавно.

В Талине основной принцип композиции первых купольных базилик—постановка купола в центре помещения для молящихся—уже не соблюден. Подкупольная часть как бы придвинута к алтарю, а западная значительно удлинена. В результате, восточная половина здания, считая от оси купола, оказалась короче западной (рис. 35). Замена тромпов сферическими парусами и соответственное увеличение числа граней барабана до двенадцати отличают так-

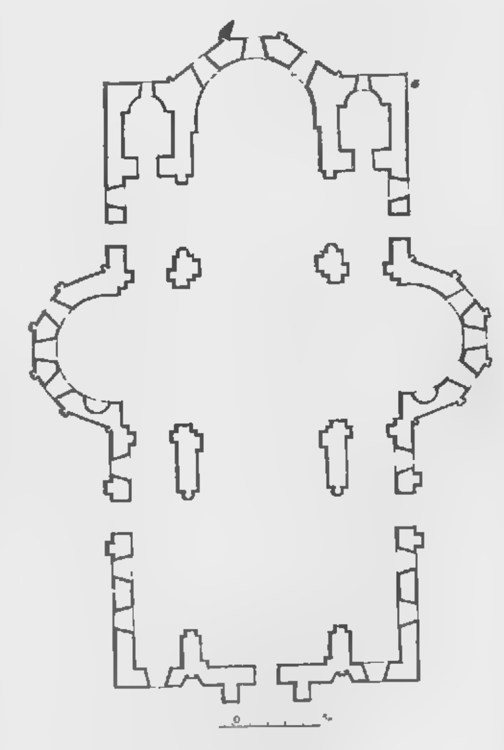


Рис. 35 Талин. План собора.

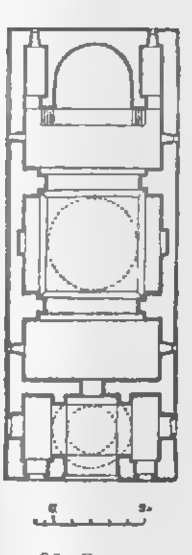
---

* На плане толстыми линиями показаны сохранившиеся камни обхвата.

же этот памятник от церковных построек первой половины VII в. В наружном убранстве видно несомненное влияние Звартноца. Грани абсид и барабана в Талине отделаны полуколонками и арочками, украшенными на абсиде виноградной лозой, ветвями граната и корзиночным плетением (табл. II, III, VIII). Карниз, как в Аруче, Артике и других памятниках второй половины VII века, наклонный, с большим выносом, покрытый резьбой в виде плетеной корзинки. Подобный вид карниза, насколько пока известно, впервые появился на Звартноце и вызвал многочисленные подражания. Исключение представляет здесь карниз барабана, где сохранена древняя зубчатая форма, данная в своеобразной переработке. Система размещения больших окон такая же, как в церкви в Аруче, о которой будет сказано дальше; это наряду с приведенными особенностями свидетельствует об одновременности сооружения обоих памятников во второй половине VII в. (аручская церковь твердо датирована строительной надписью и сообщениями историков). Сюжеты резьбы на бровках имеют многочисленные параллели на других постройках VII в. (табл. I, V—VIII). Примечательно, что на одной из бровок вырезаны кессончики, заполненные розетками, как это сделано на верхней полке карниза в Звартноце (табл. I—9 в.).

Соборы в Двине и Талине некоторые исследователи сопоставляют с известным кутаисским собором Баграта III (начало XI в.). К этому, однако, нет оснований, так как несмотря на кажущееся сходство планов, храм в Кутаиси представляет развитие другого, *крестообразного* типа, созданного первоклассными мастерами, работавшими в X в. во владениях выдающегося государственного деятеля куропалата Давида.

Армянские зодчие умели мастерски возводить своды, перекрывавшие большие пролеты, и потому могли обходиться без излишних промежуточных опор. Действительно, уже во второй половине VI века появляется совершенно новый тип однопролетной церкви, завершенной куполом, известный в научной литературе под названием «купольной залы». Перво-



36. Вагаршапат. План церкви Шогакат.

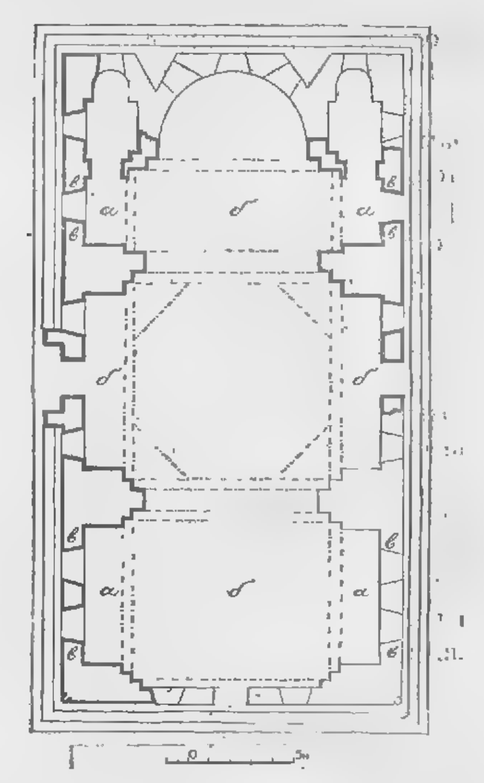


Рис. 37. Птгни. План церкви.

...ачально купол ставился, вероятно, так же как и в купольных ...иликах, над серединой помещения для молящихся, вследствие чего восточная половина, заключающая алтарь и при...елы, была длиннее западной, что можно видеть, например, ... церкви Шогакат в Вагаршапате, постройке 1694 г., сохранившейся, по нашему мнению, высказанному еще в 1923 г., ...VII в. (рис. 36).

Наиболее ранним памятником того типа из числа из...ных в настоящее время можно считать полуразрушен...ю церковь в селении Птгни неподалеку от Еревана, ...тливо избежавшую позднейших перестроек и переделок. Документальных данных о времени ее сооружения не имеет. Однако архитектурные формы, конструкция и характер ...рчества позволяют поместить ее дату в конце VI в., по-

скольку, по древнему свидетельству, это селение в начале VII в. служило местопребыванием епископа[59].

Церковь представляла собой большую залу с двумя парами пилонов, сильно выступающих из толщи продольных стен, ярко освещенную многочисленными широкими окнами (рис. 37, табл. 19). Между пилонами были переброшены арки и своды (вдоль северной и южной стен), которые с тромпами в углах образованного ими подкупольного квадрата служили основанием разрушенного ныне восьмигранного барабана (табл. 21). От пилонов к широким пилястрам западной и восточной стен шли цилиндрические своды (а), на которых были возведены продольные стены верхней крестообразной в плане части постройки; стены такой же высоты были выложены и на пилонах, являясь их продолжением. Таким образом, верхняя часть здания с куполом в центре и в постройках этого типа получает крестообразную форму (рис. 38). Три крыла этого креста перекрывали полуциркульные своды (б), а четвертое, восточное, заканчивалось конхой алтарной абсиды. Все своды верхней части были скрыты под двускатны-

Рис. 38. Птгни. Вид церкви с юго-востока (схематическая реконструкция)

ми кровлями. В углах над продольными стенами (в) вместе с частями сводов (а) кровли односкатные. Церковь снаружи имела вид, сходный с трехнефной купольной базиликой, и только широкий щипец да объемистый восьмигранный барабан указывали в свое время на отсутствие отдельно стоящих опор. В восточной части находится алтарная абсида с приделами по бокам; между ней и абсидами приделов помещены треугольные в плане ниши, покрытые коническими сводиками (тромпами), назначение которых, с одной стороны, облегчить в этих местах каменный массив и с другой—осветить алтарь не только через одно центральное окно, но и через два боковых, открывающихся в эти ниши, как например, сделано в церкви этого же типа в Аруче (рис. 39).

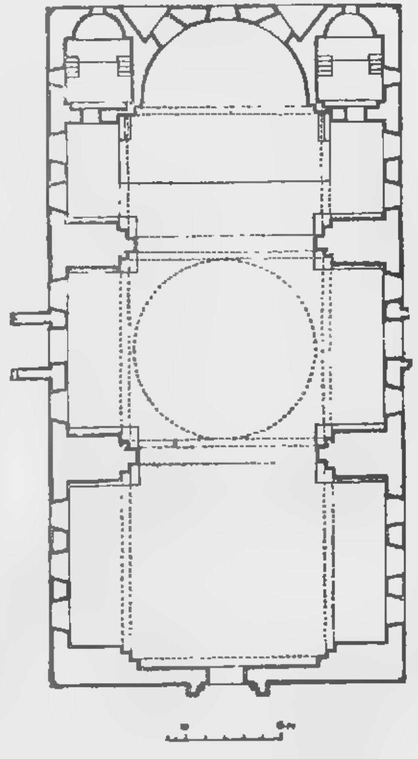


Рис. 39. Аруч. План церкви.

Рассмотрение плана церкви в Птгни показывает, что здесь архитектор старался достигнуть равенства восточной и западной половин здания, для чего пространство между алтарем и восточной парой пилонов им сделано короче западной части церкви.

Во второй половине VII в. известный армянский государственный деятель Григорий Мамиконян (ум. в 681 г.), поставленный арабами наместником страны, построил в своей резиденции в А р у ч е (ныне Талише) большой храм того же типа, что и в Птгни (рис. 39, табл. 22). Все древние авторы, упоминающие в своих сочинениях о сооружении этого выдающе-

гося памятника (Гевонд, католикос Иоанн, Асогик, а за ними и Киракос Гандзакский, Вардан, Мхитар Айриванский), согласно называют строителем Григория Мамиконяна. На самом храме, снаружи, под центральным окном алтаря от имени его и супруги Елены вырезана строительская надпись с датой основания храма в 29 году царствования византийского императора Константа-Константина. Указание на этот год повело к целому ряду недоразумений и к сомнениям в подлинности надписи, так как по византийским источникам Констант царствовал всего 27 лет. Но это расхождение с надписью и свидетельствами древних армянских историков Моисея Каганкатуйского и Вардана, согласно которым Констант царствовал 29 лет[61], мешает лишь установить дату с точностью до года и совсем не даст оснований для сомнений в том, что строителем был Григорий Мамиконян.

При подходе к Талишу (Аручу) с юга, со стороны Коша, где тоже сохранились развалины крестообразной церкви VII в., с высот на расстоянии 3—4 км открывается панорама

Рис. 40 Аруч. Вид церкви с юго-востока (схематическая реконструкция).

предгорья, на котором расположилось селение. Отсюда особенно хорошо видны масштабы постройки Григория Мамиконяна. Она не имеет ни купола, ни барабана; на протяжении веков почти на два метра вросла в землю и все же господствует и над домами жителей и над кущами садов. Отсутствие купола не мешает оценить достоинства композиции величественного интерьера с выступающими из стен пилонами и мощными сводами, ярко освещенного многочисленными широкими окнами (табл. 23). Только в отделке некоторых деталей (капителей, внутренних карнизов) аручский мастер несколько уступает своему предшественнику в Птгни. Однако, взяв в Птгни идею пространственного решения церковного здания, мастер не пошел по пути простого повторения; он внимательно присматривался к тому, что делалось в архитектуре в его дни, не боялся заимствовать новинки. В это время был только что закончен или заканчивался Звартноц, произведший, надо полагать, сильнейшее впечатление на современников, так же как и в наши дни он даже в развалинах поражает всех, кто его осматривает. Несомненно, оказывается под влиянием Нерсесовой постройки и аручский архитектор. Он ставит барабан в своей постройке не на повсеместно распространенные до того тромпы, а на паруса, которые, по нашему мнению, в развитой форме впервые в армянской архитектуре были применены в Звартноце. Даже в орнаментации бровок наряду с наиболее распространенными сюжетами первой половины VII в. появляются ланцетки, разработанные так же (вплоть до профиля), как в Звартноце. Здесь они вырезаны на полосе, имеющей небольшую выпуклость, в то время как обычно на памятниках первой половины VII в. орнаментированная часть бровки бывает плоской. Привычный зубчатый или арочный карниз мастер заменяет карнизом, взятым также из Звартноца (рис. 60т). Наконец, разрушенный ныне барабан аручского храма был украшен полуколонками, соединенными между собой арочками (рис. 40); угловые камни барабана были обнаружены около северной стены здания.

Крестообразная форма церкви, вероятно, была известна армянским зодчим значительно раньше сооружения композиционно сложного памятника в Аване около Еревана, самого

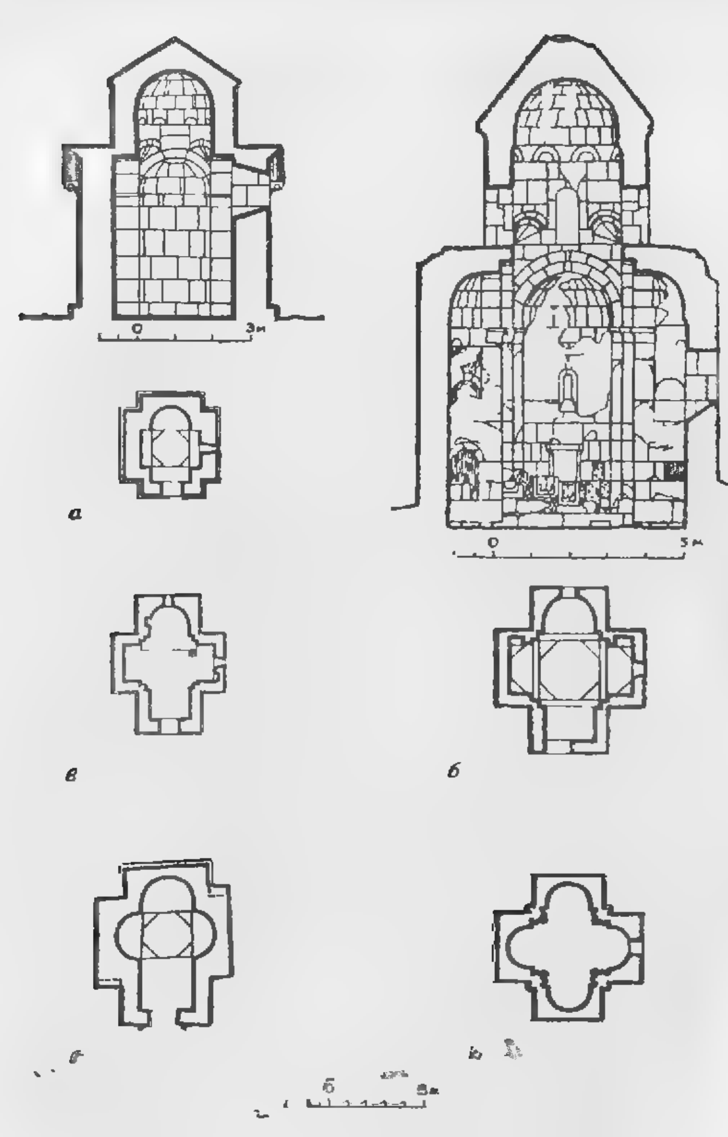


Рис. 41. а—Бджни, б—Лмбат, в—Аштарак, г—Джрвеж, д—Парби. Планы и разрезы церквей.

раннего из документально датированных. Об этом свидетельствует крестообразная усыпальница в Ахце. Мы пока достоверно не знаем древнейших представителей этого купольно-

го типа и потому принуждены в качестве примеров приводить церкви, построенные не ранее VI—VII вв.

Основой архитектурной композиции в крестообразных купольных церквах является центральное, квадратное в плане пространство, увенчанное куполом. Около него располагаются четыре крыла, образующие крест, обычно несколько вытянутый с запада на восток. Крылья креста в большинстве случаев бывают попарно равны, но встречаются отдельные постройки с удлиненной западной частью (Джрвеж, Талин — рис. 41г, 42). Поперечные размеры крыльев в небольших

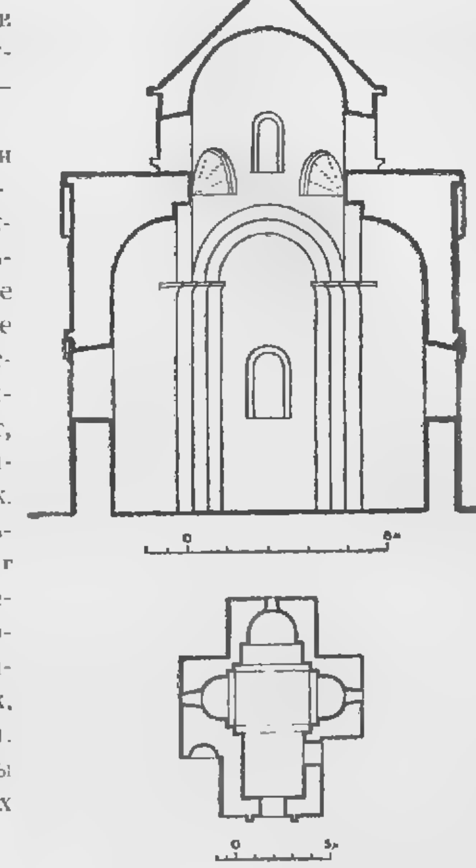


Рис. 42. Талин. План и разрез малой церкви

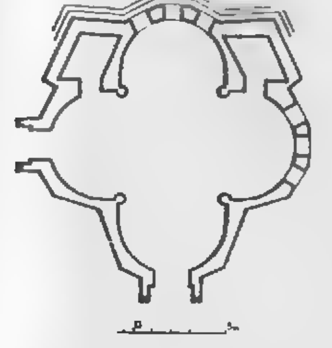


Рис. 43. Агарак. План церкви.

церквах равны стороне подкупольного квадрата и потому они примыкают друг к другу, образуя внутренние углы, на которые опираются четыре арки, несущие вместе с тромпами (коническими парусами) восьмигранный барабан и купол. В тех случаях, когда углы отделываются в виде колонок, как в Аштараке и

Агараке (рис. 41в, 43), или включают дополнительный прямоугольный профиль, как в Лмбате, Талине и др. (рис. 41б, 42), арки, несущие барабан, делаются двойными. Внутренний контур крыльев бывает различный. В церквах в Лмбате около Артика, Коше, Кармиравор в Аштараке, Саркиса в Бджни три крыла внутри прямоугольны в плане, а четвертое, восточное, заключает в себе алтарную абсиду (рис. 41). В малой церкви в Талине, построенной князем Нерсехом Камсараканом, наоборот, прямоугольно лишь несколько вытянутое западное крыло, а в трех других скрыты абсиды. Такой же план имеет и раскопанная мною в 1957 г. церковь в Джрвеже, построенная на рубеже VI—VII вв., вероятно, католикосом византийской части Армении—Иоанном (рис. 41г). В Агараке (к западу от реки Ахурян), Парби на Арагаце, Ошакане все четыре крыла имеют форму абсид (рис. 43). Прямоугольные крылья покрывались цилиндрическим сводом, абсиды—конхой.

Интересное исключение представляет стройная церковка конца VI в. в Лмбате (рис. 41б). Здесь южное и северное крылья несут не цилиндрические своды, а конхи, переход к которым получен с помощью двух рядов тромпов. Эту редкую форму покрытия прямоугольного пространства строители применили, как уже отмечалось, в персидских дворцах в Аммане и Сервистане и в несторианской церкви IV—V вв. в Керкуке (Курдистан). Кроме Лмбата, другой случай такой системы перекрытия в церковном здании в Закавказье известен в Грузии (Вачнадзианская Квелицминда близ селения Шрома). Эти факты свидетельствуют о былом творческом общении переднеазиатских мастеров. Внешние очертания крыльев крестообразных церквей—преимущественно прямоугольные (Лмбат (табл. 24) Аштарак, Талин и др.), редко—многогранные (Агарак, Аламн) и полукруглые (церковь IX в. в Айриванке на Севане). В связи с повсеместным применением в постройках этого типа перехода к куполу через тромпы барабан везде имеет восьмигранную форму. Там, где окна барабана помещены непосредственно между тромпами, высота его невелика, и он имеет несколько приземистый вид (табл. 25, рис. 46).

Своеобразно разработана конструкция перехода к барабану в крохотной церковке св. Саркиса в Бджни. Здесь угловые грани барабана возведены тоже на арочках, перекинутых между арками крыльев креста, но под ними в углах помещены не полуконусы, а ложчатые сводики (рис. 44). Такая система, как увидим дальше, найдет применение в X—XI вв. в некоторых анийских церквах, но уже в нижней части сферических парусов.

Особое место среди простых крестообразных церквей занимают церкви в Артике и Аламне.

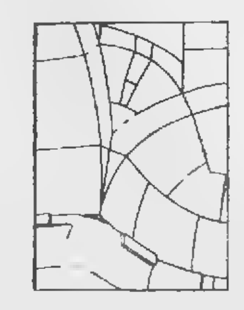


Рис. 44. Бджни. Тромп церкви Саркиса.

Малая церковь в Артике, по мнению А. Еремян, построена в V в. и может считаться наряду с Текором одной из первых купольных церквей Армении. Основой ее является однонефная сводчатая зала с абсидой в восточной части. В продольных стенах перед алтарем расположено по проему с арочным перекрытием такого же пролета, что и сама зала. Арки этих проемов с триумфальной аркой абсиды и подпружной аркой свода залы образовывают квадрат, переходящий через тромпы в восьмигранник, завершенный куполом. По сторонам подкупольной части расположены два прямоугольных помещения с абсидами, придающие церкви крестообразную форму (рис. 45б). Снаружи в западных стенах этих боковых крыльев устроены полукруглые ниши -деталь, присущая наиболее ранним церквам и позволяющая полагать, что в западной части артикской церкви имелись открытые галереи.

Церковь св. Анании в Аламне построена согласно надписи в 637 г.[62] Так же как и в малой артикской церкви, за основу здесь взята однонефная сводчатая зала с выступающей пятигранной алтарной абсидой, перед которой и был поставлен купол; по бокам подкупольной части также выступает на фасадах по пятигранной абсиде, что придает плану вид креста с удлиненным западным рукавом (рис. 45а). Абсиды ниже основного массива, и это обстоятельство позволяет счи-

Н. М. Токарский

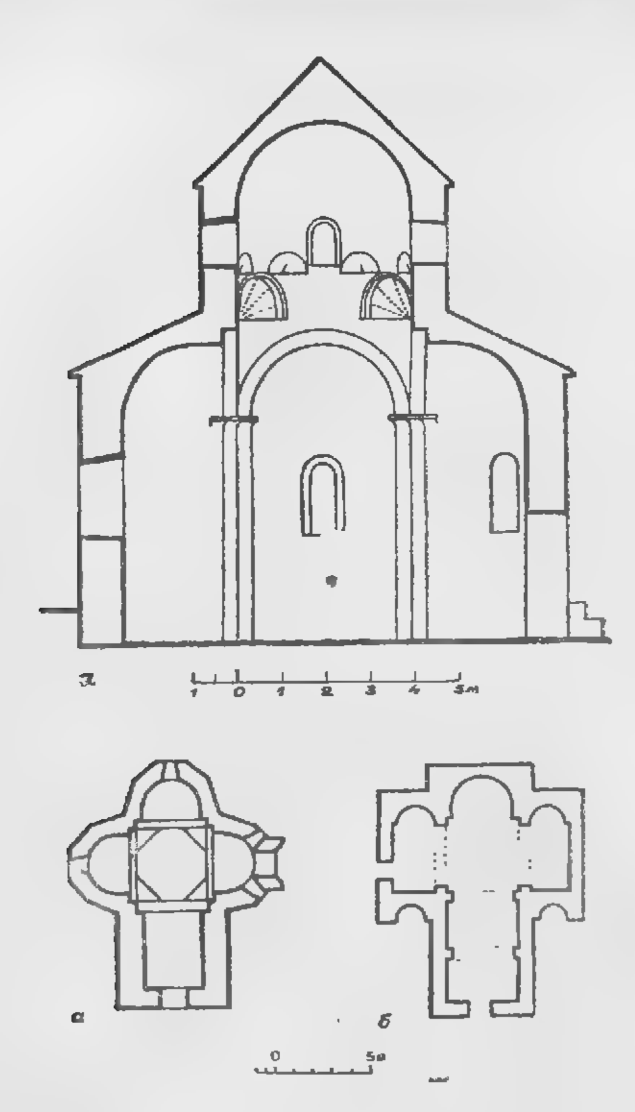


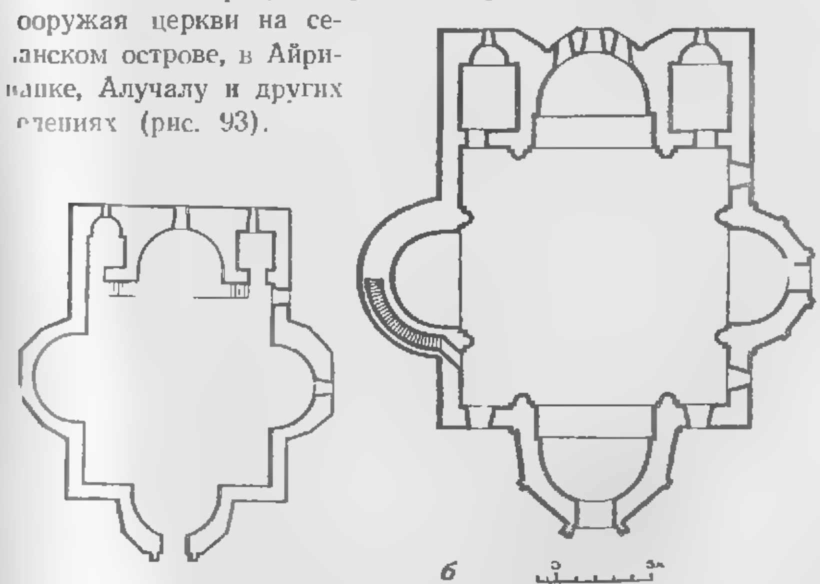
Рис. 45. а—Аламн. План и поперечный разрез церкви б—Артик. План малой церкви.

тать, что зодчий при разработке своего проекта исходил не из крестообразной формы, где все крылья равноценны по объему, имеют одинаковую высоту и окаймлены карнизом на одном уровне, а предпочел решение, представляющее сочетание

купольной залы с выступающими на фасадах абсидами меньшей высоты (табл. 25).

Рис. 46. Аламн. Вид церкви с северо-запада (схематическая реконструкция).

Здесь следует отметить, что крестообразная форма, весьма распространенная в Армении до VII в. включительно, после освобождения страны от арабского владычества по каким-то причинам не появляется в творческом обиходе зодчих, обстраивавших новую столицу Ширакского царства Багратидов, хотя они в своих постройках и продолжали разработку типов, созданных их предшественниками. Только в районе озера Севан мастера конца IX в. отдают даже предпочтение (правда, в последний раз) постройкам в форме свободного креста, сооружая церкви на Севанском острове, в Айриванке, Алучалу и других селениях (рис. 93).



47. а—Мастара. План церкви. б—Артик. План большой церкви.

лан церквей VII в. в
Ариче и позднее, в
итаны на большее ко-
чем построек в Воске-
Мастера здесь увели-
ой части, стороны ко-
бсид, образующих в
чния плана углы цент-
ежду абсидами, имею-
абл. 26, 27). Только в
и они прямоугольны,
рассмотренными нами
В Артике северная аб-
своим полукруглым
анства в виде полуко-
, приобрела в резуль-
ак и в других церквах
восемь арок, обрам-
олуконуса над высту-
ркви. Отделка абсид
арочками, а также
. без опасения впасть
бку, датировать ар-
й памятник второй по-
ой VII в. Поэтому на
ической реконструк-
показан двенадцати-
ый барабан, украшен
олуколонками и арoч
как в Аруче и Талине
48). В Артике подъем
ального объема над
ами особенно значите-
, когда здесь стоял на-
ый барабан, здание
устремленный ввысь
ественный вид.

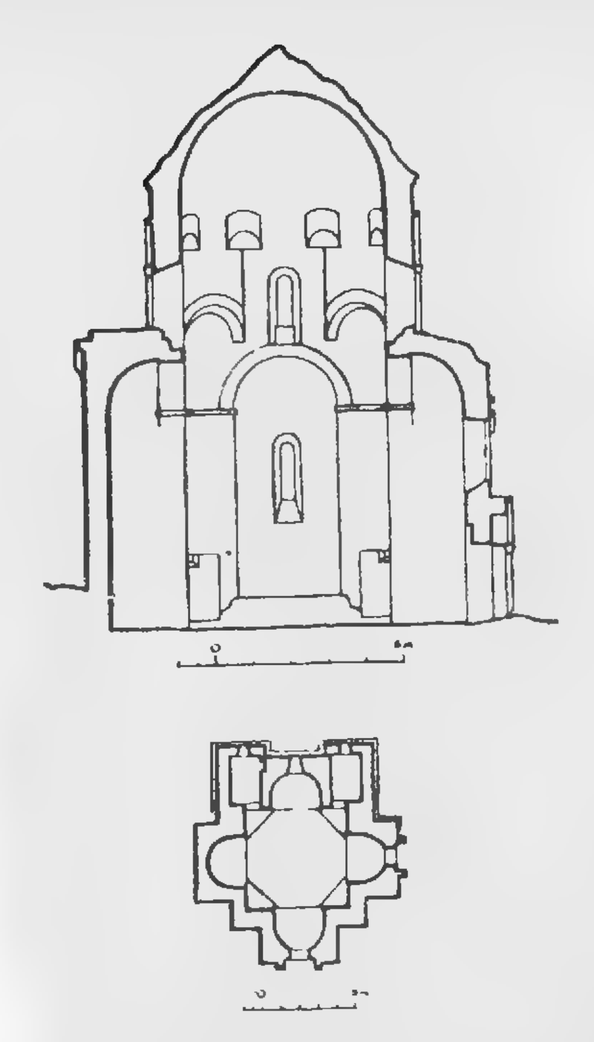


Рис. 49. Воскепар. План и поперечный разрез церкви.

Весьма своеобразна форма барабана церкви в Мастаре, восемь углов которого срезаны наподобие треугольных ниш (табл. 26). По нашему мнению, мастер применил такой прием не из-за декоративных соображений, а для того чтобы сократить поперечник барабана с угла на угол и тем сгладить впечатление грузности.

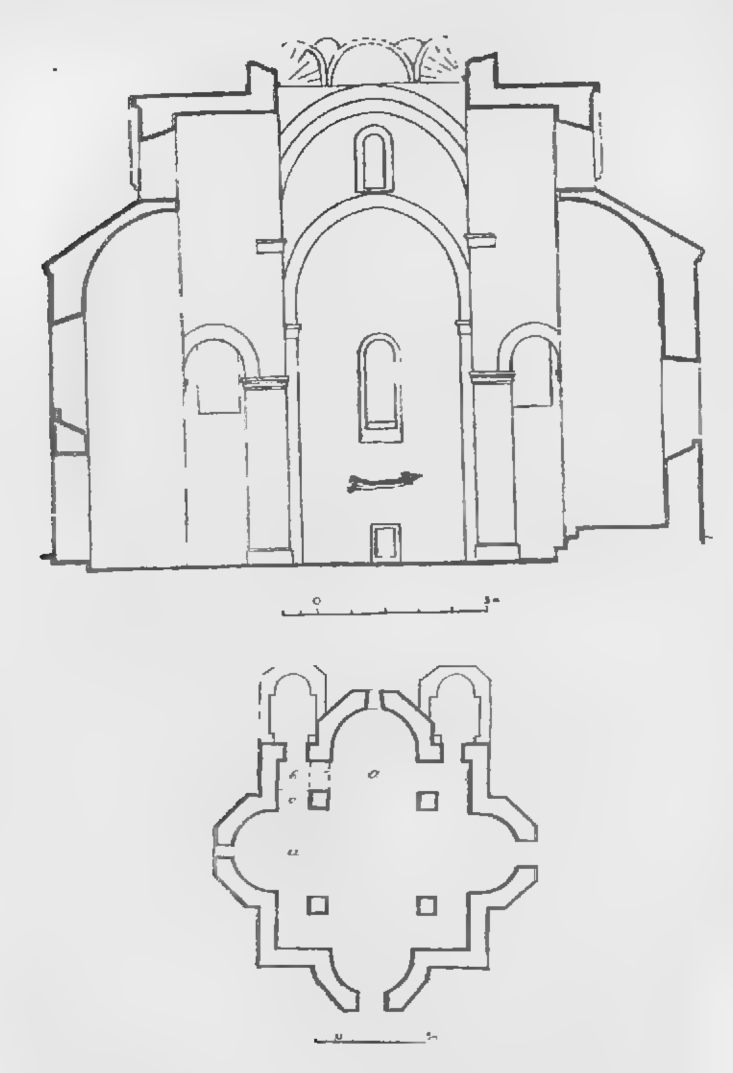


Рис. 50 Багаран. План и продольный разрез собора.

В 20-х числах апреля 631 г. (как гласит строительская надпись)[63] была закончена постройка собора в древнем Багаране на берегу реки Ахурян (рис. 50, табл. 28), в котором талантливым зодчим был избегнут основной недостаток Мастары—некоторая грузность центральной части.

При сравнении планов церквей в Багаране и Мастаре, кстати почти одинаковых по размерам, может показаться, что вся разница заключается в том, что в Багаране добавлены столбы, поддерживающие центральное купольное завершение храма. На самом деле замысел мастера был иной. Основой плана здесь является не квадрат, а крест (а); в продольных стенах его рукавов прорезаны перекрытые арками проемы (б), которые ведут в угловые низкие части собора (в); полученные таким образом пилоны поддерживают четыре арки, которые вместе с тромпами в углах несли ныне разрушенный восьмигранный барабан и купольный свод. К концам крестообразной части примыкают многогранные снаружи, круглые внутри абсиды, покрытые конхами, на арках которых покоятся торцовые стены крыльев креста, заканчивающиеся наверху щипцами с небольшими окнами.

По характеру и расположению масс багаранский собор в нижних частях на первый взгляд сходен с церковью в Мастаре: в нем видим абсиды и выступающие между ними под прямым углом стены. Но в то время как в Мастаре абсиды примыкают к ясно выраженной центральной, квадратной в плане, части здания, переходящей сразу же над их кровлями в барабан, здесь в Багаране, выступающие между абсидами стены ограничивают ие основную, а второстепенные угловые площади собора за пилонами, что подчеркнуто на фасадах их высотой: она меньше высот абсид. Основная крестообразная часть здания, покрытая двускатными кровлями по полуциркульным сводам, высится над его нижними частями, создавая ступенчатый переход к стройному барабану с островерхой кровлей, венчающему этот прекрасно

Рис. 51. Багаран. Вид собора с юго-запада (схематическая реконструкция).

задуманный и выполненный памятник армянского зодчества (рис. 51).

В углах между абсидами по сторонам алтаря зодчие помещали небольшие часовни -приделы, обычно два, объединяя иногда эти три части восточного фасада общей стеной, прорезанной глубокими нишами (Артик). Встречаются приделы, пристроенные позднее.

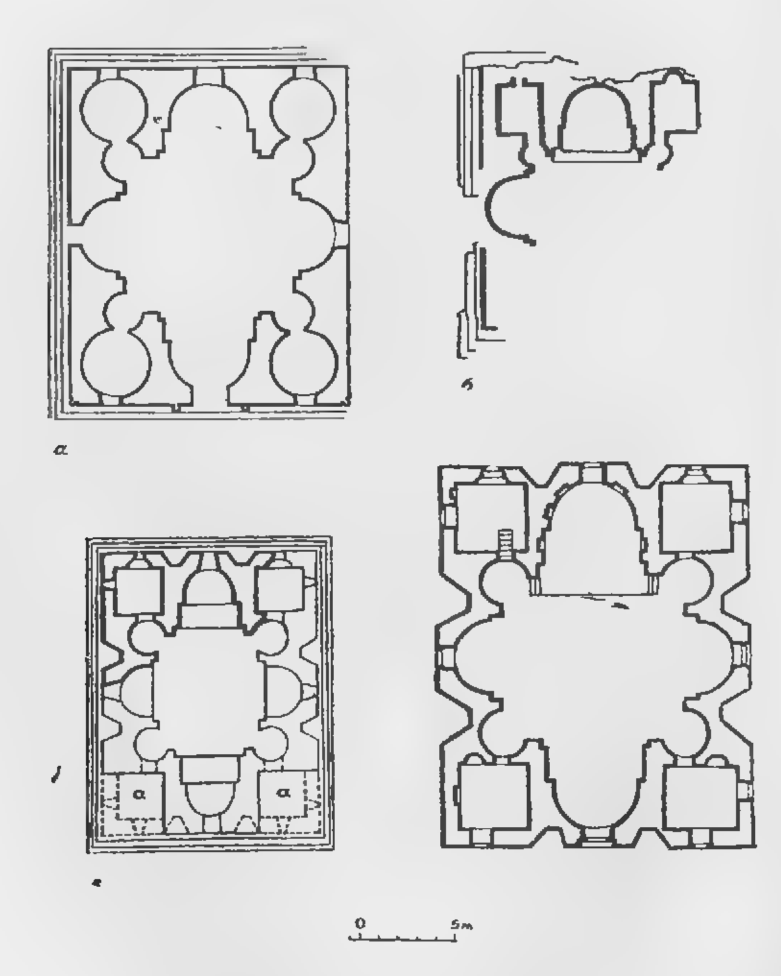


Рис. 52. а -Аван, б -Арамус, в -Айгешат, Таргманчац-ванк, г—Вагаршапат, церковь Рипсиме. Планы церквей.

Особое место по типу и формам занимает большая группа памятников, сооруженных в VI—VII вв. преимущественно в расположенных неподалеку друг от друга селениях нынешних Котайкского и Эчмиадзинского районов. В основе они также имеют купол на квадрате, у всех сторон которого размещены абсиды; но в противоположность постройкам в Мастаре и Артике абсиды не выступают на фасадах, так как между ними во всех четырех углах устроены приделы и нижняя часть здания представляет прямоугольный массив, заключающий в себе все помещения. Кроме того, углы центрального квадрата внутри разработаны в виде характерных для этого типа трехчетвертных ниш с дверями, ведущими в приделы (рис. 52, 54).

Древнейший из известных армянских памятников этого вида—церковь в А в а н е в 6 км от Еревана. Себеос сообщает, что церковь в Аване построил католикос византийской части Армении Иоанн, который, вернувшись из персидского плена, умер в Аване, где и был похоронен около 609 г.[64] (рис 52а, табл. 29,30).

Аванская церковь, как и другие постройки этого типа, имеет план в виде креста с четырьмя приделами в углах. Приделы круглые, покрытые соответственно сферическими сводами с гуртами. Такой вид приделов дал повод полагать, что аванская церковь имела пять глав (куполов). Но это мнение ошибочно, так как на самом деле своды приделов были скрыты под кровлями угловых частей здания. Центральный барабан с покрывающим его сводом был основан на арках абсид и ступенчатых арочках над угловыми трехчетвертными нишами (табл. 30). О первоначальном виде барабана трудно сказать что-либо определенное, так как он совершенно разрушен.

Наружный контур церкви -прямоугольный; здесь еще нет ниш, прорезающих массы камня между абсидами и приделами, которые в последующих постройках этого типа делят фасады в соответствии с внутренним строением здания. Какой вид имела снаружи верхняя часть церкви -была ли она крестообразна, как в соседнем Арамусе и других постройках, сказать трудно. Судя по остаткам горизонтального карниза в средней части западного фасада, здесь мог быть в случае

крестообразного верха не щипец, а фронтон. Если этот карниз шел по верху стен вокруг всего здания, церковь должна была иметь общую четырехскатную кровлю, из которой вырастал купол.

Лучше других сохранившаяся западная стена позволяет судить о том, какой вид имели фасады. Здесь нет лишнего. В середине западной стены—главный вход; так же как в ереруйкской базилике, по бокам проема стоят трехчетвертные колонны, несущие переброшенную между ними профилированную подковообразную арку, врезающуюся во фронтон (табл. 29). Дверь перекрыта громадным каменным брусом, над которым под аркой помещено полукруглое окно—люнет. Два широких окна с полукруглым верхом освещают расположенные в западных углах церкви приделы, на арке входа и бровках окон играют светом и тенью ряды сухариков. Свернутые в кольца листья заполняют резной наличник двери. На южном и северном фасадах было всего по одному окну (из абсид), а на восточном три окна (из абсиды и приделов). Судя по сохранившейся на северной стене бровке и найденным в земле фрагментам, убранство всех окон было одинаковым и весьма близким к ереруйкской базилике, несмотря на то, что бровки здесь и не доходят до низа проема.

В 10 12 км к востоку от Авана, в **Арамусе** стоят развалины церкви, подобной аванской (рис. 52б). Вся разница между ними заключается в том, что здесь приделы в плане не круглые, а прямоугольные. Так же как в Аване, в Арамусе еще нет наружных ниш между абсидами и приделами. Единственная сохранившаяся бровка на совершенно лишенной облицовки восточной стене несколько богаче аванских: сухарики на ней идут в два ряда один над другим в шахматном порядке. Имеется фотография ныне утраченного камня бровки, украшенной резьбой в полном соответствии со вкусами заказчиков в VII в.; в ней два орнаментированных пояса: нижний заполнен сердечками, верхний—вьющейся виноградной лозой, до мелочей сходной с орнаментом на бровке одного из окон в Багаране. При реставрационных работах 1943 г. обнаружены обломки еще одной бровки, на которых вырезаны «цветы» такого же рисунка, как и на одной из бровок

церкви того же типа в Сисиане (табл. IV, 12б). Далее увидим, насколько эти мотивы характерны для архитектуры VII в.

Сходство в общей композиции и деталях отделки позволяет думать, что церковь в Арамусе могла быть построена одновременно с аванской. Правда, древние, но несовременные событию, историки (Киракос Гандзакский, Самвел Анийский) сообщают, что церковь и дом в этом селении были построены местным урожденцем католикосом Давидом (728 -741), но, как полагает И. А. Орбели, глагол շինել употребляется в надписях не только в значении *строить, сооружать*, но и *отстраивать, возобновлять, вероятно*, в случае больших починок и исправлений[65]. А в таковых, несомненно, должны были нуждаться постройки в стране, совсем еще недавно перенесшей бурю арабского вторжения.

В Арамусе южная, западная и половина северной стены церкви не сохранились; их основания и нижние ряды кладки скрыты под землей и обломками, и поэтому до производства раскопок не представляется возможным установить, насколько было сходно с аванским оформление входов.

Все перекрытия уцелевших частей здания отсутствуют; но несмотря на все эти разрушения, в северо-восточном углу над расположенным здесь приделом сохранился один ряд облицовки верхней части церкви, которая была крестообразна в плане и выступала из нижнего прямоугольного массива здания, заканчиваясь на фасадах фронтонами или щипцами.

В селении **Айгешат** близ Эчмиадзина стоят развалины церкви, известной под названием Таргманчац-ванка, которая сходна с только что отмеченными. Не отличаясь от них по своей основной схеме, в некоторых деталях она примыкает к памятникам, построенным на один-два десятка лет позднее. В ней уже имеются глубокие ниши, прорезающие каменные массивы между абсидами и прямоугольными угловыми приделами, которыми архитектор мастерски расчленил фасады в соответствии с внутренним строением (рис. 52в). Сохранилась редкая фотография, сделанная еще тогда, когда памятник в Айгешате стоял с остатками барабана и купола, позволяющая дать его схематическую реконструкцию (рис. 31). На этой реконструкции, сделанной вместе с архитекто-

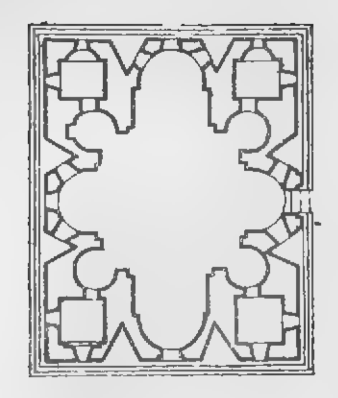
Рис. 53. Айгешат. Таргманчац-ванк. Вид церкви с юго-востока (схематическая реконструкция)

ром А. Еремян, штрихами помечена облицовка тех частей развалин, которые сохранились к моменту фотографирования (рис. 53). Нижние части облицовки выломаны, и всю тяжесть несет забутка. Арка, на которой стояли уцелевшие грани барабана на рисунке, скрыта верхом восточной части здания. Эта реконструкция была издана за два года до выхода книги Г. Н. Чубинашвили «Памятники типа Джвари». И все же автор, имевший полную возможность ознакомиться с фотографией, утверждает, что Таргманчац-ванк имел шестнадцатигранный барабан и потому не может считаться постройкой VII в. (стр. 120).

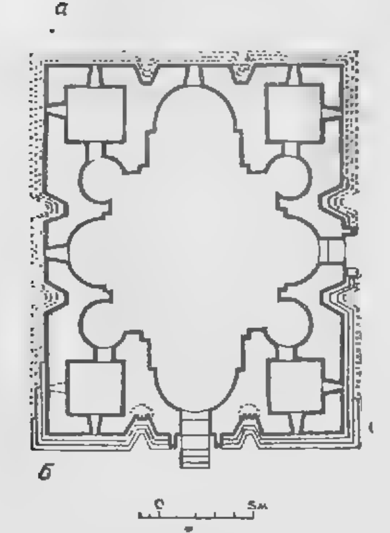
С каким подлинно инженерным чутьем и знанием свойств камня и растворов нужно было сконструировать и возвести эту постройку, чтобы одинокая арка после разрушения почти всей системы продолжала нести возведенную на ней стену барабана. Этот осколок барабана и купола с гуртами, ныне уже не существующий, особенно ценен для исследователя тем, что позволяет реконструировать разрушенную купольную часть в ряде церквей этого типа.

Церковь Рипсиме в Вагаршапате (рис. 52 г, табл. 32) построена, по свидетельству Себеоса, в 618 году католикосом Комитасом[66], имя которого, как строителя, упоминается и в двух надписях на ее стенах. Вся верхняя часть надстроена заново значительно позднее (по мнению А. Еремян, посвятившей памятнику обстоятельную монографию, в X в.), и о ее первоначальном виде можно высказать только предположение, сопоставляя с другими постройками этого типа. Новый купол сделан шире древнего, благодаря чему внутри барабана получился кольцевой обход, огражденный решеткой. Это увеличение поперечника барабана при сравнительно небольшой его высоте придало ему приземистый вид, не лишенный известной монументальности. По плану и общему решению церковь Рипсиме сходна с находящимся по соседству Таргманчац-ванком, построенным примерно в то же время, что позволило мне в книге «Архитектура древней Армении» высказать предположение о первоначальном виде купольной части памятника. В монографии А. Еремян даны два варианта реконструкции с восьми и двенадцатигранным барабаном, из которых автор отдает предпочтение второму, хотя других примеров двенадцатигранных барабанов первой половины VII в. не встречается. Возможно, что при восьмигранном барабане углы его, как показано в первом варианте, были срезаны, и на их месте помещены ниши. Такая форма известна по Мастаре и церкви этого же типа в Адиамане на Арагаце (VII в.), но особой надобности в подобном усложнении барабана здесь не было, и мы по-прежнему склонны видеть на церкви Рипсиме обычный для всех памятников рассматриваемого времени простой восьмигранник стройных пропорций. Общее архитектурное решение вагаршапатской церкви такое же, как в Таргманчац-ванке, и потому во избежание лишних повторений здесь дается не подробное описание, а приведены лишь соображения о первоначальном виде купольной части.

Прекрасная внутренняя облицовка стен была скрыта под штукатуркой, расписанной под белый с голубым мрамор. В 1958—1959 гг. штукатурку убрали, и интерьер предстал в своем первоначальном виде. Из древней отделки фасадов сохрани-



а



б

Рис. 54. а—Сисиан, б—Адиаман. Планы церквей

лись лишь оконные бровки, рисунок резьбы на которых весьма строг и содержит мотивы, характерные для ранних построек VII в. (табл. I, II, V, VII).

Колокольня в виде ротонды надстроена в 1790 г. над открытым притвором 1653 года.

К рассмотренной группе тесно примыкает церковь в Адиамане на Арагаце (рис. 54б). Здесь основная архитектурная идея не была достаточно уяснена строителем, мастером средней руки, и в результате его постиг ряд неудач, усугубленных нагромождением ненужных деталей вроде ниш, не к месту размещенных в щипцах фасадов. Но основной недостаток выразился в неправильной разработке центральной части церкви под куполом. Здесь угловые трехчетвертные ниши отвернуты с диагонали в сторону, к югу и северу и потому выпали из центрального объема как его составная неотъемлемая часть, обратившись в проходы, ведущие в приделы. Поэтому арки их не входят, как обычно, в систему, несущую барабан с куполом, и архитектору пришлось прибегнуть к весьма искусственному решению перехода к барабану с помощью четырех самостоятельных тромпов в углах.

Церковь в Адиамане можно датировать второй половиной VII в., так как наряду с чертами, встречающимися в церковной архитектуре на протяжении всего VII в., здесь имеет-

ся деталь—колонки в основных нишах, появляющиеся лишь во второй половине века (собор в Талине, церковь Зоравор в Егварте). В это время тромпы уступают место сферическим парусам, но сохранение древней формы перехода к барабану в Адиамане может быть объяснено недостаточной опытностью местного мастера.

Церковь в Адиамане, несмотря на все ее недостатки, приведена в качестве заслуживающего внимания примера стремления рядовых провинциальных мастеров к решению сложных архитектурных задач.

Церковь в Сисиане (рис. 54а) отличается от построек рассматриваемого типа формой и отделкой своего барабана. Он имеет двенадцать граней, украшенных парными полуколонками, соединенными сильно выступающими арочками, и завершен карнизом с сильным наклонным выносом. Такой же карниз окаймляет квадратное основание барабана и частично сохранился на неперестроенных частях основных стен. Как уже было показано, эти формы барабана и карниза появились только во второй половине VII в., к какому времени и должно быть отнесено окончание строительства сисианской церкви. Характер орнаментов на бровках окон позволяет датировать нижние части церкви более ранним временем (I пол. VII в.). К этому времени больше подходит и вид капителей пилястр между абсидами и трехчетвертными нишами, которые разработаны совершенно так же, как в Птгни в виде волют с листьями и гроздьями винограда между ними. Возможно, что в строительстве, начатом до появления арабов, был перерыв, вызванный их набегами.

В сисианской церкви обращает на себя внимание странная форма щипцов со срезанной вершиной. Это, несомненно, результат позднейшей неудачной перестройки, произведенной в связи с неизвестно чем вызванным разрушением обычного крестообразного верха здания.

В церквах этой замечательной группы везде, кроме Ахтамарской церкви X в., все помещения снаружи обведены прямоугольным контуром стен; фасады разработаны так же, как в купольных базиликах: крестообразной внутренней основе отвечает крестообразная верхняя часть, заканчивающаяся на

фасадах щипцами. В первых постройках этого типа (Аван, Арамус) на фасадах существование абсид не отмечено, и нижняя часть их представляет ничем не расчлененную поверхность. В дальнейшем (через 10–15 лет) архитекторы начинают с большим художественным тактом выявлять на фасадах внутреннее строение здания, прорезая их глубокими трапецоидальными и треугольными в плане нишами между абсидами и приделами (Гаргманчац-ванк, Рипсиме и др.).

На рубеже шестого и седьмого столетий, в то время, когда сооружалась церковь в Аване, неизвестный грузинский зодчий создал выдающийся памятник грузинской средневековой архитектуры—церковь Креста в Мцхете (Джвари)[67]. В основу общей композиции ее плана и интерьера положены те же принципы, что и в армянских памятниках типа Авана и Рипсиме, но фасады решены по-иному. Здесь составу и форме помещений снаружи отвечают сильно изрезанные массы здания. Выступающие на фасадах граненые абсиды с пирамидальными кровлями выделяют основную, более высокую крестообразную часть церкви. Прямоугольные комнаты в углах связаны с абсидами сводиками, переброшенными под самым карнизом. Полученные таким способом ниши коренным образом отличаются от ниш армянских построек. Там они представляют выемку в толще стены, здесь—небольшое углубление на фасаде, образованное стенами абсиды, угла подкупольной части и комнаты.

Появление в Армении и Грузии однотипных церковных сооружений показывает, что зодчие обеих стран, разрабатывая свои темы, находились в творческом общении, особенно тесном, надо полагать, до церковного разрыва в начале VII в. Создавая нередко сходные по типу архитектурные сооружения, они находили, как только что было показано, своеобразные решения одной и той же задачи.

Церковная жизнь в Армении в VI—VII вв. характеризуется оживленной борьбой между двумя течениями в христианстве, восточным—монофизитством и западным—халкидо-

нитством, борьбой, которая выходила далеко за пределы богословских споров, тесно переплетаясь с политикой. В это время на патриаршем престоле можно было встретить представителей обоих течений, за которыми стояли влиятельные группы нахараров различных политических ориентаций. В непосредственной связи с этой борьбой находится появление в Армении совершенно исключительного типа церковного сооружения, необычного по своим формам и смелого до дерзости по конструкции.

После неудачного для персов завершения длительной войны с Византией значительная часть персидской Армении оказалась в сфере византийского влияния. Византийцы, прекрасно оценивавшие по собственному опыту роль церкви в государственных делах, неоднократно предпринимали меры к тому, чтобы распространить свое влияние и на нее. Для этого лучше всего подходили сторонники халкидонитства в среде высшего армянского духовенства. В конце 630 г. или начале 631 г. патриарший престол занимает Езр-халкидонит; в 641 г. Езра сменяет знаменитый Нерсес III, прозванный Строителем.

Нерсес, как уже сказано, был активным сторонником воссоединения армянской церкви со вселенской (принявшей постановления Халкидонского собора)[68]. Едва ли, однако, только догматические вопросы и длительное пребывание в Византии привлекали его на сторону греков. Широко образованный, талантливый, он с прозорливостью государственного мужа понимал, что блестящая сасанидская монархия отжила свой век и не являлась уже надежным заслоном против грозной опасности, надвигавшейся из далекой Аравии. Нужно было искать сильного союзника, и таким союзником, в действительности весьма вероломным, в представлении Нерсеса могла быть единоверная, в случае воссоединения церквей, империя. Большинство нахараров, кроме части феодальной знати, тяготевшей к Византии, решило противодействовать и арабам и византийцам. Однако для Армении вскоре создалось столь тяжелое положение, что возглавляющий эту нахарарскую группу Теодорос Рштуни был принужден сделать попытку договориться с арабами; в 652 г. он заключил

с ними соглашение, которое вскоре было аннулировано халифом Османом, после чего в 654 г. полчища завоевателей обрушились на страну.

По свидетельству своего современника, историка Себеоса, Нерсес был «родом из Тайка, из села под названием Ишханк. Он в молодости воспитывался в Греческой земле, изучил ромейский язык и словесность и, вступив на военное поприще, странствовал по разным странам в качестве воина»[69]. Приняв монашество, он достигает епископского сана и занимает кафедру в родном селении Ишхане, где строит соборную церковь. Эти сведения черпаем из ряда древних источников, дополняющих без всяких противоречий друг друга Степан Таронский называет Нерсеса Строителя епископом тайкским[70]. В трактате об отделении армянской церкви от грузинской католикоса Арсения Мцхетского Нерсес назван ишхнелем (т. е. епископом ишханским).[71] В произведении Георгия Мерчула «Житие св. Григория Хандзтийского», посвященном жизни и деятельности известного грузинского «подвижника» IX в., говорится, что Григорий, прибыв с учениками в окрестности Ишхана, узнал о былой его славе и находившихся в нем церквах и далее «Куропалат (Баграт) прибыл в Ишхан и с ним вместе блаженные мужи отец Григорий и отец Сава. Куропалат очень полюбил ту местность, но к чему затягивать речь? Божьею волею Сава сделался епископом в Ишхане, построенном блаженным католикосом Нерсесом, в соборной церкви и на кафедре его, которая многие годы была во вдовстве»[72].

Ишханская постройка Нерсеса, возведенная им до 641 г. не сохранилась; на ее месте ныне стоят развалины стройной церкви, которую соорудил во 2-й половине X в. выдающийся правитель этой области куропалат Давид (умер в 1001 г.). Но в ней есть одна особенность, которая при учете всех имеющихся в распоряжении исследователя фактов позволяет высказать соображения о форме нерсесовой соборной церкви. Дело в том, что здесь алтарная абсида весьма необычна по своему виду: она не глухая, как это всегда делается, а имеет в нижней части колоннаду, несущую арки, на которых покоится расположенная выше стена и конха (рис. 55,

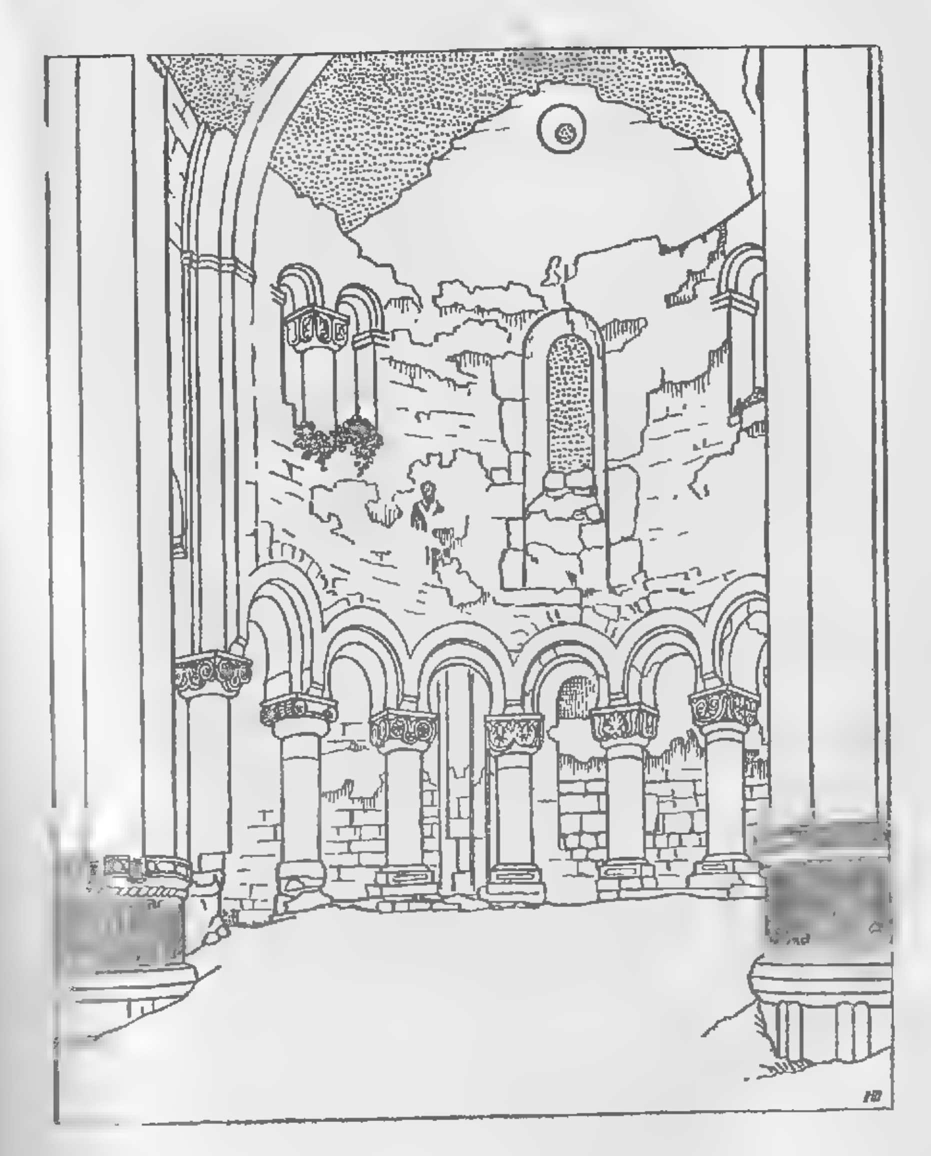


Рис. 55. Ишхан. Древняя абсида в соборе X в.

табл. 33). Так же устроены абсиды и в другом нерсесовом храме—грандиозном Звартноце, возведенном им около Вагаршапата после вступления на армянский патриарший престол (рис. 56). Это, конечно, не случайное совпадение. Все исследователи сходятся на том, что в алтаре существующей ишханской церкви сохранена колоннада древней абсиды, уцелевшая при разрушении постройки Нерсеса, которая по типу была сходна с Звартноцем. Имеется, кроме того, еще одно обстоятельство, косвенно подтверждающее правдоподобность такой реконструкции древнего Ишхана.

В начале X в., как свидетельствуют грузинские хроники[73], грузинский царь Адарнасе построил в находящемся неподалеку от Ишхана селении Бана (ныне Пеняк) храм, в основном сходный по архитектуре и системе наружного убранства со Звартноцем, а следовательно, по виду абсид и с Ишханом. Напрашивается вопрос—почему была выбрана именно схема круглого храма с четырьмя абсидами, прорезанными внизу колоннадами. Не потому ли, что Адарнасе, подобно армянскому царю Гагику I, повторившему в начале XI в. Звартноц в Ани, надумал воскресить в своем сооружении величественные формы древнего ишханского собора, к тому времени, вероятно, настолько разрушенного, что его реставрация была сложнее нового строительства. Появление подобной постройки в Бане в ближайшем соседстве с Ишханом, по нашему мнению, свидетельствует о том, что не в далеком Вагаршапате, а в Ишхане нашел Адарнасе тот образец, который решил воспроизвести.

Таким образом, имеются основания полагать, что уже в Ишхане были заложены основы новой архитектурной композиции, повторенной, а, может быть, и развитой на один-два десятка лет позднее в Звартноце, честь создания которой принадлежит вдохновенным мастерам, работавшим у Нерсеса. Не исключена возможность, что он сам, зная строительное дело, внес творческий вклад в это замечательное произведение архитектуры. И не потому ли он вошел в историю под именем Строителя (архитектора, инженера).

Как уже сказано, в 641 г. Нерсес вступает на патриарший престол в Армении. По свидетельству Себеоса, он до поры до времени скрывал свои халкидонитские взгляды и только по прибытии к нему в Двин византийского императора Константа открыто о них объявил и стал весьма решительными мерами обращать в халкидонитство свою паству.[74].

Несомненно, и церковное строительство Нерсеса должно было служить делу пропаганды его догматических воззрений. Новые постройки должны были своей грандиозностью, необычностью вида и великолепием отделки затмить все выстроенное до него и помочь достигнуть того, что не всегда, может быть, удавалось сделать проповедью. А что пастыри прибегали к таким способам воздействия на паству, видно из рассказа Степана Таронского о католикосе Иоанне (VIII в.)[75].

Иоанн отличался красивой внешностью, одевался в блестящие одежды и даже вдувал золотой порошок в свою курчавую бороду. Халиф, наслышанный о нем и пожелавший видеть его во всем великолепии, на приеме спросил, почему католикос так блестяще одевается вопреки заветам Христа. Иоанн на это ответил, что Христос и его ученики умели творить чудеса, а современные пастыри лишены этого дара и принуждены воздействовать на паству своим видом, подобно тому как поступают светские властители в отношении подданных.

Нерсес перенес свою резиденцию из Двина в окрестности Вагаршапата, где построил дворец и храм, известный под названием Звартноца. Перенос был вызван, вероятно, отчасти тем обстоятельством, что в Двине имелась недовольная его отступничеством от монофизитства партия князей во главе с Теодоросом Рштуни. При этом временами положение для Нерсеса настолько осложнялось, что ему пришлось даже на шесть лет удалиться из Армении,[76] поручив наблюдение за строительством Звартноца своему будущему преемнику Анастасию.

Эти сооружения были раскопаны в самом начале настоящего столетия Хачиком Дадьяном. Описание конструкций и размещение различных деталей храма даем на основании опубликованных исследований Т. Тораманяна.[77]

План центральной части Звартноца имеет внутри крестообразную форму (рис. 56, табл. 34). Четыре мощных пилона

с трехчетвертными колоннами в углах в свое время вздымались на двадцатиметровую высоту. Между ними были переброшены арки, несшие вместе с парусами многогранный барабан и купол. Четыре абсиды, размещенные между пилонами, разработаны совсем не так, как это видим в других церквах VII в. Там стены абсид глухие, здесь же они, как и в Ишхане, внизу прорезаны колоннадами (табл. 34). Массивные базы колонн просты по профилю; они сохранили наверху лунки для железных штырей, которыми скреплялись со стержнями колонн, и крестообразно расположенные бороздки для заливки этих штырей свинцом. Нижняя часть капители разработана в виде плетеной корзинки; над ней помещены волюты, между которыми вырезаны медальоны с ясно читающимися монограммами «Нерсес» и «католикос» (табл. 35). Греческий шрифт на монограммах, так же как и обнаруженная здесь греческая надпись, подтверждают правдивость сообщения Себеоса о грекофильстве Нерсеса. За пилонами против ниш в их тыловой части стояли четыре одинокие колонны, увенчанные в свое время громадными капителями с изображением орлов с распростертыми крыльями (табл. 35). Форма этих капителей, вполне соответствующая основаниям, на которых и сейчас стоят базы этих колонн, а также лиственный орнамент, идущий вокруг всей капители, решительно отвергают предположение о том, что они завершали трехчетвертные колонны пилонов, расположенные под парусами. Между одинокими колоннами и серединами абсид с внешней их стороны были переброшены выгнутые в плане арки, непосредственно связанные со сводами, перекрывавшими пространство между пилонами и абсидами. Эти арки образовывали в плане полный круг и несли вместе со сводами кольцевидную стену второго (среднего) яруса. Это было самое уязвимое место смелой конструкции. Недаром в анийском храме Гагика I, построенном по образцу Звартноца, вскоре после окончания постройки пришлось возвести дополнительные кладки, заполнившие проемы между средними колоннами абсид и вокруг одинокой колонны за юго-западным пилоном, а также усилить и сами арки. Здесь, наверное, и появились катастрофические деформации, приведшие оба памятника к гибели. За ко-

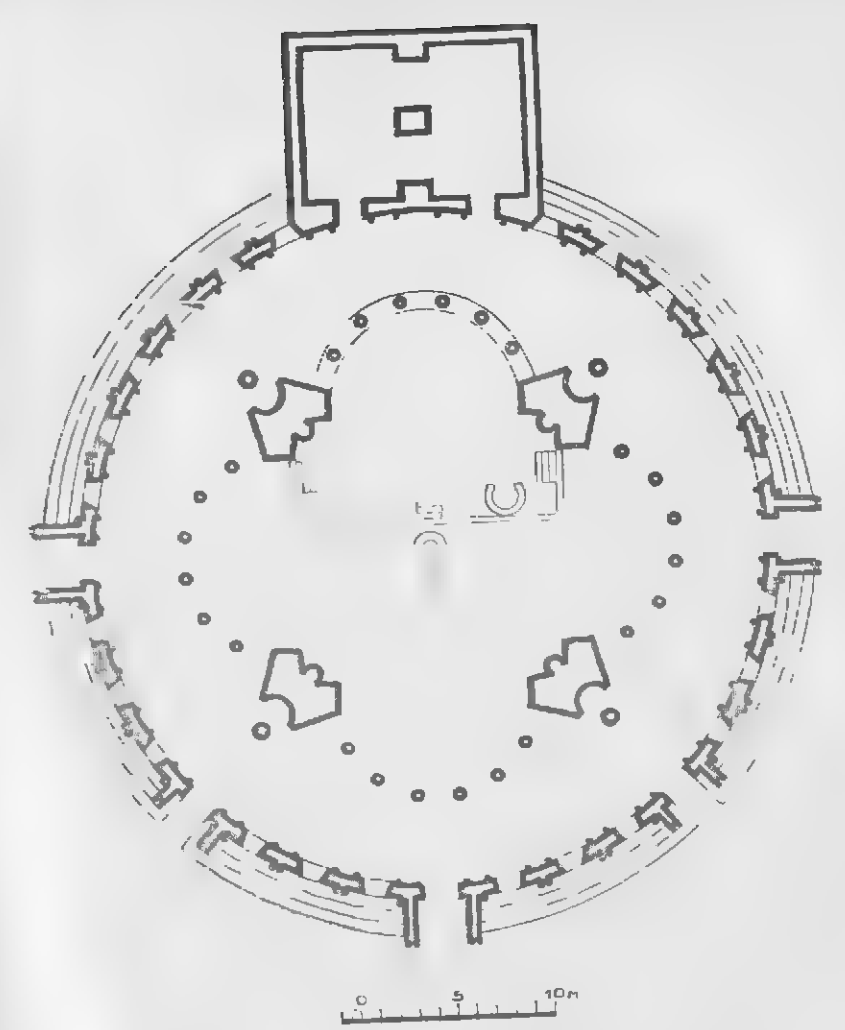


Рис. 56. Вагаршапат. Звартноц. План.

лоннадами абсид шла двухэтажная галерея, ограниченная тридцатидвухгранной наружной стеной. Барабан венчала островерхая пирамида, а средний и нижний ярусы были покрыты односкатными кровлями. Таким образом, храм имел вид трехъярусной, многогранной снаружи башни, как показал на своей реконструкции Т. Тораманян. В восточной ча-

сти, за алтарем, сохранился подвал прямоугольной пристройки; под алтарем был также довольно глубокий подвал, куда вели узкие, круглые лестницы, помещенные около восточных пилонов. Снаружи стены первого яруса были декорированы парными полуколоннами на стыках граней, между которыми были переброшены декоративные арки, украшенные превосходно вырезанными в камне виноградными лозами с листьями и гроздьями. Между арками у их основания находились рельефные поясные изображения лиц монашеского чина с различными инструментами в руках; около одного из этих барельефов вырезана скромная армянская надпись, сохранившая нам имя (Иоанн) изображенного здесь человека. Обычно считают, что на барельефах изображены мастера-строители во главе с архитектором Иоанном; М. Д. Мазманян, основываясь на виде инструментов, полагает, что это садоводы, тем более, что над ними между арками шел орнаментированный пояс из ветвей граната с плодами и виноградных лоз (табл. 36). Под арками было размещено тридцать два продолговатых окна нижней галереи первого яруса, а выше гранатового пояса находилось столько же круглых окон верхней галереи этого яруса, имевших обрамление в виде венков из листьев и лацеток. Карнизы с большим наклонным (около 45°) выносом украшала прямолинейная корзиночная плетенка и розетки в кессончиках на верхней полке (рис. 60с). В храм вели пять дверей с обрамлением в виде портиков, основанных на парных полуколонках по бокам проемов, между которыми были переброшены арки, врезавшиеся во фронтоны. При раскопках были обнаружены фрагменты мозаики, остатки росписи по штукатурке, прекрасная черепица. Если предположить, что черепица происходит из храма, то кровля над куполом могла иметь округлую форму, следующую за кривизной свода. Все эти предметы в настоящее время хранятся в специально построенном при памятнике музее.

По своим формам Звартноц являет резкий контраст с расположенными поблизости памятниками Вагаршапата, что, несомненно, должно было производить (в полном соответ-

ствии с замыслом Нерсеса) большое впечатление на современников.

Реконструкция Звартноца, выполненная Т. Тораманяном, в отношении его внешнего вида была через несколько лет подтверждена откопанной в Ани моделью храма, построенного там Гагиком I по образцу Звартноца. Во внутренней структуре храма некоторые частности реконструкции вызывают сомнения. Представляется недостаточно оправданным внутренний вид верхней галереи первого яруса, открывающейся у Т. Тораманяна в абсиды семью проемами, разделенными колонками. Следует отметить, что среди большого количества извлеченных из земли частей внутренней отделки найдена всего лишь одна капитель, которая могла венчать одну из колонн верхней галереи, а по реконструкции Т. Тораманяна их было не менее восемнадцати (при отсутствии верхней колоннады в алтаре). Мы склонны принять решение, разработанное ишханским архитектором (рис. 55). Поэтому на нашем рисунке показаны только парные проемы около пилонов, где галерея имеет уширение (рис. 57).

Вопрос о формах Звартноца нашел отражение в исследованиях ряда авторов. А. В. Кузнецов, высоко оценивая смелость и мастерство зодчего Звартноца, высказал мысль, что второй ярус храма и снаружи мог иметь вид четырехабсидного креста[78]. Эта мысль нашла дальнейшее развитие в реконструкции С. Мнацаканяна, который одновременно реконструирует и храм Гагика I в Ани, по отличию от Звартноца[79], хотя точный в своих сообщениях Степан Таронский пишет, что анийский храм по желанию Гагика I должен был явиться повторением разрушенного Звартноца. Отмечая существование этих вариантов реконструкций обоих храмов, мы отдаем предпочтение реконструкциям Т. Тораманяна, которые не вступают в противоречие ни со свидетельством историка современника строительства анийского памятника, ни с формами его модели.

Внимание исследователей привлекал вопрос о происхождении типа и архитектурных форм Звартноца. Поиски решения этого вопроса следовало бы начинать с соборной церкви в Ишхане. Но поскольку о сходстве ее с Звартноцем

Рис. 57. Вагаршапат. Внутренний вид Звартноца (реконструкция).

можно пока (до раскопок) высказывать лишь более или менее правдоподобные предположения, то приходится исходить из наличных материалов, которые дают развалины вагаршапатского храма. Вместо того, чтобы заняться изучением исто-

рии развития архитектурной мысли в самой Армении, еще совсем недавно все дело сводили к выяснению вопроса, под каким влиянием создавалась средневековая армянская архитектура. Не избег этой участи и Звартноц. Его обычно сопоставляли с византийскими памятниками и в первую очередь с церковью св. Виталия в Равенне. Так, например, Н. И. Брунов писал: «Восточная переработка композиции Виталия в Равенне... дана в монументальном произведении армянской архитектуры—церкви в Звартноц около Эчмиадзина»[80]. Однако, если внимательно присмотреться к тому, что было построено в Армении незадолго до Звартноца, то станет ясно, что армянским зодчим не было надобности заниматься сложной переработкой звездчатой композиции далекой равеннской постройки в крестообразную, так как к этому времени она была хорошо известна в армянской архитектуре. Существование таких совершенных по замыслу и исполнению архитектурных сооружений, как Таргманчац-ванк и церковь Рипсиме, показывает, что армянским мастерам уже была по плечу самостоятельная разработка сложного проекта Звартноца. Единственным основанием для предположений о возможных заимствованиях из архитектуры Византии может быть деятельность Нерсеса до его возвращения в Ишхан Нерсес, конечно, бывал в Константинополе, где ему могли запомниться формы экседр в Юстиниановом храме, которые, возможно, он и воспроизвел в абсидах Звартноца. Общее же решение отличается самостоятельностью, новизной и исключительной конструктивной смелостью, что позволяет поставить автора (может быть, самого Нерсеса) построек в Ишхане и Вагаршапате в ряды наиболее выдающихся зодчих древности.

Возведение таких грандиозных, дорогостоящих сооружений, как Звартноц, было под силу лишь виднейшим представителям государственной и церковной власти в периоды ее усиления, когда они могли свободно распоряжаться средствами и большим числом рабочих и мастеров. Подобные постройки исчисляются единицами. Кроме Звартноца (и Иш-

хана), известны еще три церкви. Две из них—в Баце (Грузия, X в.) и Ани (XI в.) датированы сообщениями древних историков, а о времени сооружения третьей—в Лякиге (древняя Албания, ныне Азербайджан) можно высказать лишь предположения.

Круглая церковь в Лякиге сходна с Звартноцем. Не останавливаясь на ее описании, ограничимся лишь замечаниями по поводу ее датировки П. Барановским, исследовавшим развалины, поскольку это имеет прямое отношение к вопросу о происхождении типа и форм Звартноца[81]. Автор полагает, что в лякитском памятнике можно видеть предшественника Звартноца, который тяготеет «к каким-то более древним параллелям—сирийским и малоазиатским, как Босра, Вираншер и другие, и это становится понятным в связи с историческими предпосылками для местности, в которой построен памятник». По нашему мнению, эти «предпосылки», наоборот, скорее подтверждают датировку памятника второй половиной VII в. Лякит находится на территории древней Албании. По свидетельству историка Моисея Каганкатуйского, автора «Истории Албании», одна из двух встреч албанского правителя VII в. князя Джыванщера (правил г 636—669 гг.), современника Григория Мамиконяна, с византийским императором Константом-Константином происходила в Вагаршапате. В другом же месте своего труда историк сообщает, что император прибыл в Вагаршапат по приглашению Нерсеса для участия в освящении Звартноца и добавляет: «Тот (император), удивляясь зданию, приказал строителям идти за ним, чтоб такую же церковь построить в столице»[82]. Сопоставляя оба свидетельства историка, можно предполагать, что встреча Джыванщера с императором произошла на этом торжестве и, следовательно, албанский князь видел только что отстроенный храм Нерсеса, который, надо думать, произвел на него не меньшее впечатление, чем на Константина. Значит не исключена возможность, что Джыванщер мог тоже заполучить у Нерсеса кого-нибудь из строителей, для того чтобы соорудить такой же храм в своих владениях. Следует, кроме того, иметь в виду одну конструктивную деталь, связанную теснейшим образом с внешним

видом как Лякита, так и Звартноца. Это—одинокие колонны за пилонами, несущие арки под кольцевой стеной второго яруса. В Босре их нет, и, следовательно, там не может быть и речи о ступенчатой ярусной композиции, столь характерной для Звартноца и, несомненно, повторенной в Лякиге. Это обстоятельство показывает, что при известном сходстве планов Звартноца и храма в Босре они принципиально различны по общему решению.

С исключительным случаем точного воспроизведения Звартноца, потребовавшего около тысячи лет тому назад предварительного изучения уже его развалин, встретимся в столице Ширакского царства Багратунисв—Ани.

В седьмом же веке в армянской церковной архитектуре появилась многоабсидная центрально-купольная форма. У селения Егварт известный уже нам Григорий Мамиконян построил превосходную восьмиабсидную башнеобразную церковь (рис. 58а, табл. 38). Нижняя часть ее представляет снаружи восемнадцатигранник с глубокими треугольными нишами, чередующимися с широкими окнами. На основном массиве стоял граненый снаружи, круглый внутри барабан с куполом и островерхой кровлей (при покрытии каменными плитами). Сохранилась лишь северная часть здания, требующая укрепления. Внутри восемь абсид образуют в плане «звезду». Стоящие между абсидами стройные трехчетвертные колонны поддерживают арки, которые вместе с арками абсид и парусами несут барабан (табл. 38). Стоявшая перед зодчим задача решена им просто и ясно, без всякой вычурности. Мастерски использованы наружные ниши, которые, глубоко врезаясь между абсидами в каменный массив стен, придают сооружению живописный вид и стройность, не теряющуюся, несмотря на то, что земля и обломки скрадывают значительную часть высоты.

Наружное убранство отличается обычной для того времени простотой. Над окнами—архивольты с отогнутыми концами, украшенные резным орнаментом (табл. III, IV). Наклонные карнизы обоих ярусов имеют большой вынос и покрыты на скошенной части резьбой в виде плетеной корзинки. На полке карниза барабана вместо плетения вырезан

волнообразный стебель с листьями и плодами граната (табл III—11 г). Форма карниза, такого же как в Аруче и Талине, а также полуколонки в глубине ниш, появляющиеся на памятниках второй половины VII в., подтверждают свидетельство историка о построении церкви в этой половине века; у Иоанна Католикоса говорится, что Григорий Мамиконян по-

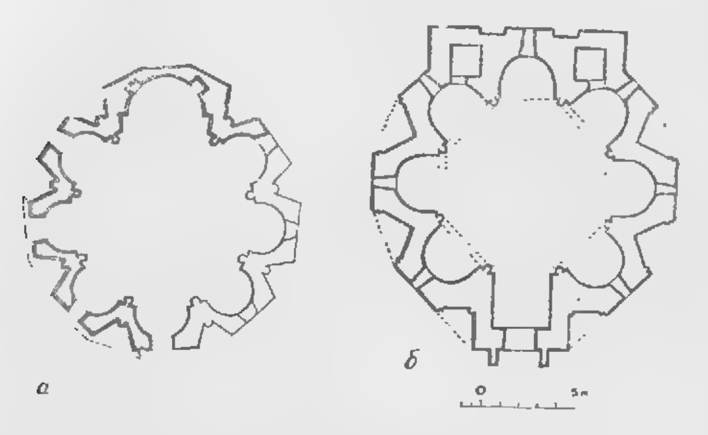


Рис. 58. а—Егварт, б—Ириид. Планы церквей.

строил для монастырской братии обитель с богато украшенной церковью с восточной стороны большого дастакерта Егварта[83]. Не приходится сомневаться, что это сообщение относится именно к интересующей нас постройке, так как ее развалины стоят на указанном историком месте.

Развалины церкви егвартского типа стоят в Ирınде на западном склоне Арагаца (рис. 58б). Отличительной особенностью ее плана является замена западной абсиды прямоугольным нефом и наличие приделов по бокам алтаря Время ее сооружения документально не известно, но предположительно может быть отнесено также к VII веку.

Начало правления Григория Мамиконяна, строителя церкви в Егварте, совпало с окончанием сооружения Звартноца. Это обстоятельство, по нашему мнению, позволяет высказать соображения о том, как можно поставить вопрос о происхождении формы егвартской церкви, учитывая, что других более ранних памятников этого типа мы не знаем.

Строитель ее не копировал какой-то готовый местный или зарубежный образец, а, несомненно, находясь под впечатлением от только что законченного Звартноца, творчески, в связи с небольшими масштабами здания, переработал идею ярусной многогранной церкви. Он мог вписать в многогранник четырехабсидный крест, как это сделано позднее в большой церкви Хцконка (1029 г.), в Гарни и Мармашене, но такое решение было невыгодно в отношении использования площади внутри здания, кроме того, между крыльями креста и наружной стеной в этом случае получались тесные неудобные помещения. При восьмиабсидном же плане интерьер церкви приобрел максимальный простор и конструктивную ясность. Оставалось еще избавиться от ненужных масс камня между абсидами; тут решение могли подсказать постройки типа церкви Рипсиме с их наружными треугольными нишами. Таким мог быть ход творческой мысли архитектора егвартского памятника, сделавшего ценный вклад в зодчество древней Армении. Позднее в новой столице армянского Ширакского царства Ани наряду с другими древними типами церковных зданий зодчие обратились и к этой композиции, обогатив ее деталями, соответствовавшими художественным запросам своего времени.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ IV—VII ВВ.

Почти все рассмотренные памятники являются церковными сооружениями. Обнаруженные при раскопках развалины светских монументальных построек исчисляются единицами и представляют столь незначительные остатки нижних частей стен, иногда столбов и колонн, что в большинстве случаев исследователь может иметь суждение только об их плане. Видимо, в годины военных потрясений иноземцы, вторгавшиеся в страну, прежде всего подвергали разграблению и уничтожали жилые постройки, где можно было найти богатую добычу и которые с большим упорством защищались населением. В церквах завоеватели, вероятно, ограничива-

лись грабежом и не производили больших разрушений. Как показали раскопки в Ани, жители часто не восстанавливали разрушенных домов и на развалинах, сравненных с землею, городские кварталы обстраивались заново, нередко по новому плану.

Раскопки в Двине и Аруче дали новые материалы по гражданской архитектуре, позволяющие сделать некоторые предварительные выводы относительно характера монументальных дворцовых сооружений, относящихся к рассматриваемому времени. Поразительное сходство открытых здесь развалин как в общей архитектурной композиции и даже размерах, так и в деталях (например, капители) нельзя считать случайным совпадением. Вернее будет полагать, что найденное здесь зодчими решение оказалось наиболее удовлетворяющим запросы знатных заказчиков. Как было показано, вопрос о виде центральной части этих зданий вызывает разногласия, но нам представляется наиболее вероятной композиция не с залом, а с перистилем, поскольку участие Армении в сложении эллинистической культуры несомненно. Отмеченное ближайшее сходство открытых пока двух дворцов в Двине и Аруче, думается, может быть объяснено широким распространением в Передней Азии перистильной формы жилой усадьбы. Надо надеяться, что дальнейшие раскопки на территории Армении позволят дать правильный ответ на этот пока недостаточно выясненный вопрос.

Следует также отметить немаловажное значение раскопок дворца Нерсеса Строителя при Звартноце. Особый интерес здесь представляет зал с массивными пристенными пилонами, покрытый сводом. Подобные светские сооружения могли послужить образцом для архитекторов при разработке ими в церковном зодчестве типа «купольной залы», с X века ставшего господствующим и повсеместно распространенным в стране.

И все же, несмотря на ценные результаты археологических работ за последние годы, основным материалом, которым располагает исследователь, занимающийся историей армянской архитектуры, для рассматриваемого периода, катастрофически завершенного в VII в. вторжением арабов, яв-

ляются церкви. При всей своей специфичности церковные сооружения позволяют составить полное представление о развитии архитектурной мысли в Армении в первые века христианства.

Не будучи стесненными какими-либо условиями в отношении формы площадки, на которой совершалось богослужение (если не считать обязательной алтарной абсиды) зодчие разрабатывают пространственные решения на планах различного вида.

В базилике со стороны западного входа в первый момент внимание привлекают ряды столбов с уходящими ввысь арками. Они как бы подводят взор входящего к самому главному—святилищу, алтарю, кажущемуся столь далеким, что для приближения к нему нужно пройти неф; по пути уже ничто не отвлекает, не рассеивает внимания: второй столб похож на первый, третий на второй; внимание приковано только к происходящему там впереди, как и в однонефных церквах-залах, которые часто строились в первые века христианства в Армении. Многие не имели доступа в эти первые храмы, и для них устраивались паперти, открытые галереи, где их и крестили; только после совершения этого обряда перед ними раскрывались церковные двери. Интересно, что когда перестали строить эти специальные портики, в некоторых церквах пережиточно появляются ниши, то снаружи в восточной части южной стены (Дворцовая церковь в Ани), то в юго-восточном приделе под окном (Арамус), напоминающие об абсиде с купелью. В Таргманчац-ванке эта ниша уже обратилась в абсиду с окном.

Зодчие, издавна знакомые с куполом, разрабатывая тему центрально-купольного храма, приходят к мысли увенчать им базилику. Для этого нужно по-новому организовать основное пространство, так, чтобы оно тяготело к этому новому центру. И решение найдено, решение ясное, логичное. Здание пересекли поперечным нефом (трансептом) и на скрещении его со средним нефом базилики воздвигли купол; площадь боковых нефов значительно сократилась —остались только их отрезки в углах, скрытые к тому же в значительной степени мощными, стремящимися вверх пилонами, кото-

рым уступили свое место легкие столбы базилики. Основное пространство, получившее крестообразную в плане форму, господствует над остальными частями здания. Не нужно поднимать головы, чтобы почувствовать, что венцом храма является купол: о нем говорит солнечный луч, падающий откуда-то сверху из-за сводов.

Как уже было показано, в этих купольных базиликах армянские зодчие помещают трансепт по-своему —не перед самым алтарем, а в среднем из трех продольных пролетов базилики, с таким расчетом, чтобы купол оказался в центре помещения для молящихся.

Новая религия, совсем еще недавно получившая официальное признание, для привлечения широких масс населения нуждалась в средствах, оказывавших сильное воздействие. Великолепие церковных построек и оформления обрядов играло в этом деле, конечно, не последнюю роль. Ярко освещенное большими окнами помещение, увенчанное сводами и куполом, сравниваемым древними авторами с небесным сводом, дымки и аромат фимиамов из кадильниц, огненные блики, играющие на великолепных облачениях и драгоценной утвари, умело произнесенная проповедь—все это должно было полонить сердце и ум вновь обращенного прихожанина

А какова была утварь, хранившаяся в церковных ризницах, можно, пожалуй, составить представление по изваяниям на карнизе западной половины северной стены церкви в Птгни, где мастер разместил в ряд кувшины различного вида (табл. 20); это не просто условный декоративный мотив,- здесь со всеми подробностями, «портретно», изображена реальная утварь, замечательные образцы которой можно видеть в богатейшем собрании восточного серебра и бронзы в Государственном Эрмитаже.

Купольная базилика, созданная армянскими зодчими, несмотря на свои высокие художественные достоинства, в известной степени не соответствовала условиям, способствовавшим утверждению новой религии. Великолепное зрелище богослужения в заполненном людьми храме, которое должно было оказывать воздействие на нетвердого еще в христианстве богомольца, дробилось стоящими посредине пилонами;

с некоторых мест вообще ничего не было видно; арки и своды скрывали купол от значительного числа «зрителей», которыми в то время, несомненно, являлись многие из посетителей храмов. Нужно было устранить эти помехи. И их устранили, взяв за основу сводчатую залу, свободную от промежуточных опор, которую с большим мастерством увенчали куполом. К этой же идее могли прийти и от купольной базилики, отодвинув пилоны вплотную к стенам; оттого, может быть, фасады «купольной залы» выглядят так же, как и в купольной базилике.

Новая композиция захватывает своим простором; пространство едино, не раздроблено и смело завершено на большой высоте могучим куполом, видным из далеких уголков храма; через многочисленные широкие окна льются потоки солнечных лучей; здесь все способствует появлению светлого, торжественного настроения. Недаром и сейчас вызывают восхищение величественные развалины в Птгни с их одинокой аркой, прорезывающей синеву южного неба, и просторный, залитый светом храм в Аруче.

Наибольшей выразительности идея пространственного единства достигает в центрально-купольных постройках. Абсиды исполинского Звартноца, церкви Рипсиме, и особенно егвартского октогона, органически связаны с центральной частью; полукруглые в плане, ограниченные сверху конхами, их объемы как бы вливаются в основной объем, уходящий к полушару купола. Ни в одной точке не ощущается разобщенности отдельных частей здания: все собрано, едино.

Алтарь всегда имеет форму полукруглой абсиды, глубина которой больше ее радиуса на ширину камней триумфальной арки. В некоторых ранних постройках можно встретить подковообразные в плане абсиды. В базиликах, в том числе и в купольных, построенных до VII в. включительно, абсида иногда выступает наружу, образуя многогранник на восточном фасаде. В дальнейшем абсиду всегда скрывают внутри здания между приделами. При выступающей абсиде перед ней между приделами располагается довольно глубокая прямоугольная бэма (вима).

Вопрос о появлении и развитии того или иного типа со-

оружения, архитектурной формы, системы и сюжетов убранства, т. е. всех тех элементов, из которых складывается стилистическая характеристика памятников, теснейшим образом связан с определением их дат. Ошибки в определении времени их сооружения могут повлечь за собой передвижку даже на столетия целых групп их и тем исказить истинный ход развития художественной и строительной деятельности в стране.

Наиболее просто и верно вопрос о дате архитектурных сооружений разрешается на основании сообщений древних историков и строительских надписей при условии их подлинности и неискаженности. К сожалению, из всех рассмотренных нами построек только несколько церквей сохранили на своих стенах надписи, из которых узнаем, кто и когда их построил. Не лучше обстоит дело и со свидетельствами древних авторов, так как они в своих сочинениях уделяют обычно весьма мало внимания современным им сооружениям.

Из дошедших до нас строительских надписей видно, что собор в Мрене был закончен князем Давидом Сааруни в 639—640 гг., церковь в Багаване заложена в 631 г. и закончена в 639 г., церковь в Багаране заложена в 624 г. и закончена в 631 г., надпись на аламнском памятнике имеет дату—637 г. Две надписи на стенах церкви Рипсиме в Вагаршапате, в согласии со свидетельством Себеоса, называют строителем католикоса Комитаса (615—628). Две строительские надписи князей Камсараканов в Нахчаване и Талине, хотя и не имеют дат, позволяют, однако, определить время сооружения церквей в этих селениях. Надпись на малой церкви в Талине составлена от имени строителя Нерсеха (Камсаракана), тэра Ширака и Аршаруннев; это же имя и титул читаем в Нахчаване, а также в датированных мренской и аламнской надписях. И. А. Орбели полагает, что во всех этих эпиграфических документах упомянуто одно и то же лицо, а отсюда следует, что памятники в Нахчаване и Талине, с которыми придется сравнивать сооружения, не имеющие строительских надписей, воздвигнуты в первой половине VII в. Надпись на церкви в Аруче совершенно ясно, в полном соответствии со свидетельствами историков называет

строителем правителя Армении Григория Мамиконяна (умер в 681 г.).

Некоторые из рассмотренных памятников, не имеющих датирующих надписей,—собор в Двине, церковь Гаяне в Вагаршапате, церкви в Аване и Егварте упоминаются, как уже сказано, у историков.

Об остальных прямых свидетельств не имеется, и при их датировке приходится обратиться к архитектурно-художественному анализу, основанному на сравнении с надежно датированными памятниками, установив предварительно на основании изучения последних характерные особенности архитектурных сооружений рассматриваемого времени. При этом следует опираться в первую очередь на те особенности, которые встречаются не изолированно, а обязательно сопутствуют друг другу. Эти комплексы характерных черт наблюдаются во всех памятниках, с которыми мы ознакомились, и, следовательно, можно считать вполне обоснованным отнесение их, даже при отсутствии надписей и исторических данных, тоже ко времени до утверждения власти арабов в 698 г., тем более, что эти черты не встречаются в последующее время.

Монументальные постройки рассматриваемого периода отличаются величавой простотой. Конструкция и форма в них всегда гармонично увязаны между собой. Творческая мысль мастеров в поисках нового не уклоняется в сторону внешней красивости. Прекрасно зная свойства своих материалов и условия работы каждой части сооружения, строители не нуждались в излишних запасах прочности и счастливо избегали перегрузки зданий ненужными массами материала. Их своды, арки и опоры предельно легки, но прочны и могут служить образцами даже для искушенного в статических расчетах современного конструктора.

В ранних постройках арки и своды имеют подковообразную форму, утрачиваемую уже к VII в. Небольшие квадратные помещения (например, приделы) часто перекрываются крестовыми сводами, редко встречаемыми позднее. Купола до середины VII в. основываются на тромпах (конических парусах), что и определяет обязательную восьмигранную

наружную форму барабана, стены которого покоятся на четырех арках между пилонами и четырех арках, окаймляющих тромпы. Переход от восьмиугольника над основными тромпами к кругу венчающего свода осуществляется преимущественно с помощью второго ряда неглубоких полуконусов, вырезанных в целых камнях. Этот второй ряд малых тромпов помещается либо сразу же над первым, и барабан приобретает внутри шестнадцатигранную или круглую форму, либо под основанием купольного свода, и тогда барабан остается восьмигранным и внутри. В церквах типа Рипсиме с трехчетвертными нишами в углах под куполом тромпы имеют вид *усеченных* полуконусов. В кладке куполов встречаются гурты (Таргманчац-ванк), которые в некоторых памятниках (например, в Мрене) принимают характер декоративной детали и заканчиваются у основания круглыми бляшками.

Капители пилонов и пилястр и импосты абсидных (триумфальных) арок повсюду представляют довольно высокий, обычно гладкий камень, заканчивающийся наверху выкружкой, переходящей в полку (рис. 59 а, б). В некоторых ранних постройках эти капители бывают украшены резьбой. В Ереруйке на пилястрах, в Текоре в отделке дверей на капителях вырезаны растительные мотивы. В развалинах церкви в Цопке капитель пилястры украшена изображением ланей, преследуемых хищниками и пальметами на верхней полке, сближающими по времени этот редкий памятник декоративной скульптуры с Текором. В архитектуре десятого и последующих веков эта форма капителей больше не встречается. Они принимают более грузный характер и состоят по преимуществу из вала и абаки со скошенной нижней частью (рис. 59в).

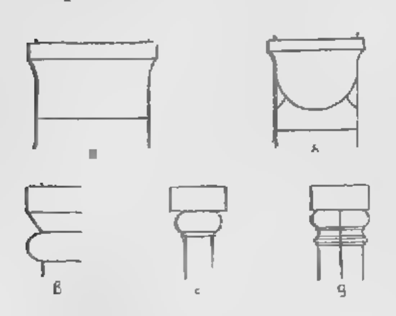


Рис. 59. Капители IV -VII вв (а, б) и X XIV вв (в—д)

Постройки вначале возводятся на ступенчатом основании (Ереруйк, Текор), которое уже к пятому веку обращается в ступенчатый цоколь (Касах, Джрвеж). Поверхность стен совершенно гладкая, ничем не расчленена, и ее оживляют лишь большие широкие окна с циркульным верхом и ∽-образной бровкой, украшенной резным орнаментом или (гораздо реже) мулюрами. Треугольные ниши, которые в девятом и последующих веках зодчие размещают на трех или всех четырех фасадах как элемент убранства, в VII в. можно встретить только в восточной стене «купольных зал», где они глубоко врезаются в толщу кладки между абсидой и приделами. Это давало возможность освещать алтарь тремя окнами так же, как в Мрене и Багаване. В отношении количества ниш и их размещения исключение составляют памятники группы Рипсиме, да многоабсидные постройки в Егварде и Ириндe, что объясняется особенностями их планов.

В первой половине VII в. окончательно определяется основной, ставший классическим, тип церковного фасада (табл. 16). Выработанный в купольной базилике, он повторяется в «купольной зале», живет преимущественно в ней и остается после XI в. в полном одиночестве, растеряв на своем историческом пути самых разнообразных спутников.

В убранстве зодчие проявляют крайнюю скупость: полоска карниза, обрамление двери, иногда барельеф на ее тимпане или архитраве, покрытая резьбой бровка над окном — вот все, что украшает гладкую поверхность стены.

Обрамление входов состоит обычно из стоящих по бокам проема трехчетвертных колонн или пилястр, на которые опирается переброшенная между ними арка. В некоторых памятниках (Ереруйк, Аван, Джрвеж) арка врезается в фронтон. Пилястры с наружной стороны заканчиваются двумя или тремя примыкающими друг к другу трехчетвертными колонками (Джрвеж, Кош); колонки иногда бывают собраны в пучок (Одзун, Мастара). В Аруче входы оформлены в виде портиков, в которых две сильно выступающие стенки несут полуциркульный свод и расположенное над ним двускатное покрытие. Дверные проемы всегда перекрываются плоско либо плитой с полукруглым верхом, либо архитравом, над которым под аркой помещается тимпан, составлен-

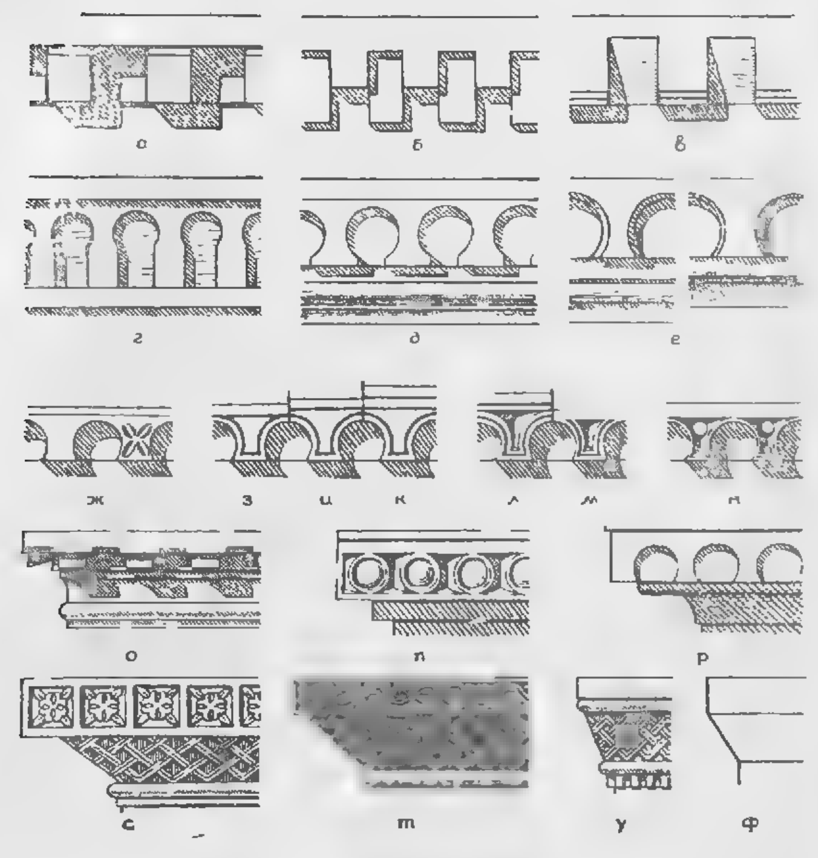


Рис. 60. Типы карнизов

а—Джрвеж; б—Талин, малая церковь; в—Багаран, Багаван; г—Гельверс (Малая Азия); д—Птгни; е—Джрвеж (Кос-ахбюр); ж—Одзун; з—Мастара; и—Мрен; к—Мазарджук; л—Мазарджук, Адиаман на Арагаце; м, н—Алами; о—Таргманчац-ванк; п—Лмбат; р—Бджни (церковь Саркиса); с—Звартноц; т—Аруч, Артик, Егварт (Зоравор), Сисиан, Талин (собор), у—Мармашен (XI в); ф—простейший тип X и последующих веков

ный иногда из нескольких камней. Для уменьшения нагрузки, приходящейся на архитрав, над ним часто устраивается разгрузная щель. В Аване и Джрвеже на месте тимпана окно с полукруглым верхом (открытый люнет, табл. 29).

На церквах, построенных до середины VII века, встре-

чаются три основных вида карнизов—зубчатый, арочный и с сильно свешивающейся горизонтальной плитой (рис. 60). В зубчатых карнизах, уходящих своими корнями в эллинистическую эпоху, до VI в. крупные зубцы поддерживают верхнюю полку (Касах, Джрвеж, Аштарак и др.), а в 1-й половине VII в. врезаются в скос карнизного камня (Багаван, Багаран). Арочные карнизы, получившие широкое распространение в Армении в 1 й половине VII в., представляют ряд следующих одна за другой подковообразных арочек, поддерживающих свес кровельных каменных плит или черепицы (Мрен, Одзун и др.). Основываясь на имеющихся материалах, можно высказать некоторые предположения о происхождении этой формы. Зодчему, знакомому с зубчатым карнизом, естественно, могла прийти мысль соединить зубцы арочками. И, действительно, над входом пещерной церкви в Малой Азии (в Gelvere) видим высеченный в скале фриз из зубцов, соединенных подковообразными арочками (рис. 60г). Подобная же комбинация видна на фрагменте карниза из церкви в селении Гарбани на Военно-Грузинской дороге, обнаруженного в 1935 г. А. Кругловым. В Птгни на карнизе в восточной части южной стены уже наблюдается исчезновение зубцов, от которых здесь осталась лишь узкая прямоугольная полоска под арочками (рис. 60д). Как правило же, в арочных карнизах армянских (и грузинских) памятников VII в. прямоугольные зубцы исчезают вовсе и остаются только висящие арочки, которые придают им опять-таки своеобразный зубчатый характер.

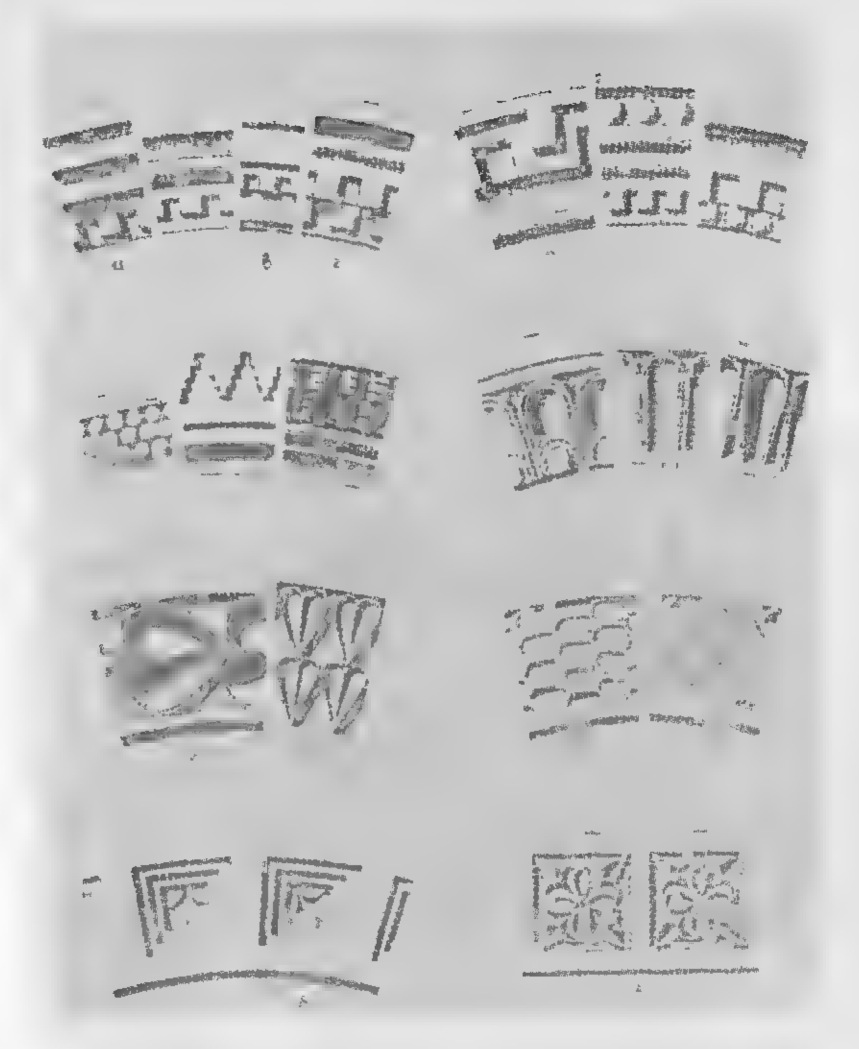
Арочки имеют значительную толщину и, выступая из стены, образуют свес карниза, отбрасывающего на солнце глубокую причудливо изрезанную тень (Мрен, Алами, Агарак, Одзун, Мастара и др.). Лицевая поверхность между арочками бывает пройдена резцом. В Мрене, Агараке и Мастаре прорезаны концентрические бороздки; в Одзуне, несмотря на сильное выветривание камня, видны розетки; в Аламне и Мазарджуке—углубления, причем в Аламне на северном фасаде в них помещены бусы.

Арочный карниз является характерным для памятников первой половины VII в. и в сочетании с другими признаками

позволяет безошибочно определить время их сооружения.

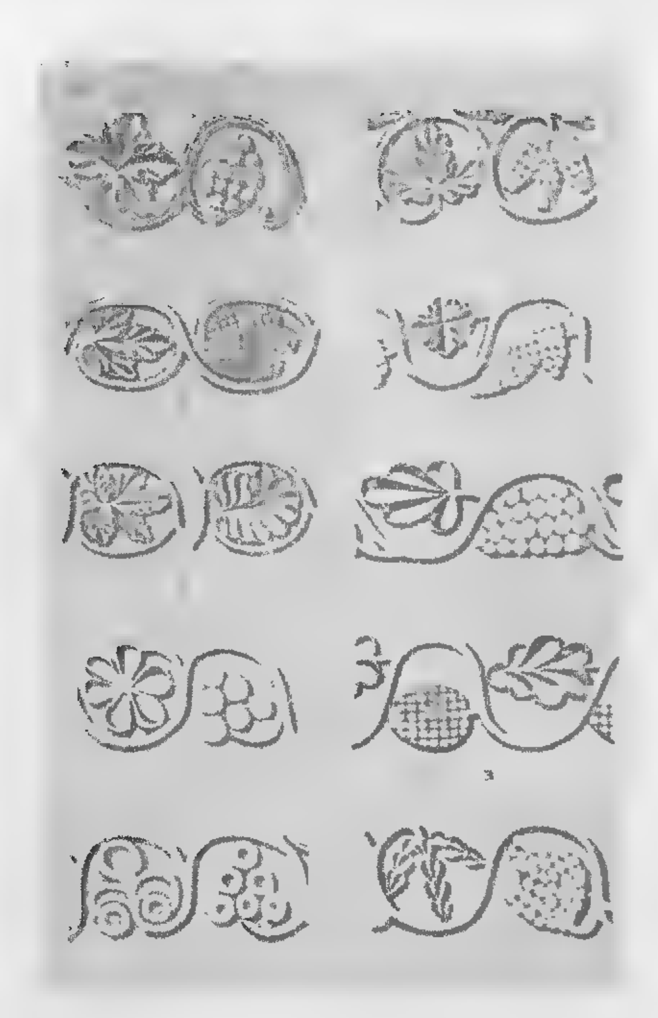
На церквах 1-й половины VII в. видим также карнизы с большим выносом, образованным горизонтальной плитой, тяготеющие опять-таки к античности. Примечательно, что подобные карнизы обычно венчают небольшие *крестообразные* церкви (Лмбат, Кош, Джрвеж, Бджни и др.). В Лмбате на лицевой стороне плиты вырезаны полушария в кольцах (рис. 60н); в Каранлухе только одни кольца (табл. IV); в Коше—орнамент, в общем сходный с лмбатским и имеющийся на одной из бровок в Талине (табл. V). В некоторых крестообразных церквах на торцах плит вырезаны плоские подковообразные арочки, имитирующие арочный тип (Бджни, Хурсалу, Джрвеж). Весьма интересны по своей тщательно продуманной разработке карнизы разрушенной ныне небольшой церкви в Джрвеже. Они представляют собой очень хорошо обработанные плиты, торец которых четко делится на широкую полку с арочками и расположенную под ней профилированную поддерживающую часть (рис. 60с). Вдумчивый мастер учел расположение карнизов на разных высотах и поставил в основание барабана и на барабан камни с меньшим числом профилей в поддерживающей части. Обращает на себя внимание ближайшее сходство джрвежского карниза с отмеченным уже карнизом на церкви в расположенном поблизости селении Птгни.

Не менее надежным критерием при установлении дат служит орнамент оконных обрамлений. К VII в. окончательно устанавливается их классическая форма—бровка, не сходящая в дальнейшем со стен армянских церквей. В ранних памятниках (например, Касахе, Аване) бровка непосредственно венчает оконный проем и составляется из нескольких профилей и нередко ряда сухариков, а позднее отрывается от него и обрамляет внешнюю сторону арки, завершающей окно. Верхняя часть такой бровки, окаймленная двумя бортиками, заполнена резным узором, нижняя содержит несколько обломов, создающих плавный переход к стене. Эта нижняя, поддерживающая часть бровки в памятниках первой четверти VII в. часто отсутствует или несложна по профилю; с 30-х же годов она усложняется и, раз выработан-



I. Схемы орнаментов

1. а—**Еоеруйк**, б—Аван, в—церковь Гаяне (Вагаршапат), г—Арамус, д—церковь Рипсиме (Вагаршапат), е—Егварт (базилика), ж—церковь Рипсиме. 2—Птгни, 3—Птгни, Артик, Талин (собор). 4 -Мрен, церковь Гаяне. 5. а—**Текор**, б—Мрен, Двин, Мазарджук, Агарак, Мастара, Артик, Талин (собор), Адиаман на Арагаце, в—Звартноц, Аруч. 6. а—Арамус, церковь Гаяне, Звартноц, Сисиан, Талин (собор), б—Нахчаван. 7—Птгни. 8—Птгни, Звартноц. 9. а—Птгни, б—церковь Рипсиме, Аруч, в—Звартноц, Талин (собор).

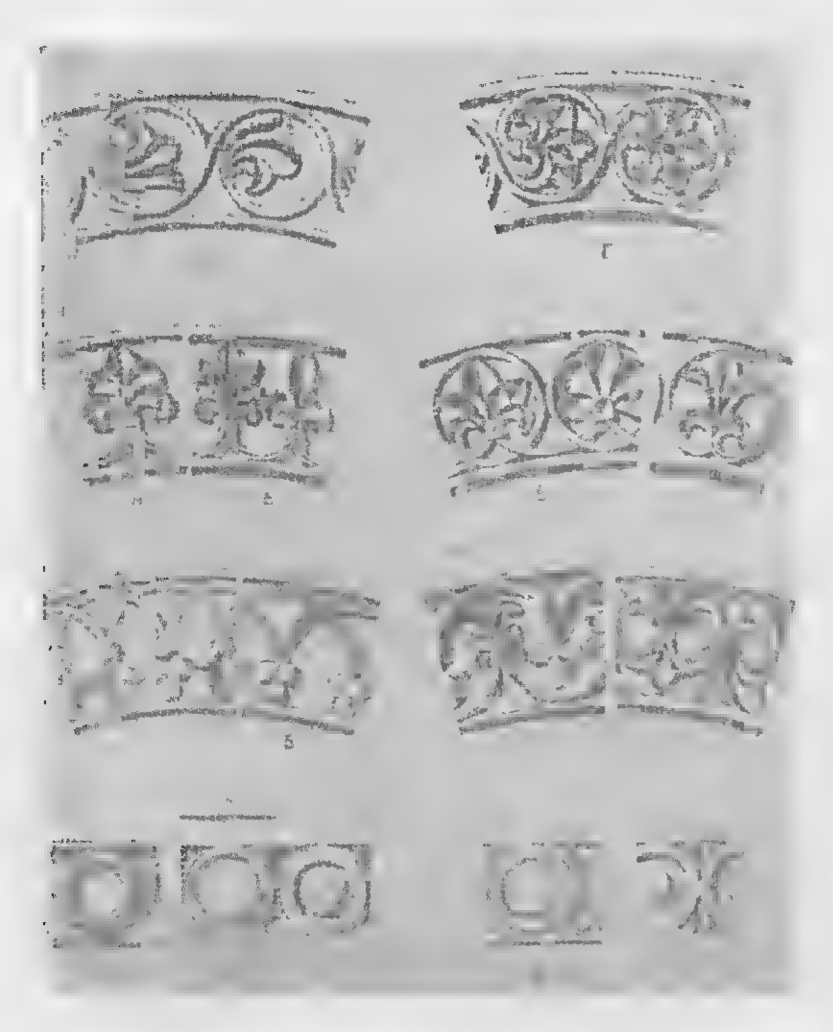


II. Схемы орнаментов

10. а церковь Рипсиме, б—Мрен, в, д—Одзун, г Талин (собор). Артик, е Мастара, ж—Багаран, Арамус, з—Агарак, и—Багаран, к—Аламн.

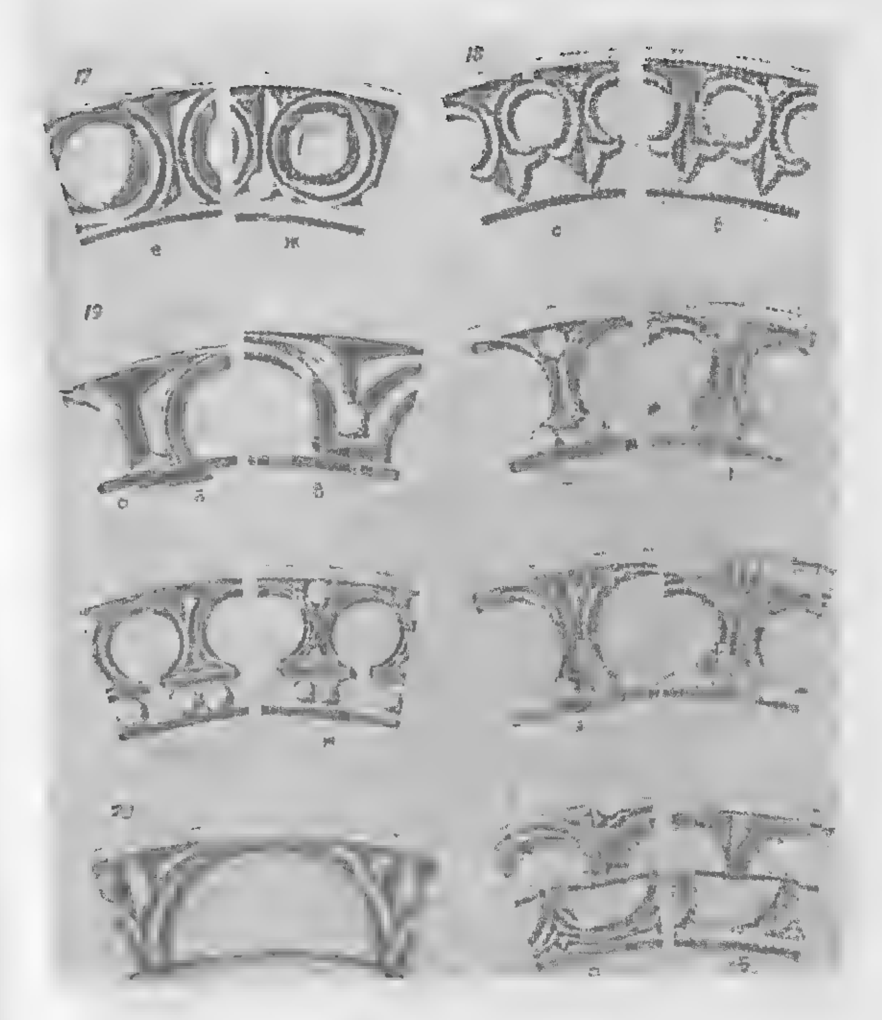
III. Схемы орнаментов

10. л—Джрвеж, м—Звартноц, Птгни, Джрвеж, Аруч, Сисиан, и—Двин.
11. а—Звартноц, б—Талин (собор), Артик, в—Сисиан, г, д—Зоравор (Егвард).



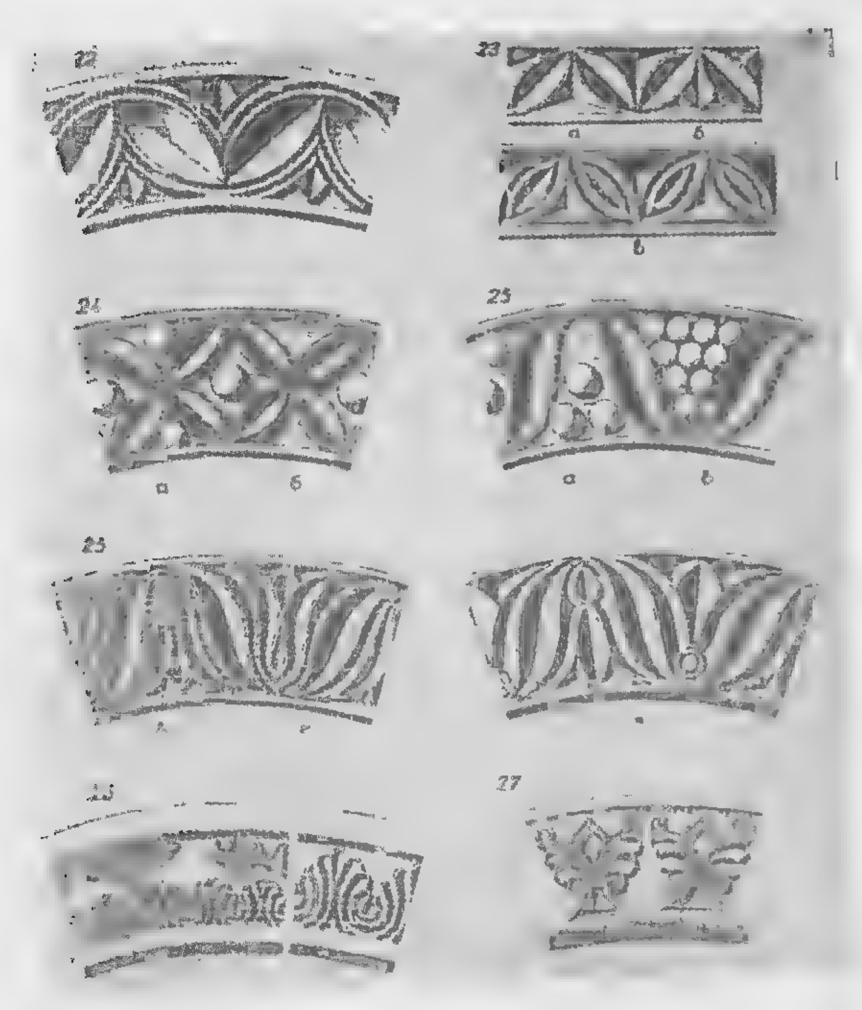
IV. Схемы орнаментов

12. а—Махмуджук, Агvди, б--Арамус. 13. а Зоравор, б—Звартноц, в-Сисиан, Бюракап (с одними пальметками). 14. Сисиап, Птгни. 15. а—Аруч, б—Птгни, церковь Гаяне, Адиаман на Арагаце. 16. а—Махмуджук, б—Лмбат, Зоравор, Джрвеж. 17. а—Караплух, б—Лмбат, в—Ани (Дворцова: церковь), г. д—Ерсруйк.



V. Схемы орниментов

17. е—Лмбат, ж—Талип (собор), Кош (с раздвоенными листиками). 18. а-Талин (собор), б—Махмуджук, Артик (только с бусами). 19. а—Аламн, б—Агарак, Мазарджук, Адиаман на Арагаце, в—церковь Рипсиме. г—Аламн, д—Артик, е—Талин (собор), ж—Пахчанан, з—Птгни. Махмуджук, Кош, Багаван, Адиаман на Арагаце, и—Талин (малая церковь). 20. а—церковь Рипсимс. 21. а—Джрвеж, Таргманчац-ванк, Двин (дворец), б—Сисиан.

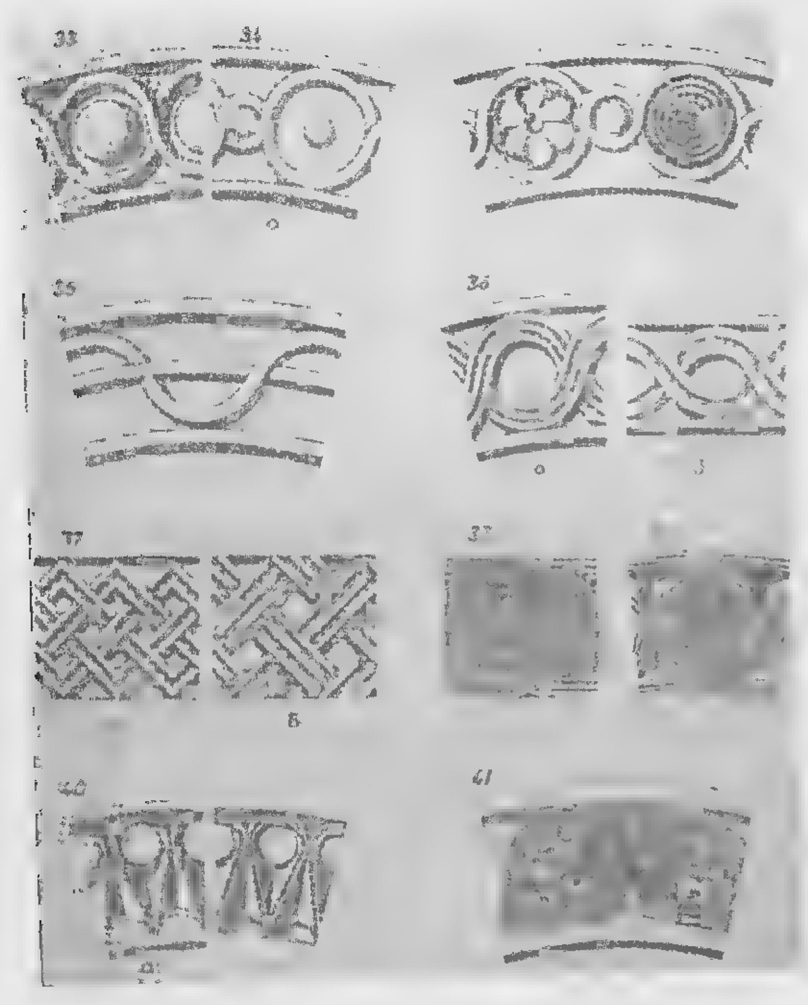


VI. Схемы орнаментов

22. Аруч, Гарни (фрагмент бровки). 23. а—Аруч (капитель из дворца). б—Ани (Дворцовая церковь), в—Агарак, 24. а—Звартноц, Сисиан, б - Аруч. 25. а—церковь Гаяне, б—Таргманчац-ванк, в—Сисиан, г—Птгни, Махмуджук, д—Аруч. 26 и 27—Талин (собор).

VII. Схемы орнаментов

28. Птгни, церковь Гаяне. 29. а—Аруч, б—Птгни. 30. а—Талин (собор), б - Аруч. 31—Текор. 32. а церковь Рипсиме, б—Аван, Талин (развалины около селения).



VIII. Схемы орнаментов

33—Мастара, Касах. 34. а—Таргманчац-ванк, Махмуджук (без бус в малом круге), б -Сисиан. 35. Мрен, Агарак. 36. а—Ириид, б—Егварт, Аруч, Аштарак (Кармиравор). 37. а—Звартноц, Аруч, Зоравор, Талин (собор), Артик, Сисиан, Кармиравор, б—Артик, Талин (собор).

Орнамент X–XI вв. 38. Ани (собор, церковь Апостолов). 39. Ани (храм Гагика, церковь Абугамренц, большая церковь из раскопок 1912г.). 40. а—Ани (бóльшая церковь 1912 г.), б—Ани (собор). 41. Ани (храм Гагика).

ная, повторяется в одном и том же профиле на многочисленных церковных постройках до конца века. Изредка продолжают встречаться бровки без орнамента, состоящие только из различных профилей или по-прежнему украшенные зубчиками и бусами.

На составленных мною таблицах (I—VIII) показаны сюжеты резного орнамента*. Их нужно рассматривать как схемы, допускающие для отдельных памятников некоторые отклонения в деталях. В таблицах отличные друг от друга сюжеты обозначены цифрами, а их варианты помечены буквами. В конце помещено несколько орнаментов, появляющихся в X в. Сравнение показывает, что при структурном сходстве с орнаментами VII в. они резко отличаются трактовкой и, в частности, широким применением плетения (38 - 41).

На ранних памятниках (от Ереруйка до Авана включительно) в обрамлениях окон и арках порталов видим только различные комбинации из тяг, сухариков и бус (1 а—ж), которые и в дальнейшем, в 1-й половине VII в., иногда встречаются наряду с быстро завоевавшим бровки резным орнаментом разного рисунка.

Характерной особенностью построения орнамента рассматриваемого времени, предназначавшегося, за немногими исключениями, для украшения узкой полосы архивольта или карниза, является то, что он составляется из повторяющихся коротких звеньев, количество которых можно было увеличивать в зависимости от длины украшаемой архитектурной детали. Это обстоятельство придает даже таким реалистическим сюжетам, как виноградная лоза или ветвь граната, ясно выраженный декоративный характер. Там же, где в распоряжении художника была не полоска архивольта, а, например, плита архитрава или антрвольт, общая композиция орнамента, даже при условной трактовке отдельных его элементов, становится свободной, реалистичной. Таковы кусты граната между арками на фасаде Звартноца (11а) и вино-

* При ссылках на эти таблицы будем указывать в скобках только цифровые и буквенные обозначения орнамента, не давая номера таблицы.

градник на двинском архитраве, где при двухплоскостном рельефе мастерски передано пространственное расположение листьев (10н).

Нет необходимости подробно характеризовать все представленные в таблицах орнаменты,—достаточно остановиться только на некоторых, излюбленных мастерами, которые особенно часто встречаются в армянском зодчестве VII в. Таков, например, ложковидный орнамент (5б), идущий иногда в два ряда. В Звартноце он несколько меняет свою форму (5в), повторяется в таком же виде в Аруче и окончательно преобразуется в X в. на анийских постройках в так называемый «каштановый» лист, несущий часто в своей широкой части бусины (40).

О широком распространении мотива виноградной лозы дает представление несложная статистика. Виноградная лоза имеется на двадцати зданиях из сорока, которые здесь упоминаются и могут быть отнесены к рассматриваемому времени. Про десять можно наверное сказать, что на них и не было этого сюжета. Остальные частью не обследованы достаточно полно, частью разрушены и под их обломками, возможно, скрыты архитектурные детали, украшенные виноградным орнаментом. Разработка деталей виноградной лозы, как видно из таблиц, отличается большим разнообразием. В церкви Рипсиме листья при форме, близкой к естественной, прорисованы по системе аканта (10а). В Мрене и Одзуне видим пластичные трехчастные листья, отвечающие тройным кистям винограда (10 б, в). На ряде памятников листья весьма далеки от природной формы и представляют декоративные детали различного художественного достоинства. Очень четко, даже несколько суховато, но правдиво по форме разработан лист в Звартноце, Птгни и Аруче (10 м). Недавно (в 1957 г.) при раскопках открыт наиболее ранний образец этого последнего варианта в развалинах джрвежской крестообразной церкви, построенной на рубеже шестого и седьмого веков. Изображения виноградных кистей также весьма различны, как и размещение их и листьев по сторонам волнообразного стебля, указывающее в ряде случаев на скромные способности и мастерство художника (10 г, з). Следует отме-

тить, что при распространении мотива винограда уже в 1-й четверти VII в. гранат появляется только в Звартноце, а затем, под его влиянием, на некоторых церквах, построенных во 2-й половине VII в. (Егварт, Артик, собор в Талине).

Среди других орнаментов, построенных на растительных мотивах, часто встречаются различные комбинации из пальмет (13, 14, 16), а также очень нарядная композиция из крупных «листьев», между которыми помещены «лилии» (25 в, д), а в церкви Гаяне и Таргманчац-ванке бусины, образующие во втором памятнике нечто вроде виноградной грозди (25 а, б).

Одним из распространенных и, пожалуй, самым своеобразным в VII в. является «арочный» орнамент (19, 20). Здесь он регистрируется в шестнадцати памятниках; в десяти случаях это различные варианты с парными бусинами под арочками (19 г, и). Сравнение «арочной» бровки в церкви Рипсиме (20) с бровками из Джрвежа (21 а) и Аруча (22) показывает, как могло происходить образование новых орнаментов.

На монументальных постройках 2-й половины VII в. сказалось влияние форм законченного тогда же Звартноца. Барабаны начали ставить не на тромпы, а на паруса, что дало возможность по образцу Звартноца увеличить число их граней до двенадцати. На гранном барабане появились полуколонки и арочки, которыми украшены и выступающие на фасадах абсиды в Талине и Артике. Этот вид отделки удерживается в последующее время, но уже в другой интерпретации. В Аруче, Талине, Артике, Сисиане полуколонки, как в Звартноце, массивны, арочки сильно выступают из плоскости стены. В X—XI вв. колонки становятся тоньше и, собранные нередко в пучки, поддерживают не арочки, а фестончатый карниз под «зонтичной» кровлей над куполом, вошедшей в архитектуру церквей в это время. Резкое различие наблюдается в форме капителей декоративных колонок в VII и X вв. (рис. 59). В VII в. распространена «кубовая» капитель с выкружкой и полочкой наверху, украшенная лиственным узором в Звартноце и под его влиянием на абсидах в Талине и Артике. Капитель X—XI вв. состоит из абаки з

виде прямоугольной плиты и слегка сплюснутого шара с полочкой под ним; иногда она имеет шейку, отделенную от стержня колонны валиком, заключенным между полочками (рис. 59д). В XI в. часто встречаются капители с круглыми бляшками, выступающими над шаром из скошенного низа абаки. Шаровидная капитель удерживается и позднее наряду со сталактитовыми. Мы сочли полезным забежать вперед с описанием капителей, так как их отличительные особенности имеют существенное значение для датировок.

Весьма своеобразно выглядят во 2-й половине VII века треугольные ниши на фасадах. В глубине их помещаются одиночные или парные полуколонки, на которых, вероятно, были установлены скульптуры, о чем свидетельствуют устроенные в некоторых памятниках выше колонок небольшие полукруглые нишки, врезающиеся во внутренний угол основной ниши (Талин, Адиаман).

На церквах, построенных во 2-й половине VII в. в Аруче, Егварте, Талине, Артике и др., появляется новый вид карниза. Так же как в Нерсесовом храме, он имеет большой наклонный вынос, прямую корзиночную плетенку на скошенной поверхности и украшенную резьбой верхнюю полку, где вместо розсток Звартноца помещаются другие узоры; так, в Егварте на карнизе нижнего яруса идет плетение двух волнообразных лент (36), а на барабане—лоза с листьями и плодами граната (11 г), в Аруче—плетенка, подобная егвартской. Обе постройки возведены Григорием Мамиконяном, следовательно, в то время, когда строительство Звартноца во всяком случае было накануне завершения, карниз стоял уже на месте и можно было подражать ему, так же, как это было отмечено в отношении тромпов и парусов. Арочный карниз уступает место новой форме и уступает окончательно,—он больше не появляется ни в багратидское, ни в еще более позднее время*. Наоборот, карниз Звартноца становится образцом, которому на протяжении веков следуют армянские зодчие. Претерпев некоторые изменения, он надолго входит в их творческий обиход.

* Известен только один случай арочного карниза на постройке X в.—на основании барабана ахтамарского храма.

Орнаментация бровок остается неизменной, и одни и те же сюжеты украшают стены церквей на протяжении всего VII века.

Изобретательные в архитектурной композиции мастера отличаются поразительным постоянством в выборе сюжетов орнамента, настойчиво повторяемых в различных сочетаниях в постройках этого времени. Так как эти орнаменты не появляются на более поздних, документально датированных памятниках, орнаментация приобретает для исследователя первостепенное значение, как важный фактор в комплексе характерных особенностей, позволяющих определить время возведения той или иной постройки.

Иногда высказываются сомнения в возможности опираться на орнаментацию при определении дат архитектурных памятников. Но, как уже сказано, мы рассматриваем ее не изолированно, а в совокупности с другими признаками, характерными для архитектуры доарабского времени.

Главнейшие данные, характеризующие памятники VII века, для большей наглядности сведены в приводимые ниже таблицы. Рассмотрение их показывает обязательное наличие устойчивых к о м п л е к с о в характерных черт для документально датированных памятников VII в.

Из таблиц видно, что сооружение Звартноца явилось своеобразным рубежом в творчестве армянских зодчих, за которым в постройках 2-й половины VII в. в комплексе их характерных особенностей под влиянием Нерсесова храма произошла замена некоторых конструкций и форм новыми. Так как все приведенные здесь недатированные памятники обладают теми же чертами, что и датированные, около каждого из них можно поставить дату—*не позднее первой половины VII в., или—вторая половина VII в.* Отсутствие дат не может служить основанием для отнесения этих памятников к более позднему времени, так как лишь нововведения 2-й половины VII в. удержались в иной трактовке в архитектуре последующих веков.

Надежность приведенного метода датировки архитектурных сооружений нашла подтверждение в результатах

		I-я половина VII в.		2-я половина VII в
1	Переход к барабану	Тромпы	Звартноц	Паруса
2	Наружная форма барабана	Восьмигранный, с гладкими стенами		Двенадцатигранный с полуколонками и арочками.
3	Карниз	Зубчатый; арочный; с горизонтальной плитой (в небольших крестообразных церквах)		Косой, с большим выносом, украшенный корзиночным плетением
4	Капители пилястр и пилонов	Высокий камень с выкружкой и полкой наверху		
5	Капители декоративных полуколонок	Кубовые или сходные с капителями пилястр		
6	Порталы входов	На колоннах или пилястрах с аркой и фронтоном или только аркой		
7	Форма окон	Большие, широкие с полукруглым верхом		
8	Обрамление окон	Бровка		То же
9	Орнаменты	Повторяются в разных сочетаниях на всех памятниках VII в.		

раскопок, которые были проведены мною в 1957 г. в Джрвеже у родников Кос-ахбюр[84].

Еще в 1942 г. при посещении этого селения среди различных орнаментированных камней из древних построек обратили на себя особое внимание отдельные части украшенных резьбой архивольтов, капитель с волютой и виноградной гроздью (как в Птгни), а также тромп, высеченный в одном камне. Позднее здесь были обнаружены блок карниза с арочками на верхней полке и камень из облицовки барабана с тремя буквами (*ՅՈՀ*) имени Иohан. Орнамент всех архивольтов был уже известен по многим церквам VII в. И хотя сами постройки были скрыты под землей, мы тогда же высказали твердое убеждение, что здесь стояла церковь, сооруженная не позднее VII в. Это было подтверждено раскопками, которые открыли развалины небольшой крестообразной церкви и значительное количество архитектурных деталей,

№ пп.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42

№	Наименование памятника	Дата	Тип	Купол I	II	III	Карниз IV	V	VI	VII	Орнамент архивольтов (бровок), наличников, карнизов, капителей (см. табл. I—VIII)	№ пп.
1	Ереруйк	V в.	Базилика	Нет							1а, 17гд	1
2	Текор	V в.	»	Новый							5а, 10, 31	2
3	Касах	V в.	»	Нет			+				10	3
4	Джрвеж (кладбище)	V в.	»	Нет			+					4
5	Аштарак	VI в.	»	Нет			+					5
6	**Егварт**	VI в.	Базилика	Нет							1а	6
7	**Двин. Собор**	608—28	Купольная базилика	Неизвестен							5б, 10н?	7
8	**Багаван**	631—39	»				+				19з	8
9	**Мрен**	639—40	»	8	+			+			4, 5б, 10б, 35	9
10	**Церковь Гаяне**	630—41	»	8	+		Новый				1в, 4, 6а, 15б, 25а, 28	10
11	**Аван**	608	Тетраконх	8							1б, 32б	11
12	**Церковь Рипсиме**	618	Тетраконх	12 новый			Новый				1дж, 9б, 10а, 19в, 20а, 32а	12
13	**Эчмиадзин**	80-е годы V в.	Крестообразный	Неизвестен			+					13
14	**Багаран**	624—31	»	8	+		+				10жи	14
15	**Талин. Малая церковь**	VII в.	»	8	+		+				19и	15
16	**Аламн**	VII в.	»	8	+			+			10к, 19аг	16
17	**Нахчаван**	VII в.	Неизвестен	Неизвестен			Новый				6б, 19 ж	17
18	Одзун		Купольная базилика	8	+			+			10вд	18
19	Птгни		Купольная зала	8	+			+			2, 3, 7, 8, 9а, 10м, 14, 15б, 19з, 25г, 28, 29б	19
20	Арамус		Тетраконх	Неизвестен							1г, 6а, 10ж, 12б	20
21	Гаргманчац		Типа церкви	8	+		+				21а, 25б, 34а	21
22	Адиаман		Рипсиме	8	+				+		5а, 10, 15б, 19бз	22
23	Лмбат		Крестообразный	8	+				+		16б, 19з	23
24	Кош		»	8	+				+		17ж 19з	24
25	Махмуджук		»	8	+		+		+		12а, 16а, 18б, 19з 25г, 34а	25
26	Мазарджук		»	8	+			+			5б, 19б	26
27	Бджни		»	8	+				+		19	27
28	Хурсалу		»	Неизвестен					+		19	28
29	Каранлух		»	8	+				+		17а	29
30	Иланчалан		»	8	+				+			30
31	Агарак		»	8	+			+			5б, 10з, 15б, 19б, 23в, 35	31
32	Мастара		»	8	+			+			5б, 10е, 33	32
33	Воскепар		»	8	+						13	33
34	Джрвеж (Кос ахбюр)		»	8	+				+		10лм, 16б, 21а	34
35	**Звартноц**	641—60	Тетраконх в круге	12—16		+				+	5в, 6, 8, 9в, 10м, 11а, 13б, 24а, 37а	35
36	Аруч	660—80	Купольная зала	12		+					5в, 9б, 10м, 15а, 22, 24б, 25д, 29а, 30б, 36б, 37а	36
37	**Егварт**	660—80	Восьмиапсидный	12		+				+	11гд, 13а, 16б, 36б, 37а	37
38	**Сисиан**		Типа церкви Рипсиме	12	+					+	6а, 10м, 11в, 13в, 14, 21б, 24а, 25в, 34б, 37а	38
39	Артик		Крестообразный	12	+					+	3, 5б, 10г, 11б, 18б, 19д, 37аб	39
40	Талин. Собор		Крестовокупольный	12		+	+			+	3, 5б, 6а, 9в, 10г, 11б, 17ж, 18а, 19а, 26, 27, 30а, 37аб	40
41	Двин. Дворец										21	41
42	**Аруч. Дворец**	660—80									10м, 23	42

Примечания

Значение римских цифр в графах: **Купол**
I—число граней
II—тромпы
III—паруса
Карниз
IV—зубчатый
V—арочный
VI—горизонтальная плита
VII—косой с полкой

Жирным шрифтом выделены памятники, датированные надписями и сообщениями древних авторов

В датах показаны границы возможных годов начала и окончания постройки, за исключением Багавана и Багарана, для которых дана действительная продолжительность постройки. У Мрена показана дата окончания

Крестиками отмечены типы купольной конструкции и карниза

давших возможность убедительно восстановить ее первоначальный вид. Весь комплекс характерных черт, необходимых для уверенной датировки VI—VII веками, был налицо.

Южные стены церквей в ясные дни с утра до вечера залиты солнцем. На гладкой поверхности их облицовки каждый выступ дает четкую тень, что прекрасно использовали древние мастера при устройстве солнечных часов, необходимых причту для соблюдения установленного распорядка церковных служб. Своеобразный циферблат обычно представляет обращенную дугой вниз половину круга с укрепленным в центре стержнем, который отбрасывает тень, скользящую от часа к часу по означающим их радиусам. Циферблат иногда бывает всего лишь прочерчен резцом; чаще же ему придают нарядную декоративную форму раскрытого веера, рельефно выступающего из облицовки. В нижней части часов у фестончатой дуги помещают врезанные или рельефные буквы армянского алфавита, соответствующие цифрам от 1 до 12; над горизонтальным верхом часов на некоторых памятниках можно встретить различные рельефные украшения. Великолепные часы большого размера, найденные разбитыми при раскопках, украшали в свое время фасад Звартноца. На квадратной плите вырезан круг, разделенный горизонтальным диаметром на две части; в нижней половине помещен циферблат, верхнюю занимает наставительная надпись, призывающая к молитве.

Скульптура не нашла широкого применения в церковном зодчестве. Лишь на немногих памятниках имеются рельефные изображения святых, ктиторов и иногда светских сюжетов (например, на плите из Двина со сценой уборки винограда). Такие рельефы обычно бывают помещены над дверьми под аркой портала (Мрен и др.); иногда их можно видеть и около окон (Олзун, Птгни). Внутри зданий декоративная резьба по камню встречается только на капителях и иногда в ранних памятниках на арках абсид в виде сухариков (Ереруйк) и зубцов (Танаат-ванк). Стенная роспись и мозаика, судя по находкам в Звартноце и следам на стенах церквей в Аруче и Лмбате, применялись в церковном зодчестве, но, по-видимому, только в халкидонитских постройках.

Реконструкции

Описания некоторых из разрушенных памятников иллюстрированы схематическими реконструкциями. Необходимые пояснения к ним для светских сооружений (Двин, Вагаршапат) уже даны в соответствующих местах. Что же касается церковных построек, то отдельных обоснований для каждой из реконструкций мы не давали, так как это привело бы к ненужному повторению одних и тех же соображений, приобретающих к тому же большую убедительность после выявления и систематизации характерных черт культовой архитектуры IV—VII вв.

Реконструкции в большинстве случаев сводятся к восстановлению вида разрушенной купольной части. Так как форма барабана определяется конструкцией перехода к нему от подкупольного объема на схемах зданий с тромпами (Птгни, Багаран), соответственно показаны восьмигранные барабаны. Пропорции граней большинства уцелевших церковных глав не имеют существенных различий, и это позволило принять их за основу наших реконструкций. Только в церкви Анании в Аламне, где утрачены лишь карниз барабана и кровля над сохранившимся сводом, глава, стоящая на высоком четырехугольном основании, имеет несколько приземистый вид (табл. 25), как и в малой церкви в Талине (рис. 42). Размеры, форма и расположение окон у основания барабана показаны также по аналогии с сохранившимися памятниками. В восьмигранных барабанах обычно устраивалось четыре окна, и только в Таргманчац-ванке они были во всех восьми гранях. Для определения формы кровель, к сожалению, мы не располагали достаточными данными и, хотя на всех реконструкциях показаны пирамиды, не исключена возможность, что в случае применения черепицы кровли имели криволинейные очертания, соответствовавшие форме свода, как это можно видеть в аштаракской церкви Кармиравор (VII в.).

Памятники в Птгни и Айгешате (Таргманчац-ванк), несмотря на большие разрушения, реконструируются достаточно убедительно на основании планов, главнейших высотных

размеров уцелевших частей и вполне установившихся к VII веку объемных соотношений этих типов церквей.

Во второй половине VII в. парус сменил тромпы, и это определило новую форму барабана, украшенного парными полуколонками и арочками. Эти нововведения учтены при реконструкции памятников в Аруче и Артике. Обнаруженный на кладбище в Аруче угловой камень барабана с парными полуколонками является надежным вещественным подтверждением теоретических соображений о первоначальном виде этих построек 2-й половины VII века.

Реконструкция ереруйкской базилики представляет весьма сложную задачу, для решения которой требуется производство специальных кропотливых разысканий на месте. Мы предлагаем наш набросок лишь в порядке постановки вопроса, над разрешением которого следует потрудиться исследователям, работающим в Армении.

Строительные приемы древних мастеров

Основной строительный материал, которым располагали армянские зодчие,—*камень* определил конструкции и связанные с ними формы архитектурных сооружений. Поэтому строительные приемы древних мастеров Армении, работавших в камне, не только имеют большое значение для характеристики стилистических особенностей памятников армянской архитектуры, но и представляют интерес для истории инженерного дела вообще.

Древнейшая и пока единственная из известных в пределах Советской Армении значительных построек, возведенных в то время, когда уже существовало армянское государство,—языческий храм в Гарни—свидетельствует о большом искусстве строителей, воплотивших формы ионического ордера в твердом базальте. Самый факт использования этого материала, непривычного для иноземцев, не оставляет сомнений в том, что это превосходное сооружение, несмотря на его античные (эллинистические) формы, было возведено опытными, хорошо подкованными в строительном деле местными мастерами.

Стены храма, как и самой гарнийской крепости, были сложены из больших чисто тесаных и хорошо пригнанных блоков, скрепленных между собой железными скобами и штырями, без применения связующего раствора. Камни колонн также имели скрепы в виде бронзовых и железных штырей, залитых в гнездах свинцом.

Железные связи употреблялись и в последующее время (до VII в. включительно) там, где камень являлся единственным несущим материалом. Мы видели, например, что железные штыри, залитые свинцом, были применены в Звартноце для предотвращения сдвига колонн в абсидах.

В первых церковных сооружениях Армении уже можно видеть новый способ кладки стен. Здесь они не сложены сплошь из пригнанных друг к другу блоков, а состоят из двух параллельных рядов камней, пространство между которыми заполнено известковым бетоном. В таких грандиозных постройках, как багаванский храм, это внутреннее пространство еще весьма незначительно, и нагрузку несет камень; по наблюдениям И. А. Орбели, там крупные, с лицевой стороны чисто отесанные блоки почти соприкасаются своими тыловыми, едва обработанными сторонами, так что плоский рваный камень заполнения, залитый раствором, приходилось укладывать вертикально на ребро. В дальнейшем толщина лицевых камней даже при значительной их величине уменьшается, и тяжесть здания переносится в значительной мере на заполняющий толщу стены известковый бетон. Камень становится облицовкой и служит при постройке своеобразной опалубкой, в которую забрасывают крупный плоский щебень, заливаемый известковым раствором, причем притеска и пригонка на место облицовочных плит производится настолько тщательно, что раствор не просачивается наружу. В древнейших частях анбердского дворца и укреплений стены выложены из не совсем чисто обработанных камней, отдаленно напоминающих по форме усеченные пирамиды, обращенные основаниями наружу, и потому здесь была опасность вытекания раствора через щели в швах. Строители нашли выход из положения, промазав предварительно швы густым раствором, замешанным подобно штукатурке на

мелком песке. Эта обмазка была пройдена шлифующим инструментом и обработана фальцами, что придало ей очень аккуратный и даже изящный вид. В древнейших постройках, особенно в отличающихся большими размерами, величина облицовочных плит весьма значительна (высота их колеблется в пределах 0,6—1,0 м). Вероятно, для предотвращения поломки кромок, вполне возможной при наклоне и передвигании их во время установки, у плит стали срезать фаски шириною до 1 см для получения более стойкого тупого угла. Едва ли это делалось из декоративных соображений, хотя швы при срезе стали поблескивать на ярком южном солнце. Подобный прием прожил, по моим наблюдениям над анийскими памятниками, до XI века. В десятом веке и позднее, когда в разных местах страны было построено большое число рядовых по своим достоинствам и размерам церквей, величина облицовочных камней уменьшается, сокращаясь по высоте до 0,5 и даже 0,3—0,4 м. Конечно, встречаются постройки, возведенные видными деятелями, в которых в виде исключения облицовки выполнены из крупных плит, как например, в Анберде или Мармашене, построенных в XI в. овеянным славою Вахрамом Пахлавуни, где высота некоторых рядов достигает 1,35 м. В XII—XIII вв. в анийских постройках, преимущественно в крепостных стенах, был применен весьма своеобразный прием облицовки монолитных стен: облицовочные плиты отесывались с таким расчетом, чтобы при установке на место их верхние кромки находились на одной вертикали, а нижние отступали от нее на 0,5—1,0 см, образуя узенькую полочку. Надо полагать, что и в этом случае заботились о целости верхних кромок, которые благодаря отступу при аккуратной установке и передвижке камней на место не подвергались ударам и неравномерной, преувеличенной нагрузке.

Система монолитных стен, ограниченных с двух сторон облицовочными плитами, с честью выдержала испытания на протяжении многих веков, подвергаясь не раз жестоким ударам со стороны беспокойной тектоники страны. Когда же устоять было невозможно, когда внутренние силы не выдерживали, сооружение не рассыпалось в прах, а падало, рас-

коловшись на огромные глыбы с абсидами, нишами и лестницами, подобно церкви в Айгешате (табл. 31), башне дворца в Анберде или (позднее) анийскому минарету Абу-л-Маамрана. Строители, предвидя возможность разрушения стен при землетрясениях, принимали различные меры для придания своим сооружениям большей сейсмостойкости. Несомненно, с этой целью в Гарни и *колоннах* Звартноца были применены металлические крепления, вышедшие из употребления с переходом к бетонной системе строительства. В стенах с бетонным заполнением известны случаи закладывания деревянных связей. В Текоре деревянные брусья были уложены под пятой сводов и во внутренней облицовке стен в несколько рядов на разных высотах. При осмотре в 1923 г крепости в Бджни я видел деревянные связи в кладке одной из полуразрушенных башен. Строители Армении старались вести и самую кладку стен с таким расчетом, чтобы она оказывала сопротивление разрушающим силам при землетрясениях. Видимо для предотвращения горизонтальных смещений при ударах в рядах облицовки изменяли высоту камней; в месте перехода от одной высоты к другой получался своеобразный «зуб», который мог оказать известное противодействие горизонтальным толчкам. Подобные перебои в горизонтальных швах устраивались в разных местах по всей высоте стены. Позднее в монастырских постройках Ахпата и Санаина встречаются специальные антисейсмические пояса разного вида.

Оконные проемы обычно имеют наверху арку, которая даже при большой их ширине составляется не из мелких клиньев, а из двух-трех (редко одного) фигурных камней, охваченных сверху (повсеместно в постройках VII в.) самостоятельно сложенной бровкой. Когда окна утратили былую ширину (в X в.), циркульный верх стали вырубать в целой прямоугольной плите вместе с рельефной бровкой, а в некоторых случаях и резными украшениями в углах. Двери всегда перекрывались плоско каменными брусьями и плитами (тимпанами) с циркульным, а в XII -XIV вв. и стрельчатым верхом. В отдельных случаях архитравные камни над проемом достигали значительных размеров; например, в Багаване И. А. Орбели зарегистрировал камни размером —3,58; 3,38; 3,02 и 2,85 м. Обрамление дверей сверху заканчивалось аркой и потому даже при перекрытии брусом над ним помещался еще тимпан составной или из целого камня. В ранних памятниках (IV -VI вв.) середину архитрава освобождали от непосредственной нагрузки, передавая ее на края у опор (косяков), для чего в средней части основания тимпана вырубали так называемую разгрузную щель узкую полоску во всю толщину плиты, предотвращавшую их соприкосновение. Над входами в угловые приделы церкви в Аване имеется даже по две такие щели; здесь над первым архитравом помещен второй с вырезом внизу, а над ним выложена плоская клинчатая перемычка, несущая стену, средние камни которой не касаются второго архитрава.

Сводчатые перекрытия, вполне уже разработанные в первых веках нашей эры, как было показано, выполнялись из бетона, одетого внутри зданий в тонкую каменную облицовку (табл. 28). Облицовка цилиндрических сводов, парусов, конх и куполов выкладывалась из камней небольшой толщины, вытесанных с лицевой стороны по лекалу и установленных наружу этой криволинейной поверхностью, а не ребром. Конические паруса (тромпы), ограниченные сверху арками, облицовывались узкими плитами, расходившимися веером из вершины конуса, где устанавливался фасонный камень, а в малых церквах (Джрвеж и др.) высекались в одном камне. Эти каменные облицовки служили при укладке бетона опалубкой, а после его затвердения становились составной частью работающей конструкции. Такие бетонные, облицованные камнем своды коренным образом отличаются от перекрытий, сделанных целиком из кирпича или каменных плит, уложенных плашмя. Как очень редкое исключение, каменные своды, выложенные по образцу кирпичных, можно видеть в анбердской бане XI в. (рис. 63); если же принять во внимание, что в этой крохотной постройке угловые тромпы врезаются прямо в купольный свод, как в сасанидских дворцах, то можно считать вполне правдоподобным предположение, что эти несвойственные местной практике приемы

применены мастером, прошедшим персидскую строительную школу.

При возведении арок их не дробили на большое число клиньев,— скорее заметна тенденция сократить число элементов, которым придавалась форма криволинейных каменных брусьев с соответственно срезанными торцами. Колебания почвы причиняли, конечно, немало забот зодчим, и вот тут-то в купольных постройках, где арки, несшие купол, особенно усиленно работали, пришли к мысли снабжать их камни зубом, который предотвращал выпадение клиньев в случае раскрытия швов при землетрясении. Такой прием был применен, например, в церкви VII в. в Аламнс.

При возведении арок и сводов армянские мастера применяли деревянные кружала. Можно привести пример, показывающий, как достигали они при этом экономии лесных материалов и упрощали вспомогательные работы. В аручской церкви Григория Мамиконяна при значительной высоте, на которой располагались своды, возведение сплошных лесов повело бы к большому расходу бревен и досок, да, кроме того, и усложнило бы работы. Поэтому кружала были основаны на брусьях, уложенных над пролетом на первый ряд камней сводов; во втором ряду в камнях, установке которых мешали концы балок, были вырублены у нижнего края прямоугольные отверстия, что позволяло надеть их сверху на основу кружал (табл. 23). В абсиде было устроено четыре таких гнезда: два—во втором ряду камней конхи у триумфальной арки и два—в средней части конхи, причем они были вырублены несколько выше с таким расчетом, чтобы дополнительные брусья одним концом легли на основную балку. Теперь эти гнезда открыты, но в свое время они были заделаны каменными, точно пригнанными вставками, одна из которых сохранилась на месте в своде между юго-восточным пилоном и стеной придела. В Птгни была применена такая же система, с той лишь разницей, что брусья укладывались не только на первый, но и на второй ряд камней свода.

Жилые дома на протяжении многих веков, как и в наши дни, перекрывались деревом по способу, который был применен еще в урартских постройках на Кармир-блуре, о чем

свидетельствуют обгоревшие остатки потолков, найденные при раскопках крепости. На деревянных балках устраивался камышовый настил, накрытый соломой или травой, который нес на себе земляной покров, смазанный сверху хорошо перемятой глиной. Подобные кровли можно и сейчас встретить в старых домах селений. Многочисленные обломки и отдельные целые экземпляры черепицы, обнаруженные в развалинах двинского дворца, показывают, что в богатых жилых зданиях применялся и этот кровельный материал. Первые церкви, по свидетельству историков, тоже имели деревянное покрытие, на смену которому в V—VI вв. пришли своды.

Кровли в ранних сводчатых постройках устраивались преимущественно из черепицы, которая укладывалась по легкому раствору, заполнявшему пазухи над сводами. Черепичные кровли над куполами не имели пирамидальной формы, а следовали за кривизной свода. Возможно, что переход от черепицы к каменным плитам был одной из причин, приведших к появлению характерных для архитектуры Закавказья островерхих кровель над куполами.

Черепицу изготовляли двух видов - плоскую с отогнутыми бортами и желобчатую, из которых и комбинировалось покрытие, не пропускавшее воду. Для укладки черепицы в нахлестку нижние концы их сужались и входили между бортами нижележащих плит, что при стоке обеспечивало перепад воды с одной черепицы на другую; продольные стыки в свою очередь накрывались желобами. Для предотвращения сползания и отрыва черепиц в них иногда делали отверстия, через которые пропускали железные гвозди. Каждый желоб, которым внизу заканчивалась кровля, был снабжен треугольным торцом с отштампованным, а иногда и просто нанесенным пальцем простеньким узором, благодаря чему все кровли приобретали нарядную форму, с бегущими друг за другом орнаментированными фестонами.

Точно не известно, когда в церковном зодчестве черепица была вытеснена каменными плитами; повсеместное распространение они получили в X в. по возобновлении строительства, прерванного арабским владычеством.

Каменные плиты укладывались также по забутке над сводами. Вероятно, в связи с значительным увеличением веса

кровельного материала строителям пришлось подумать об уменьшении нагрузки на своды за счет облегчения забутки. В анбердской замковой церкви, построенной Вахрамом Пахлавуни, под коньком полуразрушенной кровли западного крыла были обнаружены остродонные глиняные сосуды, поставленные поочередно дном вниз и дном вверх вдоль свода и залитые со всех сторон раствором. Донышки и венчики таких же сосудов сохранились и над сводами алтаря. Подобное устройство позволило строителям за счет больших пустот значительно снизить вес забутки. Нам не пришлось наблюдать такого заполнения пространства над сводами в ранних памятниках, хотя вполне возможно, что оно применялось и в них; в постройках же XII XIII вв. с этим приемом исследователи сталкивались не раз. В армянском зодчестве заложенные над сводами сосуды играли только конструктивную роль и не служили резонаторами (голосниками).

Обычные кровельные плиты имели прямоугольную форму и были снабжены с одной стороны гуртом, свес которого над краем образовывал четверть, в которую входила соседняя плита. Этим путем достигалось покрытие шва, предотвращавшее затекание воды. У конька помещались плиты с арочками, основания которых точно ложились на верхние концы гуртов. Часть плит в кровлях на куполах имели форму трапеции. Строители проявляли большую заботу в отношении водонепроницаемости кровли, для чего придумывали разные комбинации из бороздок для отвода воды от сопряжений. С прекрасным образцом до мелочей продуманной конструкции каменной кровли встретимся при ознакомлении с монастырскими постройками XIII—XIV вв. в Нораванке.

Сведения о главнейших строительных приемах помещены в этом разделе, так как большинство их было закончено разработкой в первых веках нашей эры; попутно отмечены и некоторые изменения, происходящие в инженерном деле в последующее время, поскольку эти изменения касаются некоторых частностей в конструкциях и не оказывают заметного влияния на архитектурные формы сооружений. Существенные конструктивные новшества появляются значительно позднее (в XII—XIII вв.), и об них говорится в соответствующих разделах.

АРХИТЕКТУРА IX XI вв.

В сороковых годах VII в. в Армении появились арабские войска. Систематические грабежи, разорение, увод населения в плен привели к тому, что правители страны на условиях сохранения феодально-нахарарской системы признали власть халифата. В свою очередь арабы на первых порах старались привлечь на свою сторону влиятельных армянских князей и назначали из их числа наместников. Развернувшееся до того строительство не прекращалось. Звартноц продолжали строить. Григорий Мамиконян, ставший в 662 г. наместником, обогатил армянскую архитектуру прекрасными постройками в Аруче и Егварте. Во второй половине VII в. были также сооружены церкви в Артике и Талине. Но уже в самом начале VIII в. положение изменилось коренным образом. Управление страной перешло к востиканам из арабов, сидевшим в Двине. На протяжении более полутора веков они, исполняя волю халифов, вели политику уничтожения военных сил армян, истребления княжеских родов и всевозможных насилий над населением, обложенным непомерно

тяжелыми налогами. Строительство замерло на долгие годы. Если теперь и производились какие-нибудь работы, то, вероятно, они сводились к посильному ремонту разбитого завоевателями и пришедшего в запустение. Армянский народ переключил все свои силы на борьбу с поработителями, вылившуюся в ряд восстаний, для подавления которых халифату пришлось неоднократно направлять в Армению многотысячные армии[5].

Во второй половине IX в. начинается падение могущества арабской державы, вызванное внутренними распрями из-за престола и столкновениями с усилившейся Византией. Это создало благоприятные условия для объединения распыленных национальных сил, в результате чего к X в. на территории Армении появляются царства, пользовавшиеся самостоятельностью, отмеченной признанием со стороны халифата титула армянских царей.

С древних времен в Армении пользовался влиянием княжеский род Багратуниев (Багратидов), многочисленные члены которого отличались энергией и организаторскими способностями. В правление аршакидской династии Багратидам была предоставлена почетная придворная должность *тагадыр аспета*- венценалагателя (старейший в роде возлагал корону на армянского царя при восшествии его на престол). После неудачного восстания против арабов в 775 году, когда армянский феодализм переживал критический момент, Багратиды ушли в западные районы Закавказья, расположенные в бассейне реки Чороха. Отсюда они наблюдали за происходившими событиями. Воспользовавшись внутренними и внешними осложнениями халифата, Ашот Багратуни подчиняет себе ряд армянских областей (Тайк, Ширак, Аршаруник, Ашоцк). Примечательно, что это удается ему сделать не только силой оружия, но и путем покупки родового удела князей Камсараканов, известных своей строительной деятельностью в VII в. Созванный католикосом в 875 г. собор с участием виднейших нахараров провозгласил Ашота царем Армении, а в 886 г. он торжественно венчался на царство.

Овладев новой территорией, Багратиды создают наиболее сильное среди других Ширакское царство, просуществовавшее до 1045 г. Они устраивают свою резиденцию сначала в Багаране, на правом берегу Ахуряна, неподалеку от впадения в Аракс, а затем переносят ее в Еразгавор (Ширакаван), расположенный севернее на той же реке. Здесь в конце IX в. Смбат I (890—914) построил большую церковь Спасителя «с высоким куполом и со стенами из тесаного камня»[6] по типу церквей в Птгни и Аруче (рис. 74а). Правление его мужественного сына Ашота II, прозванного Железным (914—928), прошло в смутах и борьбе с двинским эмиром. Воспоминание о непрерывных походах Ашота сохранено народом в многочисленных легендах, связывающих с его именем построение крепостей в разных концах армянской земли. На самом деле, едва ли он имел время заниматься строительной деятельностью, и потому-то, надо думать, мы не находим у древних историков упоминаний о постройках этого времени. Ашоту наследовал его брат Абас (928—953), обосновавшийся в своем удельном городе Карсе, где он построил соборную церковь «из больших гранитных сталью тесанных камней (церковь, законченную) великолепным куполом, расписанным наподобие небесного свода»[7]. Карсский собор по плану и общим формам сходен с церковью VII в. в Мастаре с той только разницей, что барабан его украшен полуколонками с арочками, как на соборе в Талине и других памятниках второй половины VII в.

После Абаса престол занял его сын Ашот III (953—977), прозванный Милостивым за заботу о больных, калеках и бедноте, для которых строил приюты и странноприимные дома. При нем начинается возвышение малоизвестного до того Ани, впервые упоминаемого в качестве крепости историками Егише и Лазарем Парбским в связи с восстаниями армянских князей против персов в 450/451 и 481 гг. В дальнейшем этой крепости было суждено войти своими остатками в состав цитадели одного из замечательных средневековых городов Передней Азии, лежащего ныне в развалинах.

АНИ ПРИ БАГРАТИДАХ

Дворец в Вышгороде, городские стены, церкви; благоустройство города

За вторую половину X в. Ани уже столица Ширакского царства—вырос в большой, хорошо укрепленный и обстроенный город с многочисленным населением. В нем работали выдающиеся зодчие страны, творчество которых характеризует пути дальнейшего развития архитектурной мысли и, несомненно, оказало влияние на мастеров, работавших в это время в стране. Поэтому очерк об архитектуре Армении X—XI вв. мы полагаем целесообразным начать описанием его архитектурных сооружений.

В разделе, посвященном архитектуре VI—VII вв., мы располагали привлекаемые памятники по их типам, так как именно к этому времени относится их возникновение и первоначальное развитие. Анийские зодчие продлили дело своих предшественников, прерванное арабами. За немногими исключениями (Санаин, Анберд) они берут за основу архитектурные схемы, выработанные до них, и потому описание памятников Ани мы считаем целесообразным дать в последовательности, позволяющей составить представление о характере и темпах строительства в молодом, быстро развивающемся городе.

Первые раскопки в Ани предпринял в 1892 г. и в 1893 г. Н. Я. Марр. После длительного перерыва раскопки были возобновлены им и, начиная с 1904 г., производились ежегодно до 1917 г. Одновременно с раскопками и изучением памятников Н. Я. Марром из года в год велись работы по укреплению древних зданий, которым грозила опасность разрушения. Для хранения древностей на городище были устроены два музея: один в приспособленном здании древней мечети, второй—с библиотекой в специально построенном доме.

В анийских кампаниях и разработке добытых материалов принимали участие видные русские ученые (Смирнов, Бартольд) и с энтузиазмом начинавшая свою научную деятельность молодежь (Орбели), а также архитекторы и художники; студенты высших учебных заведений знакомились

здесь с производством раскопок. Большинство обмеров анийских построек выполнено архитекторами Тораманяном и Буниатовым[86]. Автор этой книги работал в Ани в 1916 г.

Ани расположен на мысу при слиянии Ахуряна (табл. 39) и Аладжинского ручья, протекающего в ущелье, называемом Цветниковым (Цагкоцадзор). Две боковые ложбины Игадзор и Гайладзор, впадающие в Ахурян и Цагкоцадзор, отсекают от мыса «треугольник», на котором высятся многочисленные развалины городских строений (рис. 61). Территория Ани с двух сторон защищена самой природой и только с третьей, у основания этого «треугольника», понадобились крепостные сооружения. Над городом господствовал холм, на котором сначала стояла только крепость, а затем расположился Вышгород—кремль новой столицы, где при больших раскопках, произведенных в 1907—1908 гг., были открыты гражданские постройки багратидского и последующего времени.

Холм, на котором расположен Вышгород, имел естественную защиту, и потому не было надобности в стенах над Ахуряном и Цветниковым ущельем; со стороны же города еще при Камсараканах были возведены укрепления из громадных грубо обработанных блоков, скрепленных железными скобами; часть этой древнейшей стены (V в.), местами переложенной, обнаружена при раскопках со стороны Цветникового ущелья. Вершину холма занимал царский дворец, в котором обитали члены багратидской династии, а после ее падения—сидевшие в Ани правители. Дворцовые постройки имеют ряд наслоений, которые не поддаются точной датировке. Даже вопрос о времени построения базиличной Дворцовой церкви, относящейся в нижних частях, несомненно, к добагратидскому периоду и сохранившей в своей орнаментации очень древние черты, вызывал первоначально различные сомнения.

Эта простенькая по внешнему виду церковь весьма интересна для исследователя не только своеобразной орнаментацией, но и самой архитектурной композицией, прекрасно поясняющей, как зодчие могли прийти к идее купольных построек, подобных известным нам церквам в Вагаршапате

(Шогакат) и в Птгни. Она представляет из себя небольшую, вытянутую с запада на восток, сводчатую залу, заканчивающуюся алтарной абсидой (рис. 62ж). Северная и южная стены имеют по две пилястры, на которые опираются переброшенные вдоль них три арки, несущие циркульный свод, скрытый под двускатной кровлей. В церквах этого вида пилястры, отвечающие подпружным аркам свода, обычно бывают невелики; здесь же они сильно выступают из стен и, походя больше на пилоны, по своим размерам вполне достаточны для принятия нагрузки со стороны купола, если бы в свое время им вздумали увенчать строение. Его можно было поставить, не производя никаких органических изменений в схеме постройки; достаточно было только раздвинуть пилястры с таким расчетом, чтобы в средней части получился квадрат, как это сделано в ранних «купольных залах».

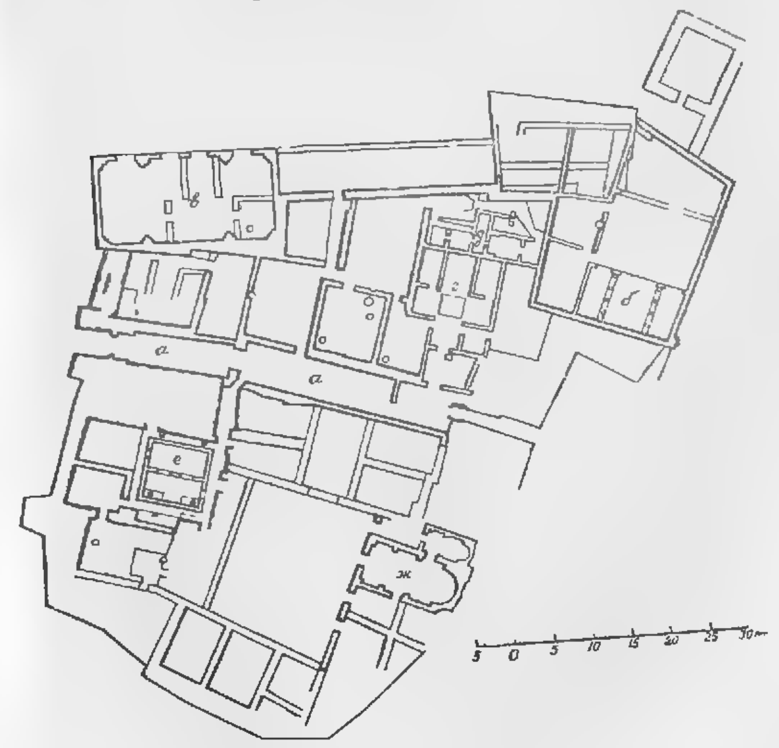


Рис. 62. Ани. План дворца и Дворцовой церкви.

Отмечая эту особенность Дворцовой церкви, важную для выяснения процесса создания однонефных купольных построек, мы считаем возможным опустить подробное описание памятника, так как оно, как и прекрасные исчерпывающие обмеры Н. Г. Буниатова, издано.

Во дворец попадали через украшенный колоннами вход со стороны Цветникового ущелья, за которым шел длинный коридор (а), деливший здание на две части (рис. 62). Раскопки показали, что в скале, на которой основаны стены коридора, был выдолблен более узкий ход, покрытый в свое время, по-видимому, деревянным настилом. Таким образом, с запада во дворец можно было попасть двояким путем: в мирное время через ворота с колоннами, а в случае какой-нибудь опасности по нижнему потайному ходу, из которого внутри здания можно было подняться в верхний коридор по высеченным в скале ступеням.

Все помещения были скрыты под толстым слоем земли и только после очистки от нее представилось возможным составить известное представление о первоначальном виде покоев, погибших от большого пожара. К северу от коридора комнаты располагались частью в один, частью в два этажа, причем второй этаж занимали парадные залы. Один из них, восточный базиличной формы (б); он разделялся на три нефа деревянными столбами с деревянными же арками между ними и был богато украшен резьбой и росписью на дереве, росписью по штукатурке и гипсовыми украшениями, покрытыми частично позолотой. Следующий северо-восточный зал свалился вниз в сторону города, но раскопки в помещении нижнего этажа дали большое количество гипсовых плиток, из которых, вероятно, составлялось его убранство. Эти литые (или штампованные) гипсовые украшения нельзя относить ко времени пребывания здесь Багратидов, так как среди них имеются обломки с изображением звериного гона в характерной трактовке XII XIII вв. Они появились на стенах дворца не ранее второй половины XIII в., когда новые хозяева произвели его очередное возобновление, пользуясь услугами оборотистых предпринимателей, предлагавших заказчику все самое модное и, вероятно, по сходной

цене. Северо-западный зал (в), от которого сохранился угол стены с началом арки (табл. 42), отличался строгой простотой; в нем не было ни росписи, ни лепки; стены, пилястры, арки все было сложено из чисто тесаного камня, не покрытого никакими украшениями. Только этот зал, да коридор за главным входом и имели чистую каменную облицовку; все остальные помещения строились с расчетом на штукатурку и ткани и потому их стены обращают на себя внимание грубостью кладки. Здесь же, как исключение, было применено сводчатое покрытие; все остальные покои были покрыты плоско, по деревянным балкам, от которых кое-где сохранились небольшие обгоревшие куски.

В одноэтажной части северной половины дворца, рядом с базиличным залом, был расположен крестообразный в плане зал (г) с небольшими возвышениями для сидения в крыльях, окруженный комнатами-службами; тут же находилась и дворцовая баня (д), в которой сохранились чрезвычайно характерные детали, позволяющие разобраться в устройстве этих сооружений. Так же, как и другая, находящаяся на территории анбердского замка и построенная, возможно, по образцу анийской, дворцовая баня имела обогреваемый снизу пол, для чего горячий дым из топки, согревавшей воду в котле, пропускался в подполье, в котором стояли столбики поддерживавшие плиты пола. В стены были заделаны глиняные трубы для разводки холодной и горячей воды; под полом шла более толстая труба для грязной воды; по такой же трубе подводилась и чистая вода. Стены были оштукатурены и раскрашены. Каменный сводчатый потолок не сохранился, так же как и верхние части стен.

Несколько позднее построенная баня в Анберде сохранилась лучше, и потому ознакомление с нею дает ясное представление об устройстве этих бытовых сооружений, встречаемых повсюду в древней Армении и Грузии, в городах, замках и монастырях. Баня состояла из двух комнаток, увенчанных куполами без барабанов на тромпах со световым отверстием наверху (рис. 63). Каменные плиты пола были уложены на выступы стен и каменные столбики; горячий дым из топки поступал в подполье, обогревал пол, а затем и стены, уходя

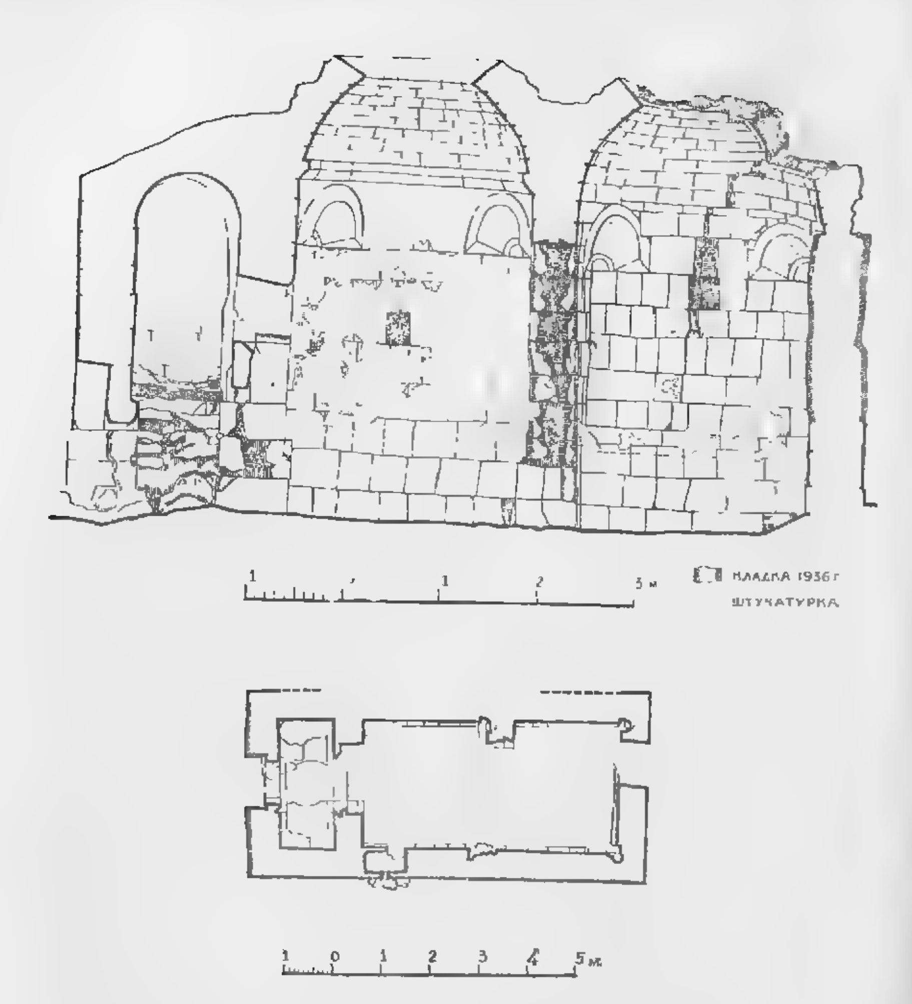


Рис. 63. Анберд. План и продольный разрез бани

наружу по дымоходам из глиняных труб, заделанных в кладку в углах. В стене второй комнатки была устроена ниша с водоемом, куда по железным трубам с бронзовыми кранами-задвижками из бассейна для подогрева подавалась горячая вода, а из ответвления наружного водопровода—холодная. Рядом с этой комнаткой помещалась сводчатая, оштукатуренная, наглухо закрытая камера с бассейном и топкой, от-

крывавшейся своими устьями наружу и в подполье; согревание воды производилось, вероятно, с помощью металлического листа, заделанного в дно бассейна над топкой, как, по рассказам, это сделано в еще недавно действовавшей ахалцихской бане. Второе ответвление наружного водопровода подавало холодную воду в нагревательный бассейн. Сточные воды уходили по трубе, уложенной рядом с входом. В жизни анбердской бани был период, когда вода нагревалась в медном котле, помещенном в топке; тогда-то, видимо, и пришлось пробить в стене отверстие, прорезавшее арку находившейся здесь ниши, через которое черпали горячую воду. На стенах видны остатки нескольких слоев штукатурки с росписью в виде сетки. Со стороны топки к бане примыкала двухэтажная служба, уничтоженная пожаром. Во время раскопок здесь был обнаружен инвентарь, которым пользовались много веков назад владетели замка при посещении своей дворцовой бани: бронзовые подсвечники, курильницы, ступки для растирания различных косметических снадобий, употреблявшихся при мытье.

Сравнение помещения в восточной части патриаршего дворца при Звартноце (рис. 16), где также имеются заделанные в стены гончарные дымоходы и топочный проем, с только что описанными постройками в Ани и Анберде подтверждает предположение, что и в Нерсесовом дворце имеем дело с баней, в которой в VII в. был применен способ обогревания пола и стен горячим дымом из топки.

При раскопках на вершине главного холма в Двине также были обнаружены остатки бани с обогреваемым полом.

К северу от Вышгорода около середины X века вырос небольшой городок, о защите которого пришлось позаботиться Ашоту III, перенесшему сюда в 961 году, по свидетельству армянского историка XII в. Матфея Едесского, свою столицу. На узком перешейке между Ахуряном и Цагкопадзором в 964 году он построил стены с башнями, которые, по выражению историка Вардана (Великого), «обратил в церкви». Остатки этих стен были открыты при раскопках в 1893 и 1904 гг. Около них на склоне, падающем к Ахуряну, высится монументальное здание с рядами массивных колонн

внутри, построенное, возможно, в какой-то связи с линией ашотовых укреплений и мостом через Ахурян. Позднее, после капитальной перестройки, начиная с капителей колонн, оно было обращено в мечеть, известную в научной литературе под названием мечети Мануче (табл. 86).

В центре этой старой части города во время раскопок в 1912 году были открыты развалины церкви, окруженной жилыми домами (рис. 78). В отчете об XI анийской археологической кампании Н. Я. Марр высказал предположение, что эта церковь первоначально не имела купола, надстроенного позднее, и уже стояла в то время, когда Ашот III строил свои крепостные стены.[89] Рассмотрение плана и сохранившихся частей памятника, однако, показывает его композиционную цельность. Церковь была задумана зодчим как «купольная зала»; западные пилоны не позднее встроены, а с самого начала вместе с углами алтарной части несли купол. Перестройку можно усмотреть только в западной части, где появился необычный контрфорс с тремя нишами внутри, возведенный для ее усиления. Снаружи стены и граненый барабан церкви были богато убраны полуколонками и декоративными арочками, покрытыми тонкой резьбой. Кроме того, на стенах и барабане под карнизом, украшенным прямолинейным корзиночным плетением, пробегал резной пояс с розетками в кругах, сплетенных из рубчатых ремешков. На трех сторонах, кроме западной, толщу стен прорезали парные треугольные ниши обычной формы. Плиты пирамидальной кровли над куполом были также орнаментированы цветами лилий. Характер и сюжеты убранства не препятствуют отнесению этой церкви к X в., и потому, в согласии с мнением Н. Я. Марра можно высказать предположение, что она была построена Ашотом III для первых обитателей формировавшегося города, возможно, не имевшего еще и епископской кафедры.

Резиденция католикосов в это время находилась в нескольких километрах от Ани в городке Аргине, на берегу Ахуряна. Здесь в царствование Ашота III католикос Хачик возобновил патриарший дворец и начал строить «кафедральную церковь из тесаного камня, связанного железом, с куполом, расписанным наподобие неба, с тремя другими церквами подобной же дивно-красивой архитектуры»[90]. Постройка была закончена в 990 г. Это — единственное упоминание современника событий о церковном строительстве в районе Ани при Ашоте. Собор в Аргине, построенный выдающимся армянским зодчим X—XI вв. Трдатом по типу «купольной залы», стоит в развалинах и поныне; сохранившаяся северная половина памятника дает возможность судить о его формах и величине. К сожалению, развалины дворца, скрытые под землей, не были раскопаны до того, как территория городка оказалась за рубежом.

Бурный рост молодого города уже к 989 г. заставил преемника Ашота Милостивого, Смбата II (977—990) выстроить новые стены, известные под названием *Смбатовых* на значительном расстоянии от старых, там, где анийский «треугольник» прорезается двумя поперечными ущельями — Гайладзором и Игадзором (табл. 40, 41)[91]. К этому времени огражденный стенами город занимал площадь свыше 150 десятин, не считая поселения вне этих стен.

Историк XII в. Матфей Едесский образно сообщает, что новые стены были построены на расстоянии «одного выстрела стрелы» от старых. В дальнейшем эту линию укреплений все правители постоянно обновляли и усиливали. Стены утолщали новыми облицовками, которые в некоторых местах образовывали три и даже четыре слоя, что можно видеть в разрушенных пряслах; увеличивалось число башен. Почти на всем протяжении был возведен второй ряд стен. В постройке принимали участие своими средствами частные лица, не исключая и женщин: из надписей известны Мамхатуна и Шануша, построившие каждая по башне. И. А. Орбели установил очень интересную особенность в собирании средств на эти работы: строительство укреплений велось по общему плану, а затем отдельные башни и прясла стен выкупались состоятельными людьми для получения права именоваться строителем в надписи, которая вырезалась на заранее вделанной для этой цели в стену плите[92].

Все башни за исключением крайних в Цахкоцадзоре и Гайладзоре, квадратных в плане, имеют с внешней стороны округлую форму; одни из них служат контрфорсами, другие

заключали в себе помещения в двух и трех этажах, соединенных между собою каменными лестницами, откуда бойцы поражали врага через многочисленные бойницы. В город вели несколько калиток и ворот, защищенных внушительными башнями (табл. 40); в тех местах, где стены идут двойным кольцом, оси ворот не совпадают, а несколько сдвинуты с таким расчетом, чтобы проход во внутреннем кольце приходился против стены или башни наружного. Таким образом, противник, которому удавалось прорваться через первую линию стен, не попадал сразу же к воротам второй, здесь в узком проходе его опять встречали стрелы, каменные ядра и кипящая смола. В 1910 г. при раскопках у Ашотовых стен был обнаружен костяк воина, облитого варом, с раздробленным черепом, в котором засело каменное ядро.

Стены изранены таранами, метательными снарядами и стрелами; здесь в свое время кипели бои, в которых участвовали и стар и млад; под этими стенами бился на девятом десятке жизни во главе своей рати, защищая родной город от иноземцев, престарелый полководец Вахрам Пахлавуни; бились в 1126 году и участвовавшие в обороне Ани женщины во главе с героической девушкой Айцямн. Несмотря на многочисленные изъяны, обращают на себя внимание превосходная теска прямоугольных камней и тщательность кладки. К сожалению, верхние части стен разрушены, но заканчивались они, вероятно, зубцами, остатки которых видны на Цагкоцадзорских башнях (в Цветниковом ущелье).

На стенах сохранились разнообразные украшения. Кроме основного желтого камня, в облицовке применены красный и черный, из которых выложены пояса на башнях и различные фигуры, чаще кресты; над воротами, условно называемыми «шахматными», стена облицована черным и красным камнем в виде шахматной доски. В разных местах в кладку вделаны барельефы, часто носящие геральдический характер, изображающие орла, драконов, бычьи головы, а также цветные фаянсовые полушария. Особо необходимо отметить находящийся около Главных ворот барельеф бегущего тигра, над которым выложен крест из черных квадратов, поставленных углом; возможно, что это городской герб XIII в. (табл. 40).

При раскопках у западных (Карских) ворот обнаружены остатки деревянных створок, которые были сделаны из толстых досок и покрыты толстым листовым железом, прикрепленным густо рассеянными по всей поверхности гвоздями с большими шляпками. Ворота запирались толстыми бревнами, окованными на концах обручами. Эти находки подтвердили правдивость описания Степана Таронского, который говорит, что ворота были сделаны из кедрового дерева и украшены толстыми железными гвоздями.

Перед самой смертью Смбат II приступил к сооружению *кафедрального собора* в новой части Ани, огражденной им к тому времени новыми надежными стенами. Архитектор Трдат уже заканчивал работы в Аргине, и новая постройка была поручена ему. После смерти Смбата заботы о строительстве этого величественного сооружения, привлекающего к себе внимание и поныне, несмотря на отсутствие купола, обрушившегося, по преданию, во время землетрясения 1319 г., взяла на себя Катрамида, супруга царя Гагика I (990 - 1020), закончившая его в 1001 году[93]. У Степана Таронского имеется свидетельство, из которого видно, что одновременно со строительными работами в Армении Трдат успел принять участие в возобновлении юстинианова храма в Константинополе, пострадавшего от землетрясения 989 года (по византийским источникам 986 г.). Историк пишет: «В царственном городе Константинополе обрушивались богатоблестящие украшения дивных колонн и икон, бывших в обширных церквах: и сама святая София, т. е. собор, сверху донизу дала трещину. Много хлопотали искусные греческие архитекторы о ее возобновлении. Случился там (в то время) армянский архитектор каменщик Трдат, который с удивительным соображением составил план, приготовил модель здания, по которой приступлено было к работе, и собор по возобновлении явился в изящнейшем чем прежде виде»[94].

Анийский собор представляет собой прямоугольное в плане купольное здание с крестообразным верхом, покрытым двускатными кровлями по цилиндрическим сводам

(табл. 43). Купол его покоился на граненом снаружи барабане, основанном на слегка надломленных арках, перекинутых между четырьмя отдельно стоящими пилонами, и парусах. Величественные стройные пилоны сложного сечения вздымаются на громадную высоту. Они поставлены близко к стенам, благодаря чему средний неф приобрел значительную ширину за счет сильно суженных боковых (табл. 44). Алтарная часть (абсида и два придела по бокам ее) приближена к восточной паре пилонов с таким расчетом, чтобы получилось примерное равенство западной и восточной половин собора. Хотя полная симметрия в боковых (южном и северном) фасадах здесь еще не достигнута, но зрительно это в наружных массах не воспринимается: разница в длине восточной и западной половин может быть замечена только по числу декоративных полуколонок и арок, украшающих фасады. Так трехнефная купольная базилика с куполом в центре помещения для молящихся (Мрен, Багаван) была обращена Трдатом в крестовокупольное здание с куполом почти в центре всей постройки. Здесь архитектор вплотную подошел без каких-либо влияний извне к осуществлению идеи переработки трехнефной сводчатой базилики в центральнокупольную постройку (рис. 65).

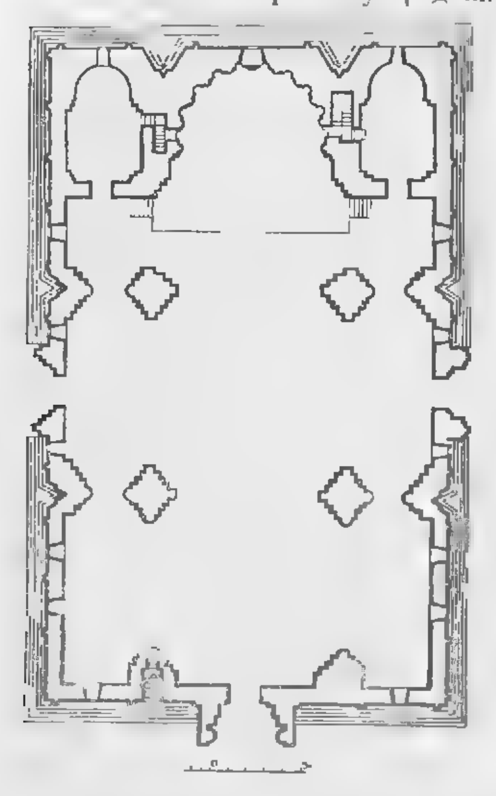


Рис. 64. Ани. План собора.

В отличие от сходных по плану памятников добагратидского времени с их нерасчлененной гладью стен Трдат прорезает три фасада (кроме западного) треугольными нишами уступами. Эти ниши здесь, как и в Ширакаване, имеют не только декоративное, но и конструктивное значение, так как удаляют ненужные массы стенового материала между абсидой и приделами на восточном фасаде и напротив пилонов в продольных стенах. В дальнейшем зодчие стали широко пользоваться нишами, как декоративным мотивом, помещая их на всех четырех фасадах даже тогда, когда это не вызывалось конструктивными соображениями. Кроме ниш, фасады собора украшены декоративными полуколонками на пилястрах и арочками между ними. На южном и северном фасадах полуколонки размещены на равных расстояниях, и только посередине под щипцами крестообразного верха собора этот ритм нарушается большим пролетом между полуколонками и соответственным возвышением средней арки. Восточный и западный фасады разбиты полуколонками на пять частей. Чередование широких и узких пролетов определяется на восточном фасаде расположением ниш, заключенных между полуколонками и окаймленных сверху арочками. Убранство западного фасада повторяет ритм восточного, хотя здесь и нет ниш в узких пролетах.

Резьба по камню применена в обрамлении окон, убранстве верха треугольных ниш, особенно богатом на восточном фасаде, и на карнизах, покрытых корзиночным плетением.

Собор носит на себе следы позднейших переделок, которые не всегда можно достаточно точно выделить. Н. Я. Марр полагал, что анийский собор подвергся основательной реставрации в конце XII или в начале XIII в., в результате которой появилась новая облицовка стен с полуколонками и арочками и богатый резной наряд навершия треугольных ниш. Однако полная смена облицовки, при исключительной крепости растворов, применявшихся армянскими зодчими, представляла технически сложное предприятие, на которое вряд ли пошли бы расчетливые заказчики XII XIII вв. Взявшись же за такое дорогостоящее дело, наверное, украсили бы стены резьбой в антрвольтах, как сделано во всех

Рис. 63. Ани. Вид собора с юго-запада
(схематическая реконструкция).

выдающихся анийских церковных постройках того времени (церкви Оненца, Бахтагеки, в Девичьем монастыре и Девичьей крепости; табл. 39, 87).

Купол и почти весь барабан разрушены. Так как собор в настоящее время недоступен для обследования, предположения о виде центральной его части приходится основывать на имеющихся фотографиях и чертежах, сделанных до 1917 года.

Граненый барабан был украшен парными полуколонками с обычными для X—XI вв. шаровидными базами и капителями. Форма островерхой кровли показана на реконструкции на основании следующих соображений: в первой трети XI в. постройки с гранеными барабанами покрываются

неизвестными в предшествующее время «зонтичными» кровлями (табл. 50, 53); если бы эта нарядная форма покрытия была разработана в X в., то вполне естественно полагать, что и на соборе, и на величественном храме Гагика I, начатого постройкой сразу же после собора (о чем речь ниже), «зонтичная» кровля нашла бы применение. Между тем на модели Гагикова храма, найденной при раскопках, показана обычная островерхая кровля, в то время как круглая церковь в Хцконке, формы которой, несомненно, созданы под влиянием постройки Гагика, покрыта «зонтом», а это значит, что «зонтичная» кровля не была известна архитектору собора и храма Гагика. Установив вид кровли, можно утверждать, что на полуколонки барабана опирались переброшенные между ними декоративные арочки, так как только при «зонтичной» форме они поддерживают фестончатый карниз (рис. 65).

Количество ступеней цоколя реконструировано на основании надписи 1213 г. на соборе, говорящей о возобновлении семи ступеней вокруг него.

В свое время с собором соперничал своими размерами и оригинальностью формы круглый, башнеобразный *храм, построенный царем Гагиком I (Гагикашен)* в 1001—1015 гг. и раскопанный в кампании 1905—1906 гг. (рис. 66, табл. 45). У Степана Таронского, жившего в царствование Смбата и Гагика, имеется в специальной главе прямое указание, что это здание возведено по образцу Звартноца, в то время уже лежавшего в развалинах. Историк пишет: «В то время, когда 1000 год воплощения или вочеловечения Господа нашего был в исходе, во дни императора Василия, армянский царь Гагик возымел благую мысль по образцу обширной церкви во имя святого Григория, что была в Кахак-у-даште и в то время лежала обрушенная в развалинах, выстроить церковь таких же размеров и такой же архитектуры в городе Ани. Он основал ее на той стороне (города, которая выходит) на Тцахкоца-дцор, на возвышенном месте, приятном для наблюдателей...»[96]

В изданиях труда Степана Таронского нет упоминаний об авторе храма Гагика. Между тем в рукописи 1567 г. его «Всеобщей истории», находящейся в хранилище рукописей

(Матенадаране) в Ереване, раздел о строительстве храма озаглавлен: «О построении царем Гагиком в городе Ани церкви во имя св. Григория. Мастер церкви Трдат» (рук. 2865, листы 236б и 237а). Редактор «Материалов» Т. Тораманяна в специальном примечании в I томе отмечает, что нет оснований в указании на Трдата усматривать произвольную приписку переписчика, так как в остальном тексте нет искажений и добавлений[97].

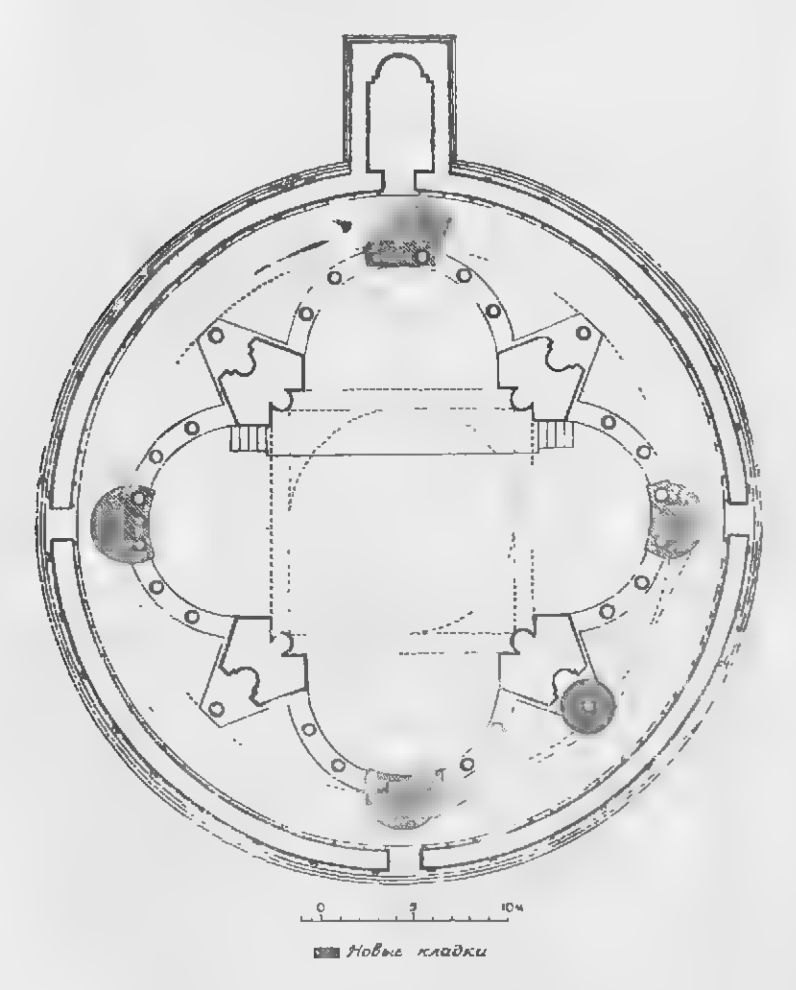


Рис. 66. Ани. План храма Гагика I.

Возможное участие в создании храма Гагика такого опытного архитектора, как Трдат, не может вызывать сомнений, так как постройка этого храма началась в год окончания собора и, значит не исключено, что Гагик ждал освобождения мастера от забот по строительству собора.

План и вся структура храма Гагика совпадают с Нерсесовым сооружением (рис. 56, 66). Снаружи на стене храма была помещена найденная при раскопках статуя Гагика в халате и чалме высотою около 2,25 м с моделью храма в руках, вид которой подтверждает основные положения архитектурного анализа и реконструкций этих памятников, выполненных покойным архитектором Т. Тораманяном, много потрудившимся над изучением древнего армянского зодчества.

Развалины храма Гагика сохранили деталь, очень ценную для высотной реконструкции: на пилоне сохранилась пята арочки, перекинутой от него к крайней колонне абсиды; таким образом, точно устанавливается высота абсидных колонн и с известной степенью приближения высота нижнего яруса, по-моему, несколько преувеличенная на реконструкции Т. Тораманяна. Несомненно, однако, что по сравнению с Звартноцем храм Гагика имел более вытянутые по высоте пропорции.

Раскопки Гагикова храма показали, что разрушение произошло не внезапно, а сначала появились деформации, с которыми пытались бороться. Это очень важное открытие, так как оно дает возможность установить наиболее уязвимые места смелой, но, к сожалению, мало надежной конструкции. Раскопки обнаружили дополнительные поздние кладки, которыми были укреплены опоры и арки, несшие средний ярус; были заложены средние проемы в колоннадах абсид, а также усилена юго-западная одинокая колонна за пилоном кладкой, облегавшей как стержень, так и капитель (рис. 66). Все же катастрофа произошла, несмотря на принятые меры.

Многочисленные фрагменты этой некогда величественной постройки, найденные при раскопках, позволяют судить об ее убранстве. Капители колонн, поддерживавших верхние

части абсид, разработаны по той же схеме, что и в Звартноце, но значительно разнятся в деталях. Нижняя часть их имеет форму слегка сплюснутого, срезанного сверху и снизу шара с гладкой поверхностью, без плетения; над ним волюты с гладкими балюстрами, между которыми помещены круглые бляшки и медальоны с розетками (табл. 45).

Стены всех трех ярусов, по мнению Т. Тораманяна, были вертикально расчленены парными полуколонками, соединенными между собой арками. Судя по сохранившимся нижним рядам облицовки, в нижнем ярусе было 36 пар колонок, базы которых стояли на третьей (верхней) ступени цоколя. На внутренней поверхности стены первого яруса также сохранились нижние части полуколонок, но уже одиночных. Резным орнаментом были украшены арки наружных стен, обрамления дверей, наличники окон. Храм снаружи был охвачен несколькими орнаментированными поясами. В деталях убранства дверей наблюдаются переживания античных сюжетов: аканты, зубцы, бусы. Обращает на себя внимание массивность обрамления по сравнению с размерами проемов дверей.

На отделке дверей следует остановиться, так как она в первой половине XI века послужила образцом для зодчих, создавших превосходные архитектурные сооружения. Дверной проем был окаймлен широким уступчатым наличником; наверху над ним лежала широкая плита, украшенная посредине полосой из рельефных пальмет; над этой архитравной плитой был помещен мощный сандрик с сильно выступающими орнаментированными зубцами в средней части. Сухарики, мулюры, бусы дополняют нарядное убранство сандрика.

К северо-западу от собора, за разрушенной мечетью Абу-л-Маамрана, минарет которой по высоте превосходил минарет при мечети Мануче, стоят развалины одной из виднейших построек города багратидского времени—большой *церкви Апостолов,* обстроенной в XII—XIII вв. притворами (табл. 46). Это пока единственная известная в армянском церковном зодчестве *бесспорно* пятиглавая постройка.

Четыре абсиды образуют в плане крест, крылья которо-

го примыкают друг к другу; он несколько вытянут с запада на восток, так как перед западной и восточной абсидами расположены прямоугольные площадки. Арки, опиравшиеся на внутренние углы креста, вместе с парусами поддерживали несуществующие ныне барабан и купол. Между крыльями в углах здания помещены четыре придела, из которых каждый представляет миниатюрную купольную церковку. Весь комплекс из пяти церквей заключен в прямоугольный наружный контур, прерываемый треугольными нишами между абсидами и приделами (рис. 67). Основной массив, судя по остаткам стен и карнизов, возвышался над угловыми частями, образуя крестообразный верх церкви с двускатными кровлями, куполом в центре и щипцами на фасадах. Из-за разрушений можно высказывать только предположения, каковы были кровли над углами, но несомненно, что все четыре церковки имели купола. Они представляли из себя небольшие «купольные залы», в которых барабан с куполом, помещенный перед самым алтарем, поддерживался арками и парусами, основанными на двух пилонах у продольных стен и углах абсиды. В юго-восточной церковке (табл. 46) отчетливо видны арки, паруса и часть карниза, идущего по кругу, над которым был возведен барабан. В восточные приделы входы вели из южной и северной абсид главной церкви, в западные—из западной абсиды, через циркульные ниши в северной и южной части приделов. По бокам главной алтарной абсиды в толще стен были скрыты две крохотные часовенки, соединенные дверьми с восточными угловыми помещениями.

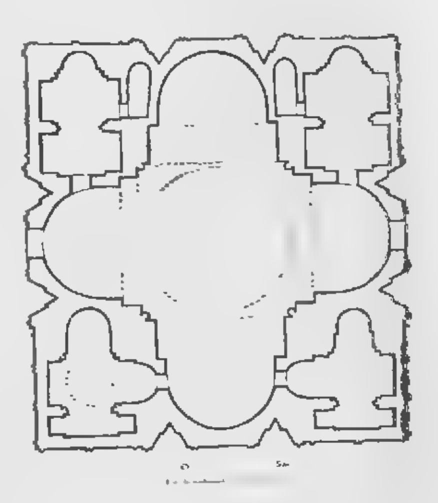


Рис. 67. Ани. План церкви Апостолов

Церковь Апостолов, судя по надписям, была связана с родом Пахлавуниев, из которого происходили анийские архиепископы, и играла заметную роль в жизни города; возможно, что некоторое время она служила патриаршей церковью. Точная дата ее неизвестна. Наиболее ранняя надпись на уцелевших стенах относится к 1031 г. и сообщает лишь о вкладе, сделанном Абугамром, сыном Вахрама Пахлавуни. Прямых свидетельств о построении церкви Апостолов нет и у древних историков, и даже правдивый Степан Таронский, точно, с подробностями перечисляющий выдающиеся постройки, возведенные как в Ани, так и за его пределами, тоже не сообщает о сооружении этого редкого по своим формам и, безусловно, достойного упоминания наряду с собором и храмом Гагика памятника. Оставляя пока в стороне вопрос о причинах молчания историка, посмотрим, могла ли церковь Апостолов быть построена ранее 1-ой половины XI в. При Ашоте Милостивом новая часть города, где находится церковь, еще не была защищена стенами, и потому трудно предположить, чтобы здесь на открытом месте было предпринято такое крупное строительство; ведь не случайно, например, основание анийского собора совпало с завершением постройки смбатовых стен. Кроме того, нужно учесть, что при Ашоте было начато сооружение патриаршей церкви в Аргине, а как показывают приведенные выше даты, все выдающиеся церкви этого времени в Ани и его пригородах возводились в строгой последовательности одна за другой. По этой же причине представляется затруднительным отнести основание церкви Апостолов на последнее десятилетие X в. или начало XI в., когда строились собор и храм Гагика. Если церковь Апостолов начали строить после храма Гагика, то наиболее вероятным строителем ее, по нашему мнению, мог быть Вахрам Пахлавуни, располагавший для того достаточными материальными возможностями и услугами первоклассных мастеров, судя по превосходным постройкам, которые почти одновременно были возведены в Мармашене и Анберде. Вполне естественно, что прославленный военачальник мог пожелать увековечить свое имя монументальным

сооружением в родной столице, где и не столь видные представители его рода возвели несколько церквей.

Предположение, что церковь Апостолов была сооружена в первой четверти XI в., находит убедительное подтверждение и в деталях ее наружного убранства, которые разработаны так же, как в других замечательных памятниках первой половины XI в., например храме Гагика и церкви в Мармашене и не встречаются в постройках, возведенных до храма Гагика.

Стены церкви были украшены декоративными полуколонками и арочками. Капители этих полуколонок такие же, как в церквах Мармашена и Хцконка, с круглыми бляшками между абакой и шаром. Еще более характерной для 20-х годов XI в. деталью убранства является отделка южной двери (о северной судить не могу, так как не располагаю ее изображением). Дверной проем обрамлен, как в церквах Гагика I и Спасителя в Ани и церквах Мармашена и Анберда, широким профилированным наличником (немного менее половины ширины двери). Наверху над наличником, как в церкви Гагика, помещена архитравная плита, а над ней южный сандрик (рис. 69), особенно близкий по своим элементам к сандрику мармашенской церкви (сухарики, акантовые пальметы, крупные зубцы). Это те же элементы, что в убранстве двери церкви Гагика, с той только разницей, что там акантовая полоса помещена на архитраве. Близкое сходство в деталях убранства церквей в Мармашене и Апостолов в Ани станет особенно понятным, если примем предположение, что строителем анийской церкви был Вахрам Пахлавуни, так как в этом случае автором обеих построек мог быть зодчий, работавший в его владениях в 20-х годах XI века.

Реконструкция церкви Апостолов связана с большими затруднениями, так как она в большей своей части разрушена, а данные раскопок утрачены при перевозке анийских материалов из Петрограда в Тифлис. Наша схематическая реконструкция сделана по плану Т. Тораманяна и имеющимся фотографиям. Учтено также предположение о сходстве церкви Апостолов с Эчмиадзином, где от древней пятику-

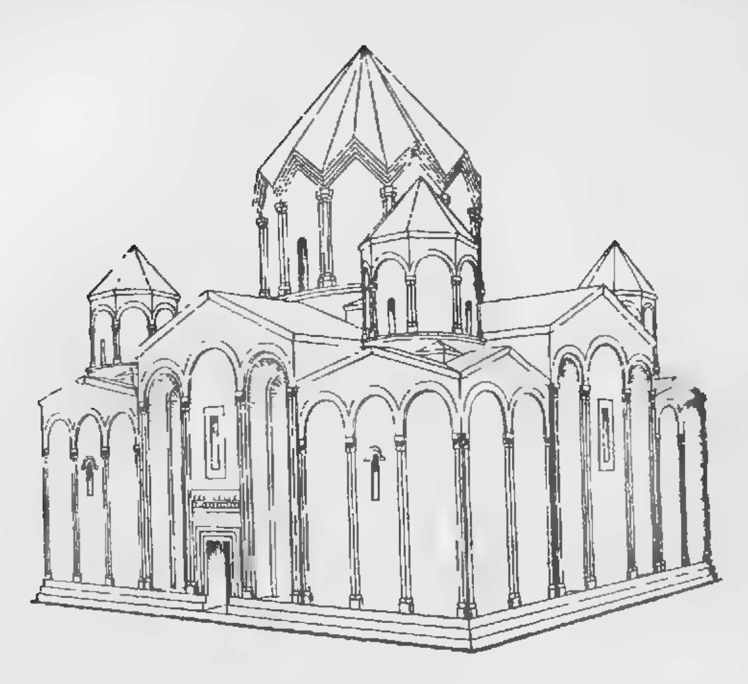


Рис. 68. Вид церкви Апостолов с юго-востока
(схематическая реконструкция).

польной постройки сохранился фрагмент щипца с зубчатым карнизом, позволяющий восстановить форму кровли на угловых частях обоих памятников.

Автор церкви Апостолов при разработке наружных форм отошел от традиционной композиции крестообразных церквей с четырьмя приделами в углах. Он не заключил в единый объем все пять помещений, а выделил из общего массива главную крестообразную церковь не только большей высотой, но и выступами лицевых стен каждого крыла на фасадах (рис. 68). Стены эти завершались щипцами, отвечавшими двускатным кровлям, на пересечении которых на квадратном основании был поставлен барабан под главным куполом. По аналогии с Эчмиадзином две наружные стены каждой из угловых церковок также, вероятно, имели щипцы, на пересечении их двускатных кровель стояли малые главы. Таким образом, церковь Апостолов будет правильнее считать

не пятиглавой церковью, а мастерски скомпанованным комплексом из пяти отдельных церквей (рис. 67). В соответствии с общим объемным решением декоративное убранство фасадов, состоящее из полуколонок и арочек, хотя и построенных по одному принципу, не представляет цельной системы и разобщено выступами стен главной церкви, на которых полуколонки к тому же значительно выше, чем на стенах малых церквей. Фасадные стены главной церкви разделены на три части, из которых средняя шире двух боковых, заключающих в себе уступчатые треугольные ниши.

Особенно неясен вопрос о внешнем виде глав. От них не осталось ничего, кроме обломков нескольких орнаментированных кровельных плит с примороженными раствором обломками карасов, облегчавших забутку между сводом и кровлей. Предположение о том, что ктитором был Вахрам Пахлавуни, естественно наводит на мысль о главах с «зонтичной» кровлей и убранством из колонок, поддерживающих фестончатый карниз. Однако один из обломков кровли, найденный при раскопках 1909 года, подходит только для обычного пирамидального покрытия многогранного барабана, тем более, что гурт кровельной плиты, заканчивающийся свисающей виноградной гроздью, никак нельзя поместить вертикально на «зонте». Таким образом, можно наметить два решения: либо все пять глав были многогранные с пирамидальными кровлями, либо только центральная глава имела «зонтичную» кровлю, а угловые были покрыты обычными пирамидами с гуртами, украшенными кистями винограда (и гранатами). Понятно, что при пирамидальных кровлях полуколонки соединялись между собой арочками (рис. 68).

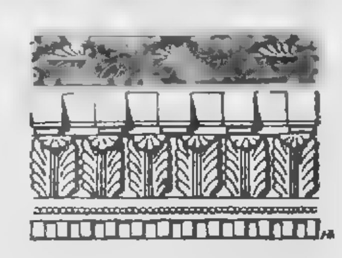


Рис. 69. Ани. Сандрик южной двери церкви Апостолов.

Убранство окон, судя по сохранившемуся центральному окну южного фасада, состояло из широкого прямоугольного наличника, украшенного резьбой. На отделке дверей мы уже

имели случай остановиться в связи с вопросом о датировке памятника.

Приняв датировку церкви Апостолов двадцатыми годами XI в., получаем убедительное объяснение, почему нет упоминания о ней у Степана Таронского «Всеобщая история» была закончена в 1004 году.

В украшении молодого города монументальными зданиями наряду с правителями принимали деятельное участие и представители знатных княжеских родов, о чем свидетельствуют многочисленные церкви разных размеров и форм, сооруженные во всех районах Ани, стоящие на поверхности земли и открытые раскопками. Была здесь повторена и древняя идея многоабсидной церкви, осуществленная еще в VII в. По плану и внутренней структуре эти памятники, стоящие в Ани и его окрестностях, теснейшим образом связаны с постройками в Егварте и Ириндe. Одни из них не отступают от древних образцов и по внешнему облику, в других, относящихся к XI в., решение фасадов явно навеяно формами храма Гагика. Но в каждой из них есть и нечто свое, новое, показывающее, что творческая мысль мастеров неустанно работала, делая новые вклады в сокровищницу армянского искусства, чему примером может служить небольшая церковь в окрестностях Ани около монастыря Багнайр, в которой архитектором найдены совсем иные, своеобразные наружные формы для центрической многоабсидной постройки.

На краю обрыва у Цветникового ущелья в конце X в. была построена небольшая башнеобразная *церковь*, принадлежащая роду *Абугамренц*. Она имеет шесть абсид, расположенных вокруг центральной подкупольной части. Между абсидами из стен выступают полуколонки, на которые опираются арки, несущие вместе с арками абсид барабан, покрытый полусферой. Снаружи нижняя часть церкви имеет вид многогранной призмы, массив которой облегчен треугольными нишами, врезающимися в стены между абсидами. По бокам алтаря помещены два крохотных придела, для устройства которых пришлось сделать снаружи прямоуголь-

ные выступы, также имеющие ниши на лицевой стороне. Круглый барабан вертикально расчленен парными валиками вроде полуколонок, переходящими без капителей в декоративные арочки. Такими же валиками обрамлены небольшие окна, помещенные у самого основания барабана. Убранство окон нижней части позволяет отнести церковь Абугамренц к первым постройкам, в которых мастера отошли от древней формы обрамления окна, сочетав бровку, вливающуюся здесь в общую тягу, опоясывающую церковь, с полуколонками по сторонам проема.

Восьмиабсидная *церковь Спасителя* была построена Абулгарибом Пахлавуни в 1036 г. и возобновлена атабегом Вахрамом, внуком Захарии Долгорукого, известного армянского полководца грузинской царицы Тамары. В обстоятельной надписи Вахрам сообщает, что он построил купол в 1342 г. Эта дата подтвердилась при работах около церкви Спасителя в 1913 г., когда был откопан камень—подножие креста на куполе с армянской датой 791, т. е. 1342 г. Алтарная абсида значительно больше остальных; по бокам ее помещены два крохотных придела. Между абсидами из стен выступают колонки, которые вместе со стенами поддерживают арки, несущие барабан (рис. 70). Снаружи церковь имеет многогранную форму и украшена аркатурой на парных полуколонках с обычными шаровидными базами и капителями. Треугольных наружных ниш нет, так как при сравнительно неглубоких абсидах не было надобности в облегчении каменных масс между ними. Единственная дверь обрамлена широким профилированным наличником, над которым наверху помещен массивный сандрик, украшенный в средней части зубцами. Система убранства нового грузного барабана та же, что и в нижней части—парные полуколонки и орнаментированные арочки. Между арочками и карнизом помещен орнаментированный пояс (прямоугольное плетение сложного рисунка)

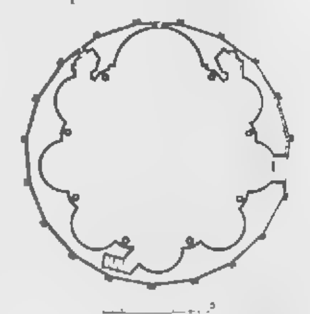


Рис. 70. Ани. План церкви Спасителя

Основание барабана украшено характерным для XII—XIV вв. плетением, известным под условным названием «сельджукской цепи» (табл. 48).

Мастер, строивший этот памятник, разработав план и внутренний объем по образцам VII в., в наружной отделке, несомненно, оказался под влиянием форм Гагиковой постройки, так же как и зодчий, спроектировавший превосходную башнеобразную многогранную церковь в монастыре *Хцконке*, живописно расположенном в одном из суровых ущелий неподалеку от Ани (табл. 50). По свидетельству армянского историка Самуила Анийского, этот монастырь был обстроен в 1029 г. честолюбивым князем Вестом Саркисом, запятнавшим себя изменой родной стране и предательством по отношению к последнему царю багратидского царства Гагику II. Церковь в Хцконке внутри в плане представляет крест, образованный четырьмя абсидами, примыкающими к подкупольной квадратной части; между рукавами этого креста размещены четыре тесных придела, и весь комплекс помещений оконтурен снаружи многогранником. Подобно церкви Спасителя она украшена полуколонками с переброшенными между ними арками. Следует отметить особенность капителей декоративных полуколонок. В обычную шаровидную капитель между абакой и шаром введен ряд круглых бляшек, похожих на волюты. Этот мотив получает распространение в первой половине XI в., и его можно встретить на церквах в Мармашене (табл. 53), Анберде (табл. 54), Апостолов в Ани и других постройках, в том числе во входных портиках анийского собора. В этих капителях в миниатюре воспроизведена форма капителей храма Гагика, и потому их появление надо отнести ко времени не ранее второго десятилетия XI в. Так же, как в Анберде и Мармашене, купол церкви в Хцконке покрыт разработанной в первой половине XI в. зонтичной кровлей из каменных плит, придающей зданиям очень нарядный вид. В этих постройках грани барабана заканчиваются щипцами, окаймленными сложным карнизом, опирающимся у основания на одну, две или пучок колонок; плиты каждой двускатной секции уложены между каменными гуртами, идущими от верха и основания щипца к навершию «зонта»,

несшему в свое время крест. Возможно, что авторами этой тонко задуманной и блестяще осуществленной формы были зодчие, работавшие у князя Вахрама Пахлавуни, строителя анбердской церкви и мармашенской обители.

Все названные церкви с «зонтичными» кровлями над куполами построены в третьем десятилетии XI в. Поэтому при реконструкции первоначального купола церкви Спасителя в Ани, законченной в 1036 году, мы исходили из предположения, что и ее венчал купол такого же вида (рис. 71). Подобное предположение тем более допустимо, что церковь Спасителя по наружным формам совершенно одинакова с многогранной церковью в Хцконке. Основываясь на этом сходстве, на реконструированном барабане нами показаны не парные полуколонки, как в Анберде, а пучки из трех колонок, как в Хцконке. Анализ плана анийской церкви позволяет полагать, что поперечник ее первоначального купола мог быть меньше, чем видим теперь. Соответствующее изменение сделано в предлагаемой нами реконструкции.

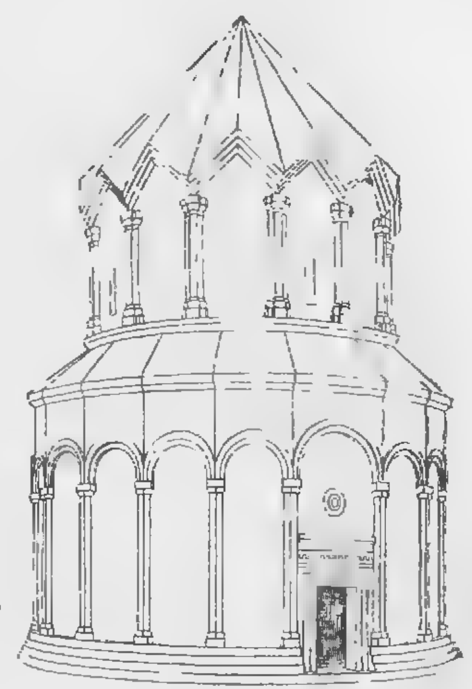


Рис. 71. Реконструкция купола церкви Спасителя

К группе башнеобразных церквей следует отнести небольшую церковку, известную под названием *Пастушьей*, которая стоит за новыми стенами, в пригороде Ани (табл. 49). Она сильно пострадала от времени и рук хищников, выломавших большую часть прекрасно обработанной облицовки. Купол, некогда покрытый островерхой кровлей, сва-

шился. Несмотря на разрушения, Т. Тораманяну удалось дать реконструкцию этого несколько вычурного, но изящного по контурам памятника. Церковка состоит из трех ярусов, уменьшающихся по мере подъема в поперечнике. Нижний, многогранный ярус изрезан следующими одна за другой нишами, в которых игра света и тени создает живописное чередование красочных пятен. Он заключает в себе помещение первого этажа, в плане имеющее вид шестилучевой звезды (рис. 72). Шесть арок, опирающихся одним концом на внутренние углы стен, сходятся в висячей опоре в центре перекрытия. Собранные в пучки полуколонки отвечают стремлению всей композиции вверх и помогают автору убедить зрителя в том, что помещение имеет большую, чем в действительности, высоту. Второй этаж, заключенный в двух верхних ярусах, представляет многогранную часовенку, увенчанную куполом на круглом барабане, вырастающем из зубцов зонтичной кровли средней части постройки. Документальных данных о дате церковки не имеется, но такие детали, как капители внутренних колонок с волютообразными бляшками, характерные для первой половины XI в., дают основание отнести ее к этому времени.

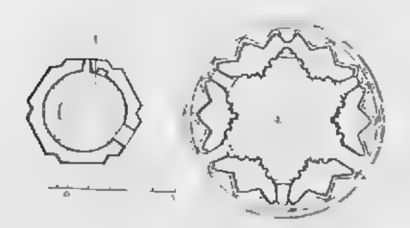


Рис. 72. Ани. План Пастушьей церкви.

В Ани были открыты развалины мастерских ремесленников, лавок и жилых домов горожан различного общественного положения и достатка. Так как в большинстве случаев они относятся к более позднему времени, к XII—XIV вв., и скрыли под собой остатки первоначальных жилых построек города, разрушенных в годы военных столкновений, о них будет сказано при ознакомлении с архитектурой Армении XII—XIV веков. Тогда же остановимся на пещерном Ани, где наряду с жильем бедноты можно встретить просторные апартаменты в несколько комнат, церкви и подземные усыпальницы богатых горожан.

Раскопки показали, что власти проводили различные

мероприятия по благоустройству города. В первую очередь следует отметить заботу о снабжении жителей доброкачественной питьевой водой, а также о предотвращении перерыва в водоснабжении во время войны. В Ани было обнаружено несколько систем гончарных водопроводов, отличающихся друг от друга как формой труб, так и способом укладки их в грунт. Здесь были трубы обычного вида, которые можно встретить в любом древнем поселении, имевшем водопровод, бочковидные с тремя глиняными обручами в линии перед гостиницей, овальные приплюснутые—у церкви Апостолов. Трубы составлялись из отдельных звеньев, входивших одно в раструб другого, и укладывались либо просто в землю, либо в канавку, укрепленную каменными плитами. Около церкви Апостолов труба шла по хорошо вытесанному каменному желобу, рядом с которым была устроена обложенная камнем подземная «галерея», достаточная по размерам для проползания человека. Вода доставлялась из-за города: одна из анийских линий протяжением около 13 км шла от родника в селении Согутлю. Для запаса воды на случай осады в анийском Вышгороде было выложено из кирпича двойное сводчатое водохранилище, находившееся под большим залом в южной части дворца (рис. 62е); стены и пол его были оштукатурены известковой штукатуркой: между сводом и полом зала шли две водопроводные трубы—железная и глиняная. Имелись и подземные ходы, по которым жители города могли спуститься к рекам в случае порчи водопровода при осаде. Один из них, сохранившийся почти наполовину в его нижней части, выходившей в Цветниковое ущелье, представлял довольно широкий, круто подымавшийся под землей туннель, по которому можно идти не нагибаясь.

Говоря о благоустройстве городов и селений, необходимо отметить, что в Ани главные улицы и площади имели мостовые из каменных плит или хорошо утрамбованного щебня, устроенные по типу шоссе; для предотвращения порчи углов зданий на перекрестках, как показали анийские раскопки, к ним прислонялись массивные каменные тумбы, на которых кое-где видны следы, оставленные осями проезжавших здесь некогда повозок.

Среди армянских царств, находившихся в вассальной зависимости от анийских Багратидов, наиболее обширным и сильным было Васпураканское царство. Оно занимало области между озерами Ван и Капутан (Урмия), прибрежные ванские долины и земли вдоль южного берега Аракса. При царе Гагике Арцруни (908—943) Васпуракан вступил в период мирного развития экономики и культуры, продолжавшийся до первой четверти XI в.

В это время, в условиях развернувшегося строительства был создан уникальный памятник искусства армянского народа—архитектурный ансамбль на острове Ахтамар у южного берега Ванского озера. В 915—921 гг. архитектор Мануэл по поручению Гагика Арцруни строит прославленный своей скульптурной отделкой Ахтамарский храм (рис. 73). Он обращается также к древним образцам, именно к теоретически исходному варианту крестообразного храма с внутренними трехчетвертными нишами между абсидами, без угловых помещений. И хотя в связи с богослужебными требованиями ему пришлось спроектировать по бокам алтаря по приделу, идея крестообразности при разработке фасадов нашла вполне четкое выражение. Выступающие между крыльями объемы, в которых заключены внутренние угловые ниши, обработаны снаружи не прямоугольно, а в виде многогранников. Западное крыло имеет прямоугольный наружный контур, прорезанный на фасаде двумя нишами, помещенными по бокам абсиды. Все рукава креста завершены щипцами, что на боковых многогранных рукавах привело к усложнению конфигурации кровель. Шестнадцатигранный барабан в настоящее время покрыт пирамидальной каменной кровлей, но первоначально она имела сферическую форму, как это видно на модели, ко-

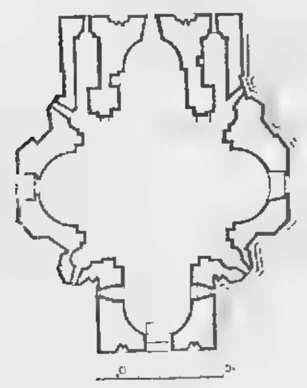


Рис. 73. Ахтамар. План церкви.

торую держит царь Гагик, изображенный в ктиторском рельефе на западной стене (табл. 51).

Стены памятника снизу доверху покрыты вырезанными в камне рельефами. Нижний ряд, окаймленный у основания орнаментированным поясом, состоит из изображений на библейские темы, фигур животных, медальонов с изображениями святых; здесь же помещена группа, включающая Гагика с моделью храма в руках, Христа и двух ангелов между ними. Затем идет ряд сильно выступающих голов животных. Выше храм опоясывает «виноградный фриз», в котором между виноградными побегами вырезаны фигуры людей, зверей, птиц и даже сцена царского отдыха в саду (табл. 52). Под карнизами нижней части храма и барабана рельефы изображают «звериный гон», столь излюбленный художниками в более позднее время (XII—XIII вв.), который можно видеть на керамике, металле и в резном дереве Кавказа и Ирана. Широко распространенный в доарабское время и незаслуженно забытый к X веку арочный карниз в последний раз нашел свое место в Ахтамаре, где архитектор окаймил им основание барабана. Необычный скульптурный наряд Ахтамарского храма отмечается всеми исследователями, но, к сожалению, до сих пор не опубликовано ни одной работы, полно освещающей этот уникальный памятник[98]. Надо надеяться, что этот пробел восполнит исследование, подготовленное к изданию И. А. Орбели, тщательно изучавшим памятник во время поездки в район Вана. Тема об Ахтамаре настолько обширна и сложна, что в нашем очерке, посвященном выяснению основных линий развития армянского зодчества, нам приходится ограничиться лишь кратким сообщением.

Историк X века Фома Арцруни, написавший «Историю дома Арцруни» (С.-Петербург, 1887), сообщает, что в Ахтамаре был сооружен не только храм, но и многочисленные светские здания, из которых он особое внимание уделяет царскому дворцу. Эта постройка не сохранилась, но об ее архитектуре и былом великолепии внутренней отделки можно составить представление по рассказу историка, которого едва ли можно заподозрить в излишних преувеличениях, так

как в описании ахтамарского храма, даже в подробностях, он точен и правдив.

Историк пишет (перевод Л. А. Калантара):

«...Одному из них, зодчему, мужу мудрому и высокоодаренному, приказывает царь построить дворец четырехугольный, в 40 «кангунов» по длине и ширине, и столько же по высоте (*կանգուն* локоть). Пространство между облицовочными камнями стен (*պարզուածք* буквально зазор) имело в ширину три «больших шага» (*մեծ քայլ*) и было заполнено массой из извести и камня, наподобие сплава из свинца и меди. Все здание дворца, с основания и до вершины, сооружено без столбов и стоит словно навесу, что поистине достойно удивления и непостижимо. Имеются в здании и «хораны, связанные камарами» (*խորան*—небольшое помещение, в церквах придел; *կամար*—свод, пояс) и «анкюны» (*ան-կիւն*—угол, небольшая ниша в стене), и «шурджапаты» (*շրջապատ*—буквально круглая стена), красивоукрашенные которые ни умом не счесть, ни глазом не распознать. Имеются (в здании) и купола поднебесные, золотом украшенные и светозарные, на которые если кто взглянуть вознамерится, то придется сначала, наподобие того, как воздают честь царю, - снять с головы шапку, а затем, напрягая шею, еле различить разнообразные и красивые изображения».

Далее автор рассказывает о росписи и богато изукрашенных дверях здания.

«...Есть там золотом украшенный трон, на котором восседает царь в изящной пышности, окруженный юными красавицами—служителями веселья, тут же и сонм «гусанов» (певцов) и хоровод девушек, достойный удивления. Там же и отряды с мечами на-голо, и схватки борцов. Там же и стаи львов и иных зверей, также и птиц, затейливо и разнообразно разукрашенные...»

«...Поставлены там двери мозаичные (инкрустированные?), в мельчайших сочетаниях и в чудесном узоре. При раскрытии они оказываются двустворчатыми, а когда же створки накрепко сомкнуты, то являют собой единое изображение...»

В конце историк сообщает, что на постройку дворца

пошло 200 тысяч литров железа (литр—326 г), и перечисляет другие постройки Гагика: крепостные стены, арсенал, казначейство, склады и амбары, пристань на озере (книга 4-я, глава 8-я).

Приведенный отрывок, даже при наличии неясностей в архитектурной терминологии, позволяет сделать набросок общего вида резиденции Гагика Арцруни, от которой сохранился только храм.

На площадке, огражденной крепостными стенами, стоял дворец, окруженный административными и хозяйственными постройками. Принимая величину локтя равной около 52 см, как определил ее А. В. Сивков, и величину шага, по моему определению, около 1 м[39], можно считать, что высота стен ахтамарского дворца достигала 20 м, а толщина их (вероятно у основания) равнялась 3 м. При таких размерах стен дворец одновременно служил и цитаделью и имел, так же как в Анберде, несколько этажей, на что указывают слова историка о наличии хоранов, разделенных сводами (несомненно, по высоте). Стены были сложены по обычному способу: два ряда облицовки (наружная и внутренняя) и между ними забутка из рваного камня и известкового раствора. В отличие от Анберда перекрытия здесь были сводчатые, хотя не исключена возможность частичного применения дерева. Парадные залы, имевшие наибольший пролет, были перекрыты без столбов или колонн. Они, вероятно, имели квадратную форму и перекрытие в виде купола, помещенного на значительной высоте. Название «светозарные» можно истолковать двояко: либо купола имели окно в вершине, как это по образцу сельских домов стали делать позднее в притворах при церквах и в монастырских трапезных, либо на них были рассеяны маленькие застекленные оконца, подобно встречаемым и теперь в восточных банях. Поскольку в залах не было столбов, в первом случае сводчатое перекрытие могло быть основано на двух парах перекрещивающихся арок, что стали часто делать в последующих веках. Если бы такое предположение подтвердилось в результате раскопок, то это был бы первый случай применения новой превосходной конструкции. Стены и купола украшала роспись, изо-

бражавшая военные, охотничьи и пиршественные сцены. Ниши и, вероятно, экседры («круглые стены») прорезали толщу стен, создавая уютные уголки и декоративные хранилища для богатой утвари. Пышность убранства парадных покоев, находившихся в верхнем этаже, дополняли широкие двустворчатые двери, полотна которых были набраны из разных пород дерева и, возможно, украшены инкрустацией костью, перламутром и серебром.

КНЯЖЕСКИЕ ПОМЕСТЬЯ, МОНАСТЫРИ, СЕЛЕНИЯ

Общее оживление в жизни страны, последовавшее за освобождением от иноземной зависимости, повело к развертыванию строительства не только в новой ширакской столице, но и повсеместно на освобожденных армянских землях. Стройка идет в поместьях княжеских домов, в монастырях и рядовых селениях. В области гражданского зодчества, судя по Анберду, дело в основном сводится к дальнейшему укреплению и расширению существующих замков, включающих палаты владетелей и поселения обслуживающей их челяди. Поэтому для суждения о развитии архитектурной мысли в рассматриваемое время опять приходится обратиться к памятникам церковного зодчества.

В качестве примера строительной деятельности виднейших феодалов, имевших возможность содержать для работ лучших архитекторов своего времени и мастеров каменного дела, можно привести церкви в М а р м а ш е н е и А н б е р д е, сооруженные Вахрамом Пахлавуни.

Большая мармашенская церковь имеет пространную датированную строительскую надпись. В ней перед наименованием «Мармашен» стоит слово *ուխտ*, означающее не церковь, а особо чтимое место поклонения, паломничества о б и т е л ь[100]. Значит, указанные в надписи основание в 988 г. и окончание стройки в 1029 г. должны быть отнесены не к одной церкви, а ко всему архитектурному ансамблю обители. Да и нельзя же предположить, чтобы постройка только боль-

шой церкви тянулась 11 год, в то время как на более значительные сооружения—анийский собор и храм Гагика понадобилось 12 и 15 лет, тем более, что на протяжении этого сорокалетия не произошло ничего такого, что могло бы вызвать столь длительный перерыв в строительстве. В Мармашене известны пять церквей. Три из них, включая и большую с упомянутой надписью, стоят в ряд (с юга на север, табл. 53); основание четвертой, круглой в плане, расчищено в 1950 году от земли и камней. Развалины пятой стоят в стороне на холме к северу от основной группы.

Пока трудно сказать, строительством которой из церквей было положено основание обители в 988 году. Можно полагать, что свидетельство историка Самуила Анийского, определяющее начало стройки в Мармашене тоже 988 годом, а окончание 994 годом относится к первой построенной церкви. Небольшую церковь вполне можно было соорудить за 6 лет. До расчистки круглой церкви мы допускали возможность отнесения ее к концу X в., так как тогда же в Ани была построена башнеобразная церковь Абугамренц. Однако раскопки показали ее ближайшее сходство с церковью 1029 г. в Хцконке. В плане она также представляет четырехабсидный крест с четырьмя тесными приделами в углах, заключенный в близкий к кругу многоугольник. Особенно примечательно сходство необычных оснований церквей в Мармашене и Хцконке. Обе они поставлены на высоком круглом барабане, богато профилированном в верхней части (табл. 50). В Мармашене высота его равна 1.80 м. Таким образом, время сооружения этой церкви должно быть отнесено к 20—30 годам XI в. Первой же половиной этого века следует датировать и малую северную церковь, стоящую рядом с главной и одинаковую с ней по плану, формам и убранству. Круглая глава ее, которая видна на снимке 1880 г., несомненно, построена позднее, так как едва ли даровитый архитектор, богато украсив стены полуколонками и арочками, оставил бы барабан гладким, совершенно лишенным убранства. Теперь этой главы нет — она рухнула вместе со всей северо-западной стороной здания. Не имея строительской надписи, которая, если существовала, может быть

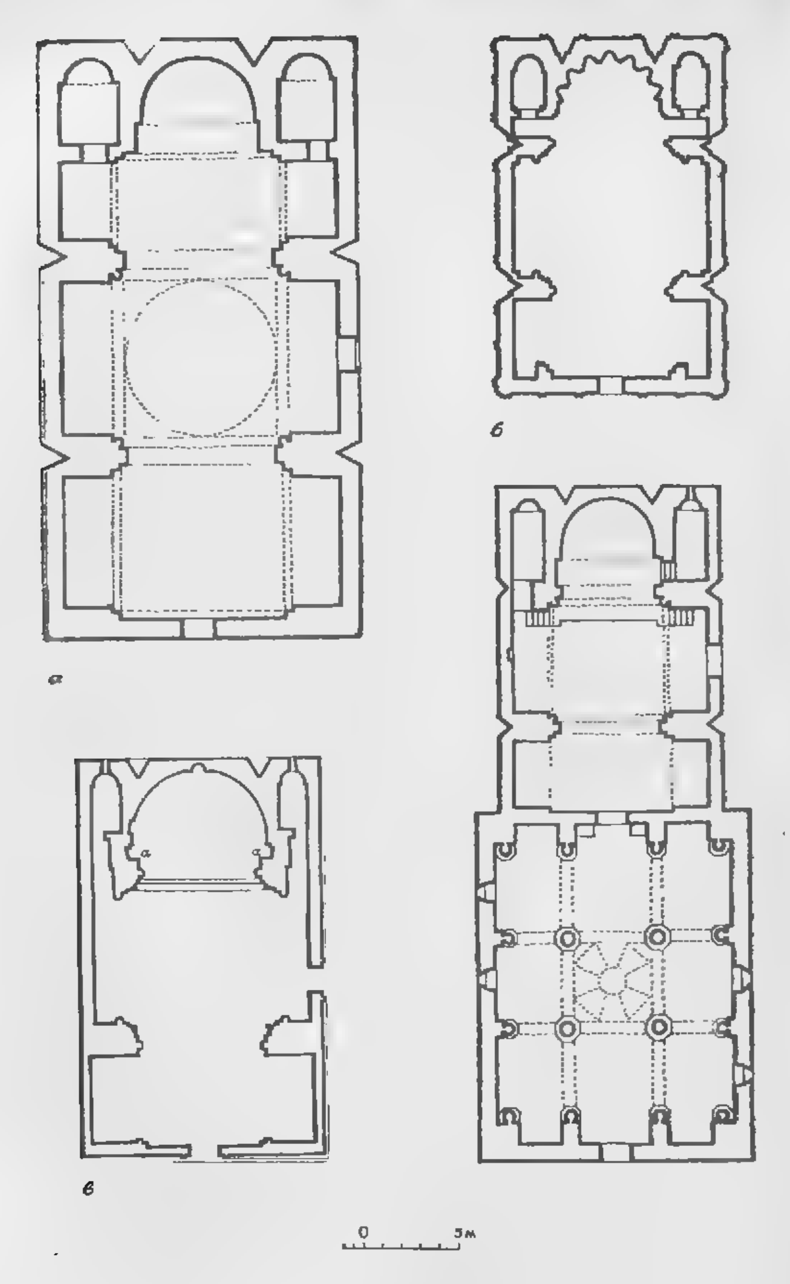


Рис. 74. а Ширкаван, б Мармашен, в Бджни, г.—Оромос. Планы церквей.

крыта под обломками погибшей части, мы помещаем ее дату пределах первой половины XI в., так как не исключена озможность, что она сооружена после большой церкви и по образцу. Что касается малой южной церкви, то она по воим весьма простым формам может быть отнесена и к в., т. е. ко времени начала строительства в Мармашене.

Большую церковь Вахрам Пахлавуни закончил в 1029 г. ообщив об этом в начертанной на ней надписи. Церковь редставляет большую «купольную залу» с двумя парами илонов сложного сечения, из которых восточные настолько ридвинуты к алтарной части, что остались только узкие роходы к дверям приделов. Фасады церкви благодаря этоу приобрели уравновешенный вид относительно обоих плоскостей симметрии. На трех из них (кроме западного) размещены треугольные уступчатые ниши (рис. 74б). Внешняя рхитектурная отделка стен состоит из парных полуколонок, единенных между собой арочками. Пучки колонок поддерживают карниз граненого барабана, увенчанного «зонтичной» кровлей. Западная дверь обрамлена очень широким наличником, над которым наверху расположен сандрик, украшенный, как в анийской церкви Апостолов, поставленными в ряд пальметами и зубцами. Превосходные пропорции здания изысканная отделка позволяют причислить большую мармашенскую церковь к числу выдающихся творений средневековых армянских зодчих.

К X веку относится появление церквей с приделами во всех четырех углах, которые располагаются в двух этажах. Схема этого типа весьма проста: основное пространство имеет в плане вид креста с тремя прямоугольными рукавами алтарной абсидой, покрытого цилиндрическими сводами и конхой, над которыми возведены двускатные кровли. Несмотря на то, что приделы занимают два этажа, угловые части имеют, как обычно, меньшую высоту, и наружный вид продолжает сохранять привычную крестовокупольную форму с выступающим из прямоугольного массива крестообразным ерхом и куполом в центре. Церкви этого типа отличаются большей стройностью, чем «купольные залы», так как необходимость придать приделам достаточную ширину приводит

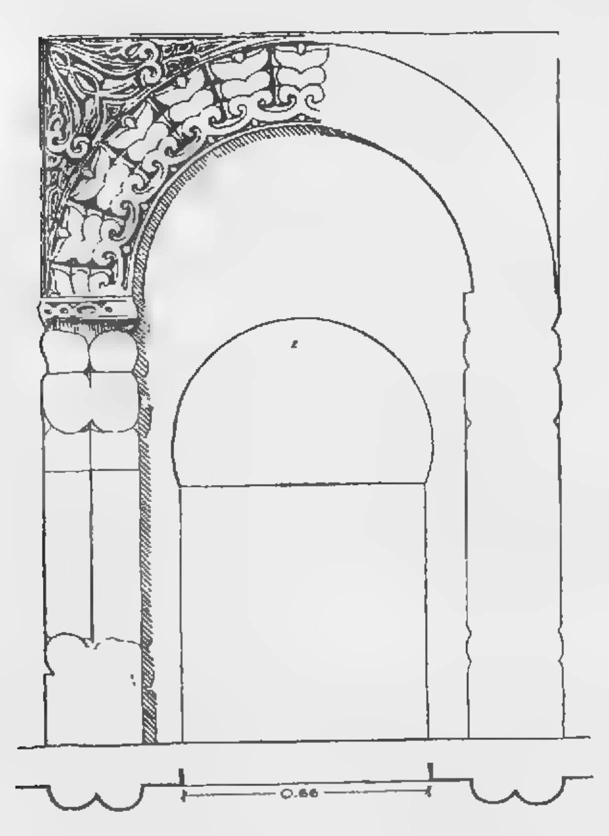


Рис. 75. Бджни. Ниша в алтаре церкви.

к соответствующему сокращению ширины рукавов основной части и уменьшению поперечника барабана. Входы в нижние восточные приделы располагаются в боковых крыльях, а в верхние—в алтарной абсиде; в западные приделы входы ведут из западного крыла, причем для подъема на второй этаж в некоторых, преимущественно более поздних, памятниках бывают устроены легкие консольные лестницы из фигурных каменных ступеней.

Наиболее древними постройками этого типа можно считать сананнские церкви Богородицы (951 г.) и большую Спасителя, построенную вслед за первой (рис. 84). Превосходным образцом, в котором найдено гармоничное равновес

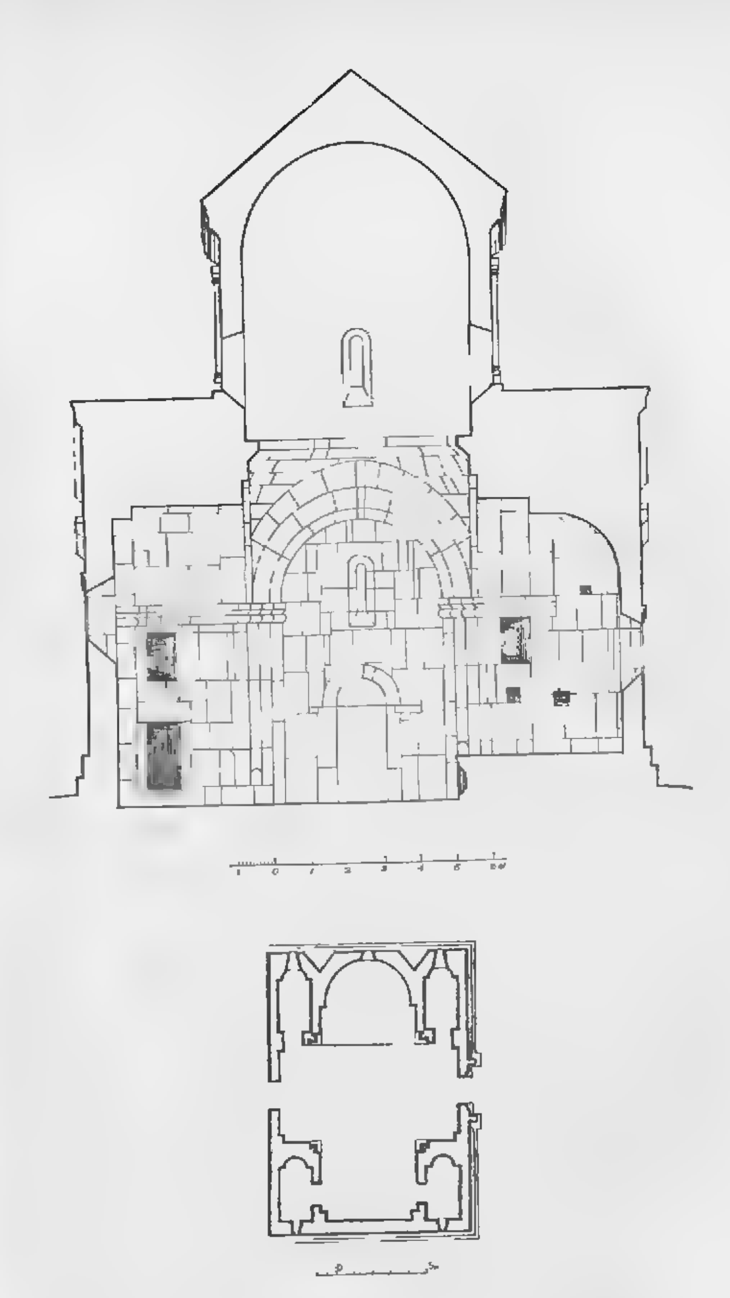


Рис. 76. Амберд. План и продольный разрез

между главным крестообразным объемом и приделами в углах, может служить замковая церковь в Анберде, построенная в 1026 г. Вахрамом Пахлавуни, о чем сообщает надпись над северной дверью внутри здания (рис. 76 табл. 54).

Сравнение деталей убранства (капители колонок, карнизы), вид отделки барабанов, на которых, возможно, здесь впервые появились «зонтичные» кровли, позволяет полагать, что анбердская и большая (а может быть, и малая северная) мармашенская церкви — дело рук одного архитектора, работавшего при дворе Вахрама Пахлавуни. Находятся они в разных природных условиях. Мармашенская обитель расположена на террасе в долине реки, ниже основного плато; в свое время она, несомненно, была окружена садами, с ажуром которых так хорошо должен был гармонировать изысканный рисунок украшенных полуколонками, арочками и нишами стен церквей. Анбердская церковь вырастает из сурового утеса, и здесь не к месту дробление стен тонкими деталями; автор ограничился лишь тем, что оживил гладь стен обрамлением южной двери, выполненным в крупных формах (табл. 54). В полном соответствии с размерами церкви и ее положением он и в обработке барабана оказался скупее: вместо пучка из трех колонок, ограничивающего грани барабана в Мармашене (и Хцконке), он ставит здесь только по две колонки. В этих памятниках все продумано, все взвешено и говорит о большом художественном чутье талантливого зодчего.

В багратидское время начинается формирование крупных, хозяйственно сильных монастырей-феодалов, к которым переходят обширные земельные владения и различные предприятия. Эта концентрация земель в руках монастырей (и узкого круга князей) происходит за счет мелких землевладельцев, свободных крестьян и наиболее слабых княжеских родов. Переход земель к монастырям и церквам совершается не путем захватов, а в порядке покупок и «дарений», о чем говорят многочисленные надписи на стенах монастырских построек. Таким образом, значительное число селений мало-по-малу оказывается в зависимости от монастырей, что

укрепляет их экономику и влияние. В эксплуатации сельского населения монастыри не отстают от светских феодалов, и крестьянам приходится вести борьбу в равной мере против тех и других. Известно длительное сопротивление ряда селений в Сюникском княжестве против закрепощения их только что отстроенным (в нач. X в.) Татевским монастырем, расходы по сооружению которого легли тяжелым бременем на трудовое население. Первое восстание против Татева в 915 г. было подавлено; однако на полную ликвидацию крестьянских волнений сюникским князьям, покровительствовавшим монастырю, пришлось потратить около 30 лет.

Борьба трудового народа против светских и духовных феодалов выливалась в движения, имевшие целью разрешение земельного вопроса и улучшение жизненных условий, протекавшие часто в форме *ересей*, противополагавших официальному христианству начала «народного» христианства. Эти движения сопровождались требованием «восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира. Из равенства сынов божьих она (ересь – *Н. Т.*) выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ» (Энгельс)[101].

Так, в Армении в конце IX века появилось учение тондракийцев (по названию селения Тондрак), направленное против существующего строя и церкви. Подавленное в первой половине X века тондракийское движение вспыхнуло с новой силой в начале XI века и приняло такие размеры, что князьям и духовенству пришлось дважды (в 1011 и 1051 гг.) обращаться за помощью к Византии. Часть тондракийцев погибла в неравной борьбе, а уцелевшие, опасаясь дальнейших преследований, выселились за пределы родной страны.

Монашество численно растет, выделяя из своей среды на протяжении X—XIV вв. выдающихся, известных своей образованностью историков, философов, ученых, писателей и проповедников, а также замечательных мастеров миниатюры. В монастырях создаются высшие школы, в которых изу-

чаются богословие, философия, математика, космография и другие предметы и богатые хранилища рукописей—«матенадараны».

Начав обстраиваться в багратидское время, монастыри в XIII в. представляют уже сложные архитектурные организмы, включающие в свой состав не только церкви, но и различные постройки светского характера. Нередко вновь создаваемый монастырь вел строительство при стоявшей в этом месте древней церкви.

В X веке армянские монахи основывают на Ахуряне неподалеку от Ани монастырь Оромос (Хошаваик) и севернее, на высоком плато правого берега реки Дебед—знаменитый Санаинский монастырь. В том же веке по соседству с Санаином создается не менее известный монастырь в Ахпате. Степан Таронский говорит, что в этих двух монастырях в его время, т. е. вскоре после основания, было 500 монахов[102].

В живописной лесистой долине справа от реки Раздан между Ереваном и Севаном расположено селение Цахкадзор (Дарачичаг). У его северной окраины на небольшой террасе над ручьем стоят постройки монастыря Кечарук. Наиболее раннюю дату -1003 г. видим в надписи на большой церкви.

В горах к северу от Дилижана, среди лесов, стоят монастырские здания Агарцина. Почти все они возведены в XII—XIII в., но формы одной небольшой церкви позволяют считать, что обитель основана значительно раньше, вероятно, в X в.

В Васпуракане в 935 г. был построен монастырь Нарек. Здесь в X в. жил знаменитый Григорий Нарекский, воспевавший в своих стихах под видом песен религиозного характера светскую жизнь, труд крестьян, природу и любовь.

В некоторых монастырях первоначальные постройки разрушились, и от них не осталось и следа. Только в древних источниках, и то не всегда, можно найти указания, что они существовали и в багратидское время. Таков, например, полуподземный Гегард (Айриваик) в верховьях реки Азат около Гарни, в настоящее время представляющий архитектурный ансамбль XIII в. Между тем есть свидетельство католикоса Иоанна, из которого видно, что в его время мужественной

братии Гегарда пришлось претерпеть жестокие испытания при разгроме монастыря двинскими эмирами.[103]

Основываясь на трудах Степана Таронского и других древних армянских историков, можно было бы продолжить перечисление обителей, существовавших в багратидское время. К сожалению, от некоторых из них сохранились только упоминаемые историками названия; те же, что стоят и поныне, обычно настолько обросли более поздними постройками, что ознакомление с наиболее интересными из них целесообразно перенести в раздел об архитектуре XII—XIV вв. Что касается церквей, построенных в монастырях в X—XI вв., то они не отличаются от церквей, появившихся в это время в армянских селениях, и о них будет упомянуто при общей характеристике провинциального церковного зодчества X—XI вв.

Многочисленные церковные здания, возведенные в X—XI вв. в селениях и монастырях Армении, дают представление о том пути, по которому пошло развитие церковного зодчества в провинции, в дальнейшем не оставившее в стороне и Ани. Положив в основу новой композиции идею «купольной залы», восходящую к VI—VII вв. (Птгни), зодчие должны были приспособить эту схему к требованиям, которые предъявлялись к постройкам в рядовых селениях. Здесь не было надобности в больших сооружениях, и поэтому повсюду можно видеть сокращение размеров церквей (за исключением некоторых монастырских построек, как например, в Санаине, Ахпате, Кечаруке). Надо учитывать также и материальные возможности мелких провинциальных заказчиков: главная масса средств, собираемых с населения путем различных налогов и поборов, уходила на строительство в молодой столице, княжеских резиденциях и в крупных монастырях. Вероятно, зодчие выбрали именно эту схему потому, что она допускала уменьшение размеров без опасности дробления пространства на мелкие части, неизбежного при трех нефах. Для достижения еще большего внутреннего единства, собранности интерьера архитекторам пришлось свести к минимуму внутреннее членение, что и было достигнуто в результате сначала сокращения, а в конце концов и полной ликвидации площадки между восточной парой пилонов и алтарем. Сравняв при

этом размеры западной и восточной (алтарной) частей строители получили совершенно симметричные боковые фасады, на которых щипцы и купол располагаются посредине.

Если сопоставить, например, планы церквей в Ширакаване и Мармашене, то сразу можно заметить, что в Мармашене восточная предалтарная часть доведена уже до размеров узких (50—60 см) проходов к дверям приделов (рис. 74б). Дальнейшая трансформация плана приводит к тому, что восточные пилоны соединяются с абсидой, обращаясь в стенки, отделяющие приделы от помещения для молящихся. Строению западных пилонов в этом случае отвечает соответственная обработка углов абсиды. В церквах без восточных пилонов приделы начинают устраивать в двух этажах с выходами из верхних помещений в алтарь. К числу первых памятников этого типа следует отнести церкви X в. в Оромосе (рис. 74г) и главную в Ахпате (рис. 85). Очень интересен, как промежуточный, план церкви Аствацацин в Бджни (рис 74в); здесь сечение всех пилонов одинаково, но восточная пара наглухо соединена стенкой с абсидой. Как воспоминание о проходах к приделам, сразу же за пилонами помещены две узкие, неглубокие, но очень высокие ниши (а). Для сообщения храма с приделами в толще пилонов пробиты коридоры.

Церкви анбердского типа в X—XI вв. встречаются сравнительно редко и получают распространение позднее, в XIII в

В селениях на западном и южном берегах Севанского озера в 70-х годах IX в. началось значительное церковное строительство. Ктиторами ряда церквей надписи и историк Стефан Орбелиан называют княгиню Мариам, супругу сюнийского правителя Васака, дочь князя князей Ашота I Багратида, возложившего на себя в 886 г. царскую корону, и самого Ашота. Весьма вероятно, что брак дочери и участие в ее строительной деятельности были теми мирными средствами, с помощью которых Ашоту, предпринявшему собирание армянских земель, удалось без кровопролития подчинить себе феодалов Сюника.

Севанские памятники составляют группу церквей, которые по архитектурной композиции и конструктивным особен-

ностям находятся еще под сильным влиянием образцов, созданных в стране до арабского завоевания. Здесь зодчие на протяжении последних десятилетий IX в. сооружают церкви крестообразного плана, предпочитая по преимуществу трехабсидный крест (триконх), который в это и последующее время в церковной архитектуре страны встречается только как редкое исключение [104].

В северной части озера из его лазоревых вод выступал небольшой скалистый остров, издавна занятый монастырем*.

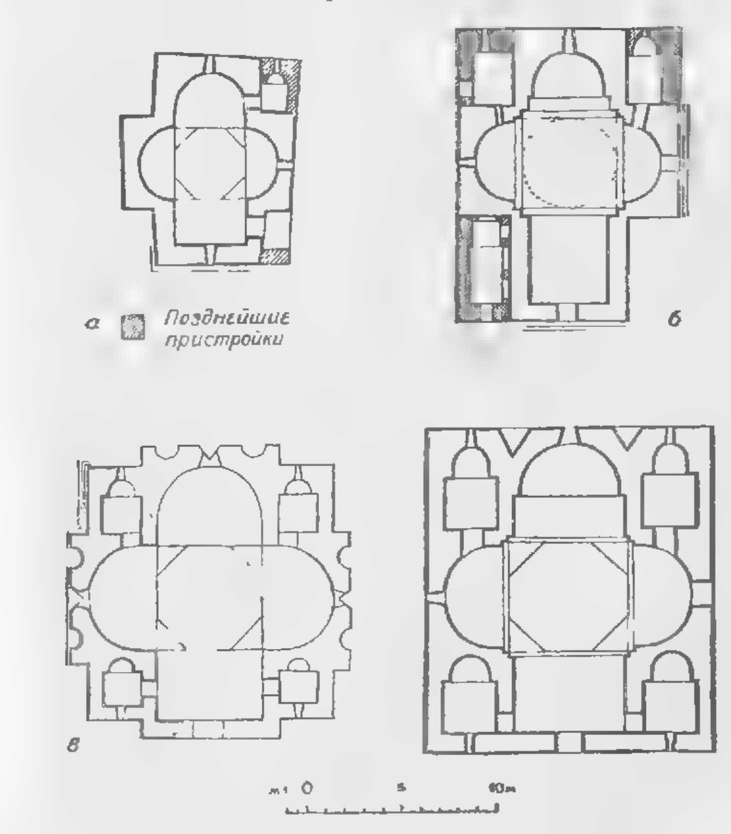


Рис. 77. а, б—Севан, в—Шогуагаванк, г—Неркин Геташен, Котаванк, Планы церквей.

* В настоящее время в связи с понижением уровня воды в озере остров соединился с берегом полоской земли, по которой проложена дорога.

В 874 г. Мариам строит здесь небольшую церковь с планом в виде «свободного креста» (рис. 77а). Строительская надпись на восточной грани восьмигранного барабана и Стефан Орбелиан согласно сообщают названную дату и перечень селений, пожертвованных новому храму. В этой надписи особенно важно указание (также совпадающее со свидетельством Орбелиана), что церковь была посвящена Апостолам. До открытия этой надписи ее именовали церковью Крестителя, а за церковь Апостолов принимали второй, большой триконх, стоящий несколько ближе к вершине острова. Теперь это недоразумение окончательно выяснено[105].

Рукава этой крестообразной церкви снаружи имеют форму трапеций, а внутри в трех из них размещены абсиды, завершенные конхами; западное крыло прямоугольное с цилиндрическим сводом. Все своды скрыты под двускатными кровлями. Восьмигранный снаружи барабан, покрытый куполом сводом, покоится на триумфальных арках крыльев церкви и на четырех тромпах между ними. Над куполом высится пирамидальная кровля. Обращает внимание характер каменной кладки. Стены сложены из грубо тесаного черного камня с широкими швами; в углах положены более крупные камни. Барабан (снаружи), карнизы, наличники и своды из темнокрасного хорошо тесанного камня. Подобную систему кладки стен и барабана видим и в других севанских церквах этого времени, за немногими исключениями, которые будут отмечены.

Второй триконх на острове, посвященный Богородице, больше по размерам и отличается как конструкцией подкупольного перехода, так и сплошной чистой теской и пригонкой облицовочных плит. Барабан, восьмигранный снаружи, круглый внутри, покоится на *сферических* парусах и это, по нашему мнению, указывает на то, что верхняя церковь, в общем сходная с малой, построена несколько позднее ее, хотя Стефан Орбелиан, говоря о строительстве на острове, упоминает обе церкви одновременно. Приделы пристроены позднее (рис. 77б).

В селении А ц а р а т стоит довольно хорошо сохранившаяся церковь, построенная согласно надписи в 898 г. По плану она весьма близка к церкви Апостолов на острове, вплоть до трапециевидного наружного контура крыльев. Восьмигранный барабан основан на тромпах. Вся облицовка выполнена из хорошо тесаных и пригнанных плит. Как редчайшее исключение, бровки окон повторяют с небольшими изменениями знакомые мотивы VII в.

В те же годы севанские зодчие создают новый тип церкви, дотоле неизвестный, в котором между крыльями трехабсидного креста (триконха) помещаются четыре придела.

В 874—886 гг. княгиней Мариам была построена церковь Ш о г у а г а в а н к, от которой сохранились только остатки северной стены (абсида и стены приделов) высотой в 7—8 м. Здесь основной, крестообразный в плане объем, образованный тремя абсидами и прямоугольным западным крылом выделен не только большей высотой, но и прямоугольными выступами на фасадах. Каждый из этих выступов, кроме западного, прорезан тремя сильно вытянутыми нишами, центральной, треугольной в плане, и двумя полукруглыми по бокам (рис. 77в). Устройство центральных ниш с окнами ничем не оправдано и свидетельствует о скромном даровании архитектора, не проявившего чувства меры и при определении высоты здания, чрезмерно вздернутого вверх. Облицовка выполнена из хорошо отесанных и пригнанных камней.

В конце IX в. князь Григор Супан построил две сходные между собой церкви—К о т а в а н к (рис. 77г) и М а к е н о ц в а н к. Они, как и церковь М а с р а ц а н а п а т, относящаяся к тому же времени, представляют также триконхи с четырьмя приделами в углах. В отличие от Шогуагаванка на фасадах нет никаких выступов, и крестообразная основа прямоугольного снаружи здания выражена только обычным крестообразным верхом с куполом в центре. В первых двух церквах на восточном фасаде помещены две глубокие треугольные ниши по бокам алтаря.

Строительство Григора Супана, по словам Стефана Орбелиана, побудило Мариам и Ашота приступить к сооружению церкви В а н е в а н в селении А л у ч а л у неподалеку от южного берега озера Севан. Постройка была закончена в 903 г., как это видно из строительской надписи. По внешнему

виду церковь весьма похожа на другие севанские церкви, но внутри ее крестообразный план образован четырьмя абсидами; по сторонам алтаря помещены два придела, в которые ведут двери из южной и северной абсид.

Тогда же была построена и небольшая церковь в Айриванке на скале над озером рядом с древней крепостью Аг-Кала. В плане она представляет «свободный крест», образованный четырьмя абсидами. Она заметно вытянута с запада на восток, так как северная и южная абсиды не представляют полной половины круга. От других севанских церквей ее резко отличает внешнее очертание крыльев креста, округлое, как и внутри. Восьмигранный барабан покоился на тромпах с пониженной вершиной (рис. 94). Церковь документально не датирована, но она, несомненно, примыкает по времени к остальным севанским памятникам, так как стены здесь тоже сложены из грубо тесанного камня, а карнизы, бровки окон и вся верхняя часть от пят до конх—из чисто тесаных камней, дымчатого и красного цвета. В конце XII в. с запада был пристроен притвор, отличающийся превосходными формами и тщательностью отделки.

В 4 км к югу от Алучалу стоят развалины церкви Богоматери в Колатакс, построенной по типу вагаршапатской церкви Рипсиме, но с существенными отступлениями в отношении угловых помещений, вытянутых с юга на север. Время ее сооружения также не известно, но характер каменной кладки позволяет уверенно отнести ее к концу IX или первым годам X столетий.

Заканчивая обзор севанских памятников, следует отметить очень важную конструктивную их особенность, сказавшуюся на внешнем виде. Все они, кроме церкви Богородицы на острове, имеют тромповый переход к барабану, определяющий его *восьмигранную* форму. Эта особенность примечательна тем, что тромпы и соответственно восьмигранный барабан повсеместно выходят из употребления уже во второй половине VII века будучи вытеснены сферическим парусом.

Общность рассмотренных севанских памятников в отношении типа, конструкции и строительных приемов свидетельствует о том, что на рубеже девятого и десятого веков работала группа (не школа) зодчих, объединенных известной консервативностью, наложившей, как видели, отпечаток своеобразной ограниченности на их творческую деятельность. Они занялись разработкой только одной архитектурной темы, не оказавшей влияния на дальнейшее развитие архитектурной мысли в стране. Уже в X веке здесь, как и в других областях Армении, начинают строить «купольные залы» (Норадуз, церковь на вершине севанского острова и др.), не обращаясь более к крестообразному плану.

В XI веке зодчие по-новому начинают разрабатывать тему *притвора* – здания, пристраиваемого к церквам, которое отчасти выполняло функции светского характера. Древнейшие притворы простого, еще не установившегося вида, строились уже в X в., а наиболее ранний, в котором начинают появляться типичные для этих сооружений черты, был возведен в монастыре Оромос царем Иоанном-Смбатом в 1038 г.

Притвор в Оромосе (рис. 74г) представляет вытянутое с запада на восток здание, разделенное на три нефа двумя парами массивных колонн, которым у всех четырех стен отвечают трехчетвертные колонны на сильно выступающих пилястрах, похожих у западной и восточной стен на пилоны. В дальнейшем они как бы врастают в тело стены, обращаясь в конце концов в полуколонны. На арках, переброшенных между этими опорами, покоятся перекрытия образованных ими (арками) девяти секций, из которых центральная перекрыта шатром из восьми каменных трапеций, а остальные—горизонтальными плитами, украшенными резьбой. Притвор в основном освещается через отверстие (ертик) в вершине шатра. Покрытие центральной секции усеченным шатром или сводом в дальнейшем становится обязательной характерной особенностью этих зданий. В Оромосе плановое решение со средним нефом, мало отличающимся по ширине от боковых, еще напоминает залы базиличного типа. В последующих постройках план начинает приближаться к квадрату, и центральная часть выделяется увеличением ее ширины по сравнению с боковыми. Интерьер начинает все больше напоминать своим строением распространенный в народе

сельский дом с центральным деревяиным «сводом», что дало основание почти всем исследователям усматривать влияние форм народной архитектуры на общую композицию притворов. С этой точкой зрения не согласен А. Л. Якобсон, который считает, что «не вяжется явно дворцовый облик обширного притвора гавита с маленьким, темным и глухим, словно пещерным карадамом -курной избой». Автору, однако, следовало бы вместо этого сравнения вспомнить поддерживаемую им реконструкцию центральной части двинского *дворца,* как зала с деревянным покрытием наподобие сельского дома. Наконец, А. Л. Якобсон считает возможным выводить формы превосходных каравансараев XIII—XIV вв. из *гома* — еще более невзрачного помещения для скота [106]. При ознакомлении с притворами и трапезными монастырей XII—XIV вв. увидим, насколько эта точка зрения ошибочна.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ IX- XI вв

Характерной особенностью работы армянских зодчих X—XI вв. в Ани и владениях видных феодалов, тесно связанных с жизнью столицы, является стремление преемственно возродить в освобожденной от иноземных поработителей стране во вновь возводимых постройках архитектурные традиции доарабского времени. Зодчество в столице багратидского государства развивается на основе разработанных в первые века христианства типов как вышедших из базилики, так и центрических. Архитекторы изучают родную страну и продолжают развивать в своих произведениях те мысли, которые из-за арабского нашествия не успели осуществить их предшественники; так, например, ими была завершена переработка купольной базилики в крестовокупольную форму (анийский собор). Как уже видели при ознакомлении с анийскими памятниками, зодчие не отдают предпочтения какому-нибудь одному древнему типу церковного сооружения, а кладут в основу своих творческих замыслов все, что было создано до них, не останавливаясь перед точным вос

произведением отдельных построек, к тому времени лежавших в развалинах (Звартноц). Они—не наивно, беспомощно и подчас неудачно ищущие новички в архитектуре, как думает Г. Н. Чубинашвили[107], а зрелые, вдумчивые мастера, умеющие превосходно сочетать творческий порыв с подлинной исследовательской работой. Не только мечущийся в муках исканий, едва-едва становящийся на ноги представитель молодого архитектурного поколения, а и зрелый, опытный мастер, как например Трдат, не мог бы воссоздать в Ани Нерсесов храм без кропотливой подготовительной работы, требовавшей незаурядных способностей и большой эрудиции. Автор анийского повторения Звартноца до приступа к постройке должен был сделать его реконструкцию после тщательного изучения и анализа развалин, сопровождавшегося, надо полагать, подробным обмером.

Говоря об авторе храма Гагика, необходимо отметить, что он не пошел по легкому пути простого повторения своего образца в Вагаршапате, а, точно выполнив основные требования необычного задания, проявил большую самостоятельность в разработке пропорций и конструкций здания, а также архитектурной и орнаментальной отделки, показав себя опытным мастером с хорошим художественным вкусом.

В монастырях, известных своими постройками, и в многочисленных селениях страны архитекторы в меру своих способностей и мастерства разрабатывали в *церковном* зодчестве на протяжении X—XIV вв. преимущественно одну и ту же архитектурную схему—«купольную залу», выполняя наряду с новыми постройками заказы по устройству куполов на существующих бескупольных церквах. Есть основания полагать, что подобные работы поручались подчас рядовым мастерам и производились иногда настолько наспех (а может быть, и сугубой экономией в затратах), что нарушались элементарные эстетические и конструктивные требования.

В Норадузе (на берегу Севана) примерно на расстоянии километра к югу от селения находится церковь Просветителя, которая перестроена из однонефной сводчатой ча-

совии; здесь пилоны явно более позднего происхождения, так как не связаны со стенами, а просто приложены к ним. В одной из небольших анийских церквей, раскопанной в 1912 г., при перестройке ее в XIII в. в купольную рядом с новыми пилонами, тоже приставленными к старой облицовке, были даже сохранены старые пилястры, на которые опирались подпружные арки свода.

Перемещение алтаря непосредственно к центральной подкупольной части и соответственное укорочение западной площадки при уменьшении общих размеров коренным образом изменили первоначальный облик этой распространенной композиции. Центральный объем, завершенный куполом, господствует над остальными, былой простор пропадает, все сооружение как бы тянется вверх, приобретая иногда (в малых постройках) колодцеобразный характер. Создается ощущение замкнутости, ограниченности, усиливаемое к тому же царящим постоянно полумраком, который не успевает рассеять прорывающийся на короткое время одинокий солнечный луч. Здесь и количество и размеры окон уже не те, что в Птгни и Аруче. Обычно их всего только восемь (не считая приделов) — четыре в барабане и по одному под щипцом в каждой стене: они малы, узки и похожи больше на бойницы, чем на окна. В это время во многих древних церквах большие широкие окна частью совсем закладываются, частью значительно уменьшаются кладкой в размерах.

В конструктивном отношении архитекторы не отступают от решений, разработанных их предшественниками: расположение и форма арок и сводов остаются прежними, и только в некоторых постройках едва уловимый излом в вершине арок является намеком на грядущую стрельчатую форму. Конический парус (тромп) уже во второй половине VII века закончил свое существование и встречается в рассматриваемое время как исключение кое-где в провинции (например, в районе Севана). Теперь переход от подкупольного квадрата к круглому внутри (а часто и снаружи) барабану повсюду осуществляется через паруса. Фрагменты их, открытые в Ани, показывают, что в столичных постройках иногда при-

менялась усложненная форма этой конструкции. Здесь нижняя часть сферического треугольника отделена арочкой, под которой парус имеет ложкообразную форму с крупными «каннелюрами». Можно полагать, что такая форма парусов в Армении ведет происхождение от тех тромпов, которые мы уже видели в VII в., например, в церкви Саркиса в Бджни (рис. 44).

В отношении подкупольных пилонов следует отметить усложнение их сечения и формы навершия, где выкружка, переходящая в полку, заменяется валом и массивной абакой со скошенной нижней частью, между которыми в XI в. нередко помещается ряд круглых бляшек (рис. 59).

В Ани и немногих владениях видных княжеских родов, судя по разнообразию церковных построек, зодчие свободно разрабатывали свои проекты. Если эту свободу знатные заказчики иногда и ограничивали, так только требованием воспроизвести лучшие древние постройки (Звартноц, Эчмиадзин), подчас уже разрушенные. В монастырях, в провинциальных селениях все церкви похожи одна на другую, точно строили их по какому-то заданному канону, от которого нельзя было отступить. И потому наряду с постройками, выделяющимися бесспорными художественными достоинствами, можно видеть большое количество церквей, добросовестно выполненных, вероятно, не архитекторами, а мастерами-практиками.

В наружном виде церквей обоих рассмотренных типов не происходит принципиальных изменений; только в разработке отдельных частей зданий архитекторы отходят от древних образцов. Они окончательно отказываются от связанного с тромпами восьмигранного барабана и, увеличивая на отдельных памятниках число граней до двенадцати и даже до шестнадцати, отдают предпочтение простой круглой форме. Уже в Ширакаване в «купольной зале» треугольные ниши расчленяли все фасады, кроме западного; в дальнейшем архитекторы охотно пользуются ими, помещая их и на четвертом, западном фасаде. При этом ниши теряют глубину, утрачивают свое первоначальное конструктивное значение и обращаются в широко применяемый декоративный мотив.

В архитектурном наряде мастера обращаются к старым образцам значительно реже. Заимствуя приемы убранства, они используют их по-разному в зависимости от условий, в которых приходилось работать. Анийские и связанные со столицей зодчие оказываются нередко щедрее своих предшественников, так как не просто переносят те или иные элементы, а создают из них различные комбинации, обогащенные собственной выдумкой. Провинциальный строитель, часто мастер-практик так и застыл на традиционной бровке, которую теперь даже трудно было украсить узором из-за крохотных размеров окна. Только столетием позже в творческом обиходе широких кругов мастеров появляются качественно новые приемы убранства, соответствующие запросам заказчиков.

Энергичная династия не жалела средств на достойное украшение новой столицы многочисленными монументальными постройками, над которыми, естественно, должны были работать лучшие мастера страны. Строгая гладь стен, характерная для архитектуры Армении IV—VII вв., могла показаться бедной для блестящей царской резиденции; свет и тень, игравшие при солнце в нишах, которыми стали прорезать стены, тоже не решали задачи. Вот тут-то, возможно, и помогла зодчим предпринятая царем Гагиком реконструкция Звартноца на территории Ани. Дело в том, что изучение его развалин по времени совпадало со строительством собора, на стенах которого появляются декоративные полуколонки с арками, дотоле неизвестные на церквах крестовокупольного типа. Значит, вполне возможно, что этот эффектный наряд был заимствован из Звартноца, правда, без резьбы между архивольтами. Такое предположение тем более вероятно, что нижняя часть абсиды собора обработана тоже по образцу Звартноца в виде колоннады с арками, образующей в стене ряд ниш. На стенах колонки расставляются не на равных расстояниях, как в Нерсесовом храме, а в соответствии с общим рисунком фасада. В Мармашене, например, вся система убранства южного фасада завязывается в центральной части, выделенной нишами и завершенной щипцом; здесь колонки расставлены широко, средняя арка вздымается

выше остальных, в центре всей композиции—единственное богато убранное окно. В следующих панелях—ниши, циркульному верху которых соответствуют переброшенные между колонками архивольты; далее в обе стороны ритм членения стены остается неизменным до углов здания. Колонки и арки трактуются не как накладное украшение стены; они составляют ее неотъемлемую часть и несут на себе несколько выступающую облицовку верхней части храма. Ребра граненых барабанов отделываются также полуколонками, парными (Анберд) или собранными в пучки (Мармашен); они как бы поддерживают массивный карниз «зонтичной» кровли над куполом, который на самом деле только касается капителей.

В обрамлении окон бровка сохраняет свое место, но теперь она часто появляется в комбинации с другими элементами убранства. Ее поддерживают иногда полуколонки (например, в церкви Абугамренц, табл. 47), выступающие из стены по сторонам проема. У некоторых окон в анийском соборе бровка сочетается с вырезанной в облицовке орнаментированной «рамой». В большинстве случаев сама бровка резного узора не имеет и представляет из себя комбинацию тяг прямолинейного и округлого профилей. В отделке центральных окон мастера часто вообще отказываются от бровки и заключают проем в прямоугольную рельефную раму, либо составленную из тяг различных профилей, либо украшенную резным орнаментом.

Входы чаще всего имеют вид порталов, состоящих из пучков колонок по сторонам проема и переброшенной между ними арки, под которой на тимпане из одного камня, перекрывающем дверь, часто вырезывается надпись. Архитравное перекрытие иногда занимает только внешнюю половину толщины стены, а изнутри над проемом выкладывается арка (анийская церковь Апостолов, Анберд). Кроме того, дверное отверстие окаймляют широким наличником. Базы и капители колонок у дверей, окон на стенах и барабане обычно одинаковы по форме и состоят из полочки, вала, похожего на сплюснутый шар, и прямоугольной абаки (на базе-плинта), между которыми на капителях иногда (как и у пилонов) по-

мещается ряд круглых бляшек. В первой половине XI в. в церквах Ани и некоторых связанных с ним селений появляется украшение входа, состоящее из широкого прямоугольного, профилированного плоскими ступенями наличника и сложного сандрика наверху с рядами геометризованных акантовых пальмет и зубцов (храм Гагика, церковь Апостолов, крепостная церковь в Вышгороде, большая церковь в Мармашене). В анийской церкви Спасителя сандрик украшен только зубцами (табл. 48). В одной из церквей Хпкоика над энергично прорезанным наличником выступает сандрик с рядом арочек, внутри которых свешиваются гранаты.

Основная, наиболее распространенная форма карниза ведет свое происхождение от образцов середины VII в., которые мы связываем с Звартноцем. В простейшем виде это широкая плита, отесанная с лицевой стороны в двух плоскостях,— наверху вертикально, а в нижней, более широкой части наклонно (рис. 60 ф). Этот профиль часто усложняется дополнительными обломами, обычно валами, которые помещают либо только внизу на стыке скоса карниза со стеной, либо и внизу и вверху у перехода наклонной плоскости карниза в вертикальную; в этом случае верхняя часть принимает вид полки. В резьбе, покрывающей на многих памятниках наклонный пояс карниза, мастера остаются верными образцам второй половины VII в., ограничиваясь повторением прямолинейного ленточного плетения корзинкой (рис. 60у). Встречаются карнизы и более сложного профиля (на церквах с «зонтичной» кровлей), составленные из валиков и полочек от основания доверху и украшенные часто зубчиками (Анберд, Мармашен и др.).

В орнаментации следует отметить полный отход от сюжетов VII века, которые, за исключением «ланцеток» (табл $VI_{23, 24}$), больше уже не появляются на постройках. Преобладает несложное плетение, либо покрывающее геометрическим узором всю архитектурную деталь, либо образующее элементарные геометрические фигуры (квадрат, круг), свободное поле которых заполняется растительными мотивами, появляющимися иногда и самостоятельно в весьма условной трактовке, как, например, «каштановые» листья, ведущие свое происхождение от орнамента в обрамлениях круглых окон Звартноца (табл. VIII_{40}). В плетеный узор из квадратов и кругов с розетками обращены и такие сюжеты VII в., как кессончики (на карнизе Звартноца) и круги с бусами, причем составною частью плетения теперь являются и полочки, ограничивающие резную полосу (табл. $VIII_{38, 39}$). В рассматриваемое время не встречаем даже столь популярной ранее виноградной лозы. Без нее обошелся и строитель храма Гагика, вырезавший на арках стен, как в Звартноце, вьющийся побег, но с веерообразными пальметками, лепестки которых напоминают «каштановый» лист (табл. VIII_{41}). Встречаются, наконец, и мотивы, отмеченные известным архаизмом: зубцы разных размеров, бусы, геометризованные акантовые пальметы. Эти мотивы в весьма устойчивых комбинациях особенно охотно использовались мастерами XI в. в отделке входов, а в Бджни в центре алтарной абсиды помещена ниша, арка которой украшена превосходно прорисованными резными пальметами (рис. 75).

Возрождение архитектуры в стряхнувшей с себя арабское иго стране шло, таким образом, разными путями в зависимости от условий, в которых приходилось работать зодчим. В быстро растущей столице, владениях видных феодалов и некоторых наиболее выдающихся монастырях в церковной архитектуре наблюдается большое разнообразие типов построек и богатство в убранстве. Как не похожи друг на друга собор, церковь—Апостолов, храм Гагика, произведения архитектора, выполнявшего заказы Пахлавуниев в Мармашене и Анберде. Несмотря на сходство в разработке формы барабана и в приемах отделки, последние две церкви показывают, что мастер при решении каждой темы боялся грубых повторений, шаблона, старательно избегал их и успевал в этом, проявляя незаурядное дарование. Не то видим во многих рядовых селениях страны. Здесь нередко работает мастер-практик, добросовестно повторяющий привычные формы «купольной залы». Ограниченный в средствах, он вынужден экономить и, вероятно, потому так скромен вид большинства этих церковных зданий.

АРХИТЕКТУРА XII—XIV ВВ.

Ширакское царство Багратидов в 1045 г. прекратило свое существование, став жертвой византийской агрессии и предательства некоторых стремившихся к самостоятельности армянских князей. Гагик I, проводивший политику собирания армянских земель в единое сильное государство, в начале XI в. подчинил себе ряд владетельных князей, не останавливаясь перед решительными мерами в отношении и своих ближайших родственников[108]. После смерти Гагика слабохарактерность наследника Ованнеса-Смбата и распря его из-за престола с младшим братом Ашотом создали благоприятные условия для усиления сепаратистских устремлений группы князей, возглавляемой честолюбивым Саркисом Сюникским, намеревавшимся захватить престол Багратидов. К этому же времени, при Василие II (976—1025), относится усиление захватнической политики в отношении Армении со стороны Византии, на которую решили опереться изменники-князья. Первым пало Васпураканское царство, лишившееся со смертью Гагика I помощи ширакских Багратидов.

После смерти Ашота, а за ним в 1041 г. и Ованнеса-Смбата, вынужденного «завещать» Византии Ани с окрестностями, патриотически настроенные армянские князья во главе с престарелым военачальником Вахрамом Пахлавуни возвели на престол сына Ашота, шестнадцатилетнего Гагика. После неудачных попыток захватить Ани силой, византийский император Константин Мономах по предательскому совету Вест Саргиса и Католикоса Петроса в 1045 г. заманил Гагика (II) в Константинополь, где и вынудил юного армянского царя отказаться от престола и всех своих владений.

Византийское владычество оказалось, однако, недолговечным, так как в конце XI века в Закавказье вторглись новые иноземцы, на этот раз из степей Средней Азии.

Туркменские племена, кочевавшие в степях, граничивших с Хорасаном, уже в первой половине XI в. начали добиваться у газневидских правителей получения пограничных хорасанских земель для ведения полукочевого, полуземледельческого хозяйства. Частично их домогательства были удовлетворены султаном Махмудом Газневи около 1025 г. Однако полученных земель оказалось недостаточно, и волнения среди туркменских племен не прекращались, что заставило и Махмуда и его сына Масуда вести с ним вооруженную борьбу, не всегда удачную для Масуда, которому в 1035 г. пришлось также пойти на земельные уступки. Газневидская династия к этому времени уже окончательно утратила свой авторитет у населения, ожесточенного непосильными поборами и беззакониями, чинимыми правителями областей, что привело после очередного поражения газневидских войск у Серакса к сдаче горожанами без сопротивления в 1037 г. одной из столиц Хорасана -Нишапура туркменам, предводительствуемым представителями сельджукского дома. В 1040 г. Масуд предпринял новый и последний поход против туркмен, закончившийся для него жестоким поражением при Дендаканe, между Мервом и Сераксом, вскоре после чего весь Иран подпал под власть сельджуков, которые затем распространили свои завоевания на Малую Азию и отчасти на Закавказье[109].

Первые набеги сельджуков на армянские земли относятся к 1048 г., когда они опустошили области, лежащие к северу от Ванского озера. В 1065 г. сельджукский султан

Алп-Арслан взял и разгромил Ани, которым после падения багратидской династии управляли византийские наместники, старавшиеся поддержать состояние города на прежней высоте. Это вторжение закончилось завоеванием сельджуками большей части Армении. Из феодальных владений уцелели только небольшие царства в Ташир-Дзорагете и Сюнике, принужденные платить дань сельджукским султанам.

Появление новых форм в армянской архитектуре в XII—XIII вв. еще совсем недавно некоторые исследователи объясняли тем, что широкая волна исламского искусства захватила Армению, связывая это с сельджукскими завоеваниями. Спрашивается, однако, что можно было перенять для применения в каменном зодчестве у кочевников, живших в своих степях в палатках и кибитках и вышедших из этих степей в стремлении к полуоседлому образу жизни, как показывают события, предшествовавшие образованию обширного, но непрочного сельджукского государства. Невероятно также, чтобы завоеватели, попав в новую обстановку, внезапно оказались строителями, способными произвести коренные изменения в имевшей многовековую историю армянской архитектуре.

Но если все то новое, что видим в армянском искусстве рассматриваемого времени, не могло быть занесено в готовом, законченном виде из степей Туркмении, то какие же причины вызвали эти коренные перемены и в какой мере вообще справедливо присвоение туманного «всеобъемлющего» названия—«сельджукское искусство» результатам художественной деятельности народов, завоеванных сельджуками стран Передней Азии и, в частности, Армении?

Ответ нужно искать во взаимосвязях этих стран, в раскрытии различных сторон энергично развивавшейся городской жизни, направляемой новой расстановкой социальных сил, в изучении процесса перерождения армянских феодальных родов, все более приобретавших иноземный по внешности облик, и в той реакции, которую вызвал этот процесс в трудовых слоях населения.

Пример Ани, выросшего за несколько десятилетий из малоизвестной крепости в большой, хорошо обстроенный

столичный город, показывает, насколько интенсивно развивалась городская жизнь уже в X в. в условиях крепкого еще тогда феодального уклада. Понятно, что такой быстрый рост числа горожан, заселивших огражденную стенами площадь свыше 100 га, не мог произойти только за счет тянувшихся к царскому двору представителей феодальной знати, различных чиновников, духовенства и их челяди. Хорошо защищенный, выгодно расположенный на караванных путях город привлекал к себе и ремесленников и купцов, имевших возможность развернуть здесь свою деятельность.

Последующие века являются в жизни Армении временем «нарастания противоречий между растущим городом и старым, отживающим свой век всемогущим замком»[110]. Усиленное развитие городов вело к расширению экономических и неизбежно культурных связей между странами Передней Азии, что не могло не отразиться в искусстве и, в частности, на архитектурных формах, содержании и виде орнаментации и технике даже в том случае, если бы сельджуки остались в своих степях.

Разгромив местную военно-землевладельческую знать, сельджуки помогли городу в значительной мере ослабить зависимость от его опасного врага—единоплеменного и единоверного феодала, что повело к расцвету городской жизни, повсеместно отмечаемому в Передней Азии в XII -XIII вв. до монгольского вторжения[111]. В этом процессе, по мнению И. А. Орбели, «вопреки старым историческим концепциям нашествие сельджуков имело значение лишь бродила, а не направляющего начала, самосильно созидающего и веду[illegible] го в соответствии с извне принесенными традициями, [illegible] рых, кстати, неоткуда было и заимствовать»[112].

Неменьшее влияние на искусство Армении оказали и по-новому складывавшиеся отношения между отдельными сло[illegible] ми городского населения. Растущее в городах производств[illegible] оживленная внутренняя и внешняя торговля, кредитные операции, включая ростовщичество, выдвигают в обществен[illegible] жизни на первый план крупных предпринимателей, коммер[illegible] сантов и финансистов, которые по своему влиянию [illegible] конкурируют с сильно потрепанной сельджуками феодальной

знатью и духовенством. В Ани оборотистые горожане личным стяжанием наживают крупные состояния и завоевывают почетное положение. К началу XIII в. здесь можно было встретить таких видных представителей делового мира, как известный своим строительством Тигран Оненц. Эти дельцы не стеснялись открыто говорить о средствах, к которым прибегали в своей разносторонней деятельности, что видно, например, из составленной самим Оненцем надписи о вкладах в монастырь Григория, построенный им в Ани в 1215 году. Тут перечисляются имения, сады, разные угодья, гостиницы, лавки, мельницы, а также, что особенно показательно, и земли, находившиеся у него в закладе. Значит, щедрый жертвователь к тому же еще был и ростовщиком.

Трудовое ремесленное население Ани, сплоченное в развивающихся и крепнущих цеховых организациях, стремится также к деятельному участию в общественной жизни города. Говоря словами народных басен того времени, цехам приходилось вести борьбу за «права вола на не меньшее уважение, чем то, которым пользуется княжеский парадный конь, права неустанно стучащей мельницы на не меньшее уважение, чем оглашаемая песнопениями церковь»[1].

Народные басни, собранные в Армении выдающимся мыслителем Мхитаром Гошем (ум. в 1212 г.) и горячим проповедником XIII в. Варданом Айгекским, отражают пробуждающееся самосознание «низов». Они не только фиксируют существующее социальное неравенство, но и показывают силу организации в борьбе. Крохотный муравей, объединив усилия таких же ничтожных насекомых—слепня, комара, клеща и др., сжил со света грозного медведя. Гош в сформулированной им морали этой басни предупреждает верхушку тогдашнего общества, к которой он сам принадлежал, что подобные мысли, сделавшись достоянием широких народных масс, представляют для нее серьезную угрозу.

«Смысл этой басни вот в чем: сильные слабыми пренебрегают и не боятся их, но мудростью укрепляются малые и побеждают сильных, и вот мудрость: малых опасаться как великих»[114].

В условиях усилившегося социального расслоения различных групп населения знать и состоятельная часть горожан находят общий язык с осевшими в стране завоевателями, и потому, как показывают вещественные памятники, на появление тех или иных форм в искусстве теперь уже влияют не столько национальные или вероисповедные различия, сколько вкусы влиятельных сословий. Одни и те же мастера строят для разноплеменных заказчиков (христиан и мусульман) дворцы, гостиницы, мечети и монастырские здания и производят замечательные изделия художественного ремесла. «Известно же,—писал А. Ю. Якубовский,—что сельджукские медресе в Малатии и Конии построены: первое армянским зодчим Тагавуром, а второе Галустом, причем последнее медресе—один из лучших памятников так называемого «сельджукского искусства»[115]. Армянская и туркменская знать пьет и ест из одинаковой роскошной посуды, на которой все чаще появляется чужеземный сюжет и арабская надпись, подчас непонятная владельцу и воспринимаемая им как нарядный узор, о чем свидетельствует, например, факт, установленный при раскопках в Анбердском замке.

На одной из бронзовых ступок, найденных у бани, богато украшенной гравировкой, мастер поместил пояс, в котором шесть раз подряд повторил превосходными арабскими буквами полтора слова благопожелательной надписи; на верхнем же крае ступки он выгравировал плетенку с четырьмя обычными для христианской среды крестами в круглых обрамлениях. Гравировальщик, несомненно, армянин, явно не знал чужого языка и использовал буквы, как декоративный мотив, не опасаясь при этом осложнений с заказчиком, тоже армянином, несведущим в чужой грамоте, по которому было по душе подобное украшение.

В свою очередь и завоеватели не относятся безразлично к тому, что было создано местными мастерами. Разве не напоминают мусульманские мавзолеи Эрзерума и Хлата (Ахлата) перенесенные на землю островерхие купола армянских церквей и разве не под влиянием армянских крестных камней—хачкаров создались мусульманские надгробия в виде вертикально поставленной плиты, покрытой кружевной резьбой[116].

Но то видим в обиходе средних и низших слоев населения. Например, на обломках посуды из простой глины и сравнительно простой работы армянские надписи, армянские типы и христианские сюжеты- обычное, повсеместно распространенное явление. Мастерам в своей работе приходилось, выполняя волю заказчиков, обращаться иногда к заимствованиям извне, но упрекнуть их в слепом подражании можно лишь в отдельных, исключительных случаях. К примеру, широко распространенная в архитектуре народов Передней Азии форма, как прямоугольный портал со сталактитовой нишей, охотно используется армянскими зодчими в многочисленных постройках XII– XIV вв., но в своеобразной, превосходно разработанной армянской трактовке. Особенно ярко стремление зодчих к творческой независимости, даже в этих сложных условиях, проявилось в повсеместно пристраиваемых к церквам полугражданских зданиях с верхним светом – притворах. Во всех вариантах этого типа сооружений именно теперь, впервые за всю многовековую историю армянского зодчества и в плане и в объемной разработке интерьера особенно ярко выражены знакомые черты бытующего в народе жилого дома, освещаемого через кровлю. Значит, мы не имеем оснований полагать, что причины, приведшие в конце концов значительную часть армянской знати к утрате национального облика (вплоть до имен), в равной мере и непосредственно действовали на мастеров. Их, по нашему мнению, следует причислить к тем слоям населения, про которые Н. Я. Марр говорил: «Армянский национализм, приходится заключить, в этой стадии развития выношен был и спасен в реальной жизни средним и низшим слоями армянского общества, сословием торговых людей и ремесленников»[117].

Было бы неправильно считать, что общественная жизнь страны в рассматриваемое время характеризуется только отмеченными отрицательными явлениями, которые могли повести к утрате самобытного развития культуры в стране. Одновременно идет сложный процесс перегруппировки жизнеспособных, творческих сил, которые не могли примириться с чужеземным владычеством. Ни одна возможность вер-

нуть утраченную самостоятельность не упускалась армянскими патриотами и не раз приносила им успех на протяжении беспокойного XII века.

После смерти в 1092 г. преемника Алп-Арслана Мелик-шаха начались внутренние раздоры претендентов на трон, что позволило коренному населению усилить освободительную борьбу против завоевателей. В это время армяне решили в своей борьбе опереться на братское грузинское государство, сравнительно мало пострадавшее от сельджуков. В результате такого объединения усилий значительная часть армянских земель к началу XIII века была освобождена из-под власти иноземцев. Ани, переходивший на протяжении XII в. несколько раз от чужеземцев в руки грузин, в 1199 г. был окончательно отвоеван и передан Тамарой вместе с северо-восточной и большей частью центральной Армении во владение армянским князьям Захарии и Иване Долгоруким, занимавшим при грузинском дворе высшие государственные должности амир-спасалара и атабека. Вошедшие на автономных началах в состав грузинского государства армянские земли самостоятельно устраивали свои внутренние дела. Ани управлялся советом старейшин, и когда грузинский католикос Епифаний, прибывший сюда для урегулирования споров об оплате за требы, обратился в 1218 году в обширной грузинской надписи на стенах церкви к грузинскому духовенству и проживавшим в городе грузинам и армянам халкидонитам, он должен был поставить на ней скрепу армянского архиепископа Григория и армянского эмира города Вахрама[118].

После вторжения сельджуков разгромленный Ани на протяжении многих десятилетий не мог прийти в себя; разрушенные постройки заносило землей, образовавшей такой слой, что возвращавшиеся на насиженные места жители даже не расчищали их, а, как показали раскопки, строились прямо на насыпи, сравнивая иногда остатки зданий с ее поверхностью. Немного сделали в строительстве и новые владетели, использовавшие по преимуществу стоявшие уже здания; так, например, анийский собор одно время служил

мечетью; тогда же, вероятно, было перестроено и обращено в мечеть здание у Ашотовых стен («мечеть Мануче»).

С приходом к власти Долгоруких создались условия для интенсивного развития хозяйственной и культурной жизни страны и оживленного строительства в городе и провинции, где после сельджукского разгрома оправились некоторые из княжеских родов (Орбелианы, Прошьяны и др.), начавшие обстраивать старые и вновь основываемые монастыри. Значительное расширение круга заказчиков за счет новых общественных групп поставило перед архитекторами новые задачи уже на базе гражданской, а не церковной архитектуры. Формы, пропорции, орнаментация, строительные приемы претерпевают существенные изменения; создается новый стиль, настолько самостоятельный, что влияние его прослеживается на новых анийских зданиях мусульманского культа. Здоровое национальное чувство, не утраченное в годы военных потрясений широкими кругами трудового населения, подсказывало армянским зодчим, по какому пути им следовало идти в новых условиях. Обратившись к сокровищнице народного творчества, не чуждаясь общения с зарубежными собратьями, они верно нашли этот путь и украсили страну и в первую очередь Ани многими прекрасными постройками, открывшими новую страницу в истории армянского зодчества.

Даже после монгольского вторжения в 30-х годах XIII в., когда особенно усилился процесс денационализации феодальной верхушки, армянские мастера сумели сохранить за родной архитектурой почти на протяжении целого столетия самостоятельное почетное место в искусстве народов Передней Азии.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Новая знать наряду со светскими зданиями строила и церкви, где должны были молиться о спасении грешных душ ее представителей. Но, конечно, архитекторы теперь чаще получали заказы на постройки, приносившие пользу здесь на

земле, в повседневной жизни, как например, гостиницы и караван-сараи, обслуживавшие приезжих и проезжих купцов, жилые дома, отделанные с подобающим положению хозяев богатством и т. п. Материалы по гражданскому зодчеству для багратидского времени весьма скудны и не дают возможности исследователю воссоздать вид жилых кварталов и отдельных зданий; в отношении XII—XIII вв. дело обстоит лучше; помимо развалин, обнаруженных раскопками, на поверхности земли сохранилось значительное число сооружений, изучая которые можно высказать соображения об армянских гражданских постройках этого времени.

Во внешнем оформлении самых разнообразных по своим функциям зданий, будь то дворец, гостиница, монастырский притвор и даже церковь, армянские зодчие, как сказано, обращаются к прямоугольному порталу. Корни этой формы уходят вглубь веков, в парфянское и сасанидское время, когда начинают вырисовываться контуры будущего айвана мусульманской архитектуры. В Ктесифонском дворце грандиозный сводчатый приемный зал открывался непосредственно наружу, прорезая разбитую на прусы стену во всю ее высоту двадцатисемиметровым проемом, завершенным аркой. Центральная часть здесь еще не выделена из общего массива стены, выполняющей в основном декоративную функцию, так как по бокам проема помещения имеются только в нижнем этаже, а выше возведены контрфорсы. Во дворце в Аммане схема открытого с одной стороны зала с декоративной стеной повторена в меньших размерах четыре раза по сторонам квадрата. Значительно позднее с идеей амманской композиции, развитой и усложненной, встречаемся в персидских и среднеазиатских мечетях. В них вокруг большого прямоугольного двора расположены в двух этажах кельи или галереи, открывающиеся наружу аркадами. Посредине каждой стороны двора высятся над примыкающими к ним строениями большие, открытые, подобно ктесифонскому залу, сводчатые помещения разной глубины, фасады которых разрешаются в виде мощного портала с громадной стрельчатой аркой, отвечающей расположенному за ней своду. Все свободное поле портала в ранних памятниках остает-

...ся без украшений, а позднее покрывается [illegible] рельефной кирпичной выкладкой, расписными и [illegible] ...ют мозаикой. [illegible] и Азербайджана, где этой [illegible] [illegible] в [illegible]

В [illegible] Армении [illegible] фасада [illegible] только [illegible] на гладкой поверхности стены. [illegible] стены без украшений, зодчие все свое внимание сосредоточивают на этой части здания и [illegible] декоративных приемов.

В [illegible], как это можно видеть у анийских памятников, [illegible], не выделяясь по высоте из всего [illegible], часто заключает в себе два этажа и потому [illegible] вверх, укладываясь по своим пропорциям примерно в два квадрата. В [illegible] порталах, разработанных оригинально, без подражаний и заимствований, мастера обычно окаймляют прямоугольными рамами каждый этаж отдельно, как бы ставя один портал на другой. В нижнем помещается вход, в верхнем большое [illegible] окно без подоконной стенки, глубокой ниши в этих случаях нет и обрамление окна и двери сохраняет знакомые формы с тимпаном и [illegible] украшенным резьбой и окаймленным сверху циркульной [illegible] аркой. Прямоугольный портал, [illegible] знаком нам уже [illegible] (Ани, Мармашен, [illegible]), но [illegible] он был разработан [illegible] античной схемы с наличником и [illegible] время дверных порталов [illegible] и [illegible] которой [illegible] ...едст [illegible]

[illegible]КИЕ ДВОРЦЫ, ЖИЛЫЕ ДОМА, ГОСТИНИЦЫ, ПОДЗЕМНЫЕ КВАРТАЛЫ

В [illegible] ...ни над обрывом Цветникового ущелья, где с ним [illegible] ...ся Гайладзор, возвышаются развалины, известные [illegible] ...ным названием *дворца парона* (барона), построен [illegible] ...III в.* Это трехэтажное со стороны ущелья здание [illegible] верхних этажах несколько просторных зал и ком[illegible] ...ескими потолками, от которых в стенах сохранились [illegible] ...алочные гнезда. Нижний, частью подземный этаж, [illegible] ...ами. С[illegible] ...жно пробраться по узкой тропке к югу от дворца, [illegible] портал [illegible] ...з комнат и коридоров, покрытых прекрасными сво[illegible] 55). Ни[illegible] стороны города на главном фасаде двухэтажный [illegible] ...резает угол между двумя глухими стенами (табл. [illegible] ...ний его этаж, из-за уклона почвы соответствующий [illegible] ...этажу со стороны обрыва, выделен широкой прямо[illegible] рамой, украшенной рельефным геометрическим [illegible] замысловато сплетенным из двухрубчатой ленты. [illegible] ...е—большой пролом на месте двери, над которым [illegible] ...ась часть циркульного верха наличника, состоящего [illegible] ...ентированной плетением выкружки, ограниченной с [illegible] ...ороны валиком, а с другой, внешней, валиком и [illegible] (табл. 56). Судя по характеру остатков раствора под [illegible] ...том, здесь был тимпан, набранный из фигурных [illegible] вероятно, украшенных резьбой. Он мог покоиться на [illegible] ...и из каменных клиньев, как это сделано на окне [illegible] ...этажа; возможно также, что клинья были двух цве[illegible] ...ного и розового, как в анийской гостинице (табл. [illegible] ...рной проем имел прямоугольную форму; что было [illegible] ...и его трудно сказать, так как не сохранилось ни [illegible] ...амня, но по аналогии с другими постройками можно [illegible], что здесь продолжался наличник того же профиля, [illegible] ...д тимпаном. Вся свободная поверхность нижнего

* В [illegible] ...рвом томе «Материалов» Т. Тораманяна приведены планы двух [illegible] ...ния. Они не увязываются между собой и не соответствуют [illegible] входного портала. Поэтому мы, рассматривая их как схему, не [illegible] в настоящей работе (Материалы, I, стр. 360).

прямоугольника была облицована набором из каменных восьмиконечных звезд и крестов, покрытых тончайшей резьбой, геометрический рисунок которого отличается исключительным разнообразием. Для того, чтобы выделить рисунок звездчатого набора, который мог потеряться в сплошном ажуре резьбы, художник делает кресты из черного, а звезды из розового камня, усиливая этим пышность и красочность отделки (табл. 56). Наверху, где к узору нельзя было подойти, где незачем было в резьбе понапрасну терять труд, ему помогают чудесные расцветки камня, которыми он пользуется с тактом большого мастера. Верхний этаж, так же как и нижний, ограничен рельефной прямоугольной рамой, но без резьбы. Расположенное посредине окно помещено в очень плоской нише со стрельчатым верхом, подчеркивающим устремление всей композиции вверх. Оно перекрыто легкой перемычкой, над которой в тимпане выложены шестиконечные звезды с розовыми шестиугольниками в центре и черными треугольными лучами. Все поле второго этажа портала облицовано черными и розовыми плитками в виде шахматной доски, поставленной по диагонали. Внутри дворца имеется еще один вход, украшенный также двухцветными выкладками из фигурных камней, но без резных украшений.

Это здание одно время считали дворцом Багратуниев. Но достаточно взглянуть на его портал, чтобы понять, что такое мнение было основано на каком-то недоразумении или, вернее, на незнакомстве с армянским зодчеством. Теперь полагают, что это был дворец какого-нибудь князя, как его и называют в научной литературе. Позволим себе высказать еще одно предположение о назначении этой нарядной постройки. Известно, что внутренними делами Ани, населенного большим числом ремесленников, объединенных цеховыми организациями и ведшего оживленную внешнюю торговлю, ведал совет старейшин. Вполне естественно, что такой богатый город должен был иметь свой «Палаццо Публико», где его влиятельный орган управления, с мнением которого считались феодальные правители, мог вершить дела и устраивать приемы. Существующий и ныне фасад с большой лоджией, откуда можно было торжественно объявлять

распоряжения властей, подходит больше для общественного здания, чем для княжеского жилья с его замкнутым бытом. Недаром он так сходен с другим анийским зданием, обслуживавшим торговую деятельность горожан,— гостиницей, открытой раскопками (табл. 58). Наконец, в связи с нашим предположением следует упомянуть о незначительной на первый взгляд детали. В одном из помещений нижнего подземного этажа, в который, вероятно, спускались по приставной лестнице во внутренней замкнутой клетке, на стене видны следы железных колец и цепей. Здесь, видимо, был каземат, где ждали решения своей участи прикованные к стенам нарушители распорядков, установленных городскими властями, а, может быть, и несостоятельные должники, отправленные сюда влиятельными заимодавцами.

К северо-западу от храма Гагика в Ани при раскопках в 1905 г. обнаружены развалины *«дома Саргиса»*, от портала которого сохранились только разрозненные фигурные облицовочные камни, покрытые мелкой резьбой. По реконструкции Т. Тораманяна, он был одноэтажный, прямоугольной формы с дверью посредине. Все свободное поле между ограничивающей его рамой и дверью было в свое время облицовано резными шестиконечными красными звездами и черными ромбами. Рисунок резьбы, по крайней мере на звездах, не повторяется. В лучах одной из них помещены армянские буквы, составляющие имя «Саргис», которое носил владелец дома или мастер. Обрамление двери состояло из колонок и переброшенной между ними арки. Возможно, что это нарядное здание принадлежало одному из двух анийских архиепископов—Саргису I (1209—1211) или Саргису II (1245—1276). Характер отделки входа, по нашему мнению, больше подходит ко времени Саргиса I (табл. 57).

Результаты раскопок в Ани позволяют судить не только о наружной отделке, но и о внутреннем виде жилого здания в XII—XIII веках.

В кампанию 1912 г. в Ани был раскопан целый квартал домов под Вышгородом, вдоль которых проходила главная улица (рис. 78)[119]. Раскопки показали, что улицы имели довольно унылый вид, так как на них выходили глухие стены

с ограниченным числом дверей. Жители, видимо, отгораживались стенами домов от внешнего мира. Отделка фасадов отсутствует, и только изредка можно встретить портал, украшающий вход (например, «Дом муллы» около мечети), или наружную лестницу, ведущую во второй этаж. На рас-

Рис. 78. Ани. План квартала жилых домов (из раскопок 1912 г.)

копанном в 1912 г. участке около древней церкви дома стояли вплотную друг к другу, заключая в себе от двух до шести комнат. К югу от церкви были расположены два довольно больших двора. При такой планировке домов комнаты могли освещаться только через потолок, что, как мы уже видели, было обычным явлением в быту населения. Внутри помещений стены не облицовывались тесаным камнем. В богатых домах в этом не было особой необходимости, так как владельцы имели возможность покрыть стены дорогими коврами и тканями, что могло предусматриваться уже при постройке. Штукатурка, хотя бы и украшенная росписью, являлась суррогатом, недостойным богатого человека. Теперь о достатке былых хозяев домов, вскрытых при раскопках, говорят только щедро украшенные резьбой по камню ниши и

камины, которые были разбросаны между висевшими в свое время на стенах изделиями армянских рукодельниц. Раскопки 1912 г. показали, что в XII—XIV вв. при устройстве ниш широкое распространение нашло подражание прямоугольному порталу, обрамление которого охватывает «выемку в стене»—патухан (պատուհան), как называли нишу в древности армяне. В прямоугольном камне, перекрывающем нишу, высекались арка или сводик стрельчатой или затейливой фестончатой формы, сменившей более раннее циркульное очертание. Поверхность этого камня над нишей отделывалась различно: ее оставляли гладкой, украшали несколькими розетками, покрывали сплошной резьбой, помещая часто в углах еще две маленьких ниши того же очертания. Резной орнамент в соответствии с общим характером наряда нередко встречается и на обрамлении, придающем всей композиции вид миниатюрного портала.

Одна из лучших, нарядно убранных ниш была открыта в большой комнате богатого анийского дома, пристроенного с севера к большой раскопанной в 1912 г. церкви. Стенку в углублении украшала облицовка из черных и светлых камней, расположенных в шахматном порядке. Обрамление состояло из колонок, жгутов и орнаментированных поясов, среди которых выделяется пояс с гирляндой гранатов на плетеном фоне. В другом конце этой комнаты было устроено возвышение, где хозяин, вероятно, принимал почетных гостей. Его передняя стенка имела несколько углублений для обуви, которую снимали, прежде чем подняться на разостланный здесь ковер.

В полах, кроме обычных тондиров (очагов с поддувальной гончарной трубой, врытых в землю), были обнаружены и в Ани, и в Двине многочисленные глубокие колодцы, которые служили не только амбарами для зерна, но и тайными хранилищами на случай вторжения врагов.

Беднота ютилась в маленьких лачужках, на которые она, так же как ремесленники, торговцы и содержатели гостиниц, даже не имела права собственности; кварталы таких жилищ были открыты в 1893 и 1904 гг. около анийских Ашотовых стен. Не от большого, конечно, достатка забира-

лись некоторые слои анийского населения и в пещерные жилища, искусственно вырубленные в окружающих город ущельях. Ими сплошь изрыты обе стороны Цагкоцадзора; имеются они также в Игадзоре и ущелье Ахуряна. Жители побогаче устраивали себе здесь довольно большие комнаты, а иногда и целые квартиры из нескольких помещений с коридорами и пр. В комнатах встречаются примитивные «альковы» для постелей, которые скрывались за занавесами; и сейчас еще видны в стенах круглые лунки для концов горизонтально укрепленного деревянного шеста, к которому подвешивали ткань. Утварь хранили в нишах разных размеров; для светильников вырубали небольшие углубления, на которых до сих пор сохранились следы копоти; во всех жилых пещерах сохранились остатки очагов. В некоторых пещерах, расположенных около поверхности земли, потолкам придан вид вытянутого вверх сомкнутого свода, в вершине которого пробито световое отверстие—*ертик*. Несмотря на простоту этих сооружений, обитатели кое-где стремились придать им архитектурную форму, явно подражая тому, что видели наверху в городе.

Пещерные кварталы Ани имели свои подземные лавки, церкви. Для собирания голубиного помета, являющегося прекрасным удобрением, устраивались большие пещерные голубятни, стены которых были сплошь покрыты правильными рядами «гнезд» наподобие пчелиных сот. В 1915 г. при нашей поездке по древним западным областям Армении совершенно такое же сооружение, но выстроенное из камня, было обнаружено в крепости над сел. Хувах около Олт. По поводу его назначения участниками поездки высказывались самые хитроумные предположения, и только после ознакомления с Ани стало ясно, в чем тут дело. Правый склон Цветникового ущелья богатые анийцы облюбовали для устройства фамильных усыпальниц, расположенных в нескольких этажах, среди которых выделяется расписанное фресками духовного и светского содержания место погребания Тиграна Оненца. Почти все могилы хищнически раскопаны кладоискателями. В одной из них, однако, посчастливилось обнаружить остатки богатого детского погребения; найденные

здесь прекрасные вышивки хранятся в Государственном Историческом музее в Ереване.

Из надписей на стенах анийских зданий было известно о существовании в городе гостиниц или постоялых дворов, называемых по армянски—*ханабар*. Владельцами часто являлись церкви, получавшие их в дар от знатных и богатых горожан (например, церковь Оненца). На притворе церкви Апостолов имеется надпись, указывающая, что одним из таких ханабаров владела эта церковь. И, может быть, именно эту гостиницу, находившуюся по соседству с храмом, посчастливилось открыть при раскопках в 1908 году.

Раскопки обнаружили развалины двух сходных между собой зданий, находившихся рядом. Они состояли из больших дворов или зал, вымощенных тесаными плитами; посредине каждого из них стояло по водоему, вырубленному в целом камне. По периметру дворов шли широкие возвышения вроде тротуара—*мастаба*, на которые открывались двери крошечных комнаток, покрытых в свое время сводами и украшенных кое-где фигурными выкладками из черного и красного камня; в некоторых из них были подполья и очаги. Входы комнаток не имели дверных полотен и, вероятно, завешивались занавесами из плотной ткани. Южный ханабар, безусловно, имел второй этаж, так как сохранились остатки каменной консольной лестницы, ступени которой снизу были облегчены сталактитами. Фасады, выходившие на улицу, имели, вероятно, глухие стены, из которых выступали порталы с проходами вроде сеней, ведшими во дворы. У стен ханабаров между порталами находились мастерские и лавки; здесь в одной комнатке обнаружены остатки медницкой мастерской, в другой вырабатывались кожаные изделия. На другой стороне улицы в одной из лавок торговали туалетными флаконами, в которых хранили ртуть.

Хотя постройки и представляли всего постоялые дворы, порталы были украшены настолько богато, что вначале, когда были обнаружены первые фрагменты орнаментации, даже думали, что это дворец Долгоруких. Оба здания совершенно

разрушены,— сохранились лишь несколько рядов кладки и многочисленные облицовочные камни, покрытые очень тонкой резьбой. На основании этих находок архитектор Т. Тораманян исполнил предположительную реконструкцию южного портала (табл. 58), на которой в орнаментации автором ничего не прибавлено от себя и все показано в согласии с наличными материалами.

Так же как и во «дворце парона» (который должен был подсказать Тораманяну общий характер и пропорции фасада ханабара), портал по высоте разбит на две части, окаймленные рельефными рамами, каждая отдельно. Рама нижнего этажа состоит из трех украшенных замысловатой резьбой полос. Проезд помещен в плоской нише со стрельчатым верхом, окаймленной двумя витыми валами с базами в форме сплюснутого шара, опирающегося на плинт. Проем перекрыт перемычкой из чередующихся клиньев розового и черного цвета, на которой покоился красочный тимпан из пятиконечных черных плетеных звезд и резных пятиугольников и ромбов розового цвета. Наверху в треугольниках по сторонам ниши—рельефные изображения барсов и драконов с заплетенными в кольца туловищами. Судя по находкам, на соседнем портале в этом месте были помещены крылатые сфинксы в коронах. Схема отделки второго этажа та же, что и внизу. Здесь, в противоположность «паронскому дворцу», архитектор использует резьбу. Широкая рама состоит из двух полос: внутренняя в плоскости стены покрыта сплошным резным плетением из двухрубчатой ленты, в основу которого положены шестиугольники, наружная—без резьбы, с сильным рельефом. Среднюю часть занимает ниша, обработанная пучками из трех колонок с шаровидными базами и капителями, на которые опирается скошенная стрельчатая арка, сплошь покрытая резным плетением. В нише помещено широкое окно без подоконной стенки с плоским перекрытием в виде тимпана, набранного из розовых шестиконечных звезд и черных ромбов, щедро украшенных ажурным неповторяющимся орнаментом. Треугольники по сторонам ниши имели, как и во «дворце парона», шахматную облицовку из розовых и черных плит. Столь же богато был украшен и портал вто-

рого ханабара, судя по обнаруженным остаткам резной облицовки. План обеих гостиниц, составленный после раскопок Т. Тораманяном, к сожалению, также страдает неточностями и дает только общее представление об этих зданиях[120].

Из приведенных примеров гражданских портальных построек видно, что в них анийские зодчие нашли свое собственное, новое решение фасада без входной «сельджукской» ниши со ступенчатым сталактитовым верхом, широко распространенной в Малой Азии и встречающейся (преимущественно в XIV в.) кое-где в Армении, даже в церквах. Это новое решение фасадов открыло широкую дорогу на стены зданий резьбе по камню. Прежде к ней обращались преимущественно для того, чтобы акцентировать архитектурную деталь—арку, наличник, карниз. Теперь она начала переходить на поверхность стены, заполняя часто сплошным узором значительную площадь, главным образом, как раз в порталах, где украшаемое поле, охватывавшее парадный вход, было четко ограничено рамой. Несомненно, в порталах и выработались замечательные по нарядности и техническому совершенству армянские каменные облицовочные наборы, возможно, подсказавшие путь, по которому пошли мастера, работавшие за рубежом над возрождением забытого с ахеменидских времен изразца. Для того, чтобы покрыть стену орнаментом, можно было на земле подогнать облицовочные камни и вырезать на них облюбованный сюжет, а затем установить их на место. Армянские художники выбрали, однако, другое решение, при котором самая форма камней стала элементом узора, подчеркнутого и обогащенного вдобавок контрастами окраски (рис. 99). Вернемся еще раз к классическому памятнику армянской светской архитектуры XII—XIII вв.—анийскому «дворцу парона». Издали, конечно, не видна кружевная резьба его стройного портала, но восьмиконечные звезды теплого розового тона, чередующиеся с черно-серыми крестами в первом этаже, шестилучевые двухцветные звезды над перемычкой окна и шахматный набор второго этажа уже с почтительного расстояния приковывают внимание к играющему пока только расцветкой кам-

ия наряду здания. С приближением к нему в каждой звезде, в каждом кресте возникают смутные блики резьбы, сходные между собой по интенсивности света и тени, и, кажется, что во всех элементах узор одинаков, вырезан по одному шаблону, и проходящему во дворец посетителю не придется тратить времени на рассматривание сходных подробностей. Нет, здесь нельзя просто пробежать глазами по каменному кружеву стены, так как каждый камень является самостоятельным, законченным произведением высокого мастерства армянских ваятелей. Один за другим следуют разнообразные узоры, говорящие не только о прекрасной технической выучке, но и о неистощимой творческой фантазии.

В декоративных наборах из фигурных камней можно встретить звезды различного вида. На портале дома Саргиса они были шестиконечные, розового цвета и чередовались с черными ромбами; в анийской гостинице над проездом— пятиконечные с черными лучами, в сложной комбинации с розовыми пятиугольниками и ромбами.

Узор из восьмиконечных звезд и крестов, родившийся, возможно, на стенах армянских построек, получил широкое распространение в искусстве Передней Азии[121]. Он встречается в самых разнообразных материалах. Его обогащают резьбой и расцветкой в камне, яркими красками поливы (мавзолей Пир-Гусейна в Азербайджане)[122], мерцанием золотистого люстра в фигурных изразцах (мавзолей в Верамине)[123], вырезают на глиняных плитах в постройках Средней Азии (мавзолей Кутлук-Ака в Самарканде)[124], набирают из кирпича, как это сделано, например, в айване соборной мечети 1322 г. в Верамине[125], переносят в дерево, кость и металл (киликийская серебряная чаша Эрмитажа, вывезенная мною в 1925 г. с Урала, табл. 94)[126]. Наконец, откуда, как не с Востока, в эпоху развития средиземноморской торговли итальянских городов, вызванного крестовыми походами, был занесен звездчатый узор в текстильное и керамическое производства Италии.

В тех случаях, когда резьба не могла быть хорошо видна или была неуместна по самому назначению построек, зодчие украшали их облицовками из камня разного цвета. Мы

уже приводили в качестве примера анийский «дворец парона», где во втором этаже совсем нет резного орнамента. Там на тимпане окна набраны врастающие одна в другую шестиконечные звезды, составленные из розовых шестиугольников и черных треугольных лучей, хорошо видные, несмотря на значительную высоту здания.

Шахматными облицовками из камня двух цветов украшали поле портала, а иногда и целые участки стен, например, щипцы церквей. В Ани сохранились даже две постройки с шахматной облицовкой стен, по которой их условно называют шахматной церковью и шахматным домиком. В шахматном наборе горизонтальными рядами нельзя соблюсти основное правило каменной кладки—перевязь швов, и потому такая облицовка, не лишенная беспокойной красочности, производит впечатление искусственного приема, чуждого архитектуре. Авторы лучших анийских зданий не могли этого не чувствовать и избрали другое решение. Повернув шахматную доску на 45°, они надежно вклинили один в другой ряды поставленных на вершину квадратов и с большой легкостью обратили неудачную облицовку в превосходный декоративный мотив, украсивший порталы дворца парона, гостиницы и новые ворота анийских стен, получившие условное название «шахматных».

Рассмотренные монументальные гражданские постройки Ани не имеют дат. Своеобразная портальная форма решения фасада, а также система и рисунок орнаментального убранства, бесспорно, свидетельствуют, что эти здания не могли быть возведены в багратидское время. Двенадцатый век, заполненный борьбой за освобождение армянских земель из-под власти мусульманских эмиров, самостоятельно правивших после распада сельджукского государства отдельными провинциями Армении, тоже не может считаться временем, подходящим для подобного строительства. Только с переходом Ани в руки Долгоруких, в условиях, способствовавших развитию деловой жизни в городе и накоплению в нем значительных денежных средств, богатые, предприимчивые горожане могли позволить себе траты на строительство великолепных светских зданий и церквей. В первой четверти

XIII века в Ани возводится ряд сходных между собой по типу и богатому убранству церквей, из коих построенная Тиграном Оненцем имеет в надписи дату—1215 г. К этому же времени должны быть отнесены так называемый дворец парона и дом Саргиса, так как позднее, после разгрома, учиненного Чармаганом в 1236 г., город, как и вся страна, оказался во власти монголов. И хотя после первого удара в начальную пору монгольского владычества наблюдалось некоторое оживление в экономической жизни страны, сопровождавшееся возобновлением строительства, непосильные налоги и поборы в конце концов настолько подорвали благосостояние Ани, что ильхану Абу-Саиду (1316—1335) пришлось в надписи на анийской мечети Мануче объявить о сложении с разбегавшихся жителей некоторых налогов[127]. Надо также иметь в виду упадок экономики города в связи с перемещением в конце XIII века главных путей, по которым шла торговля Тебриза и Султании с западом через черноморские порты, на юг в Алашкертскую и Пасинскую равнины[128].

В отношении датировки анийских гостиниц дело обстоит сложнее, так как в их отделке переплелись различные элементы, встречаемые в архитектуре переднеазиатских стран, начиная с XII в. По общему решению, двухэтажные порталы обеих гостиниц сходны с порталом «дворца парона», но в системе их убранства мастера пошли разными путями. В гостиницах звездчатые каменные наборы видим только на тимпанах, а поле портала каждого этажа украшено широкими орнаментированными полосами обрамления (табл. 58). Самый орнамент в гостиницах различный и дает основание полагать, что они построены не одновременно, а с разницей лет в пятьдесят, но в пределах XIII в. На портале южной готстиницы, реконструированном Т. Тораманяном, рисунок геометрического орнамента обрамляющих полос по своему построению сходен с образцами орнамента, который видим на монументальных постройках первых десятилетий XIII в. в Ани (церковь Тиграна Оненца). Фрагменты обрамления из портала второй, северной гостиницы украшены также плетеным орнаментом, но здесь ленты, переплетаясь, образуют многолепестковые звезды с пуговками и розетками в

центре, распространенные в кирпичных декоративных облицовках мусульманских культовых зданий и мавзолеев. Такой узор встречаем на ряде построек в Армении, начиная со второй половины XIII в., например, на портале притвора в Тамджирлу (Мравьян). Таким образом, напрашивается вывод, что южная гостиница построена для обслуживания постояльцев, приезжавших в Ани по делам во время правления Долгоруких, а вторая была пристроена к ней в начальный период монгольского владычества, когда караваны купцов в Армении, имея ханскую тамгу, пользовались неприкосновенностью. Очень возможно, что она была сооружена в правление Хулагу, когда могла быть оборудована однотипными караван-сараями и дорога, направлявшаяся в Ани от оживленного торгового тракта Тебриз—Эрзерум.

Жилые дома, раскопанные в 1912 году, сооружены не ранее XII в., так как ниши, украшавшие комнаты, носят черты, не свойсвенные предшествующему времени. Они завершены стрельчатыми и, что особенно характерно, фестончатыми арочками, которые нередко можно видеть на треугольных наружных нишах церквей XIII в. (Гегард). Сюжеты украшающей их резьбы также характерны для указанного времени: птицы в углах перекрывающего нишу камня, заставляющие вспомнить анийские церкви Оненца и Бахтагеки, растительный плетеный орнамент с мясистыми рубчатыми листьями, сплошной мелкий плетеный узор и др. Такое единообразие во внутренней отделке жилищ наводит на мысль, что они не встраивались в старые кварталы (тогда мы видели бы и более ранние мотивы в убранстве отдельных домов), а были возведены при новой застройке района после разгрома Ани сельджуками. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что дома облепили без всякой системы древнюю церковь (рис. 78).

Жилые здания в Двине

Во время раскопок в Двине были обнаружены, кроме палат у собора, жилые здания в цитадели на вершине главного холма и особенно интересный по деталям отделки кирпичный дом на северном склоне холма, погибший много веков назад от пожара.

К счастью, в одном из помещений этого дома сохранились остатки нарядно убранной ниши и обломки ее отделки, выполненной из гипса, характеризующие облик жилья богатого горожанина.

Ниша находится в помещении, от которого до нас дошли только нижние части двух стен и небольшой участок кирпичного пола с глубоким колодцем-тайником. Она полукругла в плане и, начинаясь у самого пола, выведена из обожженых кирпичей так, что за каждым рядом кирпичей, поставленных вертикально боковой гранью наружу, следуют два ряда кирпичей, уложенных плашмя. Верхняя часть со сводиком исчезла, что не мешает, однако, восстановить в общих чертах первоначальный вид ниши по найденным при раскопках остаткам ее гипсовой отделки (рис. 79). У основания ниши на месте сохранились обрывки двух орнаментированных поясов: один из них, внутренний, украшенный бегущими друг за другом зверями на фоне побегов с листьями, идет немного отступя от края, второй—так называемая «сельджукская цепь» с бусами внутри звеньев—расположен на некотором расстоянии от первого. Эти пояса входили в прямоугольное обрамление, охватывавшее нишу, убранство которой, таким образом, было скомпановано опять-таки по принципу портала. Основанием для подобной реконструкции служит оказавшийся среди фрагментов облицовки обломок гипсовой плитки с изображением крылатого льва с человеческой головой в трезубой короне на заплетающихся в спирали растительных побегах, которая помещалась в углу между обрамлением и сводиком ниши. Найденные тут же в земле куски гипсовых брусков, имеющих профиль в виде сильно выгнутой выкружки с арабской надписью рельефными буквами на фоне побегов, заставляют предполагать, что обрамление имело карниз, снабженный надписью.

На реконструкции Л. Садояна пространство между орнаментированными поясами оставлено пустым, хотя по размерам здесь могли поместиться звенья с плетеным орнаментом, как это сделано мною. Не показан и карниз (рис. 79).[129]

Таким образом, открытая в Двине ниша прежде всего свидетельствует, что их устраивали повсеместно как в ка-

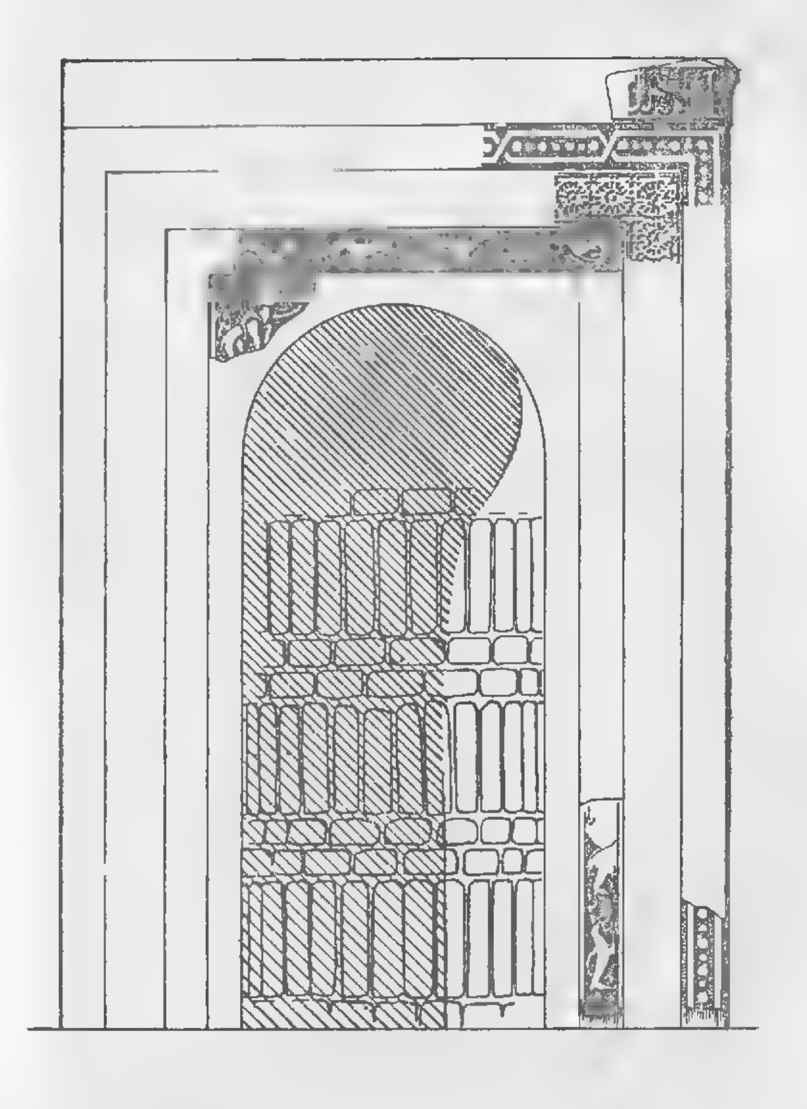


Рис. 79. Двин. Ниша с литой гипсовой отделкой из жилого дома (реконструкция)

менных, так и в кирпичных постройках, придавая излюбленную форму портала, и украшали одними и теми же декоративными сюжетами, соответственно подбирая отделочный материал и технику выполнения.

Гипсовые орнаментированные облицовки в сочетании с чистой, нередко узорчатой кирпичной кладкой в рассматриваемое время были одним из основных декоративных приемов персидских зодчих, к которому они прибегали для украшения мавзолеев и мечетей. Богатейшие михрабы, панно, панели и фризы с вязью куфических надписей мастерски вырезались в пластичном гипсе, покрывавшем в нужных местах кирпичную кладку стен. Понятно, что в кирпичном Двине этот удобный для обработки нарядный отделочный материал должен был найти применение, так как город в строительстве шел в ногу с временем, используя все новое, что создавалось в кирпичной архитектуре. Как показали раскопки, глазурованный кирпич, узорчатые выкладки из обыкновенного кирпича, утопленные в белый раствор (в зданиях на вершине холма), резные терракотовые плиты, фигурные изразцы украшали в свое время исчезнувшие теперь с лица земли двинские здания, от которых под насыпью сохранились лишь нижние части стен.

Гипсовая отделка в доме на склоне главного холма, однако, существенно отличается от отделки общественных зданий; орнамент ее не вырезан, а отлит, причем найденные звенья поясов, в которых, даже в дефектах, наблюдается полнейшее сходство фигур зверей, завитков побегов и листьев и букв надписи, явно вышедших из одной и той же формы. Значит, рисунок на поясах систематически повторялся по всему периметру обрамления, которое составлялось из отдельных заранее изготовленных звеньев. Подобные гипсовые пояса с литым изображением «звериного гона» на фоне закручивающихся побегов были известны и ранее: обломки их были найдены в подвале северо-восточного зала дворца в анийском Вышгороде; несколько разрозненных звеньев хранится в Оттоманском музее[133]. В Двине они впервые были обнаружены в таких условиях и в таком количестве, что оказалось возможным правдоподобно воссоздать первоначальный вид

украшенной ими ниши. Отливка обходилась, конечно, значительно дешевле кропотливой, трудоемкой резьбы по гипсу, и это должно было обеспечить ей широкое применение внутри зданий, натолкнув предприимчивых людей на мысль об организации мастерских, где можно было заказать или купить готовую приглянувшуюся недорогую отделку для покоев, подобно тому как в наши дни, правда по иллюстрированному прейскуранту, выбираются кафельные камины и печи или «лепные» украшения карнизов и потолков.

Владелец дома не оставил надписей на стенах,—о нем не упоминают историки, но развалины его жилища дают нам основание высказать соображения о том, когда он жил. Время правления Захария и Иване Долгоруких отмечено возведением в Ани ряда превосходных светских зданий. Неизвестный по имени парон, Саргис, возможно, архиепископ анийский Саргис I (1209—1211), богатый купец, финансист, а может быть, и просто ростовщик, построивший нарядную гостиницу, бращаются к первоклассным мастерам, которые не следуют какому-либо шаблону, а даже в резьбе на каменных фигурных облицовках стараются не повторяться. Ясно, что Долгорукие, имевшие значительно большие возможности, чем названные горожане, не пошли бы в лавку ремесленника покупать стандартную гипсовую отделку для своих палат в анийском Вышгороде. Найденные здесь обломки с литым изображением «звериного гона», может быть, тоже из обрамления ниши в северо-восточном зале, надо отнести либо ко времени хозяйничания в анийском Вышгороде в беспокойном XII веке чужеземных правителей, либо ко времени преемников Долгоруких—на вторую половину тринадцатого или на четырнадцатый век. А вот владелец двинского дома, видимо, не очень знатный и не очень твердый в своих национальных чувствах, был вполне удовлетворен продукцией оборотистых предпринимателей, изготовлявших для этого круга горожан своеобразный концентрат из ходких сюжетов, вплоть до декоративной и, может быть, непонятной покупателю надписи. Точно определить время, когда был построен интересующий нас дом, затруднительно, но, по нашему мнению, дата может быть отнесена без риска впасть в ошибку

к двенадцатому или первой половине тринадцатого века, когда дом могли сжечь вторгшиеся в страну монголы.

Узорчатые облицовочные выкладки из кирпича, утопленного в гипсовый раствор, найденные в цитадели, повторяют хорошо известный по нахичеванским памятникам XII в. звездчатый мотив, и, вероятно, относятся к этому же времени.

Караван-сараи, мосты, водоемы

Территория Армении с давних пор была покрыта сетью самых разнообразных путей от вьючных троп местного значения до больших благоустроенных трактов, по которым шла оживленная торговля между крупнейшими переднеазиатскими центрами. Многочисленные караваны, следовавшие по этим трактам, нуждались в безопасной стоянке и удобной переправе через реки; неудивительно поэтому, что сейчас во всех концах армянской земли, часто на забытых уже древних путях можно встретить давным давно возведенные заезжие дворы и мосты, где в развалинах, а где и поныне несущие службу.

Устройство анийского ханабара вполне соответствовало характеру его работы. Приехавший в город на несколько дней купец предпочитал иметь отдельный угол, а не ютиться в общежитии. Ханабар представлял ему самостоятельный «номер», где он с известными удобствами мог поговорить о делах и отдохнуть. Раскопанное в 1908 г. анийское здание по своим функциям приближалось к гостинице, чем и должно быть объяснено наличие комнаток. Совсем не то требовалось от заезжих дворов -караван-сараев, которые строились на караванных путях, часто в стороне от селений. Там торговый люд задерживался недолго, располагаясь только на ночлег или укрываясь от непогоды, а иногда и от нападающих на обозы любителей легкой наживы. Постоялец мог обойтись без отдельной комнаты—ему было нужнее удобно и безопасно разместить свое добро и животных. Потому эти здания по своей структуре заметно отличаются от городской гостиницы.

В качестве примера придорожных караван-сараев можно привести сходные между собой в отдельных подробностях и даже размерах разрушенные постройки около Зора, в Аруче и Талине, а также лучше сохранившийся, известный в специальной литературе караван-сарай на Селимском перевале.

Караван-сарай у селения Зор, между Араратом и Араксом, одиноко стоит в открытом поле[181]. Он имеет вид прямоугольной крепости, разм. 65×25 м, с глухими стенами и башнями—по пяти на каждой длинной стороне. В городах не было надобности обращать заезжий двор в оборонительное сооружение, так как он находился под надежной защитой городских укреплений. На дороге же владелец незащищенного здания, в котором нельзя было отсидеться в случае разбойного нападения, неизбежно потерял бы постояльцев.

Главный фасад с единственным богато убранным входом—восточный. Посредине стены помещена очень неглубокая плоская ниша со стрельчатым верхом, обведенная широким наличником; в ней расположена плоско перекрытая дверь, над которой из шестиконечных звезд и ромбов, заполненных тонкой резьбой, набран тимпан, такой же как на окне анийского ханабара. С внутренней стороны наличник окаймлен полочками и валиками, заканчивающимися так же, как в анийской гостинице, шаровидными базами с высокими плинтами. Средняя полоса наличника сплошь покрыта очень мелким плетеным орнаментом в виде звезд, приближающихся из-за дробности элементов к кругу. По наружному краю идут две полки, из которых одна украшена рельефными зубцами.

Вход ведет в крытое сводами помещение, облицованное чисто тесаным камнем, состоящее из трех просторных отделений, расположенных одно за другим. В каждом из них внутренние продольные стены имеют в нижней части по девять проемов, перекрытых арками, через которые можно попасть в расположенные по обеим сторонам средней части более узкие помещения, покрытые циркульными сводами на подпружных арках (табл. 59). Такие же арки, вероятно, были и в центральном своде. На первый взгляд может показаться, что перед нами -трехнефное сводчатое здание, засы-

панное землей и обломками перекрытий на всю высоту столбов до пят арок. Однако ознакомление с развалинами в Аруче показывает, что на самом деле эти постройки не имели столбов, обычно поддерживающих арки.

Караван-сарай в Аруче стоит справа от дороги на Талин за садами селения. От него сохранилась лишь сильно пострадавшая угловая часть бокового помещения, прилепившаяся на скале над долиной, окаймляющей селение

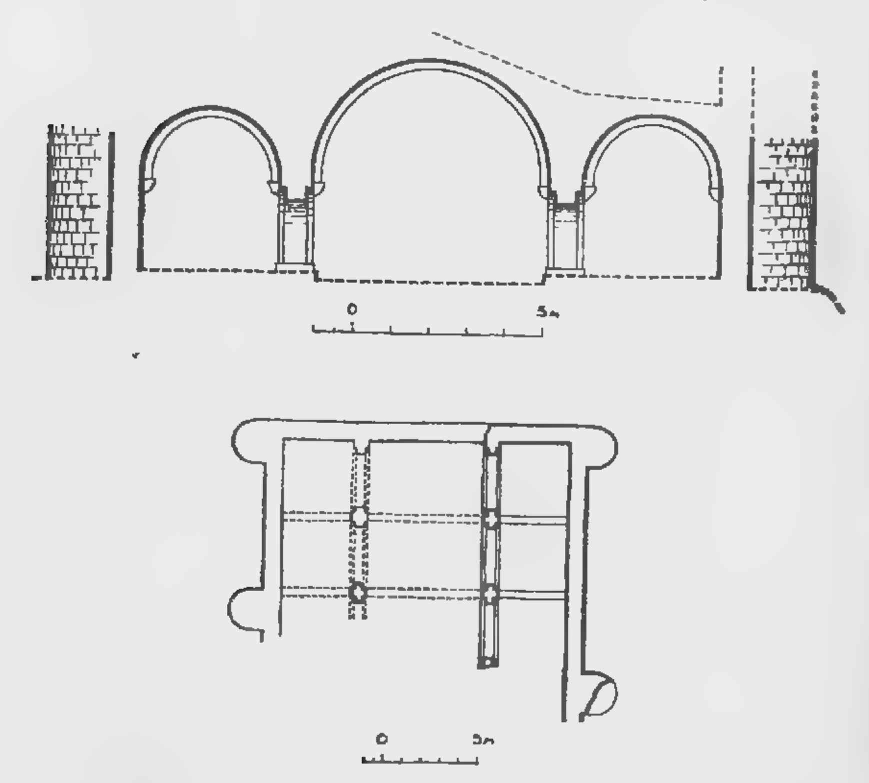


Рис. 80 Аруч. План и поперечный разрез караван-сарая.

с востока. В свое время он имел три нефа, разделенных аркадами и покрытых циркульными сводами на подпружных арках, опертых на кронштейны (рис. 80, табл. 59). Число проемов до раскопок установить нельзя, но, вероятно, их было примерно столько же, сколько в Зоре и в соседнем Талине. Вторая аркада и продольная стена со стороны дороги совершенно разрушены, и только одиноко торчащие камни одной пары смежных арок дают возможность составить представление о размерах среднего помещения. Обследование поверхности земли в боковом нефе и скалы за наружной стеной у оврага показало, что насыпь здесь менее одного метра и арки основаны не на столбах, а на низких каменных стульях. Вследствие этого высота проемов не могла быть большой и, вероятно, человек среднего роста, проходя под аркой, должен был нагибаться. Такое решение аркад, по нашему мнению, было продиктовано не соображениями экономии, а особенностями назначения здания, служившего одновременно пристанищем как для людей, так и для вьючных животных. Караваны везли дорогостоящие товары, которые, как и люди, требовали при ночлеге отделения от животных, что было сделать легко при конструктивно необходимом разделении на нефы. Вьючный скот, вероятно, оставался в средней части, куда попадали непосредственно с улицы, а люди и вьюки размещались в боковых помещениях, не имевших выходов наружу. Возможно, что пол боковых нефов был несколько приподнят, как в анийских гостиницах, что вместе с нарочито небольшой высотой аркад препятствовало животным проникать в помещения, занятые людьми и товарами. Подъем пола, кроме того, не допускал затекания сюда нечистот из средней части. Небольшие раскопки могут показать, насколько справедливы высказанные нами соображения. Так же как и в Зоре, продольные стены имели снаружи полукруглые башни-контрфорсы, из которых сравнительно хорошо сохранились две—над обрывом, причем характерно, что угловые башни помещены одинаково на обеих постройках: они выдаются только на продольных стенах, заканчивая поперечные плавной кривой без каких-либо выступов. Такое сходство обоих караван-сараев позволяет считать, что в Зоре насыпь также невелика по высоте и не скрывает в себе столбов под арками.

Как был отделан вход в аручском памятнике—сказать нельзя, так как обе поперечные стены разрушены и погребли под своими обломками все, что могло сохраниться от уб-

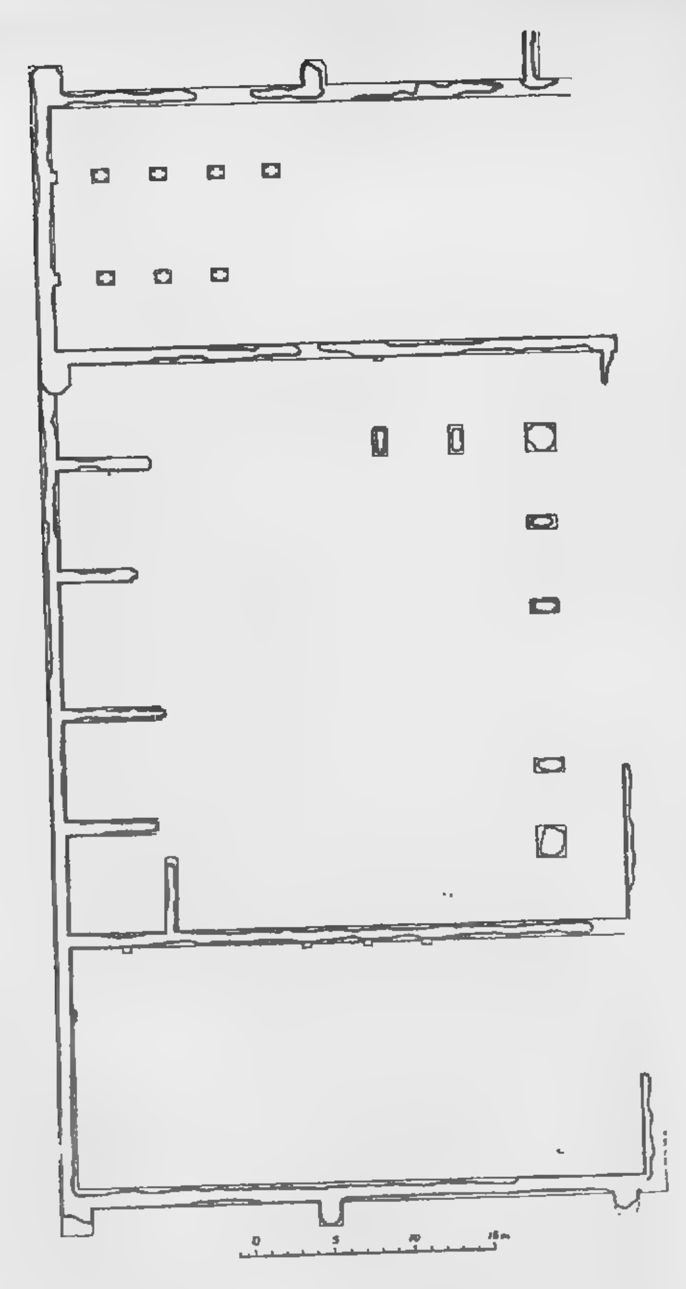


Рис. 81. Талин. План караван-сарая.

ранства, если только оно не было растащено на новые постройки.

Караван-сарай в Талине -громадное сооружение, состоящее из двух крытых помещений и двора между ними (рис. 81). На плане (как и в натуре) ясно видно, что стена двора только примыкает к башне правого здания. Значит, строительство велось в два приема. Правое, наиболее древнее здание внутри имело вид продолговатого зала, разделенного аркадами (о десяти пролетах каждая) на три сводчатых нефа. Сравнение его плана с планом аручского караван-сарая показывает, насколько сходны между собой, даже по размерам, эти здания. А вид нефов и своеобразная постановка угловых башен позволяют поместить их в один ряд с караван-сараями в Зоре. Новая, левая половина талинского здания повторяет правую. Она также разбита внутри на нефы и укреплена снаружи башнями. Двор с трех сторон был окружен галереями на столбах, а у четвертой, судя по остаткам стен, шли в ряд пять просторных комнат. От наружного убранства сохранилась только одна из плит дверного тимпана, украшенная замысловатым плетеным геометрическим орнаментом (рис. 82).

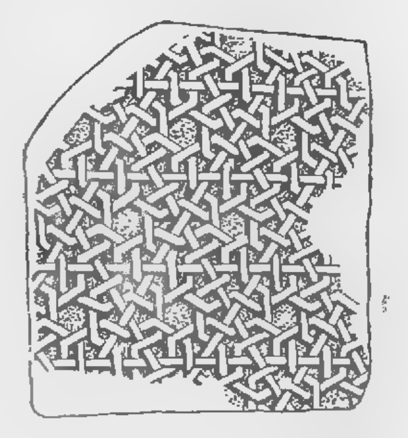


Рис. 82. Талин. Орнаментированная плита из караван-сарая

Расположение названных караван-сараев показывает, что они обслуживали дорогу, ответвлявшуюся на север от большого тракта, по которому в XIII в. персидские города вели караванную торговлю с Трапезунтом через Эрзерум.

Спустившись с одного из перевалов в сторону Аракса, караван имел стоянку в Зоре. Следующий караван-сарай (нам неизвестный) должен был находиться у переправы через Аракс, откуда путь мог направляться либо прямо на Аруч, либо через Вагаршапат. За Аручем следовал Талин, который,

судя по размерам караван-сарая, был узловым пунктом, где дорога могла разветвляться на два направления: одно дальше на север, другое—к мостам через Ахурян в Ани и Чрплу. Здесь следует отметить, что в Ч р п л у у переправы через реку тоже стоит караван-сарай, сходный по плану с аручским и талинским (рис. 83). Переходы равны примерно 30 км. Разница в расстояниях между нашими пунктами, которую можно усмотреть на карте, объясняется тем, что в районе Аруч—Талин—Ани (и Чрплу) дорога вьется, проходя по гористой местности.

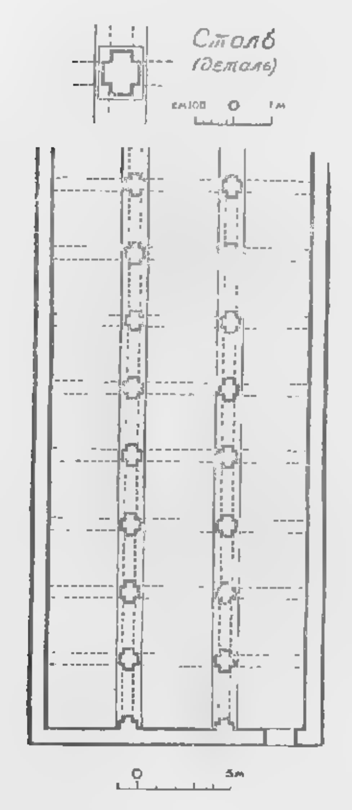


Рис. 83. Чрплу. План караван-сарая.

Близкое сходство построек в Зоре, Аруче и Талине, обслуживавших намеченную нами дорогу, позволяет полагать, что на значительных торговых магистралях караван-сараи могли строиться по общему плану либо крупными предпринимателями, либо властями. Хамдаллах Казвини отмечает, например, что в Персии на дороге из Карабага в Тебриз три станции для караванов были построены министром ильханов Улджайту и Абу-Саида Гадж-ад-дином Али-шахом Табризи[132]. При такой системе оборудования дорог становится понятным и единообразие построек.

Приведенный пример, по нашему мнению, показывает, что внимательное изучение дорожных устройств наряду с письменными источниками может быть весьма полезным при выяснении направления древних путей.

Все названные караван-сараи не имеют документальных дат. Судя по Селимскому памятнику, на их стенах в свое

время могли быть строительские надписи, но они или уничтожены после разрушения построек, или скрыты под обломками и землей. Поэтому для датировки приходится обращаться к рассмотрению их характерных особенностей. Сходство архитектурной композиции и нахождение на одной магистрали показывает, что сооружены они примерно в одно время, для определения которого можно найти некоторые данные в убранстве входа, сохранившемся в Зоре. Обрамление входной плоской ниши двумя валиками с шаровыми базами и наборный стрельчатый тимпан из шестиконечных звезд и ромбов сходны с отделкой проемов в анийских гостиницах. Орнаментированный наличник по рисунку многолепестковых плетеных звезд близок к орнаментированному обрамлению порталов северной гостиницы, и особенно притвора в Тамджирлу. Наконец, форма и характер резьбы зубцов в наружной кайме наличника совершенно такие же, как на арках большого притвора при церкви в Гегарде (табл. 77) и построенного после 1215 г. притвора церкви Оненца в Ани. Получается интересная комбинация из элементов убранства с разных построек XIII в., что позволяет и самый караван-сарай в Зоре (а следовательно, в Аруче, Талине и Чрплу) отнести к этому же времени. Вид плетеного геометрического орнамента, украшавшего вход в Талине, подтверждает такую датировку. Дальнейшее уточнение времени оборудования намечаемой нами дороги однотипными караван-сараями приводит нас к следующему выводу. Общие условия в стране в правление Долгоруких, когда Ани и Карс играли видную роль в торговле восточных стран с Западом, диктовали необходимость благоустройства караванного пути, направляющегося с юга из-за Арарата в эти города, и тогда постройку наших караван-сараев следует приурочить к первым десятилетиям XIII в. Художественный анализ, основанный на сравнении убранства Зорского караван-сарая с другими памятниками, также не противоречит подобной датировке.

Несложная расчистка развалин караван-сараев позволит реконструировать их первоначальный вид и, возможно, даст материалы, необходимые для уточнения датировок.

Караван-сарай на Селимском перевале, по-

строенный согласно надписи в 1332 г., в своей основной части также трехнефный и сходен по плану с зорским и аручским. В отличие от этих зданий аркады в нем покоятся не на каменных стульях, а на четырехугольных столбах с массивными капителями. Вход ведет не прямо в главное помещение, а в примыкающую к нему пристройку. Он находится в глубокой четырехугольной наружной нише, покрытой «сельджукским» сталактитовым сводом со ступенчатым наружным контуром. Обрамление дверного тимпана и карнизы составлены из трехлопастных «листьев»,—обязательного элемента армянских сталактитов второй половины XIII века.

В заключение отметим, что трехнефная планировка заезжих дворов, стоящих на дорогах в разных концах страны, видимо, считалась наиболее удобной в эксплуатации и потому получила такое широкое распространение.

Средневековые армянские строители в совершенстве владели техникой возведения арок и сводов, и это позволило им при постройке мостов в большинстве случаев избегнуть хлопотливых работ по кладке промежуточных устоев в стремительных водах горных рек. Чаще всего берега соединялись одной аркой, либо циркульной, либо двухцентровой с небольшим изломом в вершине.

В Ани было два моста через Ахурян, время постройки которых не известно. От нижнего почти ничего не осталось. развалины же верхнего (табл. 60) позволили Т. Тораманяну набросать реконструкцию этого замечательного памятника инженерного искусства древних мастеров. Между береговыми устоями была переброшена мощная четырнадцатисаженная арка, подымающаяся над водами реки на большую высоту, что смягчало подходы к мосту для караванов, всадников и пешеходов. Со стороны города, видимо, была устроена разводная часть, защищенная воротами на устое, которые в случае внезапного нападения должны были сдерживать натиск врага до окончания разводки моста. В мирное время эти ворота могли обслуживать сторожевой пост и таможенную заставу. Следы небольших (караульных?) помещений

прослеживаются также в развалинах одного из двух мостов через Ахурян у селения Чрплу, расположенного выше Ани. Примечательно, что в этом селении, как уже видели, имеется древний караван-сарай; видимо, он обслуживал караваны и путников, почему-либо задержавшихся на переправах.

Широко известен эксплуатируемый и в наши дни одноарочный Санаинский мост на реке Дебед, построенный царицей Ваненн в XIII веке (табл. 61)[133]. Он расположен на дороге, соединяющей левый берег реки у нынешней железнодорожной станции Алаверды с Санаином, Ахпатом и другими селениями. Правый берег здесь круто уходит из воды ввысь и потому дорога, огражденная ступенчатыми парапетами, на первой половине моста поднимается, а затем идет горизонтально; упершись за мостом в гору, она делает резкий поворот и ложится на косогор. В этом чрезвычайно легком сооружении строитель успешно преодолел трудности, сопряженные с переходом через реку в неудобных топографических условиях, которые, кстати, очень умело использованы для избежания каменных работ в студеной воде быстрой горной реки и уменьшения объема каменной кладки. Так правый устой заменяет вдающаяся в русло скала, на которую опирается превосходно прочерченная полуциркульная арка, украшенная простым, спокойным обрамлением.

В приведенных примерах древних мостовых сооружений мы встречались с циркульными арками; но строители вообще не избегали применения и стрельчатых, начавших входить в их творческий обиход в архитектуре на рубеже десятого и одиннадцатого веков. При этом выбор той или иной формы, по нашему мнению, обусловливался не только эстетическими или стилевыми соображениями, а и практической необходимостью. Так, например, при переходе через речки с крутыми высокими берегами целесообразнее было применить стрельчатую арку, которая, имея при том же пролете бо́льшую высоту, позволяла облегчить спуски к переправе. Таков один из двух мостов у Лорийской крепости. Его арка построена по принципу стрельчатой со смягчением перелома при вершине с помощью небольшой дуги, плавно соединяющей между собой обе основные кривые. Вид второго моста восстановить

к сожалению, нельзя, так как от него сохранились только остатки среднего устоя.

Вопрос о хорошей питьевой воде имел жизненно важное значение не только для больших городов, но и для рядовых селений и путей сообщения, по которым шли многочисленные караваны. С техникой использования даже удаленных родников мы ознакомились при описании Ани и Анберда. Не меньший интерес представляет устройство водоразборных точек, которые не только представляли каменную колоду с каменным же лотком, подводившим воду из родника, но, как показывают сохранившиеся памятники в Сананне и Ахпате, принимали иногда вид архитектурных сооружений.

Названные монастыри привлекали многочисленных паломников, которым нужно было дать возможность освежиться чистой родниковой водой и отдохнуть после долгого пути в летний зной. Задачу, конечно, можно было решить устройством фонтана под сенью тенистых деревьев, но зодчие предпочли ввести воду в крытые галереи, где путник мог напиться и посидеть на каменных скамьях. Санаинская постройка состоит из двух сводчатых нефов, открывающихся на фасадах большими проемами, перекрытыми арками, которые опираются на стены и приземистую колонну, стоящую между ними. От постамента за колонной к задней стене переброшена арка, несущая поперечную стену, на которой покоятся своды обоих нефов. В Ахпате прямоугольная галерея, ограниченная с трех сторон глухими стенами, открывается на фасаде тремя проемами, разделенными стройными колоннами, несущими арки, над которыми стена образует большой щипец (табл. 62). Точный дат обеих построек не имеется, но пропорции колонн и форма их капителей, состоящих из массивного вала и прямоугольной абаки с характерным трехчастным сталактитовым срезом углов позволяет безошибочно отнести их к XIII веку.

Сведения о сооружениях, которые можно встретить на дорогах древней Армении, нужно дополнить рассказом об единственном в своем роде памятнике, не имевшем, правда,

прямого отношения к обслуживанию караванов и отдельных путников. Речь идет о воротах, стоящих в районе монастыря Оромос (Хошаванк) на *незастроенном* плато, заканчивающемся у Ахуряна крутым обрывом (табл. 64). Они представляют совершенно самостоятельное сооружение, которое никогда не было связано с какими-либо стенами. Прямоугольный массив, окаймленный сверху карнизом, прорезан посредине широким проездом со сводчатым, ныне разрушенным верхом. Над карнизом по сторонам проезда высятся две прямоугольные часовенки, стены которых заканчиваются щипцами. Обе часовни были увенчаны куполами на круглых барабанах с коническими каменными кровлями, и в свое время производили впечатление своеобразных башен, из которых можно было попасть на площадку над проездом[184].

Назначение ворот не известно. На них нет надписи,—о них нет ничего и у историков, и потому приходится ограничиться предположением, что они построены в память какого-нибудь выдающегося события. В научной литературе их обычно называют «триумфальными». Против подобных предположений можно выдвинуть веский на первый взгляд довод—отсутствие соответствующей надписи. Но следует иметь в виду, что средняя часть памятника вместе с перекрывавшей проезд аркой разрушена. А здесь то и должна была находиться надпись. По своим формам ворота могут быть помещены в пределах X—XIII вв., но сравнение их с композиционно сходным, датированным надписью памятником в Дгире[185] позволяет отдать предпочтение XIII веку. Там западная часть притвора 1232 г. при церкви скомпанована так же, как и в наших воротах: две островерхие башнеобразные с круглыми барабанами часовни возвышаются над карнизами западных угловых частей притвора, фланкируя центральный щипец стены (табл. 63). Сравнение убеждает в совпадении композиционного замысла авторов обоих памятников, не имеющих других аналогий в армянском средневековом зодчестве.

к сожалению, нельзя, так как от него сохранились только остатки среднего устоя.

Вопрос о хорошей питьевой воде имел жизненно важное значение не только для больших городов, но и для рядовых селений и путей сообщения, по которым шли многочисленные караваны. С техникой использования даже удаленных родников мы ознакомились при описании Ани и Анберда. Неменьший интерес представляет устройство водоразборных точек, которые не только представляли каменную колоду с каменным же лотком, подводившим воду из родника, но, как показывают сохранившиеся памятники в Санаине и Ахпате, принимали иногда вид архитектурных сооружений.

Названные монастыри привлекали многочисленных паломников, которым нужно было дать возможность освежиться чистой родниковой водой и отдохнуть после долгого пути в летний зной. Задачу, конечно, можно было решить устройством фонтана под сенью тенистых деревьев, но зодчие предпочли ввести воду в крытые галереи, где путник мог напиться и посидеть на каменных скамьях. Санаинская постройка состоит из двух сводчатых нефов, открывающихся на фасадах большими проемами, перекрытыми арками, которые опираются на стены и приземистую колонну, стоящую между ними. От постамента за колонной к задней стене переброшена арка, несущая поперечную стену, на которой покоятся своды обоих нефов. В Ахпате прямоугольная галерея, ограниченная с трех сторон глухими стенами, открывается на фасаде тремя проемами, разделенными стройными колоннами, несущими арки, над которыми стена образует большой щипец (табл. 62). Точный дат обеих построек не имеется, но пропорции колонн и форма их капителей, состоящих из массивного вала и прямоугольной абаки с характерным трехчастным сталактитовым срезом углов позволяет безошибочно отнести их к XIII веку.

Сведения о сооружениях, которые можно встретить на дорогах древней Армении, нужно дополнить рассказом об единственном в своем роде памятнике, не имевшем, правда,

прямого отношения к обслуживанию караванов и отдельных путников. Речь идет о воротах, стоящих в районе монастыря Оромос (Хошаванк) на *незастроенном* плато, заканчивающемся у Ахуряна крутым обрывом (табл. 64). Они представляют совершенно самостоятельное сооружение, которое никогда не было связано с какими-либо стенами. Прямоугольный массив, окаймленный сверху карнизом, прорезан посредине широким проездом со сводчатым, ныне разрушенным верхом. Над карнизом по сторонам проезда высятся две прямоугольные часовенки, стены которых заканчиваются щипцами. Обе часовни были увенчаны куполами на круглых барабанах с коническими каменными кровлями, и в свое время производили впечатление своеобразных башен, из которых можно было попасть на площадку над проездом[134].

Назначение ворот не известно. На них нет надписи,—о них нет ничего и у историков, и потому приходится ограничиться предположением, что они построены в память какого-нибудь выдающегося события. В научной литературе их обычно называют «триумфальными». Против подобных предположений можно выдвинуть веский на первый взгляд довод—отсутствие соответствующей надписи. Но следует иметь в виду, что средняя часть памятника вместе с перекрывавшей проезд аркой разрушена. А здесь то и должна была находиться надпись. По своим формам ворота могут быть помещены в пределах X -XIII вв., но сравнение их с композиционно сходным, датированным надписью памятником в Дгире[135] позволяет отдать предпочтение XIII веку. Там западная часть притвора 1232 г. при церкви скомпанована так же, как и в наших воротах: две островерхие башнеобразные с круглыми барабанами часовни возвышаются над карнизами западных угловых частей притвора, фланкируя центральный щипец стены (табл. 63). Сравнение убеждает в совпадении композиционного замысла авторов обоих памятников, не имеющих других аналогий в армянском средневековом зодчестве.

Многочисленные монастыри, многие из которых были основаны еще в багратидское время, постепенно, пользуясь различными льготами, становятся хозяйственно мощными феодальными организациями. Обладая крупными средствами, они ведут большое строительство и к XIII веку вырастают в сложные архитектурные комплексы, в состав которых, кроме церквей, входят гражданские постройки различного назначения—трапезные, библиотеки и даже гостиницы. Появляются колокольни и особенно интересные по новизне архитектурного решения и конструкциям просторные притворы, как правило, пристраиваемые к церквам, с которыми следует ознакомиться подробнее. Но до этого необходимо дать самое краткое описание наиболее известных своей архитектурой монастырей, поскольку, говоря о новых видах сооружений, мы с ними будем постоянно встречаться*.

С а н а и н. Во второй половине X в. здесь одна за другой строятся рядом две церкви, соединенные позднее сводчатой галереей с рядами глубоких ниш у их продольных стен, в которых, по преданию, вели свои занятия совершенствовавшиеся в богословской премудрости питомцы академии Григория Магистра, образованнейшего деятеля XI в. Обе церкви относятся к типу с приделами во всех четырех углах (Анберд). В дальнейшем этот первичный ансамбль обрастает новыми сооружениями (рис. 84, табл. 65). Перед малой церковью в 1211 г. появляется открытый с фасада трехнефный нартекс с коренастыми столбами, соединенными продольными арками, несущими три продольных свода, скрытых снаружи под двускатными кровлями. С юга к нартексу вплотную примыкает притвор большой церкви—прямоугольное здание с четырьмя великолепно разработанными стройными колоннами—опорами сводчатого перекрытия с куполом в центре, вершина которого срезана и представляет окно, как в сельском до-

* Сведения о приведенных здесь монастырях можно найти в серии «Исторические памятники Армянской ССР», в «Материалах по археологии Кавказа» и в ряде изданий, поименованных в списке литературы

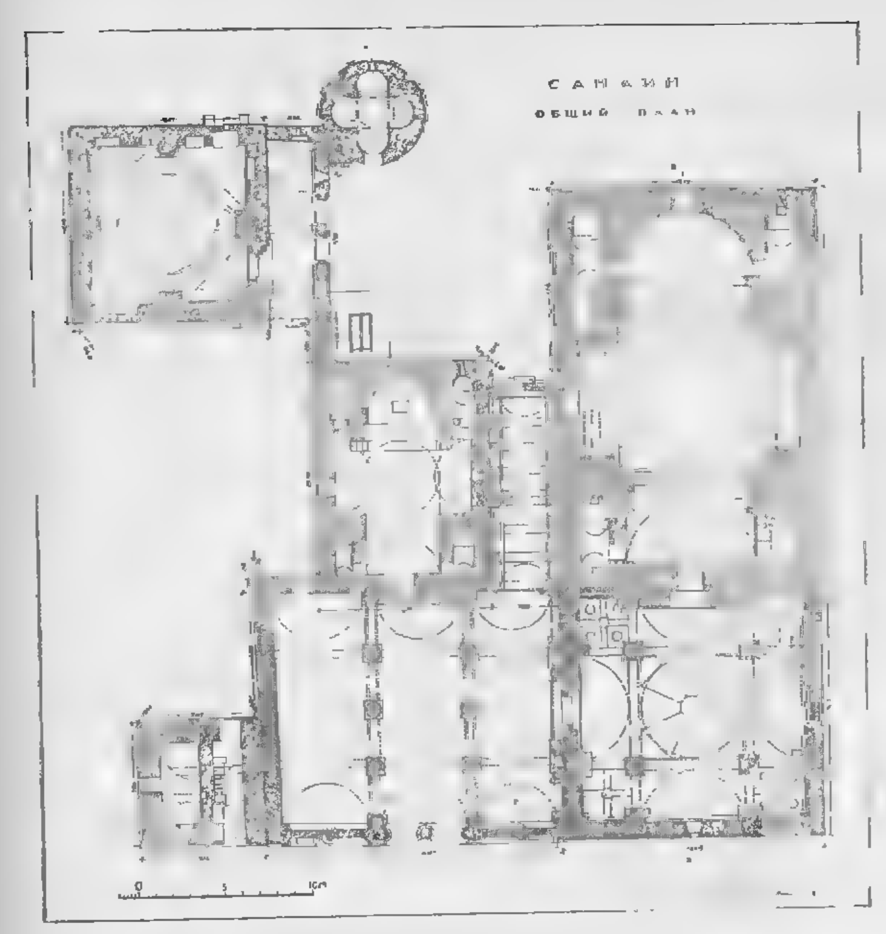


Рис. 84. Санаин. Генеральный план монастыря.

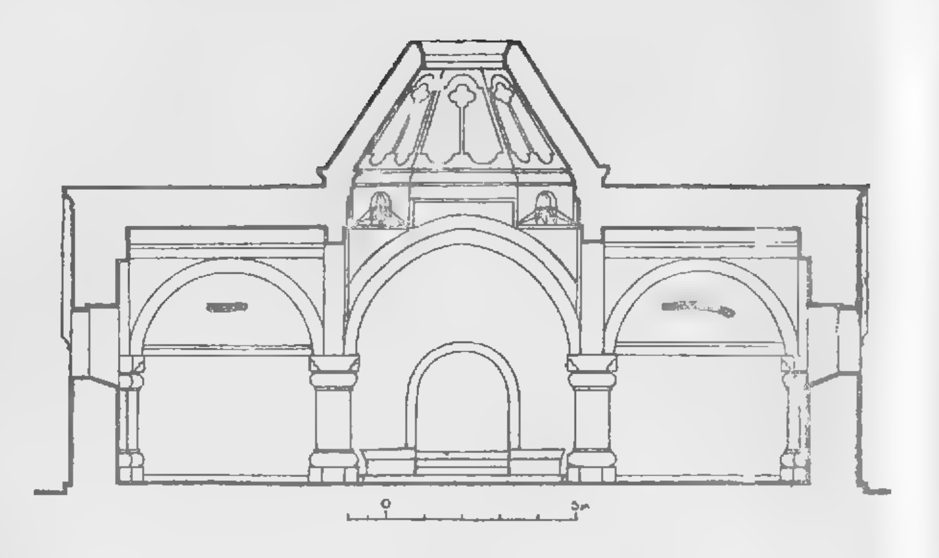
ме. Подобные постройки, среди которых санаинская, возведенная в 1181 г., является одной из ранних, получили повсеместное распространение в Армении в XIII в. Несколько поодаль стоит круглая церковь, имеющая внутри четырехабсидный крестообразный план, и библиотека. Церковь—тоже багратидского времени—перестроена, так как новым карнизом срезаны вершины арок между полуколонками, украшающими ее стену, как в Хцконке. Библиотека—квадратная в плане, небольшая зала со сводчатым перекрытием, основанным на четырех арках, переброшенных между выступающими из

середины стен сложными пилястрами, щедро изукрашенными прекрасной самой по себе резьбой, едва ли, однако, нашедшей здесь подобающее ей место. При монастыре была гостиница, о существовании которой узнаем из надписи на одном из крестных камней. Над главами монастырских построек и кущами тенистых деревьев господствует ротонда башнеобразной колокольни, пристроенной в XIII в. к северо-западному углу нартекса (табл. 65).

Ахпат. Ахпатский монастырь не так собран в единый архитектурный массив. Постройки, группирующиеся около главной церкви, не примыкают вплотную друг к другу, а соединены различными переходами и галереями; некоторые— церкви, колокольня, трапезная стоят совсем отдельно (рис. 85, табл. 66). Главная церковь, построенная в 967 г., представляет собой обычную «купольную залу» значительных размеров. Внутри ее кое-где сохранились остатки росписи на

Рис. 85. Ахпат. Генеральный план монастыря.

двух слоях штукатурки, покрывавшей чисто тесанную облицовку стен, что показывает, что монастырь довольно продолжительное время был в руках халкидонитов. На южной стене особый интерес представляет редчайший фресковый портрет в рост светского лица парона Хутулу-буги, отец которого амир-спасалар (генералиссимус) парон Садун сделал много для Ахпата, где ему еще при жизни в 1273 г. был поставлен великолепный крестный камень «в долгоденствие». Остальные наиболее крупные постройки Ахпата относятся уже к XII—XIII вв. С запада к церкви примыкает большой притвор, нарядные узорчатые своды и главка которого основаны на перекрещивающихся арках, опирающихся, кроме стен, на две превосходные колонны. Притвор был основан в 1185 г. и дважды расширялся—в 1189 и 1209 годах. С севера стоят небольшая церковь и здание Амазаспа (1257 г.), связанное с главной церковью крытым переходом, ведущим со двора в другие помещения. Назначение этого здания не совсем ясно. Его мастерски разработанный интерьер (рис. 86, табл. 67) ни по общему виду, ни по деталям не отличается от четырехколонных притворов XIII в., которые никогда не выполняли функций церквей и обычно не стояли отдельно, а пристраивались к ним; здесь же с востока в него открывается лишь небольшая часовня, производящая впечатление алтаря. Наиболее правдоподобным будет предположение, что эта пристройка предназначалась для молебствий, сопровождавших какие-то собрания, которые происходили в основном помещении. Через проход между зданием Амазаспа и церковью, скрывающей небольшую часовенку и скульптурно исполненный крестный камень с распятием, а также по галерее, идущей вдоль восточной стены церкви, можно попасть в сравнительно небольшое квадратное помещение со сводчатым перекрытием на перекрещивающихся арках, переброшенных между выступающими из стен пилястрами, освещаемое через отверстие в центральном шатре с гранями из целых плит. Сведений о его назначении не имеется, но, вероятно, что здесь, как и в Санаине, помещалось монастырское книгохранилище, построенное между 1258 и 1273 годами. К северу за зданием Амазаспа одиноко стоит



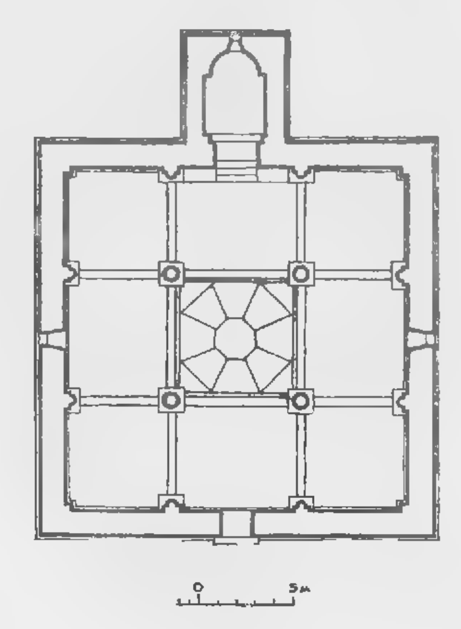


Рис. 86. Ахпат. Монастырь. План и разрез здания Амазаспа.

просторная трапезная XIII в. Она невзрачна снаружи,— кровля, лишенная каменного покрова, поросла бурьяном, и, только войдя вовнутрь, можно оценить ее архитектурные достоинства и большое мастерство строителя, обратившего все свое внимание в соответствии со вкусами времени на разработку интерьера. Она состоит из двух больших зал, соединенных проходами между колоннами, поддерживающими внутреннюю поперечную стену. Каждая из зал самостоятельно перекрыта сводами на двух парах перекрещивающихся арок, опертых на пилястры стен и колонны, и завершается в центре куполом со световым отверстием в вершине. Из остальных монастырских построек нужно отметить стройную колокольню (табл. 66), построенную в 1245 г., и портик с водоемом (табл. 62). Таким образом, в этих монастырях от X в. до нас дошли лишь церкви. Остальные монастырские постройки относятся к более позднему времени—XII и XIII вв.

Кечарук. В живописной лесистой долине справа от р. Раздан, между Ереваном и озером Севан расположено селение Цахкадзор (Дарачичаг)—излюбленное место отдыха и загородных прогулок ереванцев в летний зной. У его северо-западной окраины на небольшой террасе над ручьем стоят в ряд три церкви древнего монастыря Кечарук, а несколько поодаль от них—небольшая одинокая церковка Воскресения с открытым притвором. Первой была построена самая большая церковь Просветителя, крайняя от ручья. На тимпане южной двери вырезана хорошо сохранившаяся строительская надпись Григория Магистра с датой 1033 г. (ՆՁԲ=482 г. арм. эры), вызывающей сомнения в ее правильности. Дело в том, что в надписи сообщается, что церковь построена в царствование Гагика в патриаршество Саргиса, из которых первый умер в 1020 г., а второй -в 1019 г. Следовательно, для приведения в соответствие даты с временем, когда жили оба названные лица, приходится предположить, что в начертание второй буквы из трех, означающих цифры, вкралась ошибка, и сооружение церкви отнести к 1003 г. (ՆԾԲ=452 г. арм. эры)[176]. Церковь Просветителя представляет собой просторную сводчатую залу, увенчан-

ную куполом, с алтарной абсидой, по бокам которой помещены, как обычно, приделы в двух этажах. Объемистый барабан покоился на двух сильно выступающих из продольных стен пилонах и соответственно обработанных углах алтарной части. Соотношение пролета сводов и высоты сооружения придает в общем хорошо разработанному интерьеру недостаточно стройный вид, что особенно чувствуется из-за отсутствия в настоящее время главы, от которой сохранилась лишь незначительная часть круглого барабана. Наружное убранство весьма скромно. Порталы входов состоят из сильно выступающих пучков колонок, между которыми переброшены арки; капители украшены бляшками, как в анийском соборе и постройках Вахрама Пахлавуни. Резной орнамент имеется лишь на фризе, опоясывающем верх барабана, и архивольтах над глубокими нишами восточной стены, куда по древнему образцу открываются боковые алтарные окна.

С запада к церкви пристроен большой притвор, своды которого поддерживаются четырьмя колоннами, как в Санаине. Судя по тому, что центральная часть покрыта восьмигранным сомкнутым сводом с окном в вершине, а остальные своды имеют простую цилиндрическую форму, этот притвор, не имеющий документально установленной даты, нужно причислить к памятникам конца двенадцатого столетия, когда еще не получили широкого распространения сталактитовые своды. Такой датировке не противоречит строгая форма превосходно разработанного и выполненного портала единственной западной двери (рис. 87).

К югу от церкви Просветителя за несколькими крестными камнями, перед которыми видны остатки каких-то построек, стоит миниатюрная церковка Сурб Ншан, построенная также в первой половине XI в., что устанавливается по отделке западной двери, сходной с убранством двери церкви Григория Магистра. Она имеет один неф с двумя пилонами у стен и увенчана куполом на высоком круглом барабане с островерхой кровлей, своеобразно разбитым на шесть частей парными полуколонками.

От малой церкви узким проходом отделена церковь, на-

Рис. 87. Кечарук. Портал монастырского притвора (рисунок с натуры).

зываемая в надписи «соборной». У нее нет точной даты, но характер убранства стен, состоящего из декоративных ниш, арочек и подымающихся ступенями тяг, позволяет уже по внешнему виду считать ее постройкой XII—XIII в. По своему крестообразному плану с приделами во всех четырех углах церковь сходна с анбердской, только здесь в западные приделы второго этажа можно подняться по каменным консольным лестницам, чего нет в Анберде. Она весьма стройна, хорошо отделана и, даже лишенная ныне купола, приковывает к себе внимание многочисленных посетителей Цахкадзора.

Церковка Воскресения находится у опушки леса в стороне от основных монастырских построек. Из надписи видно, что она сооружена в 1220 году. Несколько позднее к церкви был пристроен небольшой притвор без купола. В нем нет наружной двери; вместо нее в западной стене устроены два прохода, разделенные колонной, поддерживающей арки, что придает фасаду весьма нарядный вид.

Агарцин. В горах, к северу от славящегося своим целебным климатом Дилижана, на изумрудной поляне, затерянной среди лесов, стоят монастырские здания Агарцина (рис. 88, табл. 68). Почти все они возведены в XII—XIII вв. Большая церковь Богородицы («купольная зала») согласно надписи над южной дверью сооружена в 1281, а не в 1071 г., как до сих пор ошибочно считали. В левом углу ее портала вырезано ԻՉԼ, в правом—ԹՎՃԻ. Последним двум буквам и придавалось цифровое значение—520 (арм. эры), хотя на самом деле ясно читается ի ՉԼ թվին շինեցաւ (в лето 730 построено). Такую дату подтверждает характер убранства: сталактитовые сводики наружных ниш, обрамление и арка прямоугольного портала, составленные из нависающих подобно сталактитам рядов трилистников, фигурные, крестообразного вида наличники окон.

В связи со сказанным вызывают недоумение соображения А. Л. Якобсона о времени сооружения главной церкви в Агарцине. В его статье в «Ежегоднике Института истории искусств»[137] читаем:

«Собор Богоматери—центральное здание монастыря—первоначально построен, как указывает дата на портале, в

Рис. 88. Агарцин. Генеральный план монастыря

1071 г. Портал обработан тремя рядами мелких сталактитов, что уже одно свидетельствует о принадлежности его, а вместе с тем, по крайней мере, и некоторых частей постройки, к более позднему времени. Это подтверждается другой датой, помещенной на том же портале, именно 1281 г.».

Вторую дату автор приводит с ссылкой на мою книгу, но без объяснения, почему общеизвестная армянская фраза оказывается истолкованной как две даты. Далее соответственно и самую постройку ему приходится расчленить на две части: нижнюю—XI в. и верхнюю -XIII в. Все это неверно по существу, да к тому же и не подкреплено никакими убедительными доводами.

Перед церковью видны остатки фундамента какой-то постройки, вероятно, притвора. К югу от главной церкви у обрыва стоят еще две купольные церкви и маленькая—базиличного типа. Формы западной из них (восьмигранный барабан и пр.) дают основание полагать, что этот уединенный монастырь, вначале скромный по своим размерам и характеру строений, был основан в X в. К церкви с запада пристроен четырехстолпный притвор (табл. 68). Дата его точно не известна, но по своим внутренним формам он очень близок к притвору Кечарука, почему и полагаем возможным отнести его к тому же времени, т. е. к XII в. В 1248 г. в монастыре была построена двухзальная просторная трапезная, скромная по внешнему виду, но привлекающая внимание своим превосходным интерьером с перекрытием на перекрещивающихся арках (рис. 89, 95).

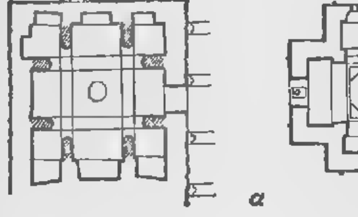
Нор-Гетик. В небольшом селении Гош, в горах, неподалеку от Дилижана, находится древний монастырь Нор-Гетик (рис. 90, табл. 69). Его основание связано с именем Мхитара Гоша (ум. в 1212 г.), составившего известный судебник и упоминавшийся уже сборник басен. Здесь в 1191—1196 гг. была построена большая церковь Аствацацин с четырехколонным притвором того же времени, о чем свидетельствует сходство его с санаинским памятником. К югу от большой церкви стоит церковь Григория, законченная при настоятеле Мартиросе в 1231 г. (обе церкви типа «купольной залы»). До нее было сооружено книгохранилище с «чи-

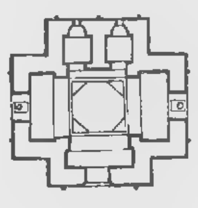
Рис. 89. Агарцин. Внутренний вид монастырской трапезной.

тальным залом», обращенное после надстройки в 1291 г. в колокольню (рис. 91, табл. 69). С южной стороны притвора бок-о-бок с ним в 1237 г. была выстроена вторая, бескупольная церковь Григория (Лусаворич). Внутренняя отделка ее явно не удалась мастеру: она вычурна и перегружена различными украшениями невысокого качества. Снаружи этих недостатков нет, может быть, потому, что мастер пошел по пути, намеченному анийской архитектурной школой начала

Рис. 90. Нор-Гетик. Генеральный план монастыря.

XIII в., украсив ее стены полуколонками, арочками и резьбой в антрвольтах. В разработке же богато убранного портала единственного входа, около которого слева красуется один из лучших крестных камней (хачкаров) Армении ра-





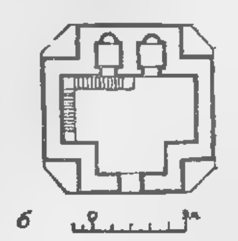


Рис. 91. Нор-Гетик Вид колокольни с юго-запада
(схематическая реконструкция)
а—Нор-Гетик, б—Ахпат. Планы колоколен.

боты мастера Погоса (табл. 70), резчик этого памятника показал несомненный талант и яркую индивидуальность (табл. 71). На нем мы еще остановимся при ознакомлении с приемами убранства в рассматриваемое время.

Татев. Большой архитектурный ансамбль Татевского монастыря, игравшего на протяжении веков значительную роль в политической и культурной жизни страны, расположен в суровых горах Зангезура. Он высится на утесах над глубоким ущельем речки Джахарвак и имеет вид неприступной средневековой крепости, огражденной стенами (табл. 73). В состав монастырского комплекса входят церковные, оборонительные, хозяйственные и жилые постройки, возведенные в IX—X, XII—XIII, XVII—XVIII веках.

В 895 г. (на месте старого) был заложен новый собор Петра и Павла, законченный в 906 г. Это огромное сооружение (26,80×16,65 м) представляет очень редкую по своему решению крестовокупольную композицию, барабан и купол которой покоятся на двух отдельно стоящих перед алтарем пилонах и стенах двух приделов в западных углах прямоугольного здания, что отличает его от древних купольных базилик и таких четырехстолпных храмов багратидского времени, как анийский собор. Разрушенный землетрясением 1931 г. купол с зонтичной кровлей был сооружен при восстановительных работах в XII—XIII вв. Татевский собор, однако, больше чем другие церкви своего времени близок к архитектуре предшествующих веков (до арабского нашествия). Эта близость усматривается как в характере отделки, так и в существовании открытой галереи с южной стороны. В XVII в. к собору была пристроена трехъярусная колокольня, ныне разрушенная.

К южной стене вплотную примыкает церковь Григория, построенная в 1295 г. Это простая примоугольная зала с абсидой, покрытая цилиндрическим сводом с одной подпружной аркой посредине. Обращает на себя внимание богатая орнаментация портала западного входа. Здесь все пространство между стрельчатой аркой над тимпаном и прямоугольным обрамлением заполнено ажурным узором из

переплетающихся спиралевидных побегов, заканчивающихся листочками.

Третья церковь—Аствацацин (XIII в.) высится над сводом главных ворот монастыря. Она невелика по размерам (снаружи 7,41×5,25 м) и представляет обычную крестовокупольную постройку, в которой барабан с зонтичной кровлей покоится на углах абсиды и выступах стен в западных углах.

Хозяйственные и производственные постройки относятся к последнему периоду строительства в XVII—XVIII вв.

Можно было бы назвать еще ряд монастырей, постройки которых были возведены талантливыми зодчими, сделавшими весьма ценный вклад в архитектуру древней Армении, но мы завершим наш обзор виднейших монастырей страны описанием уникального монастырского ансамбля, известного под древним именем Гегард. Этот памятник настолько необычен, что мы считаем необходимым дать его описание с большими подробностями.

Гегард. Над созданием многочисленных архитектурных сооружений Армении потрудились на протяжении веков многие поколения талантливых зодчих. Но их творческие замыслы не вышли бы за пределы отвлеченных исканий, если бы рука-об-руку не работали многочисленные искусные мастера и рабочие-каменщики, и наделенные завидным дарованием ваятели, не отстававшие от архитекторов в совершенствовании своей благородной профессии. Изучение древних памятников показывает, что техника в каменном зодчестве была доведена до совершенства; дальше, кажется, уже некуда было идти. Однако творческая фантазия зодчих и великолепная выучка исполнителей и тут нашли виртуозный выход за пределы обычных строительных норм, в область—если можно так назвать—изваянной архитектуры. В странах Передней Азии с давних пор была известна техника вырубания в скалах различных сооружений. Известны урартские подземные покои с имитацией деревянных потолков и архитектурно обработанные гробницы Ахеменидов. Персидские цари из сасанидской династии в местах охоты устраивали себе в скалах охотничьи гроты, на стенах которых были изваяны

Рис. 92. Гегард. Генеральный план монастыря.

величественные барельефы самих властителей и живописные охотничьи сцены (Так-и-Бостан).

В Армении большие подземные строительные работы были произведены в багратидской столице. Но здесь мало заботились об архитектурной обработке помещений, служивших по преимуществу жильем городской бедноте. Лишь в немногих подземных церквушках, обслуживавших анийские «пещерные» кварталы, можно встретить скромные украшения, примитивно повторяющие виденное там наверху, в богатых постройках наземного города. Не то находим в знаменитом Гегарде или Айриванке, славящемся своей скальной архитектурой, успешно соперничающей с наземными постройками. Монастырь расположен в 7 км от Гарни у истоков шумно играющей среди громадных камней речки на склоне почти замкнутого амфитеатра отвесных скал, врезающихся в синеву неба (рис. 92). Пейзаж оживляют красочные пятна сочной зелени и молочно-белые каскады, падающие с кручи боковых ложбин. На узкой площадке, огражденной стенами, у подножья утеса, выступающего из горного массива правого берега, высится стройная островерхая церковь 1215 г. анбердского типа с приделами в четырех ее углах. С превосходным порталом ее южной двери мы познакомимся в дальнейшем особо. С запада к церкви до 1225 года, как полагает С. Х. Мнацаканян[138], был пристроен четырехколонный притвор, вплотную примыкающий к утесу, который заменяет ему северную стену (табл. 74). Снаружи его единственным украшением является покрытый тонкой резьбой портал входа. Внутри обращают на себя внимание прекрасные пропорции сооружения (табл. 76). Стройные колонны несут хорошо прорисованные, надломленные в вершине арки, поддерживающие перекрытия девяти секций, среди которых особо выделяются центральный сталактитовый свод (табл. 77) и плоский орнаментированный потолок средней южной секции.

Почти одновременно с сооружением притвора строители углубились в толщу туфобрекчии*, изваяв в ней в два яруса

---

*Туфобрекчия—мелкозернистая горная порода, легко поддающаяся обработке

несколько помещений, которые и по сей день вызывают не поддельное изумление у многочисленных посетителей своими архитектурными формами и богатой скульптурной отделкой, характерными для армянского искусства XIII в.

Две северные двери по сторонам ниши ведут из притвора в иссеченные в скале помещения первого яруса. Через левую посетитель проходит в небольшую церковку, высеченную в скале в правление Авага, умершего в 1250 г., с планом в виде неполного креста без южного крыла, которое нельзя было поместить из-за недостаточной толщины оставшейся скалы, выходящей в притвор. Над головой -сталактитовый свод с окном в вершине, одинаковый по рисунку со сводом притвора и не уступающий ему по изумительной тонкости резьбы. Его несут две пары перекрещивающихся арок, которые опираются на полуколонны, выступающие из стен центральной части церкви. Три крыла, открывающиеся в центральную часть между колоннами, имеют вид глубоких сводчатых ниш окаймленных наверху арками несколько вычурной формы, исполнимой лишь в монолите скалы. Восточное крыло занято алтарной абсидой, убранной полуколонками и арочками, с орнаментированной наподобие сталактитов конхой; в северном устроены два бассейна для воды, которая струится из подземного родничка, пользующегося суеверным уважением у женщин, лишенных радостей материнства; на месте южного крыла в стене высечены три небольшие ниши; они разделены полуколонками и охвачены общим обрамлением, украшенным тонкой резьбой.

Скала внизу имеет светло-серый оттенок, переходящий к своду в теплые тона, что в сочетании с более ярким освещением наверху особо рельефно выделяет дуги арок и веера сталактитов.

Через правую дверь входим в сумрачный притвор—усыпальницу, слабо освещенный через отверстие в вершине усеченного восьмигранного шатра, венчающего своды помещения. Прямо перед входом —лоджия с массивным столбом, от которого перекинуты арки к стенам (табл. 78). Здесь, вероятно, были похоронены строитель князь Прош и члены его семьи, так как из надписи в алтаре главной церкви видно, что

он соорудил в Гегарде фамильную усыпальницу. Над арками всю стену занимает барельеф, изваянный очень строго, без излишних подробностей. В тени под сводом — рогатая голова животного, которая держит веревки, охватывающие шеи двух львов с повернутыми к входящему головами; между ними в антрвольте вырезан высоким рельефом орел с полураскрытыми крыльями, держащий в лапах ягненка. Полагают, что вся эта скульптурная группа представляет герб княжеского рода Прошьянов, владевшего Гегардом с конца первой половины XIII в. Западная стена украшена полуколонками с арочками, восточная большим орнаментированным крестом между дверью и небольшой часовенкой; на сильно выветрившихся гранях шатра также различаются силуэты когда-то нарядного узора. Светлое пятно двери прорезает синеватый сумрак усыпальницы. Можно подумать, что за ней зажжена большая люстра, освещающая небольшую, богато убранную резьбой церковь. На самом деле, свет спокойно льется из окна в вершине купола, озаряя своеобразным сиянием свод и стройный барабан. Барабан разбит полуколонками с арочками на двенадцать частей, которым в своде отвечают сферические «трапеции», заполненные резным орнаментом. Он основан на четырех арках и парусах, покрытых рядами резных трилистников обычного для армянского сталактитов вида, идущих в шахматном порядке точно пчелиные соты. Арки опираются на стройные полуколонны, которыми отделаны внутренние углы стен церкви, образующих в плане крест. Алтарная абсида основана на возвышении с украшенной орнаментом из ромбов передней стенкой. На полукружии абсиды высечены полуколонки с арочками и превосходный карниз, а по сторонам на стенах две панели, имитирующие большие крестные камни. Церковь имеет три придела,— два, как обычно, около алтаря и третий--рядом с северным крылом. Южное крыло помещено настолько близко к наружной поверхности утеса, что строитель смог сделать в нем окно, через которое видна северная стена стоящей рядом главной церкви.

Поднявшись по наружной лестнице к западу от притвора и пройдя через искусственный коридор в скале, на стенах ко-

торого вырезаны ряды крестных камней, попадаем в просторное подземное помещение с четырьмя колоннами посредине, соединенными арками между собой и со стенами (табл. 79). Центральные арки, охваченные трапециеобразными обрамлениями, образуют квадрат, над которым высится сферический купол со световым отверстием, посылающим достаточное количество света лишь в летние дни, когда солнце стоит высоко над головой. Это подземное сооружение, строителями которого являются, согласно надписи на одной из колонн, сын Проша князь Папак и его супруга Рузукан (1288 г.), имеет вид обычного притвора, как и называется в надписи. В нем особенно примечательно то, что колонны, поддерживающие центральную часть, также высечены в монолите утеса.

В скалах, окружающих монастырь, рассеяны многочисленные пещеры-кельи, где пребывали в уединении члены монастырской братии; в одной из них обитал известный армянский историк XIII в. Мхитар Айриванкский

Надпись на колонне притвора второго яруса позволяет составить представление о том, сколько времени требовалось на выполнение подобных весьма нелегких и кропотливых работ. Притвор был закончен в 1288 г. князем Папаком, сыном Проша, который жил еще в 1286 г. Значит, здесь продолжительность работ не могла быть более двух лет, так как в противном случае в надписи, наверное, был бы упомянут и Прош.

В XII—XIII вв. получает распространение сооружение просторных зал—притворов, пристраиваемых обычно с запада к церквам в монастырях, городах и селениях. В армянском языке для них имеются два термина—«жаматун» (буквально -дом церкви) и «гавит», что означает открытый двор двор церкви и т. п. Вопрос о значении этих терминов подробно разобран в работах Р. М. Джанполадян и С. Х. Мнацаканяна[139]. Автор второй работы отмечает определение историка XIII в. Киракоса Гандзакского, называющего гавитами только здания, пристроенные вплотную к церкви в отличие

от жаматунов, которые, как известное уже нам здание Амазаспа в Ахпате, могут стоять и отдельно.

По своему назначению притворы представляли, вероятно, полусветские, полуцерковные здания. Н. Я. Марр говорит о них следующее:

«Притворы у армян часто пристраивались к церквам впоследствии, именно тогда, когда церкви начинало не хватать на умножавшийся приход: молящиеся, не находившие места в самом храме, во время службы церковной, становились в притворе. В притворах предавались погребению выдающиеся прихожане или вообще горожане, и они представляли своего рода пантеон. Кроме того, в притворах собирались для обсуждения вопросов не только церковных, но и общественных, и политических. В частности, в притворах анийских церквей выяснялись отношения анийцев к тем или иным мероприятиям правительства, равно как оглашались новые законы или распоряжения правителей и начальствующих лиц. Вот почему все свободные от орнаментов места в притворе церкви Апостолов покрыты армянскими надписями, которые рядом с сообщением о вкладах в названную церковь трактуют о фактах, имеющих общеанийское значение; так, например, одна надпись (1263 г.) говорит о воспрещении торговли на улицах по воскресным дням, другая (1320 г.)—о сложении с анийцев известных поборов с ввозимых в Ани коров и ослов, с угрозой проклятия за нарушение этого решения, будет ли нарушитель армянин, или грузин, или мусульманин. Особенно много надписей касательно льгот, предоставлявшихся анийцам в несении повинностей»[140].

Одной из причин, вызвавших появление притворов, безусловно, мог быть недостаток места в церквах, размеры которых в XII -XIII вв. в большинстве случаев были сравнительно невелики. Известны, кроме того, случаи, когда подобные сооружения возводились при зданиях, не имевших прямого отношения к церковной службе. Так, по свидетельству Киракоса Гандзакского, в монастыре Нор-Гетик (село Гош), основанном в конце XII в., было построено обширное помещение при книгохранилище, называемое историком тоже притвором. Ясно, что оно предназначалось не для молящихся;

здесь, наверное, вели свои занятия над рукописями члены братии и ученые посетители со стороны; здесь же, возможно, работали и переписчики книг.

Притвор представляет собой большое, почти квадратное помещение, сводчатое перекрытие которого обычно поддерживается четырьмя столбами, расположенными посредине, и реже перекрещивающимися арками, опирающимися на пилястры стен. В обоих случаях арки образовывают в центре притвора квадрат, на котором основывается своеобразный, характерный именно для этих построек каменный свод или шатер со световым отверстием наверху.

Столбы в притворах—обычно круглые или многогранные, иногда в виде пучка колонок (Ахпат, Агарцин); такую же форму имеют и расположенные напротив них пилястры. Есть постройки, в которых рядом стоят столбы и пилястры разного сечения. Массивные базы и капители по своим основным элементам сходны между собой; чаще всего базы состоят из высокого квадратного или многоугольного плинта и вала, капители—из вала и абаки, нижние углы которой часто имеют срез в форме грилистника или сталактита (табл. 67). Между столбами и от столбов к пилястрам стен переброшены арки с легким изломом у замкового камня, на которых возведены стенки, поддерживающие своды или плоские потолки; арки идут также по стенам между пилястрами. Покрытие центральной части бывает самой разнообразной формы; оно всегда выше боковых и имеет наверху световое отверстие, над которым иногда возводится небольшая ротонда с арками между колоннами и островерхой кровлей. В поздних церквах (XVII - XVIII вв.) эта ротонда перерождается в тощую колоколенку на тонких колонках, неуклюже поставленную на конек двускатной крыши. Известен пример, показывающий, что при разработке центральной части притворов зодчие, несомненно, отталкивались от форм крестьянского дома. В старых жилых постройках Армении, как уже было показано, устраивались деревянные кровли, состоящие из нескольких рядов брусьев, уложенных многоугольниками так, что углы каждого из них приходятся над серединами сторон нижележащего. В притворе монастыря Апостолов (Аракелоц) близ

селения Геташен (Кунен) зодчий явно повторяет деревянную форму, укладывая подобным же образом каменные плиты над квадратом перекрещивающихся арок (табл. 72)[141]. В колокольне, надстроенной в 1291 г. над книгохранилищем монастыря Нор-Гетик, конструкция куненского памятника приобретает изысканный архитектурный наряд и только отдаленно напоминает свой прототип. Здесь выше арок центральной части крестообразного помещения выведен невысокий восьмигранный пояс, поддерживаемый в углах цилиндрическими парусами--треугольными отрезками цилиндрического свода (табл. 72). Над ним идут шестнадцатигранники из крупных блоков, расположенных подобно брусьям дервянной кровли. Свешивающиеся части блоков облегчены превосходными четырехлопастными тромпами, вершины которых уходят в углы нижележащего пояса. Так, уменьшаясь с каждым рядом в поперечнике, вся система подходит к завершающему ее отверстию, над которым высилась ротонда.

В наиболее ранних притворах, построенных в XII в., покрытие центральной части имеет форму многогранного сомкнутого свода со световым отверстием в вершине (Санаин 1181 г., Нор-Гетик 1197 г., Агарцин, Кечарук). В этих постройках получило также распространение покрытие в виде каменного шатра. В простейшем виде шатер представляет восьмигранную усеченную пирамиду с отверстием наверху, грани которой либо оставляются без убранства, либо украшаются резным орнаментом, гуртами и геометрическими фигурами из поясков и валиков (табл. 82), двухцветной (красной и черной) шахматной выкладкой, как это сделано, например, в Тегеняц-ванке и Айриванке на берегу озера Севан (рис. 93)[142]. Иногда шатру придают форму многогранного свода с небольшой кривизной у основания и срезом при вершине (здание Амазаспа в Ахпате). В углах квадрата, образованного арками, опирающимися на колонны, зодчие помещают сводики различной формы, создающие переход к низкому восьмиграннику, который служит основанием шатру или своду, отделенному иногда карнизом (рис. 86). В некоторых памятниках, наоборот, карниз пробегает между арками и угловыми сводиками, которые зодчие особенно охотно строят

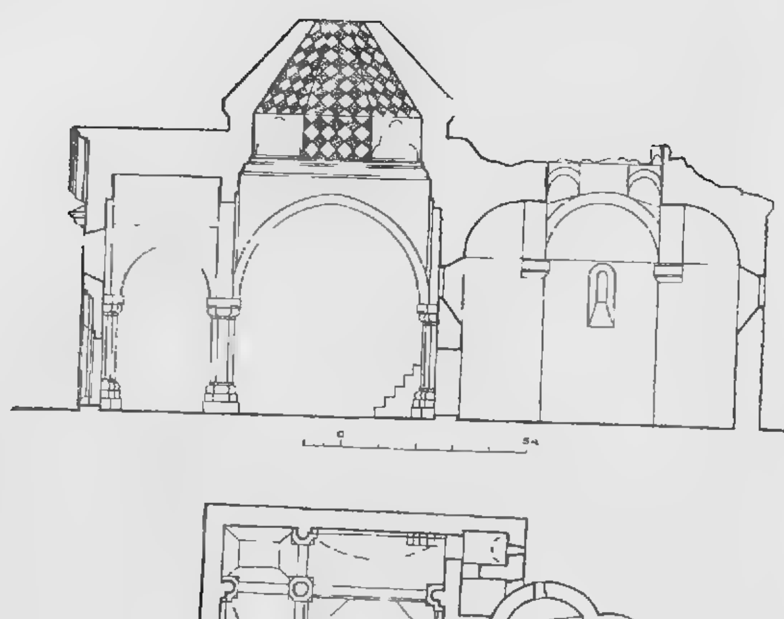
здесь, наверное, вели свои занятия над рукописями члены братии и ученые посетители со стороны; здесь же, возможно, работали и переписчики книг.

Притвор представляет собой большое, почти квадратное помещение, сводчатое перекрытие которого обычно поддерживается четырьмя столбами, расположенными посредине, и реже—перекрещивающимися арками, опирающимися на пилястры стен. В обоих случаях арки образовывают в центре притвора квадрат, на котором основывается своеобразный, характерный именно для этих построек каменный свод или шатер со световым отверстием наверху.

Столбы в притворах—обычно круглые или многогранные, иногда –в виде пучка колонок (Ахпат, Агарцин); такую же форму имеют и расположенные напротив них пилястры. Есть постройки, в которых рядом стоят столбы и пилястры разного сечения. Массивные базы и капители по своим основным элементам сходны между собой; чаще всего базы состоят из высокого квадратного или многоугольного плинта и вала, капители из вала и абаки, нижние углы которой часто имеют срез в форме трилистника или сталактита (табл. 67). Между столбами и от столбов к пилястрам стен переброшены арки с легким изломом у замкового камня, на которых возведены стенки, поддерживающие своды или плоские потолки; арки идут также по стенам между пилястрами. Покрытие центральной части бывает самой разнообразной формы; оно всегда выше боковых и имеет наверху световое отверстие, над которым иногда возводится небольшая ротонда с арками между колоннами и островерхой кровлей. В поздних церквах (XVII– XVIII вв.) эта ротонда перерождается в тощую колоколенку на тонких колонках, неуклюже поставленную на конек двускатной крыши. Известен пример, показывающий, что при разработке центральной части притворов зодчие, несомненно, отталкивались от форм крестьянского дома. В старых жилых постройках Армении, как уже было показано, устраивались деревянные кровли, состоящие из нескольких рядов брусьев, уложенных многоугольниками так, что углы каждого из них приходятся над серединами сторон нижележащего. В притворе монастыря Апостолов (Аракелоц) близ

селения Геташен (Кунен) зодчий явно повторяет деревянную форму, укладывая подобным же образом каменные плиты над квадратом перекрещивающихся арок (табл. 72)[141]. В колокольне, надстроенной в 1291 г. над книгохранилищем монастыря Нор-Гетик, конструкция кунекского памятника приобретает изысканный архитектурный наряд и только отдаленно напоминает свой прототип. Здесь выше арок центральной части крестообразного помещения выведен невысокий восьмигранный пояс, поддерживаемый в углах цилиндрическими парусами--треугольными отрезками цилиндрического свода (табл. 72). Над ним идут шестнадцатигранники из крупных блоков, расположенных подобно брусьям деревянной кровли. Свешивающиеся части блоков облегчены превосходными четырехлопастными тромпами, вершины которых уходят в углы нижележащего пояса. Так, уменьшаясь с каждым рядом в поперечнике, вся система подходит к завершающему ее отверстию, над которым высилась ротонда.

В наиболее ранних притворах, построенных в XII в., покрытие центральной части имеет форму многогранного сомкнутого свода со световым отверстием в вершине (Санаин 1181 г., Нор-Гетик 1197 г., Агарцин, Кечарук). В этих постройках получило также распространение покрытие в виде каменного шатра. В простейшем виде шатер представляет восьмигранную усеченную пирамиду с отверстием наверху, грани которой либо оставляются без убранства, либо украшаются резным орнаментом, гуртами и геометрическими фигурами из поясков и валиков (табл. 82), двухцветной (красной и черной) шахматной выкладкой, как это сделано, например, в Тегеняц-ванке и Айриванке на берегу озера Севан (рис. 93)[142]. Иногда шатру придают форму многогранного свода с небольшой кривизной у основания и срезом при вершине (здание Амазаспа в Ахпате). В углах квадрата, образованного арками, опирающимися на колонны, зодчие помещают сводики различной формы, создающие переход к низкому восьмиграннику, который служит основанием шатру или своду, отделенному иногда карнизом (рис. 86). В некоторых памятниках, наоборот, карниз пробегает между арками и угловыми сводиками, которые зодчие особенно охотно строят



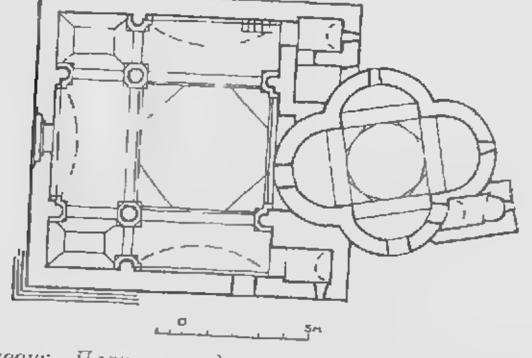


Рис. 93. Айриванк. План и продольный разрез церкви и притвора.

по оригинально разработанной ими сталактитовой системе. Из ранних примеров притворов, где применены сталактитовые угловые сводики, следует назвать малоизвестный памятник в монастыре Тегеняц и уже отмеченный притвор в Айриванке. Некоторые строители, переходя от квадрата к многогранной пирамиде, обходятся без угловых сводов. Так, в Сагмосаванке двенадцатигранный шатер, сложенный из каменных трапеций с резными гуртами и розетками, поддерживается в каждом углу двумя треугольными каменными плитами (табл. 82). Через отверстие в вершине шатра видны колонки небольшой ротонды.

В находящемся по соседству с Сагмосаванком монастыре Оваинаванке видно явное стремление архитектора увенчать притвор куполом (табл. 83). Но поставить простой глухой барабан с узкими окнами он не мог, так как это нарушило бы основы архитектурной композиции притвора, от которых или нельзя, или не принято было отступать. Способный, изобретательный мастер нашел интересный выход из затруднительного положения: с помощью сталактитов он переходит от квадрата к двенадцатиугольнику и в вершинах его ставит поочередно колонны и граненые столбы, образующие стройную ротонду, в просветах которой сверкает небесный свод (табл. 84). Колонны соединены арками, окаймленными снаружи архивольтами и фестончатой линией расположенных над ними декоративных фронтонов; пирамидальная кровля завершает ротонду.

Среди весьма разнообразных решений покрытия центральной части притвора особо выделяются сплошные каменные сталактитовые своды, окончательно сформировавшиеся, как показывают даты памятников, в начале XIII в., прекрасные образцы которых можно видеть, например, в Аставацинкале и знаменитом Гегардском монастыре. В большом притворе и подземной церкви с источником (табл. 77) сталактиты уже не являются только нарядным переходом к шатру, а из них ряд за рядом от квадратного основания, покоящегося на арках, до многоугольного светового отверстия наверху составляется целиком весь свод. В работах, посвященных армянским притворам и сталактитам, С. Х. Мнацаканян рассматривает конструктивные решения перекрытий, и, в частности, развитие сталактитовой конструкции[142]. Кое-где армянские мастера декоративно повторяют в камне формы, ведущие свое происхождение от выработанной в Иране кирпичной конструкции угловых сводов (например, входная ниша в притворе, как полагают, конца XII в., анийской церкви Апостолов, табл. 46). Сталактиты, которыми украшены своды Гегарда и ряда других построек древней Армении, разработаны по-другому, как оригинальный каменный вариант этого строительного приема, получившего в архитектуре Передней Азии столь широкое распространение. В основу ста-

лактитовой конструкции, зародившейся в кирпиче и в конце концов чисто декоративно перенесенной в самые разнообразные материалы, был положен сомкнутый стрельчатый свод, через который аналогично тромпу совершался переход к куполу (например, соборная мечеть и мечеть Хейдарие в Казвине XII в.). В обоих купольных помещениях соборной мечети в Исфагане, в Ардистанской мечети XIIв. строители дробят угловую конструкцию, составляя ее из трех основных частей так, что центральный сводик, как консолями, поддерживается расположенными по бокам половинками такого же свода. Постепенно число составных частей растет, размеры их уменьшаются, и вся система принимает вид сложной комбинации из остроконечных отогнутых наверху «листьев» (например, угловой свод в мечети в Гульпагане, нач. XII в. и свод в айване Вераминской соборной мечети). Но сколько бы ни усложняли персидские зодчие эту систему, увеличивая число элементов, как бы их ни комбинировали—структура кирпичного сталактитового свода существенно не меняется, так как ее диктует сама природа материала. Подобный свод от начала до конца конструктивен, и в этом заключается его красота, не без расчета подчеркнутая безукоризненным рисунком превосходной кладки; скульптурная декоративность свода могла быть достигнута лишь с помощью фигурных изразцов или гипсовой лепки, что и применяли зодчие несколько позднее на обширном пространстве от Средней Азии до Пиринейского полуострова.

В иных условиях находился армянский мастер; сталактиты его свода высекались из камня, следовательно, он мог придать им пластичную, скульптурную форму. Это было прекрасно учтено, и армянская архитектура получила свой каменный сталактитовый свод, в котором простая и ясная конструкция была обогащена полным жизни скульптурным нарядом. Структура подобных сводов в большинстве построек одинакова. Они выложены горизонтальными рядами из консольно укрепленных камней прямоугольной формы с внешними торцами, обработанными в виде остроконечных кронштейнов, трилистников и пр. (рис. 94). Каждый последующий ряд нависает над нижележащим и, таким образом, вся

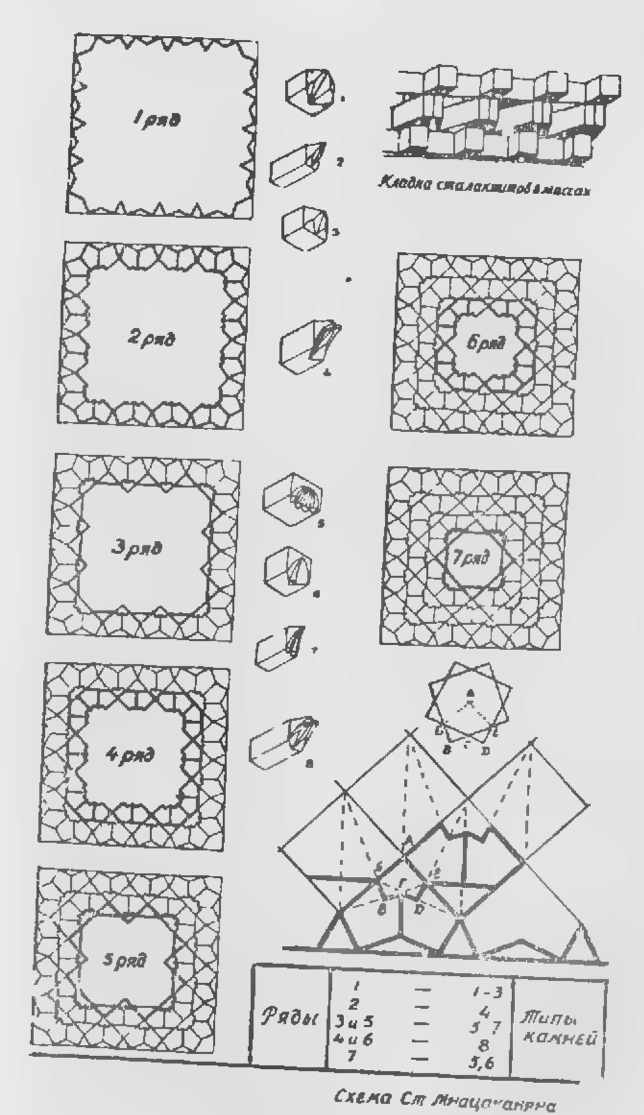


Рис. 94. Схема кладки сталактитовых сводов.

система производит впечатление свода с окном в вершине. Свод этот—*ложный*. Разложив его на составные части, С. Х. Мнацаканян установил, что число повторяющихся в нем элементов равно восьми (рис. 94). Для ознакомления с армян-

ской сталактитовой системой можно обратиться к любому из образцов, хотя одним из лучших, пожалуй, нужно признать свод в притворе Гегарда (табл. 77). Здесь сразу же над квадратом карниза идет ряд кронштейнов в виде острых трилистников, на которые опираются выступающие вершинами вперед сомкнутые сводики, украшенные направленными друг другу навстречу трилистниками; в первом ряду между кронштейнами обычно тоже помещаются широкие трилистники. Следующие ряды состоят из чередующихся ребристых кронштейнов, опирающихся на вершины нижележащих сводиков и тромпов со своеобразной нервюрой в середине, несущих сомкнутые сводики такого же вида, как и в нижнем ряду. В углах помещается элемент, сходный по своему виду с отмеченными ребристыми кронштейнами; переход к окну, венчающему свод, совершается плавно без нарочитого подчеркивания.

Прекрасные сталактитовые своды в притворе церкви Апостолов в Ани, в трапезной Агарцинского монастыря (рис. 89) и других памятниках по своей структуре сходны со сводами Гегарда и только в разработке отдельных деталей показывают индивидуальные особенности творчества создавших их мастеров.

Следует особо отметить исключительно смелое сталактитовое перекрытие зала в монастыре Оромос (табл. 87). Здесь по всему периметру стен идут нижние ряды сталактитов разрушенного ныне сомкнутого свода, который либо мог быть глухим, либо иметь в верхней части комплювий, как это делалось в дождеотводящем перекрытии атрия.

Восемь секций, охватывающих центральную часть притвора, перекрывались сводами различной формы: крестовыми, сталактитовыми, сомкнутыми, зеркальными. Но какую бы форму свода ни брал зодчий, он не ограничивался простым воспроизведением образца; он обогащал ее своей выдумкой, создавая самые затейливые комбинации из известных ему систем. В зеркальных сводах в Ариче и Сагмосаванке зодчие, например, с большой охотой применяют в центральной плоской части выкладки составляющие рельефные геометрические узоры и резной орнамент в виде сложного

плетения. В некоторых зданиях перекрытие в отдельных квадратах делалось плоским и очень часто представляло собой мозаичный набор из камня красного и черного цвета.

В колонном здании у анийских Ашотовых стен была произведена капитальная перестройка в связи с обращением его в мечеть. Над новыми капителями с характерными срезами абак возведены арки и стены, на которых покоятся плоские мозаичные потолки, поддерживаемые сталактитами (табл. 86). Для придания им большей красочности, кроме набора разнообразного рисунка из черного и красного камней, пущена в ход еще и синяя краска. Так же, не исключая и применения краски, исполнены плоские части перекрытия в притворе церкви Апостолов.

Это стремление избежать повторений в перекрытии отдельных квадратов, заключенных между колоннами, показывает, что армянские зодчие шли в ногу со своим временем и развивали в камне те же приемы, которые применялись их собратьями в соседних странах. Вспомним хотя бы Исфаханскую соборную мечеть, где в галереях даже самые простые конструктивно одинаковые своды кажутся разными, так как каждый имеет свой собственный узор кладки.

Наряду с четырехколонной схемой в монастырских постройках—в притворах, трапезных, библиотеках зодчие оформляют пространство без дробления на части промежуточными опорами, перекрывая его остроумной эффектной системой на перекрещивающихся арках. У каждой стены помещается по две различно обработанные пилястры; между пилястрами противолежащих стен перебрасываются арки, которые, пересекаясь в центральной части помещения, образуют квадрат, несущий шатер или свод (нередко сталактитовый) с обязательным световым отверстием в вершине. К этому типу следует отнести притвор XII в. в монастыре Апостолов (Геташен), притворы XIII в. в Дехцнуте[143], Хоракерте[144] и некоторых других монастырях. Так же выглядят перекрытия притворов в Ахпате (1221 г.), Мшкаванкс (XIII в.) и Гандзасаре[145], только здесь западными опорами арок являются не пристенные пилястры, а две колонны, что дало возможность увеличить площадь здания, отодвинув западную сте

ну. Очень хорошо разработан интерьер с «перекрытием» на перекрещивающихся арках в церковке Гегардского монастыря, высеченный в скале.

Перекрещивающиеся арки образуют каркас, несущий перекрытие, разделенное ими на девять сводчатых секций. Четыре секции между параллельными арками от стен до центрального квадрата заполняются либо наклонными бочарными сводами, либо отрезками цилиндрического свода, причем в этом случае под их пятами обычно идут карнизы. Угловые части помещения покрываются сомкнутыми сводами, поддерживаемыми иногда арочками, переброшенными по стенам от пилястр к углам, как, например, в ахпатском книгохранилище. Насколько устойчивым и надежным был каркас из перекрещивающихся арок можно видеть в притворе Хоракерта, где только он и сохранился из всего перекрытия.

Разрабатывая конструкции перекрытий на пересекающихся арках, зодчие не ограничиваются попарно крестообразным их расположением, а создают и другие комбинации.

В притворе анийской церкви Апостолов в углах и посредине продольных стен помещены сильно выступающие из них массивные колонны; от средних колонн к угловым диагонально переброшены пересекающиеся между собой арки, которые образуют в плафоне шесть треугольных секций, окружающих центральный квадрат, расположенный относительно стен под углом в 45°. На арках возведены стенки, несущие великолепный сталактитовый свод центрального квадрата, завершаемый световым отверстием, и плоские узорчатые потолки в треугольных частях перекрытия.

В Аратесе, в сильно пострадавшем от времени притворе, перекрытие покоится на двух параллельных арках, переброшенных между пилястрами продольных стен и упирающихся в них полуарках, идущих от пилястр, помещенных в середине торцовых стен[146].

На обрыве к югу от селения Узунлар (древний Одзун) прилепился миниатюрный архитектурный комплекс Оромайр, состоящий из двух часовен, соединенных между собой крошечным притвором. Создать комбинацию из перекрещивающихся арок с куполом в центре зодчему было бы трудно из-за малых размеров постройки, но в то же время ему не хотелось, видимо, дать простое решение перекрытия притвора, и он находит своеобразный выход, перебрасывая арки, поддерживающие своды, по диагонали с угла на угол с пересечением их в центре помещения. Задачу, правда, можно было решить и с куполом, поступив так же, как это сделал строитель древнего книгохранилища в Санаинском монастыре; там, как мы уже видели, сводчатое перекрытие с открытым сверху куполом в центре основано на четырех арках, диагонально перекинутых между богато изукрашенными пилястрами, расставленными посредине всех стен.

В некоторых притворах пересекающиеся арки находят применение и в сводах центрального квадрата.

В Ахпате и Мшкаванке система перекрещивающихся арок повторена дважды –одна над другой. Здесь она служит и основой всего перекрытия и входит в состав свода центральной квадратной секции плафона, образованной пересечением главных арок. Еще более сложную комбинацию из пересекающихся арок видим в центральных секциях перекрытия четырехколонных притворов XIII в. в Хоранашате и Арзакяне, в котором, кстати, обращает на себя внимание портал с очень остро разработанным сталактитовым сводом входной ниши. В обоих постройках центральный квадрат через угловые междуарочные конструкции переведен в двенадцатиугольник. В Арзакяне эта конструкция состоит из трех нависающих ступенями плит с изломом в углу, а в Хоранашате—из двух цилиндрических парусов, сходящихся также под углом. На двенадцатиугольный фриз опираются шесть пересекающихся нервюр, образующих в плане шестилучевую звезду (табл. 85). Завершение перекрытия в Арзакяне разрушено, а в Хоранашате на шестиугольнике, сторонами которого являются верхние отрезки нервюр, поставлен сталактитовый свод со световым отверстием[147]. С. Х. Мнацаканян полагает, что такая же система из шести пересекающихся арок была и в центральном своде в Макараванке. В Хоракерте сферический купол *церкви*, венчающий своеобразную ротонду из тридцати шестигранных колонн, поставленных

почти вплотную друг к другу, также включает шесть арок нервюр, образующих в нем шестилучевую звезду, и является единственным примером применения этой системы в церковном здании[148].

Наружный вид притворов отличается простотой. Гладкие поверхности стен, украшенные лишь нарядным порталом входа, да иногда незатейливыми наличниками окон, завершаются щипцами, как в Агарцине (табл. 68), Кечарукс Ованнаванке (табл. 83) и других монастырях, или горизонтальной полосой карниза (Ахпат, Гегард, табл. 74). В первом случае над сводами располагаются двускатные кровли, образующие на пересечении разжелобки, идущие к углам; при отсутствии щипцов притворы покрываются на четыре ската. В центре здания из кровли выступает невысокий, в один-два ряда облицовки, граненый барабан с карнизом, покрытый усеченной шатровой кровлей, или, в редких случаях, небольшая ротонда на колоннах, прикрывающая световое отверстие центрального свода. Для защиты верхних отверстий в шатровых кровлях над ними иногда устраиваются «фонарики» на четырех или шести колонках (табл. 68). Благодаря такому распределению масс здание снаружи приобретает несколько приземистый вид. В Айриванке (на Севане) и Тегере (Дгнре) верх притвора, как в церквах, имеет в плане форму креста, крылья которого заканчиваются на фасадах щипцами и возвышаются над низкими угловыми частями, опоясанными горизонтальным карнизом. Талантливые зодчие, превосходно разрабатывавшие интерьеры, однако, не решались отступить от общепринятой формы и завершали эти постройки низким, как бы вросшим в кровлю барабаном с шатром. Большая сводчатая ротонда, заменяющая барабан на притворе в Ованнаванке, представляет исключение, имеющее аналогии в двухэтажных церквах в Егварте и Нораванке (табл. 90) и в колокольне монастыря Нор-Гетик, с которыми познакомимся далее. Только в отдельных случаях можно отметить стремление зодчих смягчить суровость внешнего вида притворов и придать ему более нарядный вид. В Ованнаванке, например, над входным порталом помещено очень хорошо разработанное двойное окно с колонкой посредине, обрамленное сталактитовым наличником; кроме того, по обеим сторонам от входа западная стена притвора украшена полуколонками и фигурными декоративными арочками (табл. 83).

Очень своеобразный вид имеет фасад притвора в Тегере (Дгире), где над сводами в западных углах возведены две купольные часовни, что придает ему большое сходство с так называемыми триумфальными воротами на плато около монастыря Оромос (табл. 63).

Наряду с притворами большого внимания исследователей гражданского зодчества средневековой Армении заслуживают монастырские трапезные—сооружения, обслуживавшие как постоянных обитателей монастырей, так и многочисленных богомольцев, которые в них, вероятно, принимали пищу, приготовленную из мяса животных, приносимых в жертву в дни больших праздников или по случаю какого-нибудь события. При таком назначении этих зданий их, естественно, следовало делать вместительными, без колонн и столбов, мешавших удобному размещению большого числа людей. Поэтому наиболее подходящей была форма продолговатого зала, перекрытого сводом, основанным на стенах В качестве примера такого вида трапезных можно назвать полуразрушенные ныне постройки XIII века в монастырях Тегеняц-ванке и Кобайре. Они почти одинаковые по размерам (Кобайр—13,80×7,20 м) и покрыты сводами на четырех подпружных арках. Две крайние арки идут по торцовым стенам, а две средние переброшены между полуколонками, выступающими из продольных стен[149].

С созданием перекрытий на перекрещивающихся арках явилась возможность разработать новый тип трапезных, имеющих более просторный парадный интерьер с верхним светом. Известны пока две трапезные этого типа—в Ахпате (XIII в.) и Агарцине (1248 г.). Сходные между собой, они представляют отдельные прямоугольные здания, состоящие внутри из двух залов такого же вида, как и бесстолпные притворы с перекрытием на перекрещивающихся арках. Разделяющая залы стена в обеих постройках прорезана внизу тремя широкими проемами с арочным верхом. В Ахпате между про-

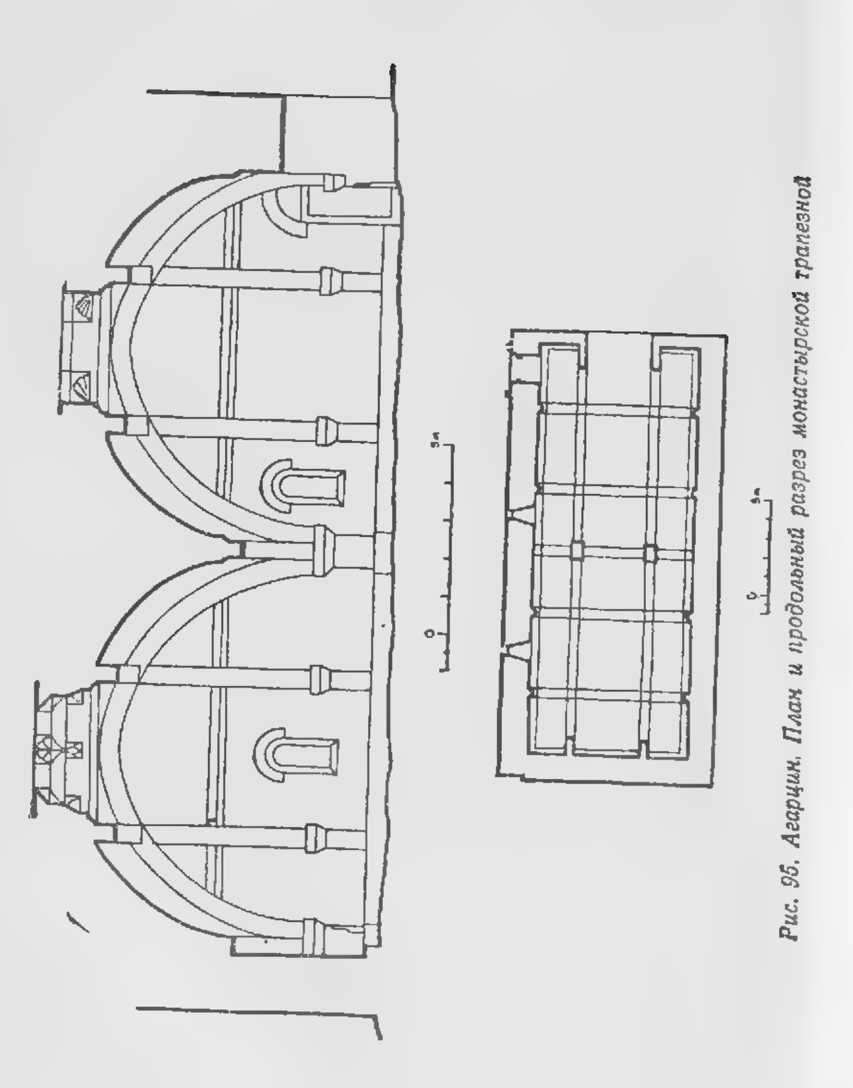


Рис. 95. Агарцин. План и продольный разрез монастырской трапезной

семами поставлены колонны, а в Агарцине—столбы прямоугольного сечення (рис. 95); на них и опираются с каждой стороны две продольные арки перекрытий, перекинутые от полуколонн, выступающих из торцовых стен. Поперечные пары арок основаны в обоих зданиях на полуколоннах продольных стен. В Ахпате оба центральных квадрата, образованные пересечением арок, перекрыты восьмигранными купольными сводами со световым отверстием наверху. В Агарцине в первом зале центральный квадрат с помощью угловых веерообразных тромпов переведен в восьмигранник, на котором, вероятно, в свое время стоял восьмигранный, усеченный световым отверстием шатер (ныне отсутствующий); во втором зале и поныне частично сохранился превосходный сталактитовый свод. Между параллельными арками своды цилиндрические, а в углах залов—сомкнутые (рис. 95).

В обоих трапезных арки имеют стрельчатую форму, благодаря чему они с особой легкостью уходят на большую высоту, создавая то ощущение простора, которое особенно чувствуется в этих сооружениях.

Трапезные, вероятно, ввиду их утилитарного назначения, снаружи еще более скромны, чем притворы; даже в отделке входного портала ни в Ахпате, ни в Агарцине нет резного орнамента и каких-либо других украшений.

В притворах и трапезных зодчие основное внимание уделяют разработке интерьера и достигают в этом деле замечательных результатов, особенно в бесстолпных постройках с перекрытием на перекрещивающихся арках. Эти совершенно новые архитектурные решения, найденные без влияния извне, подсказанные формами народной архитектуры, могут считаться лучшими проявлениями творческой мысли армянских зодчих не только для своего времени; их авторов должно поставить рядом с прославившими армянскую архитектуру мастерами предшествующих эпох.

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА

Композиционные новшества почти не затронули церковной архитектуры XII—XIV вв. Здесь, кроме единичных ис-

ключений (двухэтажные церкви в Егварте, Нораванке и Капутане и войсковая церковь в Алаязе), повсюду повторяется либо «купольная зала» без восточной пары пилонов, либо схема церкви анбердского типа с приделами в двух этажах во всех четырех углах. Такое обилие самостоятельных молелен в одном здании, где богослужения могли совершаться одновременно, едва ли вызвано только архитектурными соображениями; имеются данные, позволяющие полагать, что оно могло быть продиктовано экономическими факторами. При ознакомлении с анийскими стенами было показано на основании разысканий И. А. Орбели, что они строились по общему плану, а затем отдельные башни и прясла выкупались частными лицами для получения права именоваться строителем в надписи, которая вырезалась на заранее вделанной для этой цели в стену плите. То же самое, видимо, практиковалось и в церковном строительстве. И. А. Орбели при списывании и чтении надписей в Джухтакванке (близ Дилижана) обратил внимание на следующее обстоятельство: в тимпане двери небольшой церковки вырезана надпись, в которой сообщается, что она вместе с двумя приделами построена в 1201 году, а в надписи над входом в северный придел строителем его уже названо другое лицо и указана дата 1207 года. Так как изучение кладки показало с несомненностью, что церковь и входящий в ее состав крохотный придел построены одновременно, приходится прийти к заключению, что и при сооружении церквей право именоваться строителем, за которого в дальнейшем совершалось обусловленное (часто в надписи) число поминовений, могло быть выкуплено даже через несколько лет после окончания постройки[150]. С подобным фактом, введшим в заблуждение В. М. Сысоева, встречаемся и в большой церкви Гегардского монастыря.

Здесь, помимо надписи, сообщающей о сооружении церкви при настоятеле Барсеге в 1215 г., над входом в северо-восточный придел есть другая, более поздняя строительская надпись, относящаяся только к нему. В. М. Сысоев, основываясь на надписях, считал, что церковь сначала имела крестообразный вид без угловых приделов[151]. На самом деле ни

снаружи, ни внутри нет и следа достроек: облицовка идет правильными рядами без всяких перебоев и затяжных вертикальных швов. Гегардская церковь представляет единый, цельный архитектурный организм.

Страна и прежде всего Ани переживали время, когда происходил переход княжеских и дворянских владений в руки крупных богачей, с которыми могло соперничать только духовенство, особенно монастырское. Теперь церковное строительство велось людьми, знавшими цену деньгам и очень хорошо умевшими их считать, людьми, которые охотно шли навстречу богатому покупателю церковного придела, заботившемуся о «спасении своей души», так как это помогало покрыть часть расходов по постройке. Ясно, что при такой практике было выгоднее соорудить под одной кровлей не один, а восемь приделов, что и делалось без изменения привычного вида храма.

Придерживаясь выработанной и получившей повсеместное распространение еще в багратидское время формы церковного здания, мастера направляют теперь свое внимание, главным образом, на убранство, обогащая привычные массы затейливой декорацией (конечно, при наличии у заказчика материальных возможностей); при этом забота об украшении построек, по мнению И. А. Орбели, иногда даже отпадает от архитектора, благодаря разграничению функций цехов зодчих и резчиков по камню, приводившему зачастую к стычкам между ними и вызывавшему жалобы одного цеха на другой. В результате прекрасная сама по себе работа резчиков иногда пропадала от неуместного применения; так, например, в Ованнаванке тончайший резной узор оказывается помещенным на столь большой высоте в углах щипца, что его нельзя рассмотреть и оценить по достоинству.

Анийские церкви

Богатый оживленный Ани так же, как и в багратидское время, несомненно, привлекал к себе лучшие творческие силы, находившие здесь достойное применение. Многочисленные постройки, возведенные в XII—XIII вв., показывают, что

зодчие не составляли исключения и выполняли заказы богатых и знатных горожан, украсивших город не только нарядными светскими зданиями, но и несколькими превосходными церквами. Тигран Оненц в 1215 г. построил над Ахуряном у восточного конца смбатовых стен одну из лучших анийских церквей, известную также своими фресками (табл. 88). С ней соперничала фамильная церковь Бахтагеки, отличавшаяся особенной пышностью резного убранства, которое во фрагментах, открытых при раскопках 1892 года, сохранилось с такою полнотой, что архитектору Т. Тораманяну удалось выполнить не вызывавшую разногласий реконструкцию памятника. К тому же кругу и времени относится и возведенная неизвестным лицом церковь на южной оконечности анийского мыса на утесе, известном под названием Девичьей крепости. В этих постройках анийские архитекторы не отступают от принятых в это время типов церковных зданий, но и не замыкаются в своих композициях в рамки шаблона, которому следует большинство рядовых мастеров, строящих в провинции десятки сходных между собой церквей. Анийским зодчим пришлось отойти от масштабов багратидского времени, так как теперь церковь строил не царь и всесильный феодал, располагавшие даровым трудом крепостных, а расчетливый горожанин, который расплачивался звонкой монетой. Строитель и искусный резчик по камню должны были обратить все свое мастерство на отыскание новых пропорций и разработку богатого декоративного наряда, выделявших скромные по размерам сооружения в ансамбле тесно застроенных к тому времени городских кварталов. Потому то, надо думать, отношение высоты к горизонтальным размерам становится больше: щипцы круто поднимаются вверх, соответственно увеличивая высоту основания главы, барабан вытягивается, шатер, венчающий купол, делается острее. Система убранства соответствует этому стремлению вверх. Стены названных памятников украшены полуколонками, разделяющими их поверхность на сильно вытянутые поля, окаймленные сверху арочками. В церкви Оненца они ритмично следуют одно за другим, почти не отличаясь друг от друга по ширине и высоте; только на западном и восточном фасадах этот ритм перебивается широкими панелями у главного входа и алтарного окна. В церкви Бахтагеки членение фасадов близко к мармашенскому; так же, как и там, расстояние между средними полуколонками под щипцами значительно больше остальных, и идущие между ними центральные арки соответственно возвышаются над соседними.

Треугольные ниши прорезают все четыре (церковь Оненца) или по меньшей мере три стены (церковь Бахтагеки): они теперь неглубоки и носят скорее декоративный, чем конструктивный характер, тем более, что зодчие на ряде памятников снабжают их верх различными украшениями. Часто встречаются ажурные фестоны под арочкой, составленные из следующих друг за другом дуг, заканчивающихся тремя крестообразно расположенными лепестками, как например, в Макараванке, Гегарде, Ованнаванке (табл. 74), где они связаны с замысловатым орнаментом, покрывающим арку; в большой церкви агарцинского монастыря в сводиках помещены сталактиты. Углы ниш иногда обрабатываются в виде валиков, как и углы здания,—теперь все четыре, а не только два западных, как это делалось в постройках VI—VII вв. (Аван, Мрен, Птгни и др.).

Основой убранства глав на анийских церквах XII—XIII вв. служат также колонки; их размещают по поверхности круглого или многогранного барабана либо попарно, либо пучками из трех стержней, разбивая ее на двенадцать, а чаще на шестнадцать вытянутых по высоте полей. В первом случае они соединяются профилированными или украшенными резьбой арочками (церковь Оненца), во втором—их доводят до карниза зонтичной кровли (церковь Бахтагеки, Девичий монастырь), как мы это видели уже в XI в. в Мармашене и Хцконке. Между арочками и карнизом барабана в церкви Оненца протянута лента резного плетения; этот прием, известный ранее (церковь Просветителя в Кечаруке), применялся и вне Ани и с ним можно встретиться не только в церквах с колонками на барабане (Макараванк, Гегард, табл. 74), но и в постройках с гладкой поверхностью барабана (монастырь Нор-Гетик в сел. Гош и др.).

Названные анийские церкви по своеобразию приемов

убранства, примененных за пределами Ани только в единичных случаях, можно выделить в особую группу, прибавив к ней изящную шестиабсидную церковку так называемого Девичьего монастыря на утесе над Ахуряном (табл. 39). Подобно авторам Звартноца и Гагикова храма, зодчие покрывают арочки резьбой и помещают в «треугольниках» между ними резной орнамент. Но характер его уже не тот. По составным элементам композиции (растительные побеги, звери птицы) он на первый взгляд может показаться сходным с ахтамарскими рельефами. Однако сходство это кажущееся. В Ахтамаре, несмотря на грубоватый примитивизм рисунка, «виноградный» фриз пронизан искренним реализмом: люди и животные изображены в действии, и это определяет их позы и размещение; виноград—не декорация, не пассивный фон, а необходимый участник сцен, без которого они потеряли бы смысл; потому-то и фигуры и виноградные лозы изваяны в одной плоскости (табл. 52). В анийских церквах растительный сюжет разработан в виде узора, покрывающего фон, на котором помещены фигуры, исполненные более высоким рельефом. Побеги геометризованы, свернуты в спирали с завитками и условными листьями и цветами; звери и птицы декоративны, и их позы продиктованы конфигурацией пространства между арками. В западном углу южной стены церкви Оненца помещено, например, рельефное изображение птицы; так как с одной стороны границей является арка, а с другой угол, раскрыть ей оба крыла не представилось возможным, и художник вырезал ее с одним простертым и вторым опущенным крылом, мастерски заполнив все имевшееся в его распоряжении пространство. В убранстве XIII в. часто появляются изображения фантастических зверей и птиц с человеческими головами. Мы уже упоминали про сфинксов, изваянных на портале гостиницы; на «фризах» церквей Оненца и Бахтагеки можно видеть парных сиринов, хорошо умещающихся между арками. Такая композиция из двух фигур, вероятно, была подсказана не только формой отведенного для нее места, но и распространенными еще в сасанидское время геральдическими изображениями. В рельефах церкви Оненца нашел отражение и излюбленный в это время сюжет звериного гона, который мастера чеканили и гравировали на металлических изделиях, в рельефе и красках наносили на керамику, вырезали в дереве и кости. Правда, мы здесь не видим цепи бегущих друг за другом зверей, как например, на наличнике двери из Муша (табл. 98), но, несомненно, элементарное звено этого сюжета можно усмотреть в фигурах хищника и преследуемого им козла.

Трактовка фигур, как чисто декоративного элемента, обогащающего орнамент, нашла яркое выражение в изваяниях птиц на церкви Бахтагеки, помещенных так же, как и в церкви Оненца, между арками на фоне растительных побегов. Художник здесь не стремится к правдивости изображений, его больше привлекает нарядная узорчатость, и он вырезает на крыльях розетки и спирали, из-под которых вырастают уложенные правильными рядами перья. Такие же ряды перьев, словно туго накрахмаленный, наплоенный воротник, охватывают шеи и следуют за причудливыми контурами пышных хвостов.

Заказчик, несомненно, очень состоятельный человек, не жалел средств на украшение затеянной им постройки; возможно, даже старался превзойти в ней Оненца и потому наказал мастеру не ограничиваться повторением того, что можно было видеть на церкви св. Григория, а сделать наряд еще богаче, еще пышнее. В церкви Бахтагеки орнамент заполнял не только антрвольты; как показано на реконструкции Т. Тораманяна, весь щипец южного фасада (а возможно, и северного) был сплошь покрыт мелкой резьбой, так же как и треугольные поля под односкатными кровлями на западном фасаде. Подобное украшение представляет исключение: обычно, и то не везде, ограничивались постановкой на щипце небольших орнаментированных треугольных плит под нижними концами карниза.

Не так расточителен был неизвестный строитель церкви в Девичьей крепости (Ахчикаберде) на конце анийского мыса. Он старался не отстать от своих сограждан и потому в убранстве применил все, что было модно в его время; но сделал это очень расчетливо, учтя особенности топографии крепости. Церковь распространенного в XII -XIII вв. анберд-

ского типа с приделами в двух этажах во всех четырех углах и треугольными нишами на всех фасадах. Она сильно пострадала от времени,—потеряла купол и почти целиком западную и южную стены, как раз те, которые имели наряд, состоявший из парных полуколонок, резных арочек и растительного орнамента без фигур в антрвольтах. Северная стена возведена на краю отвесной скалы над Ахуряном и видна лишь с тропы ведущей из Вышгорода. Она вдобавок весь день находится в тени, и строителю незачем было на нее тратиться. Обрамление окна с парными полуколонками по сторонам проема, да квадратный камень с загадочными сочетаниями армянских букв вокруг круглого окна северо-западного придела — вот все, что оживляет гладкую поверхность этой стены. Нет украшений и на восточной стороне. Западный и южный фасады, ярко освещенные солнцем, в которых находились входы сразу же бросались в глаза богомольцу, поднявшемуся на крепостную площадку, и их убранства было вполне достаточно, чтобы оценить добротность постройки и «щедрость» жертвователя.

В другом конце Ани, тоже на утесе над Ахуряном, за древним мостом, прилепилась крохотная церковка Девичьего монастыря, построенная тем же Тиграном Онецем. Архитектор правильно учел положение площади, выбранной под постройку, ее размеры, окружающий природный ансамбль и выбрал башнеобразную форму, отказавшись от распространенного типа «купольной залы» (табл. 39). Церковь состоит из шести абсид, которые кольцом охватывают центральный объем с куполом на барабане, основанном на их триумфальных арках. В разработке фасада автор не стал следовать имевшимся под рукой образцам и не скрыл внутренней структуры здания в многогранном массиве, как это сделано в церквах Абугамренц и Спасителя. Все шесть абсид пучком стройных цилиндров вырастают из скалы, дружно неся легкий, слегка вытянутый барабан с «зонтичной» кровлей над куполом. Этому стремлению ввысь как нельзя лучше отвечает знакомый нам наряд из полуколонок, разбивающих стены на узкие, вытянутые поля, ограниченные сверху резными арочками, между которыми помещен орнамент. Миниатюрные

размеры антрвольтов не позволяли поместить в них какие-либо фигуры, и резчику пришлось ограничиться растительным сюжетом. На барабане пучки колонок поддерживают фестончатый карниз «зонтичного» шатра, под которым в треугольниках щипцов поставлены орнаментированные плиты. В этом скромном по размерам произведении неизвестный художник с мастерством ювелира воплотил отмеченные особенности богатого, но не грешащего излишествами анийского стиля времени Долгоруких (XII—XIII вв.).

Монастырские и сельские церкви. Колокольни

В церковном строительстве, которое велось в рассматриваемое время в монастырях и селениях страны, так же как и в городах, за немногими исключениями, о которых сейчас будет идти речь, повторяются давно выработанные схемы бесстолпных крестовокупольных церквей. При ознакомлении с анийскими памятниками уже была отмечена определенная тенденция к одностороннему увеличению высотных размеров. То же самое наблюдается и в провинциальных церковных постройках, причем в некоторых случаях эта тенденция приводит к снижению художественных достоинств здания. Такова, например, небольшая аштаракская церковь Марине (1281 г.) с ее высоким барабаном и преувеличенно крутой остроконечной кровлей над куполом.

Среди многочисленных однообразных по плановому решению и внешнему облику церковных построек XIII в. выделяется новизной композиции небольшая группа двухэтажных церквей—усыпальниц, построенных в первой половине XIV в. Это церкви Богородицы в Егварте 1321 г. (табл. 90) и Нораванке (рис. 96, табл. 89)[152] и церковь в Капутане.

А. Л. Якобсон к этой группе присоединяет колокольню 1291 г. в монастыре Нор-Гетик, считая ее тоже церковью[153] По внешнему виду она, действительно, сходна с названными церквами и даже, возможно, послужила образцом при их сооружении, но имеет ряд особенностей, которые, по нашему мнению, позволяют не согласиться с точкой зрения А. Л. Якобсона.

Рис. 96 Генеральный план монастыр

Нижние этажи всех трех церквей прямоугольны в плане и несут на арках и сводах верхнюю вытянутую часть, крылья которой, покрытые двускатными кровлями, заканчиваются на фасадах щипцами. Узкие неудобные лестницы со ступенями, заделанными как консоли в стену, ведут во второй этаж. В Нораванке две такие лестницы, охватывающие пор-

тал входа в нижнее помещение, начинаются у самой земли. В Егварте ступени видны только у площадки второго этажа; вероятно, к ним подставлялись деревянные лестницы, которые можно было убирать в случае возникновения какой-либо опасности. Своеобразная глава в виде ротонды на двенадцати колоннах, соединенных между собой арками, покрытой сводом под конусообразной кровлей, имеется только в Егварте. В Нораванке разрушено даже основание главы, но, несмотря на это обстоятельство, композиционное сходство обоих памятников натолкнуло нас на мысль, что он тоже имел вид ротонды, от которой, надо думать, и сохранились некоторые разрозненные, но очень интересные детали. Здесь сре ди обломков перекрытий верхнего этажа церкви были найдены три колонны, обратившие на себя внимание изваянными на них барельефами. Найдено также несколько баз от этих колонн и сталактитовая капитель. При попытке набросать реконструкцию ротонды над этой церковью, подобной егвартской, размеры колонн, баз и капителей оказываются вполне масштабными и не препятствуют такому разрешению вопроса о куполе, тем более, что и вся система убранства обоих памятников принципиально одинакова. Чем же объяснить присутствие барельефов на колоннах, которые мы склонны поставить на столь большую высоту. Тут на помощь приходят они сами; на каждой колонне имеется по одной фигуре, из которых при соответствующей расстановке получается вполне законченная ктиторская группа: посредине Богоматерь, которой посвящена церковь, стоящая прямо, по бокам— мужские фигуры в богатых одеждах, повернутые к ней, причем левая подносит модель церкви*. Такое размещение ктиторов, находившихся, по нашему мнению, над западным входом, несколько необычно, но если принять во внимание, что щипцы, где их обычно помещали, были заняты рельефными крестами, которыми в это время украшались стены церквей то придется признать, что автор вышел из положения, проявив большую находчивость (рис. 97).

* Наше предположение о ротонде подтвердило специальное обследование архитектора Л. Садояна. На зарисовках барельефов ясно видны колонны, венчающие модель церкви.

Рис. 91. Норавацк. Вид двухэтажной церкви с северо-запада (схематическая реконструкция).

В связи с появлением двухэтажных церквей особый интерес приобретает стоящая к северу от большой церкви двухэтажная постройка в Нор-Гетике, названная в имеющейся там строительской надписи 1291 г. колокольней.

Первый этаж этой постройки имеет прямоугольный план Нижняя часть его стен выведена из больших едва обтесанных камней. Второй—в плане представляет крест с двумя часов-

нями в восточном крыле (рис. 92). Стены его покоятся на двух парах взаимноперпендикулярных перекрещивающихся арок, которые опираются на пристенные, сильно выступающие пилоны нижнего этажа. Эти пилоны (по два у каждой стены), загромождающие помещение, и арки были сооружены, несомненно, позднее, когда первоначальное одноэтажное здание решили надстроить, использовав его, как основание колокольни. Перекрещивающиеся арки несут также новые своды нижнего этажа, имеющие в центральном квадрате световое отверстие. Так как это перекрытие значительно возвышалось над углами старого здания, его стены были надстроены до уровня светового отверстия в своде. Крылья новой постройки перекрыты цилиндрическими сводами под двускатными кровлями, которым на фасадах отвечают щипцы. Центральная часть ее завершалась ротондой (от колонн которой на месте сохранились только базы), основанной на той превосходной конструкции из рядов нависающих друг над другом плит, о которой была речь при рассмотрении покрытий притворов (табл. 72).

Наличие в восточном крыле новой верхней части здания часовен, а не абсиды, по нашему мнению, опровергает предположение А. Л. Якобсона о том, что здесь была церковь над усыпальницей, тем более, что и в Ахпате видим такой же пример устройства двух часовен в восточном крыле крестообразной в плане колокольни (рис. 92).

Следует отметить неправильную оценку А. Л. Якобсоном решения, принятого строителями при сооружении колокольни. Он считает, что система перекрытия на перекрещивающихся арках оказалась в Нор-Гетике обессмысленной. Приводим его соображения по этому поводу:

> «Если смысл создания бесстолпной системы перекрытия заключался именно в стремлении объединить внутреннее пространство, освободить от раздробляющих его внутренних устоев, то здесь, в Нор-Гетике, мы видим обратное: архитектор не объединил внутреннее пространство склепа, а расчленил его, выделив полутемные угловые части. Это противоречие могло возникнуть лишь на

позднейшей стадии развития композиции бесстолпного перекрытия, стадии, на которой она потеряла свое прежнее архитектурное содержание»[154].

А. Л. Якобсон упустил, однако, из виду инженерный смысл решения, принятого архитектором, которому надо было на чем то основать стены крестообразного верха колокольни, не разрушая стоявшего на этом месте прямоугольного здания. По нашему мнению, это конструктивно разумное решение могло быть принято на любой стадии развития бесстолпных покрытий (если такие стадии вообще существовали).

Какое же здание послужило основой колокольни? Киракос Гандзакский, весьма точный в своих описаниях построек, сообщает, что в Нор-Гетике был построен жаматун (стоящий отдельно притвор) из больших грубо тесанных камней с деревянным перекрытием и при нем книгохранилище с нарядным каменным верхом[155]. Стены этого просторного жаматуна с гнездами для балок стоят и сейчас, примыкая с запада к колокольне. Поскольку кладка нижней части стен колокольни сходна с кладкой стен жаматуна, можно полагать, что она была надстроена над этим книгохранилищем. Ясно, что первоначальный свод пришлось заменить конструкцией, способной принять на себя тяжесть стен верхнего этажа. Сам жаматун, вероятно, служил залом (читальным), в котором велась работа над рукописями.

Колокольня, полученная в результате надстройки, по своим общим формам весьма сходна с церквами в Егварте и Нораванке, хотя в ней соотношение высот нижней и верхней частей несколько иное: большая высота нижнего этажа здесь объясняется необходимостью скрыть за стенами новое сводчатое перекрытие, имеющее значительный подъем. Колокольня была построена в монастыре, пользовавшемся большой известностью, на тридцать-сорок лет ранее названных церквей, и это позволяет думать, что она могла натолкнуть зодчих как на идею двухэтажного церковного здания, так и на замену барабана ротондой.

Названные памятники неодинаковы по наружной отделке. Стены церквей в Нораванке и Егварте украшены полуколонками и арочками, различными комбинациями из тяг, крестами и резным орнаментом. Здесь богатый, по спокойный архитектурный наряд анийских церквей начала XIII в. уступил место декоративным элементам подчас без органической связи с архитектурными линиями, заполнявшими поверхность стен. При известном сходстве в общей композиции наружного убранства в Нораванке и Егварте в деталях можно заметить существенные различия, обусловленные, вероятно, общественным положением и политической ориентацией заказчиков. Так, к примеру, в Нораванке, построенном Орбелианами, сумевшими в условиях зависимости от монголов сохранить верность родным традициям, порталы обоих входов двухэтажной церкви разработаны обычным способом и состоят из входной ниши с циркульным (даже не стрельчатым) верхом, охваченной прямоугольным резным обрамлением. В Егварте же портал входа в верхнем этаже заключает нишу с дверью, завершенную сталактитовым ступенчатым сводом, сходную с теми, что видим в конийских мечетях. В этой постройке даже алтарная часть имеет подобное завершение, делающее ее похожей больше на михраб, чем на алтарь христианского храма.

В Нор-Гетике стены колокольни облицованы чисто тесанными плитами без всяких украшений, но это не является результатом творческого замысла зодчего, а произошло против его воли из-за каких-то посторонних причин. Дело в том, что на двух нижних рядах облицовки верхней крестообразной части видны полуколонки с базами, которые по первоначальному проекту должны были украсить стены так же, как это сделано позднее в Егварте и Нораванке. Постройку на этом, видимо, пришлось прервать на продолжительное время, после чего возможности, которыми располагали строители, оказались более ограниченными, не позволившими даже блеснуть отделкой входа, который скромно обрамлен колонками и слегка надломленной арочкой.

В противоположность церквам в Егварте и Нораванке, отличающимся богатством наружной декоративной отделки, церковь в Капутанс, сходная с ними по архитектурному решению, такого убранства не имеет.

Ознакомление с памятниками церковного зодчества XIII—XIV вв. следует завершить ознакомлением с единственной в своем роде церковью, находящейся на холме около селения А л а я з в бывших владениях рода Орбелианов[156]. С востока она имеет обычный вид: повышенный щипец средней части с круто подымающейся двускатной кровлей, односкатные кровли по бокам, две треугольные ниши, прорезающие чисто тесаную гладь стены. С запада же мы оказываемся непосредственно перед алтарем, так как помещения для молящихся вовсе нет и его заменяет естественная площадка. Как полагают, подобные церкви строились для обслуживания войска, располагавшегося во время богослужения под открытым небом. Так как постройка заключает в себе лишь алтарь и два придела по сторонам, ширина ее значительно больше глубины по направлению с запада на восток (10,6×5,7). Алтарь состоит из абсиды, покрытой конхой, и неглубокой сводчатой бэмы. Он не открыт, как в обычных церквах, со стороны, где собирались богомольцы, а имеет западную стенку с тремя проемами, перекрытыми арками, через которые можно было следить за совершением ритуала. В настоящее время уже нет столбиков между проемами, и они слились в одну громадную брешь в стене, над которой высится остроконечный щипец с небольшим оконцем. Алтарное возвышение приподнято над землей примерно на 1 м, и на него ведет небольшая каменная лестница, расположенная перед средним проемом; по другой лестнице в три ступени, скрытой в амбразуре двери, можно подняться в алтарь из северного придела пол которого, как и в южном, находится на уровне земли. Оба придела прямоугольны в плане и имеют в восточной части небольшие абсиды; входы расположены в западной стене по бокам солеи и украшены снаружи стрельчатыми арками над тимпанами. На восточной стене имеются надписи, из которых видно, что эта церковь построена не позднее 1303 г., так как среди членов дома Орбелианов, причастных к постройке, упоминается сюникский митрополит Степанос, скончавшийся в 1303 г.

Более ранних церквей этого вида (например, багратидского времени) мы не знаем, да едва ли они и были. По нашему мнению, к такому решению церковной постройки, предназначенной для войска, могли прийти именно в XIII в. В самом деле, уже при Багратидах начала намечаться тенденция к сокращению размеров церквей, приведшая в конце концов к созданию нового типа небольшой «купольной залы» без восточной пары пилонов. В XIII в. большинство новых церквей могло вместить немногим более сотни человек и, конечно, никак не подходило для многолюдных воинских частей. Кроме того, в закрытые церкви и притворы могли иметь доступ только пешие воины,—для напутствия же и благословления отправляющихся в поход всадников вместе с их четвероногими боевыми спутниками нужна была открытая площадка, как в Алаязе.

Древнейшие колокольни относятся к XIII в., когда, повидимому, их начали строить при церквах и в монастырях. Более ранних построек или, по крайней мере, свидетельств о них мы пока не знаем. В этом веке были возведены колокольни в знаменитых монастырях - Санаине и Ахпате (1245 г.), которые стоят и по сей день, давая полное представление о характере этих построек. Обе они не связаны с церквами, как это можно видеть позднее (в XVII в.), когда колокольни стали пристраивать перед западным входом, используя их одновременно как небольшую паперть. Санаинская колокольня примыкает к северо-западному углу комплекса монастырских построек, а ахпатская стоит совершенно отдельно к востоку от церквей и здания Амазаспа.

Колокольня в Санаине квадратна в плане и имеет вид высокой башни, стены которой заканчиваются щипцами. На пересечении двухскатных кровель поставлена стройная ротонда, венчающая помещение верхнего этажа, куда ведет узкая каменная лестница (табл. 65). Убранство этой постройки весьма скромно и состоит из строгого портала двери, простых обрамлений окон и большого резного креста на западной стене.

В Ахпате архитектор мастерски перевел крестообразный план нижнего этажа в квадрат со срезанными углами наверху, получив в углах башнеобразной колокольни своеобраз-

ные ниши, увенчанные превосходными сталактитовыми тромпами. Такое решение сократило поперечник постройки по диагонали и придало ей особую стройность, подчеркнутую треугольниками щипцов, завершающих стены основного массива и грани шестиколонной ротонды (табл. 66). Мы будем иметь случай остановиться на убранстве этой интересно разработанной постройки. Она в верхней части дополняется парными окнами с колонками, что сближает колокольню с группой двухэтажных построек в Нораванке, Егварте и Нор-Гетике, наталкивая в то же время исследователя на мысль— не была ли замена барабана ротондой в первых двух произведена для подвески колоколов над самой церковью

Колокольни, которые несколькими столетиями позже стали пристраивать к древним церквам, имеют уже иной вид. Они состоят из двух (редко—трех) этажей, из которых нижний представляет открытый сводчатый портик на четырех массивных устоях в углах квадрата, а верхний ротонду с островерхой кровлей (табл. 91). Все сооружение бывает щедро, а то и сверх меры уснащено резьбой, в которой можно встретить сочетание сюжетов, заимствованных из средневековой архитектуры без всякого разбора.

***

Приемы убранства, выработанные анийскими зодчими, не получили одновременно широкого распространения за пределами Ани как из соображений экономики, так и по причине отставания феодальной провинции в своем развитии от городов. Обычное убранство церквей в XII в. и первой половине XIII в. составляют обрамления окон и ниш, да входной портал, в котором мастер по преимуществу и показывает блеск своего творчества, как это было уже отмечено при ознакомлении с памятниками гражданского зодчества XII—XIII вв. Кое-где, например в Гегарде, главы украшены полуколонками и арочками; сделано это, надо думать, под влиянием анийских образцов, так как здесь, как в церкви Оненца, в облицовку вделаны отдельные камни с рельефами, изображающими птиц, головы животных, утварь. Узкий проем окна

небольших размеров с циркульным верхом окаймляется наличником в виде широкой прямоугольной рамы, составленной из тяг или украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Мелкие окна часто делаются круглыми и также обводятся наличником; иногда им придается форма креста, образуемого четырьмя полукругами. Бровка не выходит окончательно из обихода мастеров, но теперь это уже второстепенный элемент убранства, который даже не украшают резьбой, а составляют из нескольких простеньких тяг. Только на единичных памятниках в XIII и XIV вв., как например, в Ованнаванке, можно увидеть вычурный архитектурный наряд, который получает широкое распространение с середины XIII в

К тому времени, когда влияние анийской архитектурной школы могло сказаться на творчестве провинциальных мастеров, стране опять было не до строительства. В 1225 г. по Армении прошли рати хорезмшаха Джелал-ад-дина, а десятилетием позже в нее вторглись полчища монголов, утвердивших здесь свое господство. Ани пал, не выдержав их натиска, в 1236 г. От строительства на первых порах пришлось отказаться. Новый перерыв, однако, для некоторых областей не был продолжительным. Владетели их, не оказавшие монголам упорного и длительного сопротивления, сохранили в общем не только свои земли, но частично и феодальные права и смогли во второй половине XIII в. возобновить строительную деятельность. Так, сюнийские князья из рода Орбелианов, видя, что вступать в единоборство с сильными монгольскими правителями бессмысленно, что сопротивление в данный момент до добра не доведет, избрали политику признания их верховной власти и не отказывались от участия в различных предприятиях монголов. Историк Стефан Орбелиан, например, сообщает: «Сембат пользовался большим почетом и уважением со стороны Гулаву-хана, который часто поручал ему ведение своих дел... По повелению Гулаву он отправился в Басен за сосновым лесом для постройки дворца в Даран-даште, который татары называют Ала-даг»[158]. Для характеристики отношения монголов к некоторым армянским деятелям показателен также тот факт, что при

дворе Хулагу-хана (Гулаву) были приняты видные армянские историки Вардан (Великий) и Киракос Гандзакский, с которыми советовались хан, и в особенности его жена Дохуз-хатун. Дохуз-хатун была христианкой, и ее заступничество перед мужем часто избавляло армян от религиозных преследований со стороны монголов. Различными привилегиями и в том числе освобождением от налогов пользовались церкви и монастыри, даже расширившие в это время свои земельные владения.

Монгольские правители не мешали Орбелианам заниматься внутренними делами в своих владениях, и в частности вести церковное строительство. Здесь в конце XIII и начале XIV вв. было возведено значительное число построек, в которых вновь вспыхнул творческий огонь средневековых зодчих. Повсеместно продолжали также обстраиваться и многочисленные монастыри. В церковной архитектуре 2-й половины XIII и XIV вв. наблюдается склонность мастеров к богатому убранству фасадов, в котором они прибегают иногда к приемам, несовместимым с архитектурной логикой. В композиции этого убранства теперь наблюдается перегрузка большим количеством различных украшений, не всегда вяжущихся с архитектурной формой, но разработанных весьма тонко, с незаурядным мастерством. На стенах церквей иногда вновь появляется наряд из колонок и арочек, уснащенный орнаментом, но уже в весьма беспокойном по рисунку сочетании с новыми декоративными элементами.

Уже в первой половине XIII в. кое-где можно встретить новую систему наружного убранства, приобретающую к XIV в. популярность у армянских мастеров. Композиция завязывается в центральной части фасада у обрамления окна и разрастается по вертикали вверх и вниз, производя впечатление стоящей на цоколе здания. Так на разрушенной ныне южной стене церкви 1217 г. в Ованнаванке, весьма близкой по наружному убранству к памятникам грузинским, два соприкасающихся валика, поднимаясь от цоколя вверх, на пути к окну расходились в стороны и образовывали квадрат, заполненный круглой розеткой, затем окаймляли прямоугольный наличник окна, опять сходились, охватывали

квадратом расположенное выше круглое окно и, наконец, складывались в большой крест в щипце; кроме того, эти валики образовывали крестообразные наличники двух окон, расположенных по бокам центрального окна. Такую же форму оконных обрамлений видим и в ахпатской колокольне 1245 г., где наличники охвачены тягой, образующей крестообразные розетки, придающие самому обрамлению вид вычурно разработанных крестов. На южном и северном фасадах эти тяги поднимаются от цоколя, а на западном входят составной частью в раму дверного портала, расположенного настолько близко от окна, что мастеру негде было поместить четвертую розетку, и ему пришлось ограничиться только тремя, размещенными по бокам и наверху. На восточном фасаде место окна занимает большой крест, образованный такими же валиками, идущими от основания по тройки (табл. 66).

Украшениям в виде крестов придавались разнообразные формы. В некоторых памятниках они имеют спокойные прямолинейные очертания и, будучи связаны с окнами, в той или иной мере могут считаться оконными обрамлениями. Таков, например, крест, оконтуренный сильно выступающими тягами, над входом в притвор при одной из агарцинских церквей (табл. 68); сходный с ним по форме крест в нижнем этаже егвартской церкви, наоборот, даже при наличии в нем оконного проема, производит впечатление самостоятельного украшения, в котором на орнаментированное поле внутри рамки окно попало совершенно случайно (табл. 90). В церкви монастыря Спитакавор крестообразные рельефы на стенах настолько велики по сравнению с крошечными проемами, теряющимися среди прихотливо изломанных тяг, что совершенно не приходится говорить о композиции, связанной с окнами; были бы они или нет -хозяйничавшие на стенах церкви декораторы, чуждые архитектуре, все равно вырезали бы эти кресты (рис. 98). Иногда и самим отверстиям придавали крестообразную форму, как сделано, например, в Арпе, где алтарь освещается двумя рядом поставленными окнами, имеющими вид продолговатых прямолинейных крестов.

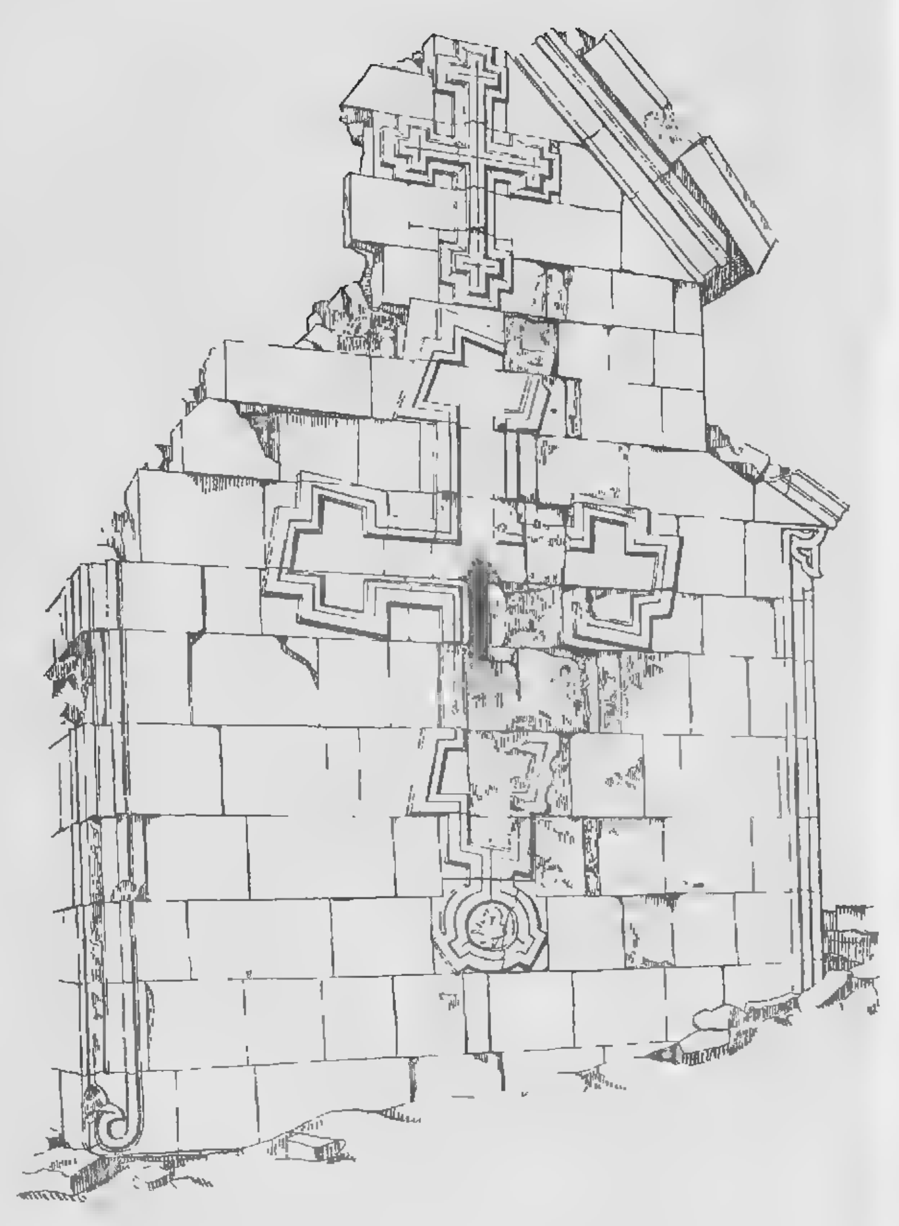


Рис. 98. Спитакавор. Восточная стена церкви.

Все эти элементы, характерные для армянского зодчества монгольского времени, нашли широкое применение в двухэтажных церквах Нораванка и Егварта, в убранстве которых можно встретить различные комбинации из колонок, арочек и тяг, то охватывающих обрамления окон, то выделяющих на стенах медальоны и вытянутые по высоте панели, заполненные различными украшениями, среди которых на центральном месте появляются геральдически трактованные барельефы — борющиеся звери, орлы, терзающие добычу и др. Искусные, но мало сведущие в архитектуре ваятели оттесняют на второй план зодчих, создавая на стенах построек пышные декорации, в которых уже нельзя найти ни строгости классики VI—VII вв., ни благородной нарядности времени Долгоруких.

Входы отделываются, как в светских зданиях, в виде порталов различных пропорций, более или менее щедро украшенных резным орнаментом. Общие принципы их композиции не претерпевают существенных изменений на протяжении XII—XIV вв., и потому описания их объединяются в одном разделе, где будут приведены главнейшие местные формы этой архитектурной детали, а также и исключения, носящие явно импортный характер.

Портал обычно состоит из неглубокой плоской ниши с дверным проемом и охватывающего ее прямоугольного обрамления. В отдельных случаях можно встретить порталы с обрамлением ступенчатой формы, как например, в одной из санаинских часовен, а также с двумя нишами (Сагмосаванк, табл. 80). Входные ниши завершаются циркульной или стрельчатой, профилированной аркой, чаще всего опирающейся на колонки с одинаковыми шаровидными базами и капителями (например, притвор в Кечаруке, рис. 87). Колонки иногда заменяются гладкими или витыми валиками, идущими по всему периметру ниши (притвор в Сагмосаванке, табл. 80; анийская гостиница, караван-сарай в Зоре). В этом случае, естественно, капители исчезают и остаются только базы. Перекрытие прямоугольного дверного проема обычно устраивается из целой плиты, образующей под аркой ниши тимпан. Иногда его делают составным из нескольких круп-

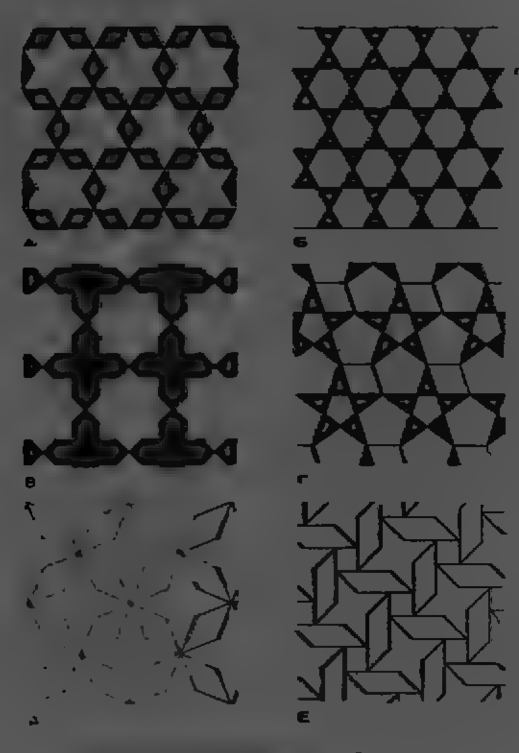
ных [illegible] блоков; примером тому могут служить церковь в Нор-Гетике (Гоше) и ворота в Анбердском замке на склоне под башней с калиткой. Встречаются также тимпаны, набранные из крупных фигурных камней (церковь в Каянберде). [illegible] прямоугольное обрамление, [illegible] второго [illegible] в большинстве случаев отгибаются у основания вовнутрь, к проему, и заканчиваются прямыми срезами (табл. [illegible]).

Т[illegible]ы [illegible] украшений, иног[illegible] их [illegible] для надписи. Там, где они покрыты резьбой, на них можно встретить самые разнообразные с[illegible]

В [illegible] помещались на тимпанах звездчатый узор (Арич[illegible], Сагмосаванк, Деер), причем интересно, что одновременно с наборами из отдельных фигурных камней (Арич. табл. 81) появляются и их имитации, вырезанные на больших плитах. Так, например, тимпан в притворе Сагмосаванка сделан из одного камня и украшен знакомым уже орнаментом, в который входят пятиконечные звезды (табл. 81). В цве[illegible] можно было выделить только окраской, но чуткий мастер [illegible], не мог прибегнуть к такому ложному приему, [illegible] построила бы естественная прелесть превосход[illegible]. Он [illegible] в разрешении задачи ему поможет [illegible]ное солнце, которое лучше всяких красок расцветит яр[illegible] бликами и глубокими тенями задуманный узор, и пото[illegible] более высоким рельефом.

П[illegible]но [illegible] отметить, что подобные имитации нашли [illegible] возвышений. Так п[illegible] архитектор в Норяванке, [illegible] воспроизвел ка[illegible] набор из восьмиконечных звезд, вырезав на плитах [illegible] церкви Григория рельефные кресты. В Имерике на [illegible] выполнен [illegible] теным геометрическим орнаментом, [illegible] кресты оставлены гладкими без резьбы, совсем как в изразцовых облицовках, где го[illegible] кресты чередуются со звездами, украшенными росписью и иногда и рельефным рисунком (например, мавзолей Пир-Хусейна XIII в. в [illegible] Ханаке). Это не слу[illegible] совпадение [illegible] связи между звездчатыми камен-

[illegible] и фаянсовыми облицовками [illegible] И. А. Орбели [illegible] примеров. Можно даже найти [illegible] наборов, вырезанные, подобно каменным, на больших глиняных плитах, покрытых красочной поливой (Средняя Азия).



[illegible] наборы.

На порталах и стенках алтарных возвышений можно встретить орнамент с рельефными ромбами, вырезанный на каменных плитах, имитирующий подобный набор (рис. [illegible]9). В Ованнаванке и часовне Петра и П[illegible] в [illegible] Гегарда он [illegible] заполняет поле портала между входной нишей и обрамлением, в Сагмосаванке им украшена центральная часть портала между арками внутренней и внешней ниш (табл. 80).

Наборы из ромбов и остр[illegible]ных к[illegible]тов выполнялись

также из изразцовых плиток в облицовках кирпичных зданий. В Двине в 1934 г. были найдены обломки покрытых голубой поливой ромбов, которые входили в узор в сочетании с утраченными ныне крестами, украшенными, вероятно, росписью, как это делалось в звездчатых фаянсовых облицовках. Здесь же был найден обломок терракотовой облицовочной плиты с рельефным узором из ромбов, сходным с резьбой по камню в названных выше постройках XIII в. Наше предположение о виде изразцового набора подтверждается, в частности, тем, что в Государственном Эрмитаже имеется изразцовая плитка в форме остроконечного креста, покрытая росписью.

В главной (наземной) церкви гегардского монастыря, построенной, согласно надписи на западной двери, в 1215 году одновременно с анийской церковью Оненца, обращает на себя внимание портал южного входа, отличающийся превосходными пропорциями и тонкостью спокойной, лишенной всякой вычурности резьбы (табл. 75). На его тимпане из поставленных в ряд вертикальных стволов вырастают переплетающиеся ветви с листьями и чередующимися плодами граната и гроздями винограда; только выдающийся мастер рисунка мог так совершенно вплести в геометризованную схему реалистические подробности.

Совсем по-иному выглядит портал западного входа в притворе этой церкви, пристроенном к ней между 1215 и 1225 гг., с внутренним видом которого мы уже имели возможность познакомиться. Убранство его поля разработано в виде двух плоских ниш, помещенных одна в другой. Внешняя ниша имеет ступенчатый верх и окаймлена наличником, на котором вырезана волнообразная ветвь с цветами сложного вида. Внутренняя, заключающая прямоугольную дверь, завершается стрельчатой аркой, переходящей у своего основания в наличники, спускающиеся до плинтов. Профиль арки и наличников составлен из полочки и двух валиков с орнаментированной цветами полосой между ними. По бокам арки вырезаны круглые розетки, представляющие сложное сплетение побегов и листьев. Особенно богат рисунок резьбы на стрельчатом тимпане. Здесь в спиралях ветвей и длинных узких

листьев помещены крупные цветы с лепестками разнообразной формы, весьма сходные с теми, которые часто украшают серебряные изделия далекого сасанидского времени.

В монастыре Нор-Гетик (сел. Гош) в церкви Просветителя (1237 г.) на стрельчатом тимпане искусной рукой сплетен тончайший узор. Посредине камня вырезана розетка, состоящая из шести сложных трилистников, образующих шестилучевую звезду, концы которой вплетаются в окаймляющий ее круг. Из него между лопастями звезды вырастают новые трилистники, обращенные вершинами к центру. Остальное поле тимпана покрыто переплетающимися спиральными побегами с небольшими весьма условными по своему рисунку «цветами» на концах. Поверху вся композиция окаймлена резной плетеной полосой с фестонами из дуг, распускающихся на концах пальметками из двух завитков с листком посредине (табл. 70).

В постройках, возведенных в конце XIII и первой половине XIV вв. во владениях Орбелианов, убранство входов также состоит из ставшего традиционным портала, но на тимпане место надписи или орнамента занимают барельефы различного достоинства, изображающие Христа или деву Марию с младенцем (церкви и притвор в Нораванке, церковь в монастыре Спитакавор и др.)[159]. Барельефные изображения над входами можно встретить и за пределами владений Орбелианов. В Ованнаванке над западной дверью церкви вырезана сцена «мудрых и неразумных дев», в Агарцине сохранился тимпан с грубоватым изображением Богородицы и двух стоящих по сторонам фигур, украшавший вход несуществующего ныне притвора при большой церкви 1281 года.

Прямоугольные обрамления входных порталов отделывались различно в соответствии с общим характером убранства. Их часто оставляли гладкими, составляя из нескольких обломов несложного профиля, особенно в тех случаях, когда и тимпан, и поле вокруг ниши тоже не имели резьбы. В притворах монастырей в Дгирс на Арагаце (1232 г.), св. Степаноса около Гегарда (вторая полов. XIII в.), в егвартской церкви Богородицы 1321 г. (табл. 89) и ряде других памятников по краю портала идет своеобразное плетение -так называе

мая «сельджукская цепь», которую в это время можно встретить на многочисленных памятниках, не исключая и светских зданий (портал дворца Сахмадина 1286 г. в Мрене, ниша в доме на северном склоне главного холма в Двине, рис. 79).

«Сельджукская цепь» состоит из двух параллельных валиков, заплетающихся в удлиненные звенья, чередующиеся в большинстве случаев с короткими, ромбическими. Ею окаймляют основания барабанов (церковь Спасителя в Ани, Гегард, Егварт и др.); в Ереване на памятнике XIII в. Катогике она только прочертана резцом по основанию барабана. «Цепь» нередко украшает различные архитектурные детали. Так сплетены, например, декоративные арочки на куполе церкви в Гегарде; в Нораванке, в церкви Аствацацин «цепь» идет по карнизу, а в притворе сананнского монастыря ею опоясаны капители стройных колонн, поддерживающих своды и купол.

В тех постройках, где убранству входа хотели придать особую нарядность и прибегали к орнаменту, обрамление тоже украшалось резьбой разного рисунка. В гегардской церкви в соответствии со строгим характером известного уже орнамента на тимпане портал оконтурен широкой плоской полосой, покрытой прямолинейным плетением, образующим четкий узор, основанный на восьмиугольниках в верхней, горизонтальной части и на шестиугольниках по бокам (табл. 75).

Подобное плетение, дающее различные комбинации геометрических фигур, особенно часто встречается на главах, где, как уже было отмечено, им опоясывают барабан на некотором расстоянии от карниза. Так в Гегарде над арочками идет рельефная лента из выступающих жгутов, которые, изламываясь и переплетаясь, образуют ряды излюбленных восьмиконечных звездочек и крестов.

Звездчатый орнамент, родившийся в фигурных облицовках порталов, нашел применение и в их обрамлениях. Он украшает широкую кайму, идущую или по самому краю портала, или несколько отступающую от него в тех случаях, когда имеется профилированный борт. Композиционно он остается без изменений и как бы вырезается из сплошного

звездчатого набора с таким расчетом, чтобы получилась полоса из одного ряда звезд. Остальные заполняющие элементы: кресты при восьмиконечных звездах, шестиугольники и ромбы при шестиконечных, - естественно, входят в эту полосу только частично, половинками. Так как обрамления обычно составлялись не из фигурных камней, как облицовки, а из продолговатых плит, на которых были вырезаны целые звенья орнамента, звезды выделить цветом камня было нельзя, и мастера должны были прибегнуть к тому приему, который применен на тимпане в Сагмосаванке, т. е. выполнить резьбу в двух плоскостях для получения игры света и тени на их контурах. В Нор-Гетике на церкви Просветителя (табл. 70) и на портале западной двери в Дехцнут-ванке вырезаны шестиконечные рельефные звезды,— чаще же встречаются восьмиконечные. В Егварте на портале (табл. 90) и в Ованнаванке на наличнике западной двери церкви звезды исполнены более высоким рельефом, чем кресты, а в Нораванке на портале второго этажа церкви Богородицы, наоборот, они западают и выдаются расположенные по краям половинки крестов, так же как и на стенке алтарного возвышения находящейся здесь церкви св. Григория. Звездчатый узор обрамлений, как и в облицовках, украшается резьбой очень тонкой работы, причем рисунок ее в каждом элементе представляет вполне самостоятельный, законченный сюжет, состоящий или из геометрического плетения, следующего за формой элемента, или из переплетающихся побегов с условно трактованной листвой.

Входная ниша является центральной частью портала, и потому в ее отделке при отсутствии художественного такта было особенно легко впасть в известную неумеренность в использовании орнаментации и различных архитектурных деталей. Однако армянские мастера нашли необходимое равновесие всех составных элементов оригинально задуманной и разработанной композиции. Там, где убранство портала разрешалось без орнамента, ниша тоже имела весьма скромное обрамление, состоявшее из колонок и циркульной или стрельчатой арки несложного профиля, как например, в притворе Кечарука (рис. 87); в богато отделанных порталах иногда ее

окаймляли архивольтом, украшенным резьбой, которую можно также встретить на внутренней поверхности арки и на капителях колонок (Нор-Гетик).

В конце XIII в. на арках порталов появляются новые мотивы, положенные в основу армянских сталактитовых систем. Один из них—геометризованный трехлопастный лист помещают в арках в два-три ряда в шахматном порядке так, что каждый ряд нависает над нижележащим, образуя плавный переход от тимпана к плоскости портала. В качестве примеров можно назвать церкви в Агарцине, Дехцнут-ванке и притвор в Нораванке, причем в Агарцине рядами подобных трилистников украшена не только арка, но и обрамление. Убранство портала в Дехцнут-ванке очень интересно как образец комбинации из распространенных, характерных для XIII в. сюжетов, встречающихся на других постройках порознь: на арке—ряды трилистников, в обрамлении—кайма из шестиконечных рельефных звезд и профилированный борт, украшенный по наружному краю орнаментом.

В арке портала зодчими были использованы не только отдельные элементы армянских сталактитовых систем; на некоторых постройках арка представляет вполне законченную, нарядную сталактитовую композицию, обогащенную вдобавок кружевом резьбы. Так поступили, например, строители церквей Богородицы в Нораванке и монастыре Спитакавор (табл. 92). В последнем портал столь хорош, что никак нельзя понять, как могли появиться рядом с ним на стенах памятника нагромождения декоративных рельефных крестов, одному из которых к тому же придана неприятно изломанная форма (рис. 98).

Наряду с постройками, в которых армянские зодчие дали свое оригинальное решение входного портала, появляются архитектурные сооружения с более глубокой входной нишей, увенчанной не аркой, а ступенчатым сталактитовым сводом, распространенным в малоазийских владениях сельджукской династии; при этом самые сталактиты носят признаки заимствования, отличаясь от разработанных в это время характерных армянских лиственных сталактитов. Подобные ниши не получили широкого распространения и встречаются в отдельных постройках преимущественно во второй половине тринадцатого и в четырнадцатом веке. Это и понятно, так как обстановка, создавшаяся к моменту прихода к власти Долгоруких, совсем не побуждала армянских зодчих к простому повторению зарубежных образцов. Наоборот, в условиях становления новой национальной знати от них требовалось создание построек, которые бы свидетельствовали об ее мощи и независимости, что и было мастерски осуществлено во дворце парона, доме Саргиса, гостиницах, где повсеместно распространенная форма портала нашла иное, присущее только армянскому зодчеству выражение.

Не то стало во второй половине XIII в., когда Армения оказалась под властью монголов. Армянские пароны пошли на ханскую службу. Одни из них участвовали в монгольских походах, другие выполняли хозяйственные поручения, третьи обогащались на сборе поступлений в казну.

Неудивительно поэтому, что парон Сахмадин, начав в 1276 г. постройку своего дворца в Мренс, на который было истрачено сорок тысяч золотых динариев, берет за образец не анийские дворец или гостиницу, а мечеть в Конии где он, несомненно, бывал, так как «начертал своим умом, без мастера, план, заложил основание этого дворца и сада и окончил в десять лет»[illegible]. В постройке Сахмадина повторены все элементы фасада конийской мечети: над ступенчатым верхом ниши выведена почти во всю ширину портала декоративная стрельчатая арка, в углах прямоугольного поля, охваченного мулюрованным обрамлением, помещены две розетки и даже надпись, из которой мы узнаем историю и стоимость постройки, вырезана на том же самом месте над порталом. Парон Сахмадин не задумывался над тем, чтобы создать что-либо новое на основе родных форм, разработанных армянскими зодчими в начале века, так как ему, ханскому чиновнику, прежде всего нужно было придать своей резиденции вид, соответствовавший положению при дворе правителей.

Подобная отделка портала нашла свое место не только во дворцах, караван-сараях (Селим) и притворах (Тамджирлу), но и на самих церквах, как это можно видеть, например, в Егварте (табл. 90). Характерно, однако, что заимствованное

кое-где нововведение коснулось главным образом внешней стороны зданий, а в интерьере армянские зодчие по-прежнему проявляют свою самостоятельность, ставя и удачно решая сложные по конструкции и отделке задачи, среди которых особо выделяются знакомые нам композиции притворов и трапезных.

Приведенные примеры показывают, что в рассматриваемое время резной орнамент играет первостепенную роль в убранстве фасадов. Строгие узоры до-арабского и багратидского времени сменяются теперь сложным плетением, пышными растительными сюжетами и декоративными изображениями животных и птиц, подчас в фантастической трактовке. В облицовочных наборах из фигурных камней и их имитациях поле каждого элемента заполняется сложными геометрическими фигурами, сплетенными из двухрубчатой ленты и различными комбинациями из побегов, листьев и «цветов». В орнаментированных полосах, обрамляющих порталы и оконные и дверные проемы, также видим плетение и растительные мотивы. Простой и ясный геометрический орнамент, который украшает, например, дверь в гегардской церкви, позднее, начиная с середины XIII в., заметно меняет свою структуру; он усложняется, становится мельче и замысловатее, его элементы концентрично расходятся от следующих один за другим центров (подчеркнутых иногда «бусами») и, переплетаясь между собой, образуют сплошное кружево резьбы трудно читаемого рисунка. Таковы, например, обрамления входов караван-сарая в Зоре и притвора в Тамджирлу (Апаранский район), где мастера развили лепестковый звездчатый мотив, широко распространенный в странах мусульманского мира.

Основа формы главнейших элементов растительного орнамента—листьев и условно прорисованных цветов постоянна, что не мешает, однако, мастерам разрабатывать узор по-разному, в зависимости от того, какие архитектурные детали он заполняет. В подобном орнаменте побеги часто образуют несколько переплетающихся систем. Одиночные удлиненные листья плавно разворачиваются из стеблей, переплетаются с ними и заканчиваются завитками; они уширены у основания

и часто имеют рубчатое строение. На концах спиралей распускаются «цветы» различного вида, - либо симметричные с небольшим средним лепестком, либо изогнутые в соответствии с направлением побега, за которым следует удлиненный средний лепесток, образующий на конце завиток. Разработанный по такой схеме орнамент видим в начале XIII в., например, на сплошь покрытой резьбой стенке алтарного возвышения в Ариче и в антрвольтах анийской церкви Тиграна Оненца, где он фигурирует и как самостоятельный сюжет, и как фон, на котором располагаются вырезанные более высоким рельефом фигуры животных и птиц. В Нор-Гетике узор лишен листвы и образован сложным сплетением побегов, в завитках которых разбросаны цветы (табл. 70). В Макараванке (Иджеванский район XIII в.) на алтарном возвышении орнамент, наоборот, пышен и разнообразен (табл. 93). Здесь вся передняя стенка возвышения заполнена двумя рядами медальонов в виде восьмиконечных звезд, между которыми располагаются украшенные сложными розетками восьмиугольники и гладкие ромбы. Медальоны окаймлены сильно выступающими полочками и валиками, в контур которых мастерски вписаны резные изображения сиринов, сфинксов, птиц, рыб и даже сцена Ионы с китом. Там же, где их заполняют растительные мотивы, листья и цветы образуют нарядные букеты, в которых стебли и ветви имеют второстепенное значение.

Фантастические фигуры сиринов и сфинксов с женской головой в короне или ином уборе, а иногда и без него, можно встретить всюду; они украшают стены построек, богатую утварь, ценнейшие рукописи армянских монастырей. И везде они трактуются одинаково. Разве не проявляют сходства изображения сиринов в антрвольтах церкви Тиграна Оненца (табл. 99) и на киликийской чаше из Вильгорта (табл. 94) и разве не похожи друг на друга фигуры сфинксов в Нораванке и Двине на обломке восточного серебряного сосуда, найденного на северном Урале и в миниатюрах рукописей ванской школы XIV в. Особое постоянство проявляют художники в начертании крыла, вырастающего над лопаткой, обязательно охваченной характерной «шпорой» с завитком, которую

мы видим еще на серебряных изделиях сасанидского времени в изображениях фантастической собаки-птицы. Столь же постоянны они и в разработке растительного фона, на котором располагаются фигуры; достаточно сравнить между собой фрагменты из Нораванка и Двина и чеканные звенья вильгортской чаши, чтобы убедиться в ближайшем сходстве рисунка листьев и «цветов», одевающих побеги.

Говоря о замечательном мастерстве резчиков по камню, работы которых отмечены неистощимой выдумкой в создании различных узорчатых композиций и тонкостью исполнения, нельзя не упомянуть о так называемых крестных камнях— *хачкарах,* отличающихся особенной ажурностью резьбы. Эти орнаментированные каменные плиты с изображением креста либо устанавливались вертикально на постаменте, либо заделывались в стену постройки; иногда для них устраивали обрамление в виде ниши с циркульным верхом и двускатной кровлей, основанной также на высоком пьедестале. Их сооружали по разным поводам. Мы уже упоминали о двух крестных камнях, находящихся в Санаине и Ахпате. Первый был поставлен в 1205 г. по случаю постройки монастырской гостиницы, второй воздвигнут в 1273 г. парону Садуну в «долгоденствие» еще при жизни. В 1200 г. Захария Долгорукий ознаменовал сооружением крестного камня с соответствующей надписью освобождение Анберда от иноземцев. Ставили их также у дорог и мостов. Чаще же всего крестные камни являются надгробными памятниками, сменившими древние стелы и кресты на колоннах. На ранних образцах (один из древнейших хачкаров с архаическим орнаментом и датой 952 г. был обнаружен в новой части Ани) резьба была весьма проста и ограничивалась по преимуществу изображением креста, украшенного у основания пальметами.

Предшественником анийского хачкара следует считать огромную грубо обтесанную круглую плиту из Талина с изображением равноконечного креста с пальметами на концах и между его рукавами (табл. 95). Назначение этого своеобразного хачкара неясно, так как круглая форма и выпуклая поверхность исключают возможность использования его как стелы. Но по деталям креста и начертанию пальмет он весьма близок анийскому памятнику. Один из лучших крестных камней раннего периода (не позднее первой половины XI в.) стоит напротив восточной стены церкви в Бджни (табл. 96). Рисунок его креста и остальных деталей выполнен весьма сочно и выгодно отличается от измельченных плетений рассеянных по стране ремесленно сработанных хачкаров. Позднее к XIII в. начинают покрывать тончайшим кружевом резьбы все поле плиты, часто в нескольких плоскостях, как это сделано, например, в Нор-Гетике, где мастер Погос на мелкой сетке более высоким рельефом вырезал крест, большую розетку под ним и звездчатую кайму по бокам. Верх камня защищен от стекающей воды сильно выгнутым вперед карнизом (табл. 71).

Особую группу составляют крестные камни, стоящие словно лес на старом кладбище около несуществующего ныне богатого торгового города Джульфы на Араксе (табл. 97), откуда персидский властитель Шах-Аббас в самом начале XVII в. злодейски выселил всех жителей для отправки в малонаселенные области Персии. По композиции и сухой четкости резьбы они резко отличаются от крестных камней, которые видим повсюду на могилах и стенах церквей. Вытянутой вверх форме плиты отвечает либо одна ниша со стрельчатым завершением, либо расположенные в два яруса ряды мелких нишек такого же вида. Внизу – узорчатая розетка. Наверху, над резным обрамлением—опять ряд нишек (со стрельчатым верхом и крестами), заменяющий карниз.

От резчиков по камню не отстают в творческой выдумке и совершенстве исполнения мастера, покрывающие своими узорами деревянные части построек. Широко известна превосходная дверь из Муша (1134 г.). Створки ее украшены звездчатым многолепестковым орнаментом, а на наличнике особое внимание привлекают мастерски вплетенные в волнообразную ветвь фигуры бегущих друг за другом животных (табл. 98)[161].

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ XII—XIV вв.

Мы уже имели возможность видеть то новое, что было создано армянскими зодчими в XII—XIV вв. в новых условиях в связи с усиленным развитием городской жизни как в Армении, так и за ее пределами. Основной особенностью армянской архитектуры рассматриваемого времени является значительно больший вес монументального гражданского строительства, потребовавшего от зодчих разработки новых архитектурных тем, а соответственно и новых форм и приемов убранства.

Знать, высшее духовенство и богатые горожане строят себе нарядные дворцы и жилые дома. В связи с оживленной караванной торговлей возводятся многочисленные сооружения, обслуживающие купцов и деловых людей (гостиницы в городах, караван-сараи и мосты на важнейших путях). В монастырях и при многих отдельных церквах широко разворачивается строительство притворов, выполняющих в значительной мере функции светских зданий.

Притворы и сходные с ними монастырские трапезные являются наиболее выдающимися новыми архитектурными композициями рассматриваемого времени. Ясное объемное решение, в основу которого положена воплощенная в камень схема народного жилого дома, и четкая конструктивность показывают, что лучшие здоровые строительные традиции предшествующих веков получили дальнейшее развитие в названных сооружениях

Установившиеся в церковном зодчестве основные типы, за немногими исключениями (например, двухэтажные церкви), не претерпевают существенных изменений.

Во внешнем оформлении зданий первенствующее значение приобретает прямоугольный портал, получивший повсеместное распространение в архитектуре стран Передней Азии. В приемах орнаментальной отделки зданий видна тенденция к узорчатой декоративности, особенно ярко проявлявшаяся в светских зданиях Ани. Сколько творческой энергии и исполнительского труда было вложено в отделку гостиниц

и создание невиданных до того наборов из фигурных камней, сплошь покрытых тончайшей резьбой, на фасадах дворца парона и дома Саргиса! Мы не знаем, рассматривали ли жители города камень за камнем неповторяющиеся узоры, но несомненно, общий живописный облик этих зданий привлекал к себе внимание, а в соответствии с расчетом предпринимателей и выгодных постояльцев в гостиницы. Следует отметить, что богатая орнаментация в анийских зданиях органически связана с архитектурными элементами порталов, разработанных весьма своеобразно, в строгих общих формах.

Отмеченная тенденция нашла отражение и в церковном зодчестве, где к концу рассматриваемого периода можно встретить постройки, фасадное убранство которых грешит излишествами и вступает в противоречие с архитектурой здания.

В области инженерного дела строители не ограничиваются только повторением того, что было создано их предшественниками и прочно вошло в строительную практику, а смело идут вперед, создавая принципиально новые конструктивные системы, лучше отвечающие назначению здания. Необходимость получить просторный интерьер в притворах и трапезных приводит их к идее превосходно осуществленного в натуре сводчатого перекрытия на перекрещивающихся арках, не требующего промежуточных опор (колонн и столбов). Наряду с применением ранее известных видов сводов строители при перекрытии отдельных секций в притворах и трапезных мастерски разрабатывают разнообразные новые сводчатые конструкции, среди которых особенно выделяются сталактитовые ложные своды и узорчатые плоские потолки, набранные из разноцветных фигурных камней. При этом резное убранство декоративного на первый взгляд сталактитового свода при ближайшем рассмотрении оказывается составной частью его тщательно продуманной конструкции. О диапазоне технических знаний и навыков строителей XIII в. свидетельствует, например, осуществление ими такого сложного архитектурного комплекса, как подземный монастырь в Гегарде.

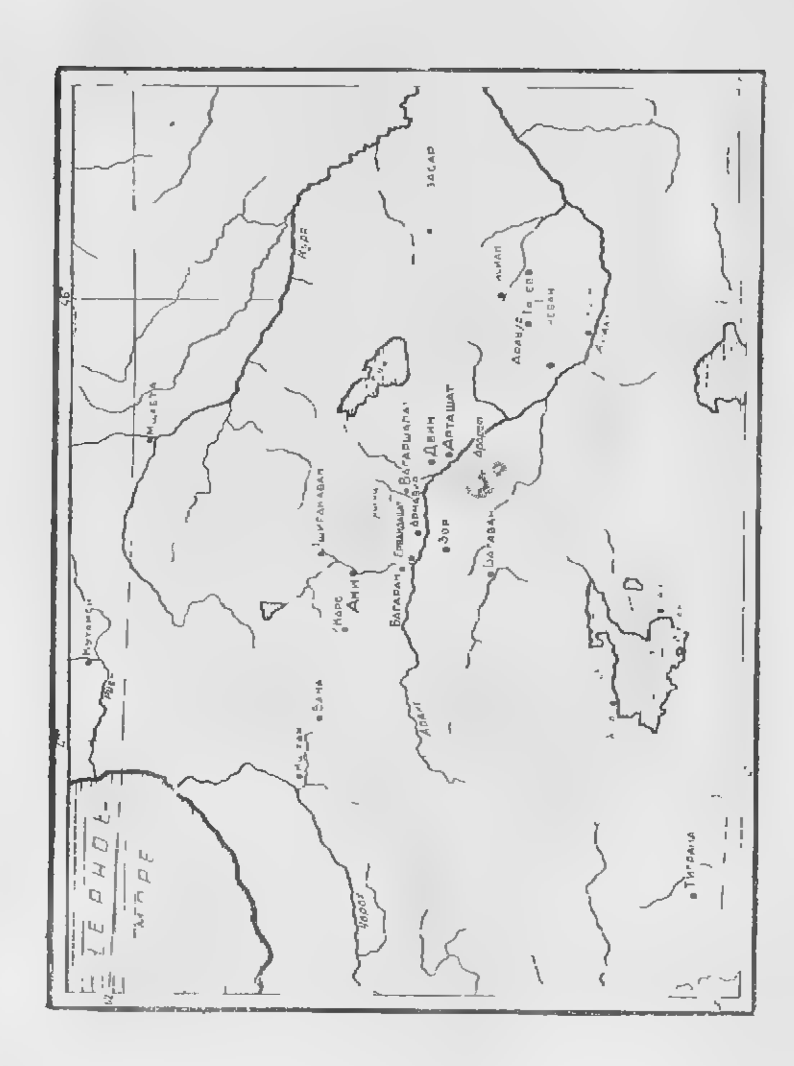
Разрешая сложные архитектурные и инженерно-строи-

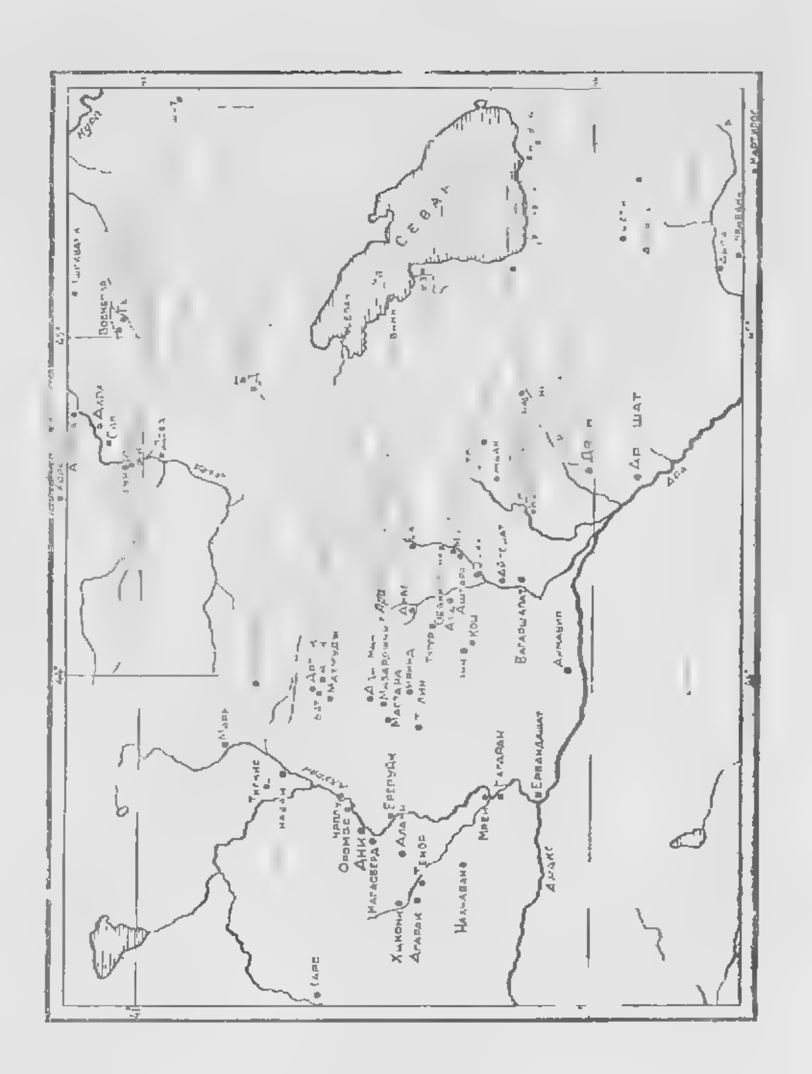
тельные задачи, строители уделяли неменьшее внимание и второстепенным вопросам. В качестве примера остановимся на вопросе об устройстве кровель. Как было сказано, уже в черепичных покрытиях мастера для обеспечения водонепроницаемости не останавливаются перед приданием плоской и желобчатой черепице сложной конфигурации. С повсеместным в Армении переходом к камню как к кровельному материалу, так же всесторонне продумываются вид и способ укладки кровельных плит. Техническое мастерство строителей рассматриваемого времени нашло отражение и в этом деле. Для лучшего отвода воды от стыков плит иногда на каждой из них прорезались два желобка, начинавшиеся у верхних углов и сходившиеся под углом к середине в один продольный желоб, из которого вода стекала в треугольник, образованный желобками нижележащей плиты (Ахтала); таким образом, около гуртов могла скопляться только вода, падавшая на одну плиту. В кровле притвора 1260 года в Нораване продольные стыки накрыты полукруглыми гуртами, образующими четверти, и, кроме того, ограждены желобками треугольного сечения, идущими вдоль гуртов. Невозможность затекания воды в поперечные сопряжения, расположенные в шахматном порядке, обеспечивают четверти, вырезанные в толще плиты в виде зуба со стоком к его острию. Если все же вода попадает в сопряжение, ее выводит на поверхность остроконечный желобок. Конечно, эти меры приводили к нужному результату при небольших осадках,—во время ливня по каждой секции кровли устремлялся вниз сплошной поток воды, накрывавший все бороздки и желобки, начинавшие опять работать только по окончании непогоды, освобождая сопряжения от попавшей в них воды.

Изучение дошедших до нас памятников показывает, что неустанно работавшая творческая мысль одаренных зодчих и изобретательных мастеров строительного дела нашла собственные, своеобразные пути развития средневековой армянской архитектуры. В стране, являвшейся постоянной участницей событий, происходивших в Передней Азии, и поддерживавшей тесные экономические и культурные взаимосвязи со своими соседями, мастерам было легко подпасть под различные влияния. Было бы ошибкой утверждать, что армянские зодчие не использовали в своей деятельности опыта зарубежных собратий по профессии. Но, принимая общие решения некоторых архитектурных тем, найденных соседями, они творчески перерабатывали их, вкладывая качественно новое содержание, сообразуясь с требованиями, выдвигавшимися существовавшими в стране условиями. В настоящей работе мы показали, например, какой своеобразный, присущий только армянской архитектуре облик получила портальная форма фасада в светских зданиях XII –XIV вв. Примечательно при этом, что даже в художественной отделке этих зданий мастера, смело новаторствуя, не пошли по пути механического, реставраторского переноса в гражданскую архитектуру приемов, выработанных на протяжении многих веков в церковном зодчестве. Наоборот, портал мы даже видим как оформление входа и в церквах. Это показывает, сколь чутко мастера отзывались на запросы широких кругов заказчиков на отдельных этапах рассмотренного нами тысячелетия.

В творчестве средневековых строителей, прекрасно знавших свои материалы, поучительно слиты воедино превосходные формы, глубоко продуманные конструкции и тонкая художественная отделка. И этими качествами отличаются творения не только таких отмеченных историей мастеров, как Трдат. Можно отметить немало скромных памятников архитектуры, стоящих в разных концах армянской земли, создателей которых следует поставить в одну шеренгу с крупнейшими зодчими средневековой Армении.

Армянский народ, создав выдающуюся по своим достоинствам и своеобразию архитектуру, внес ценный вклад в сокровищницу мировой культуры.





ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ксенофонт. Анабасис. Перевод, статья и примечания М. И. Максимовой, М.—Л., 1951, стр. 112
2. Калантар А. А., Открытие дохалдского поселения близ Ленинакана. Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934, № 9, 10, стр. 166 и сл.
3. Манандян Я. А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1944, стр. 55.
4. Армянские дома рассматриваемого типа обследовал С. Лисициан, опубликовавший ряд статей о народном жилье (см. список литературы).
5. Токарский Н. М., Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 г., ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 337, табл. XVIII.
6. Ксенофонт. Анабасис, М.—Л., 1951, стр. 107.
7. Манандян Я. А., О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1930, стр. 28—29.
8. Моисей Хоренский. История Армении. Перевод Н. О. Эмина, М., 1893, стр. 21.
9. Моисей Хоренский, История, стр. 34, 60.
10. Тревер К. В., Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 104—156.
11. Моисей Хоренский, История, стр. 90, 91. Даты приняты по Я. А. Манандяну.
12. Моисей Хоренский, История, стр. 91, 92.
13. Орбели И. А. Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца. Петроград, 1918, стр. 48.
14. География Страбона в 17 книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, М., 1879, XI, 14, 6, стр. 539.

15. Плутарх. Избранные биографии, Марк Красс, М Л., 1941, стр. 266.
16. Об Армении при Тигране II см. Я. А. Манандян—Тигран II и Рим, в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943.
17. Манандян Я. А., О торговле и городах Армении, стр. 90—94.
18. Результаты работ в Гарни опубликованы Б. Аракеляном в серии «Археологические раскопки в Армении», № 3, 1951, № 7, Ереван, 1957.
19. Манандян Я. А. Греческая надпись Гарни и время постройки языческого храма, Ереван, 1946, стр 45.
20. Тревер К. В. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., 1949.
21. Романов К. К. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. Из истории докапиталистических формаций, Сб. статей, М. Л., 1933 (приводимые чертежи скопированы из этой работы).
22. Моисей Хоренский, История, стр. 138.
23. Манандян Я. А., Греческая надпись Гарни, стр. 44 и сл., Романов К. К., ук. соч., стр. 649—654.
24. Ростовцев М., Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж, СПБ, 1908, стр. 138. См. также Михаловский И. Б., Архитектурные формы античности, изд. 4-е, М., 1949, стр. 91, 92.
25. Буниатов Н. Г., Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Эривань, 1933; Токарский Н. Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, стр. 23.
26. L'art romain en Suisse, Texte de M. Waldemar Deonna, 1940, рис. 57.
27. Токарский Н. М., Капитель из Анберда, Труды отдела Востока Государств. Эрмитажа, т. III, Л., 1940, стр. 217 и сл.
28. Иоанн Крымский, Описание монастырей Ахпатского и Санагинского, Mémoires l'Académie impériale des Scienses de St-Pétersbourg, VII série, t. VI, № 6, St.-Pétersbourg, 1863, стр. 44.
29. *Ղաֆադարյան Կարո, Դվին քաղաքը և նրա պեղումները, Երևան, 1952,* (с русским резюме).
30. Шахназарян А. С., Двин, историко-географический очерк, Ереван, 1940.
31. История епископа Себеоса, перевод с четвертого исправленного армянского издания Ст. Малхасянца, Ереван, 1939.
32. Об архитектурных памятниках Двина В. Арутюняном изданы две статьи на русском языке и одна на армянском (см. список литературы).
33. Халпахчьян О. Х., Архитектура армянских трапезных, Архитектурное наследство, 3, М., 1953, стр. 140, 141.
34. В монографии К Кафадаряна «Двин и его раскопки» (на армянском яз.), Ереван, 1952, стр. 107, 269.
35. Арутюнян В. М., Архитектура патриаршего дворца в Двине. Тр. Ерев. политехн. ин-та, Ереван, 1947, стр 148, Кафадарян К., ук. со стр. 268.

36. Кафадарян К., ук. соч., стр. 268.
37. Иоанн Католикос. История Армении. Тифлис, 1912, стр. 90 и сл. (на арм. языке).
38. Результаты раскопок опубликованы В. М. Арутюняном в Известиях Академии наук Арм. ССР, № 8 (общественные науки), 1953, стр. 53—65 (на арм. яз.).
39. Арутюнян В. М., Известия Академии наук Арм. ССР, № 8, стр. 61.
40. Караулов Н. А., Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Текст, перевод и примечания I, Ал-Истахрий, Тифлис, 1901, стр. 19.
41. André Godard (Iran), Note sur d'anciennes mosquées de l'Iran, Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М. - Л, 1939, стр. 70 (на франц. яз.).
42. Буниатов Н. Г., Ани, Дворцовая церковь, Памятники армянского искусства, вып. 1, Петроград, 1915, табл. XVI. Марр Н. Я. Описание Дворцовой церкви в Ани, Анийские древности, I, Петроград, 1916, стр. 8, 9.
43. *Թորամանյան Թորոս, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, Երևան,* MCMXLII, стр. 85, 130 (Тораманян Торос, Материалы по истории армянской архитектуры, Ереван), I. Strzygowski, Die Baukunst de Armenier und Europa, Wien, 1918., I, стр. 140, 378. II. стр 791.
44. Тораманян Т., Материалы, I, стр. 189 *Սահինյան Ալեքսանդր, Քասաղի բազիլիկայի ճարտարապետությունը, Երևան,* 1955 (Саинян Александр. Архитектура Касахской базилики (с русским резюме), Ереван, стр. 242. Кафадарян К., ук. соч., 268.
45. Butler H. C., Architecture and other arts, New-York, MCMIII, стр. 105. Vogüe, Syrie centrale, Paris, 1865—1877, II, табл. 88.
46. I. Strzygowski, ук. соч., I, рис. 183.
47. Саинян А., Архитектура Касахской базилики. Несмотря на отсутствие возвышения среднего нефа над боковыми, здесь условно сохранено наименование «базилика».
48. Тораманян Т., О древнейших формах Эчмиадзинского храма, ЗВО, т. XIX, СПБ, 1909, стр. 31—52.
49. Месроп Тер-Мовсесян, Раскопки развалин церкви св. Григория близ Эчмиадзина, ИАК, вып. 7, СПБ, 1903, стр. 36.
50. Степанос Таронский (Асох'ик), писатель XI в., Всеобщая история, перевод и объяснения Н. О. Эмина, М, 1861.
51. История Себеоса, стр. 77.
52. Сообщение католикоса Иоанна даем в переводе Н. Я. Марра (По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма», ЗВО, т. XIX, стр. 58).
53. *Սահինյան Ալ., Նոր նյութեր էջմիածնի մայր տաճարի կառուցվածքի վերաբերյալ, «Էջմիածին», 1956,* VIII—IX, стр. 61, XI XII, стр. 56 и сл. См. также краткое изложение его доклада на XXV Международн. конгрессе

востоковедов «Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора», М., 1960.
54. Орбели И. А., Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в., ХВ, т. II, вып. I, С.-Петербург, 1913, стр. 132 и сл.
55. Тораманян Т., Материалы, I, рис. 121.
56. Millet G., L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, стр 73, 74.
57. Орбели И. А., Багаванская надпись, стр. 106. Подробное описание храма дано И. А. Орбели в статье «Багаванский храм и его надписи» ХВ, т. V, вып. II, Петроград, 1917, стр. 128 и сл.
58. История Себеоса, стр. 58, 68.
59. *Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և մշակույթի պատմության պրակ (3), Նյու Յորք, 1944։*
60. Орбели И., Багаванская надпись, стр. 138—142. Шесть армянских надписей VII—X вв., т. III, вып. I, Петроград, 1914, стр. 89—9! Арутюнян В. М. По поводу датировки храма в Аруче, Сб. тр. Ереванск. политехн. и-та, № 2, 1946, Ереван.
61. Моисей Каганкатуйский, История Агван. Перевод с армянского К. Патканьяна, СПБ, 1861, стр. 258. Вардан (Великий), Всеобщая история, русск. перевод Н. О. Эмина, М., 1861, стр. 106.
62. Орбели И., Багаванская надпись, стр. 131.
63. Орбели И., Багаванская надпись, стр. 126 и с
64. История Себеоса, стр. 68.
65. Орбели И., Шесть армянских надписей, стр. 87.
66. История Себеоса, стр. 76, 77. Орбели И., Шесть армянских надпис стр. 72 и сл. Еремян А. Б., Храм Рипсимэ, Ереван, 1955.
67. Чхиквадзе М. А., Архитектура Джвари, М., 1940.
Чубинашвили Г. Н., Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948.
68. История Себеоса, стр. 119, 120.
69. История Себеоса, стр. 119.
70. Степанос Таронский, Всеобщая история, стр. 155.
71. Такайшвили Е., МАК, вып. XII, М., 1909, стр. 114, примеч. 2 (Хроники Жордания, I, стр. 131).
72. Георгий Мерчул, Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Я. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию, ТР, кн. VII, С.-Петербург, 1911, стр. 98, 107.
73. Такайшвили Е. С., Источники грузинских летописей. Три хроники, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XVIII, Тифлис, 1900, стр. 146.
74. История Себеоса, стр. 119, 120.
75. Степанос Таронский, Всеобщая история, стр. 75.
76. История Себеоса, стр. 101, 121.
77. Тораманян Т, Материалы, I, стр. 236 и сл., II, стр. 77 и сл., под

робное описание результатов работ и сведения историков о постройках Нерсеса опубликованы М. Тер-Мовсесяном в VII выпуске ИАК (ук. соч., стр. 1—48). Краткие описания памятников приведены в изданных в Ереване путеводителях: «Исторические памятники Армянской ССР (III) и Арутюнян В. М. Звартноц, 1947 и 1954. См. также Арутюнян В. М., Эчмиадзин. М., 1958.
78. Кузнецов А. В., Тектоника и конструкция центрических зданий. т. I, М., 1951.
79. *Մնացականյան Ս. Խ. Զվարթնոցի վերակազմության նախագծի հարցի շուրջը, ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», N 4, Երևան, 1959, Զվարթնոցի վերակազմության նոր նախագիծը, ՀՍՍՌ ԳԱ, «Տեղեկագիր», N 9, Երևան, 1959։*
80. Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры, т. II, М.—Л., 1935, стр. 484.
81. Бараиовский П., Памятники в селениях Кум и Лекит, Архитектура Азербайджана, Эпоха Низами. Москва—Баку, 1947, стр. 31 и сл.
82. Моисей Каганкатуйский. История Агван, стр. 148, 158, 258.
83. Иоанн Католикос, История Армении, стр. 90, 91.
84. Токарский Н. М., Джрвеж, I, Результаты раскопок 1957 г., Археологические раскопки в Армении, № 8, Ереван, 1959
Տոկարսկի Ն. Հայ ճարտարապետության նորահայտ հուշարձաններ Ջրվեժում, «Էջմիածին», Էջմիածին, 1959, դ, 26.
85. Манандян Я. А., Народные восстания в Армении против арабского владычества, Ереван, 1939
86. Степанос Таронский, ук. соч., стр. 110
87. Степанос Таронский, ук. соч., стр. 117.
88. Результаты раскопок и исследований в Ани опубликованы Н. Я. Марром в ряде отчетов и статей, перечисленных в списке литературы, а также в труде Ани, книжная история города и раскопки на месте городища, М.—Л., 1934. Истории и древностям города посвящен очерк И. А. Орбели— Развалины Ани, СПБ, 1911. Описание памятников и их топография даны И. А. Орбели в Кратком путеводителе по городищу Ани (Анийская серия, № 4, СПБ, 1910) и статьи Т. Тораманяна об Ани— Материалы, т. I и II (на арм. яз.).
89. Марр Н. Я., XI Анийская археологическая кампания, ТР, кн. XIII, СПБ, 1913, стр. 31.
90. Степанос Таронский, Всеобщая история, стр. 128
91. Степанос Таронский, Всеобщая, стр 130.
92. Орбели И. А., О двух терминах в надписях Ани, ИРАИМК, т. I, Петроград, 1921, стр. 114.
93. Степанос Таронский. Всеобщая история, стр. 130, 184.
94. Степанос Таронский, Всеобщая история, стр. 180, О Трдате см. Оганесян К. Л. «Зодчий Трдат», Ереван, 1951.
95. Марр Н. Я., Ани, стр. 119—121.

96. Степанос Таронский. Всеобщая история, глава XLII, стр. 204. О храме Гагика I см. Н. Марр. О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. (предварительный отчет), ТР, кн. X, СПБ, 1907.

97. Тораманян Т.. Материалы, I, стр. 276.

98. Описание памятника на армянском языке издано Е. Лалаяном в *Ազգագրական հանդես*, գ.XX, № 2, 1910. См. также W. Bachmann. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig,1913, стр. 40 и сл., табл. 45—50.

99. Сивков А. В., Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении, Изв. АН Арм. ССР. № 1—2, Ереван; Токарский Н. М. Об основной армянской линейной мере, ИРАИМК, т. III., 1924, стр. 329.

100. Орбели И. А., Надписи Мармашена, Памятники армянской эпиграфики, I, Петроград, 1914. Иоанн Крымский перевел это слово, как обитель (ук. соч., стр. 12).

101. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, соч. т. VIII, М.—Л., 1931, стр. 130.

102. Степанос Таронский, Всеобщая история, стр. 119, 125, 126

103. Иоанн Католикос, История, стр. 335, 339.

104. Об архитектурных памятниках IX—X вв. на побережье Севана см. Мнацаканян С. Х. Новые материалы по истории армянского зодчества, Изв. АН Арм. ССР, № 2, 1957, Ереван. Его же *Հայկական ճարտարապետության Սյունիքի դպրոցը», Երևան, 1960.* Н. Токарский, ИРАИМК, т IV, 1925

105. Меликсет-Бек Л. Новооткрытая надпись на Севане от 874 г.. Сборник памяти Н. Я. Марра, М.—Л., 409 и сл.

106. Византийский Временник, III, 1950, стр. 259, 266.

107. Чубинашвили Г. Н., Армянское искусство с конца IX и до начала XI в.. Сасунский Давид. Сборник под редакцией Меликсет-Бека, Тбилиси, 1939, стр. 44, 45.

108. Степанос Таронский. ук. соч., стр. 202, 203.

109. Сведения о сельджукском движении в XI в. нами заимствованы из работы А. Якубовского «Сельджукское движение и туркмены в XI в.», ИАН, № 4, 1937.

110. Орбели И. А., Проблема сельджукского искусства, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, стр. 151.

111. Орбели И. А., там же, стр. 151.

112. Орбели И. А., Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, стр. 15, См. также Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов и Д. Мотис. «Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья» Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР, № 7, 1942, Баку, стр. 5.

113. Орбели И. А., Памятники эпохи Руставели, стр. 114.

114. Иосиф Орбели, Басни средневековой Армении, М. Л., 1956, стр. 71.

115. Якубовский А. Ю., Памятники эпохи Руставели, стр. 30.

116. Орбели И. А., Проблема сельджукского искусства, стр. 152. О названных мавзолеях и надгробьях, см. W. Bachmann, ук. соч., стр. 58 и сл., табл. 44, 46—55.

117. Марр Н. Я., Ани, стр. 44.

118. Марр Н. Я., Надпись Епифания, католикоса Грузии. ИАН, СПБ, 1910, стр. 1439.

119. О раскопанных постройках, см. Марр Н Я., XI Анийская археологическая кампания, стр 44 и сл.

120. Тораманян Т., Материалы, I, стр. 351.

121. Орбели И. А., Мусульманские изразцы, Петербург, 1923, стр. 16.

122. Райгородский С. П., Кануков Э. И. Ханега на реке Пирсагат. Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами, стр. 203 и сл., табл. 48. Крачковская В. А. Изразцы мавзолея Пир-Хусейна, Тбилиси, 1946.

123. Орбели И. А. Мусульманский Восток Л., 1925, табл. VI.

124. Полупанов С. Н., Архитектурные памятники Самарканда, М., 1948, рис. 101.

125. Sarre Fr., Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901.

126. Орбели И. А., Киликийская серебряная чаша конца XII в., Памятники эпохи Руставели, стр. 261.

127. Бартольд В. В., Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, Анийская серия, № 5, СПБ, 1911, стр. 7.

128. Манандян Я. А., О торговле и городах Армении, стр. 203.

129. Кафадарян К., ук. соч., рис. 110.

130. Sarre Fr., Erzeugnisse islamischer Kunst. P. II, Leipzig, 1909 стр. 22, табл. V.

131. Лорис-Калантар А.. Развалины древнего караван-сарая, ХВ, т. III, вып. I, тр. 101, 102, О караван-сараях и мостах, см. Арутюнян В. М. «Караван-сараи и мосты средневековой Армении», Сб. тр. Ерев. политехн. ин-та, № 17, 1958, Ереван, стр. 101—121 и его же—*Միջնադարյան Հայաստանի քարվանատներն ու կամուրջները, Երևան, 1960։*

132. Петрушевский И. П., Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья, ИАН, № 4, 1937, стр. 915.

133. Орбели И. А., Надпись санаинского моста, ХВ, т. IV, вып. II, Петроград, 1915, стр. 191, табл. VIII, IX.

134. Якобсон А. Л., Из истории армянского средневекового зодчества. Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, вып. XIII, 1946, стр. 37 (автор не совсем точно определяет местоположение ворот).

135. Якобсон А. Л., там же, стр. 33 и сл.

136. Это предположение, высказанное нами в книге «Архитектура древней Армении» (стр. 174), нашло подтверждение в работе Гарегина Овсепяна: *Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք Հայոց պատմության մեջ, մաս. Երկրորդ, Երուսաղեմ*, 1944, стр. 6.

137. Якобсон А. Л., Из истории зодчества средневековой Армении, М., 1952, стр. 322.
138. Мнацаканян С. Х., Архитектура армянских притворов. Ереван, 1952, стр. 53.
139. *Ջանփոլադյան Հռ., Մխիթար Գոշը և Նոր Գետիկի վանքը, Երևան, 1948.* Мнацаканян С. Х., Архитектура армянских притворов.
140. Марр Н. Я., Ани, столица древней Армении, Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, изд. 2-е, М., 1898, стр. 210.
141. Исторические памятники Арм. ССР. Иджеванский район (путеводитель). Составил О. Егназарян, Ереван, 1947, стр. 38 и сл.
142. Мнацаканян С. Х., Архитектура армянских притворов, гл. V, см также «Армянские сталактиты». Изв. АН Арм. ССР, № 9, 1950, Ереван.
143. Описание монастыря Апостолов и памятников Дехцнута, см. «Исторические памятники Арм. ССР, Иджеванский район», стр. 38 и сл., 44 и сл.
144. О Хоракерте и Мшкаванке см. Якобсон А. Л. Советская археология, XIV, 1950, стр. 246 и сл.
145. Мнацаканян С. Х., Архитектура армянских притворов, стр. 81, рис. 77—79.
146. МАК, вып. XIII, стр. 86.
147. Халпахчьян О. Строительные традиции мастеров Армении, «Архитектурное наследство», 3, М,. 1953, рис. 42.
148. Якобсон А. Л., Советская археология, XIV, стр. 247 и сл., Халпахчьян О., ук. соч., рис. 43.
149. Трапезным посвящен очерк О. Халпахчьяна—Архитектура армянских трапезных, «Архитектурное наследство», 3, откуда мы заимствуем сведения о Тегеняц-ванке и Кобайре.
150. Орбели И. А., О двух терминах в надписях Ани, стр. 116.
151. МАК, вып. XIII, стр. 7—9.
152. Церковь построена князем Буртелом (XIV в.), не позднее 1329 г., так как уже упоминается в рукописи № 391 иерусалимского хранилища, датированной этим годом (*Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց, VI, կազմեց Նորայր եպս. Պողարեան, Երուսաղէմ, 1956,* Эти сведения мне любезно сообщил Л. С. Хачикян.
153. Якобсон А. Л., Ежегодник Института истории искусств, 1952, стр. 342 и сл.
154. Якобсон А. Л., Ежегодник Института истории искусств, стр. 349.
155. Киракос Гандзакский. История Армении, Тифлис, 1909 (на арм. яз.).
156. МАК, вып. XIII. стр. 103.
157. История монголов по армянским источникам, вып. I, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Конста-бля Сибата, перевод и объяснения К. П. Патканова, СПБ, 1873, стр. 43 и сл.; Об отношениях армян с монголами см. История монголов по армянским источникам, выпуск I и II, а также—История монголов инока Магакии, XIII века, перевод и объяснения К. П. Патканова, СПБ, 1871.
158. Орбели И. А., Мусульманские изразцы, стр. 17 и сл.
159. Иллюстрированные описания всех этих памятников даны в Материалах по археологии Кавказа, вып. XIII.
160. Марр Н. Я., Ани, стр. 42.
161. Тер-Аветисян С. В., Резная дверь 1134 г. из окрестностей гор. Муша. Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, т. III, Тифлис, 1925.

Принятые сокращения

ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИАК—Известия археологической комиссии.
ЗВО—Записки Восточного отделения русского археологического общества.
ХВ—Христианский Восток.
ТР—Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии.
МАК—Материалы по археологии Кавказа.
ИАН -Известия Академии наук СССР

ЛИТЕРАТУРА

Абих Г. В.—Ани, Пятый археологический съезд в Тифлисе, Протоколы Подготовительного комитета, Приложение к I вып., IX т. «Древностей», 1882.

Авдеев А. А.—О планах церквей Грузии и Армении и их отношении к планам церквей византийских. Тр. Арх. съезда в Тифлисе в 1881 г., М., 1887

Агабабян Р. Я.—Композиция купольных сооружений Грузии и Армении, Ереван, 1950.

Андреев А.—На развалинах армянской Пальмиры (из путевых впечатлений), Исторический Вестник, т. XXXI, январь, С.-Петербург, 1898.

Аракелян Б. Н.—Гарни, I, Результаты раскопок 1949—1950 гг., Археологические раскопки в Армении, № 3, Ереван, 1951.

Аракелян Б. Н.—Гарни II, Результаты раскопок 1951—1955 гг., Археологические раскопки в Армении, № 7, Ереван, 1957.

Арутюнян В. М.—По поводу датировки храма в Аруче, отд. оттиск из Сб. труд. Ерев. политехн. ин-та, № 2, Ереван, 1946.

Арутюнян В. М.—Архитектурные памятники Двина, Изв. АН Арм. ССР, № 8, Ереван, 1947.

Арутюнян В. М.—Архитектура патриаршего дворца в Двине, Труды Ерев. политехн. ин-та, Ереван, 1948.

Арутюнян В. М.—Звартноц, Ереван, 1947, изд. 2-ое 1954.

Арутюнян В. М.—К вопросу о градостроительной культуре древней Армении, Изв. АН Арм. ССР, № 9, Ереван, 1955.

Арутюнян В. М.—Эчмиадзин, М., 1958.

Арутюнян В. М.—Караван-сараи и мосты средневековой Армении, Сб научн. труд. Ерев. политехн. ин-та, № 17, Ереван, 1958.

Арутюнян В. М. и Сафарян С. А.—Памятники армянского зодчества, М., 1951.

Бакрадзе Дм.—Кавказ в древних памятниках христианства, Записки Общества любителей кавказской археологии, кн. 1, Тифлис, 1875.

Бархударян С. Г.—Средневековые армянские архитекторы и мастера по камню (автореф. диссерт. на правах рукописи), Ереван, 1955.

Болтунова А. И.—Греческие надписи Армавира, Изв. Арм. фил. АН СССР, № 1—2 (15—16), Ереван, 1942.

Бретаницкий Л., Елькин Г., Мамиконов Л., Мотис Д.—Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья, Изв Азерб. фил. АН СССР, № 7, Баку, 1942.

Брюсов В.—Летопись исторических судеб армянского народа, Ереван, 1940.

Буниатов Н. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933.

Буниатов Н. Г., Яралов Ю. С.—Архитектура Армении, М., 1951.

Гримм Д. И.—Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении, С.-Петербург, 1866.

Егиазаров Д. и Мартиросянц Р.—Памятники древнеармянской архитектуры, под ред. Г. Д. Гримма, С.-Петербург, 1904.

Еремян А. Б.—Храм Рипсимэ, Ереван, 1955.

Измайлова Т.—Архитектурные фрагменты из Амберда. Труды Отд. истории культуры и искусства Востока Госуд. Эрмитажа, т. I, Л., 1939.

Измайлова Т.—Севанские капители, там же, т. III, 1940.

Ильина М.—Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщения Ин-та истории и теории архит. Академии архитектуры СССР, вып. 5, М., 1946.

Иоанн Крымский—Описание монастырей Ахпатского и Санагинского, Mémoires l'Academie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, V serie, t. VI, № 6, St.-Pétersbourg, 1863.

Исторические памятники Армянской ССР, Дилижанский район, Ереван, 1937. Гарни—Гегард, Ереван, 1937—1938. Вагаршапатский район, Ереван, 1938. Аштаракский район, Ереван, 1940 (на арм. яз.). Иджеванский район, Ереван, 1947.

Кузнецов А. В.—Тектоника и конструкция центрических зданий, т. I, М., 1951.

Линч Х. Ф.—Армения, Путевые очерки и этюды, Тифлис, 1910 (перевод с английского).

Лисициан С. Д.—К изучению армянских крестьянских жилищ (карабахский карадам), Изв. Кавк. ист.-арх. ин-та в Тифлисе, т. III, 1925; IV, 1926, VI, 1927.

Манандян Я. А.—О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Эривань, 1930.

Манандян Я. А.—Тигран II и Рим, Ереван, 1943.

Манандян Я. А.—Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946.

Манандян Я. А.—Греческая надпись Гарни и время постройки гарнийского языческого храма, Ереван, 1946.

Манандян Я. А.—Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни, Изв. АН Арм. ССР, № 4, Ереван, 1951.

Марр Н. Я.—Раскопки в Карской области и Эриванской губернии, Отчет имп. арх. комиссии за 1892 г., С.-Петербург, 1894.

Марр Н. Я.—Армения (о раскопках и археологических работах 1893 г.), Отчет имп. арх. комиссии за 1893 г., С. Петербург, 1895.

Марр Н. Я. Ани, столица древней Армении (историко археологический набросок), Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, изд. 2-е, М., 1898.
Марр Н. Я.—Эриванская губерния (о разведочных раскопках в Двине), Отчет имп. арх. комиссии за 1899 г., С.-Петербург, 1902.
Марр Н. Я.—Доклад об археологическом альбоме «Ани», составленном художником архитектором Торосом Тораманяном, Изв. имп. Академии наук, т. XXIII, серия V, № 1 и 2, С.-Петербург, 1905.
Марр Н. Я.—Раскопки в Ани в 1904 г., Изв. имп. арх. комиссии, вып. 18. С.-Петербург, 1906.
Марр Н. Я.—Краткий каталог Анийского музея, Анийская серия, № 1, С.-Петербург, 1906.
Марр Н. Я.—Ереруйкская базилика. Армянский храм V—VI вв., Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XVIII, С.-Петербург, 1907.
Марр Н. Я.—О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. (предварительный отчет), Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. X, С.-Петербург, 1907.
Марр Н. Я.—Реестр предметов древности из VI (1907) археологической кампании в Ани, Анийская серия, № 2, С.-Петербург, 1908.
Марр Н. Я.—Материалы к истории армянского искусства в Шираке. Камсаракановский период. Ереруйкская базилика, Изв. имп. Академии наук, VI серия, т. III, С.-Петербург, 1909.
Марр Н. Я.—По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма», Новые археологические данные о постройках типа Ереруйкской базилики, Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XIX, С.-Петербург, 1909.
Марр Н. Я.—(О раскопках 1907—1908 гг. в Ани), Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XIX, С.-Петербург, 1909.
Марр Н. Я. Дневник поездки в Шавшию и Кларджию (Георгий Мерчул, Житие св. Георгия Хандзтийского), Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII, С.-Петербург, 1911.
Марр Н. Я.—Санаинская скульптурная группа ктиторов, Фресковое изображение парона Хутлу-буги в Ахпате, Христианский Восток, т. I, вып. III, С.-Петербург, 1927.
Марр Н. Я.—Восьмая анийская археологическая кампания, IX анийская археологическая кампания, X анийская археологическая кампания, Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XXI, вып. I, С.-Петербург, 1912.
Марр Н. Я.—XI Анийская археологическая кампания, Приложение к труду «Книжная история Ани и раскопки па месте городища», Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XIII, С.-Петербург, 1913.
Марр Н. Я.—XII археологическая кампания в Ани, Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XXII, вып. I—II, С.-Петербург, 1914.
✓ Марр Н. Я.—К датировке ктиторской надписи Текорского храма, Христианский Восток, т. III, вып. I, Петроград, 1914.

Марр Н. Я.—Памятники армянского искусства, Ани, Дворцовая церковь, под ред. акад. Н. Я. Марра, по обмерам и чертежам архитект. художн. Н. Г. Буниатова, вып. I, Петроград, 1915.
Марр Н. Я.—Описание Дворцовой церкви в Ани, Анийские древности. I, Петроград, 1916.
Марр Н. Я. Отчет Анийского музея древностей за 1915 г., Петроград, 1917.
Марр Н. Я.—Ани, Книжная история города и раскопки на месте городища, 1934
Мнацаканян С. Х.—Армянские сталактиты, Изв. АН Арм. ССР, № 9, Ереван, 1950.
Мнацаканян С. Х. Архитектура армянских притворов, Ереван, 1952.
Мнацаканян С. Х.—Об одном неизвестном типе сооружений древнеармянской архитектуры, Изв. АН Арм. ССР, № 7, Ереван, 1952.
Мнацаканян С. Х.—Об одном новом памятнике VI—VII вв., Изв. АН Арм. ССР, № 2, Ереван, 1956.
Мнацаканян С. Х. Новые материалы по истории армянского зодчества IX—X вв., Изв. АН Арм. ССР, № 2, Ереван, 1957.
Муравьев А. Н. Грузия и Армения, С.-Петербург, 1848.
Оганесян К. Л.—Зодчий Трдат, Ереван, 1951.
Окунев Н.—Город Ани, «Старые годы», октябрь 1912, С.-Петербург.
Орбели И. А. Армянское искусство, Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. III, С.-Петербург.
Орбели И. А.—Краткий путеводитель по городищу Ани, Анийская серия, № 4, С-Петербург, 1910.
Орбели И. А.—Каталог Анийского музея древностей, Анийская серия, № 3, С.-Петербург, 1910.
Орбели И. А.—Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века, Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XX, С-Петербург, 1910
Орбели И. А.—Развалины Ани, С-Петербург, 1911 (армянский перевод), Эчмиадзин, 1911.
Орбели И. А.—Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в., Христианский Восток, т. II, вып. 1. С-Петербург, 1913.
Орбели И. А.—Шесть армянских надписей VII–X вв., Христианский Восток, т. III, вып. I, Петроград, 1914.
Орбели И. А. Две строительские надписи князей Камсараканов, Христианский Восток, т. III, вып. III, Петроград, 1915.
Орбели И. А.—Надпись санаинского моста, Христианский Восток, т. IV, вып. II, Петроград, 1915.
Орбели И. А.—Багаванский храм и его надписи, Христианский Восток, т. V, вып. II, Петроград, 1917.
Орбели И. А.—О двух терминах в надписях Ани, Изв. Российск. Академии истории матер. культ., т. 1, Петроград, 1921.

Орбели И. А. О первоначальной форме купола Ахтамарского храма, Записки Вост. отд. Русск. арх. об-ва, т. XXV, Петроград, 1921.
Орбели И. А.—Мусульманские изразцы, Петербург, 1923.
Орбели И. А.—Памятники эпохи Руставели, введение, Л., 1938.
Орбели И. А.—Герои поэмы Руставели и их подданные, Памятники эпохи Руставели, Л., 1938.
Орбели И. А. Баня и скоморох XII в., Памятники эпохи Руставели, Л., 1938.
Орбели И. А. -Кичикийская серебряная чаша конца XII в., Памятники эпохи Руставели, Л., 1938.
Орбели И. А.—Бронзовая курильница XII в. в виде барса, Памятники эпохи Руставели, Л., 1938.
Орбели И. А.—Проблема сельджукского искусства, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады М.—Л., 1939
Орбели Иосиф—Басни средневековой Армении, М.—Л., 1956.
Очерки по истории армянского искусства, Сборник, М., 1939.
Пиотровский Б. Б.—История и культура Урарту, Ереван, 1944.
Пиотровский Б. Б. -Кармир-блур, I, Результаты раскопок 1939-1949 гг., Археологические раскопки в Армении, № 1, Ереван, 1950.
Пиотровский Б. Б.—Кармир-блур, II, Результаты раскопок 1949—1950 гг., Археологические раскопки в Армении, № 2, Ереван, 1952.
Пиотровский Б. Б.—Кармир-блур, III, Результаты раскопок 1951-1953 гг., Археологические раскопки в Армении, № 5, Ереван, 1955.
Пиотровский Б. Б.—Ванское царство (Урарту), М., 1959.
Романов К. К.—Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, Из истории докапиталистических формаций, Сб. ст. к сорокапятилетию науч. деят. Н. Я. Марра, М. Л., 1938.
Саинян А.—Гарни и Гегард, М., 1958.
Сивков А. В.—Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении, Изв. АН Арм. ССР, № 1—2, Ереван, 1944.
Сысоев В. М. и Кучук-Иоаннесов Х. И.—(Материалы экспедиций в Армению в 1907 и 1908 гг.), Мат. по арх. Кавк., вып. XIII, М., 1916.
Сычев Н. П.—Анийская церковь, раскопанная в 1892 г., Христианский Восток, т. 1, вып. II, С.-Петербург, 1912.
Такайшвили Е. С.—Бана, Материалы по археологии Кавказа, вып. XII, М., 1909.
Тер-Аветисян С. В.—Заметки о Воскепаре и Киранце, Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. VII, Тифлис, 1937.
Тер-Аветисян С. В.—Резная дверь 1134 г. из окрестностей гор Муша, Изв. Кавк. ист.-арх. ин-та в Тифлисе, т. III, Тифлис, 1925.
Тер-Мовсесян Месроп Раскопки развалин церкви св. Григория близ Эчмиадзина, Изв. имп. арх комиссии, вып VII, С. Петербург, 1903.
Токарский Н. М.—Об основной армянской линейной мере, Изв. Российск. Академии истории мат. культ., т. III, Л., 1924.
Токарский Н. М.—Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 года, Изв. Российск. Академии ист. матер. культ., IV, Л., 1925.
Токарский Н. М. Капитель из Анберда, Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. III, Л., 1940.
Токарский Н. М.—О местонахождении Даран-дашта, Изв. Арм. фил. АН СССР, № 9, (14), Ереван, 1941.
Токарский Н. М Архитектура древней Армении, Ереван, 1946.
Токарский Н. М. -Гегард, М., 1948.
Токарский Н. М—Джрвеж, I, Результаты раскопок 1957 г., Археологические раскопки в Армении, № 8, 1959
Тораманян Т.—О древнейших формах Эчмиадзинского храма, Записки Вост. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XIX, С.-Петербург, 1909.
Тревер К. В—Надпись о построении армянской крепости Гарни, Л., 1949.
Тревер К. В—К вопросу об античном храме в Гарни (Армения), Советская археология, XI, 1949.
Тревер К. В.—Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л, 1953.
Тревер К. В - Очерки по истории и культуре кавказской Албании, М.—Л., 1959.
Халпахчьян О. Х.—Архитектурные памятники Ахпата, Архитектура республик Закавказья (сборник), М., 1951.
Халпахчьян О. Х—Архитектура армянских трапезных, Архитектурное наследство, 3. М., 1953.
Халпахчьян О. Х.--Строительные традиции народных мастеров Армении, Архитектурное наследство, 3, М., 1953.
Халпахчьян О. Х.—Двухабсидные базилики Армении, Изв. АН Арм. ССР, Общественные науки, № 8, Ереван, 1954.
Халпахчьян О. Х. -Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, Ереван, 1957.
Халпахчьян О. Х.—Архитектура Армении, Всеобщая история архитектуры, т. I, гл IX, М., 1958.
Чубинашвили Г. Н.—Армянское искусство с конца IX и до начала XI вв., Сасунский Давид, Сб. под ред. Меликсет Бека, Тбилиси, 1939.
Чубинашвили Г. Н. -Памятники типа Джвари, Тбилиси. 1948.
Чубинашвили Г. Н. и Северов Н. П—Пути грузинской архитектуры, Тбилиси, 1936
Чубинов Г. Н - Отчет Анийского музея древностей за 1916 г., Анийские древности, III, Петроград, 1918.
Чубинов Г. Н.—Декоративное убранство анийских карасов, Христианский Восток, т. V, вып. I, Петроград, 1916.
Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества, Кратк. сообщ. Ин-та ист. матер. культ. АН СССР, вып. XIII, 1946.

Якобсон А. Л.—Из истории армянской средневековой архитектуры, Советская археология, IX, 1947.

• Якобсон А. Л.—Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв., М.—Л., 1950.

Якобсон А. Л.—Из истории зодчества средневековой Армении: Агарцин, Сагмосаванк, Нор-Гетик, Ежегодник Ин-та истории искусств, М., 1952.

Яралов Ю. С.—Аштарак, М., 1947.

Яралов Ю. С.—Два памятника армянской архитектуры, Новые материалы, Сообщ. Ин-та ист. и теор. архит. Академии архитектуры СССР, вып. VIII, М., 1947.

Яралов Ю. С.—Некоторые особенности памятников армянской архитектуры VII в., Архитектурное наследство, 3, М., 1953.

Աբրահամյան Ա.—Գառնիի հունական արձանագրությունը, «Էջմիածին», 1947, մարտ-ապրիլ.

Ալիշան Ղ.—Այրարատ, Վենետիկ, 1890.

Ալիշան Ղ.—Շիրակ, Վենետիկ, 1881.

Ալիշան Ղ.—Սիսական, Վենետիկ, 1893.

Ալիշան Ղ.—Սիսուան, Վենետիկ, 1885.

Առաքելյան Բաբկեն—«Հայկական պատկերաքանդակները IV—VII դարերում», Երևան, 1949.

Առաքելյան Բաբկեն—Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX—XIII դարերում, Երևան, 1958.

Բարխուդարյան Ս.—Խորհրդային Հայաստանի նյութական կուլտուրայի հուշարձանները, Երևան, 1935.

Երզնկյան Գ.—Կայան բերդ և Կայենո ձոր, Ազգագրական հանդես, Թիֆլիս, № 1, 1898.

Էփրիկյան Հ. Ս.—Պատկերազարդ բնաշխարհիկ բառարան, Վենետիկ, 1903—1905.

• *Թորամանյան Թորոս—Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, Երևան,* MCMX II, I (Тораманнн Торос, Материалы по истории армянской архитектуры, Ереван).

Թորամանյան Թորոս—То же, II, 1948.

Լալայան Ե.—Սիսիան, Ազգագրական հանդես, Թիֆլիս, № 1, 1898.

Լալայան Ե.—Գանձակի գավառ, Ազգագրական հանդես, գ. V, № 1, 1899.

Լալայան Ե.—Բորչալուի գավառ, Ազգագրական հանդես, գ. VII—VIII, 1901.

Լալայան Ե.—Սևան, Ազգագրական հանդես, գ. XVII, № 1, 1908.

Լալայան Ե.—Վասպուրականի նշանավոր վանքերը, Աղթամարի Սուրբ Խաչ վանքը, Ազգագրական հանդես, գ. XX, № 2, 1910.

Լալայան Ե.—Վասպուրականի նշանավոր վանքերը, Ազգագրական հանդես, գ. XXI, 1911 և գ. XXII, № 1, 1912.

Լալայան Ե.—Կեչառիսի վանքը, Ազգագրական հանդես, գ. XXII, № 1, 1912.

Լալայան Ե.—Նոր Բայազետի գավառ, Ազգագրական հանդես, 1913.

Լալայան Ե.—Վայոց ձոր, նշանավոր վանքերը, Ազգագրական հանդես, գ. XXVI, 1917.

Լեոնյան Գ.. Նոր կարծիքներ Զվարթնոցի մասին, Տեղեկագիր ՀԽՍՀ գիտության և արվեստի ինստիտուտի, № 1, Երևան, 1926.

Հարությունյան Ի.—Գոշայ վանք կամ Նոր Գետիկ. Ազգագրական հանդես, գ. X, Թիֆլիս, 1903.

Հարությունյան Ի.—Սանահին, Ազգագրական հանդես, Թիֆլիս, № 1, 1898.

Հարությունյան Վ.—Դվինի V—VII դարերի ճարտարապետական հուշարձանները, Երևան, 1950.

Հարությունյան Վ.—7-րդ դարի աշխարհիկ ճարտարապետության մի նոր հուշարձան, Известия Академии Наук Арм. ССР. Общ. науки, № 8, 1953.

Հարությունյան Վ. Մ.—Միջնադարյան Հայաստանի քարվանատներն ու կամուրջները, Երևան, 1960.

Հովսեփյանց Գարեգին արքեպիսկոպոս—Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և մշակույթի պատմության. պրակ Ա., Երուսաղեմ, 1935.

Հովսեփյանց Գարեգին արքեպիսկոպոս—Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և մշակույթի պատմության, պրակ գ. (3), Նյու Յորք, 1944.

Հովսեփյանց Գարեգին արքեպիսկոպոս—Հավուց Թառի Ամենափրկիչը և նույնանուն հուշարձաններ հայ արվեստի մեջ, Երուսաղեմ, 1937.

Հովսեփյանց Գարեգին արքեպիսկոպոս—Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք հայոց պատմության մեջ, մասն երկրորդ, Երուսաղեմ, 1944.

Հովսեփյանց Գարեգին արքեպիսկոպոս—Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք հայոց պատմության մեջ, մասն առաջին, Վաղարշապատ, 1928.

Ղաֆադարյան Կարո—Ավանի երկլեզվյան ծածկագիր արձանագրությունը, Երևան, 1945.

Ղաֆադարյան Կարո—Հովհաննավանքը և նրա արձանագրությունները, Երևան, 1948.

Ղաֆադարյան Կարո—Դվին քաղաքը և նրա պեղումները, Երևան, 1952 (с русск. резюме).

Ղաֆադարյան Կարո—Սանահինի վանքը և նրա արձանագրությունները, Երևան, 1957.

Մնացականյան Ստեփան—Զվարթնոցի տաճարի վերականգնման հնարավորության մասին, Սովետական արվեստ, Երևան, 1957, № 1.

Մնացականյան Ստեփան—Զվարթնոցի վերակազմության նախագծի հարցի շուրջը, ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», № 4, Երևան, 1959.

Մնացականյան Ստեփան -Զվարթնոցի վերակազմության նոր նախագիծը, ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», № 9, Երևան, 1959.

Մնացականյան Ս. Խ.—Հայկական ճարտարապետության Սյունիքի դպրոցը. Երևան, 1960.

Շահխաթունյանց Հ.—Ստորագրութիւն կաթողիկէ ս. Էջմիածնի և հինգ գավառացն Այրարատայ, Էջմիածին 1842.

Ջանփոլադյան Հ.—Մխիթար Գոշը և Նոր Գետիկի վանքը, Երևան, 1948.

Սահինյան Ալեքսանդր—Քասաղի բազիլիկայի ճարտարապետությունը, Երևան, 1955 (с русск. резюме).

Սահինյան Ա. Գ.—Նոր նյութեր Էջմիածնի Մայր տաճարի կառուցվածքի վերաբերյալ, «Էջմիածին», VIII—IX, XI—XII, Էջմիածին, 1956.

Տեր-Մովսեսյան Մեսրոպ—Հայկական արձանագրություններ, Ազգագրական հանդես, գ. XXV, № 2, Թիֆլիս, 1913.

Տեր-Մովսեսյան Մեսրոպ—Էջմիածինն և հայոց հնագույն եկեղեցիներ, Ազգագրական հանդես, գ. XV—XVI, Թիֆլիս, 1907.

Տոկարսկի Ն.—Հայ ճարտարապետության նորահայտ հուշարձաններ Ջրվեժում, «Էջմիածին», Էջմիածին, 1959, կ.

Տոկարսկի Ն.—Պեղումներ Ջրվեժում, «Սովետական Հայաստան», № 7, 1960, Երևան:

Bachmann W.— Kircher und Moscheen in Armenien und Kurdistan Leipzig, 1913.

Baltrusaitis J.— Etudes sur l'art médieval en Géorgie et en Arménie, Paris, 1929

Brosset M.— Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et l'Arménie, exécuté en 1847—1848, St. Pétersbourg, 1849—1851.

„ Les ruines d'Ani, capital de l'Arménie sous les rois Bagratides aux X et XI siècles, Histoire et description, St. Pétersbourg. 1860—1861

Der Nérsessian Sirarpie.— Armenia and the Byzantine Empire. Cambridge, Massachusets, Harvard University Press, 1947.

Dubois de Montpéreax Frédéric.— Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839—1843.

Grimm D.— Monuments d'architecture (byzantine) en Géorgie et en Arménie, St. Pétersbourg. 1859—64.

Ker-Porter R.— Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancien Babylonia etc. etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820, London, 1821.

Khanikof N.— Voyage a Ani, capitale de l'Arménie sous les Bagratides- Revue Archéologique, XV année, 1858—59.

Lehmann-Haupt C. F.—Armenien Einst und Jetzt, Berlin, 1910—1928

Marr N.— Ani, la ville arménienne en ruines d'apres les fouilles de 1892—1893 et de 1904—1917, Revue des Etudes Arméniennes. I, 4, Paris, 1921,

Millet G.— L'ecole grecque dans l'architecture byzantine, Paris, 1916,

Strzygowski J.— Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien. 1918

„ Ursprung der christlichen Kirchenkunst, Leipzig, 1920.

Texier Ch.— Description de l'Arménie, la Perse et la Mesopotamie, Paris, 1842.

Tschubinaschwili G. N.— Die grosse Kirche von Thalin in Armenien. Byzantinische Zeitschrift, t. XXIX, Leipzig, 1930.

„ Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens. Byzantinische Zeitschrift, t. XXVIII, Leipzig, 1928.

УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Чертежи и рисунки в тексте

Таблицы

Рисунки и чертежи в тексте выполнены автором.

Фотографии для таблиц — в большинстве работы Арама и Арташеса Вруйров и Т. Тораманяна из собраний Государственного исторического музея Армении, Государственного Эрмитажа и Ленинградского отделения Института археологии Ак. наук СССР.

Часть фотографий автора.

Планы монастырей Санаин, Ахпат, Агарцин, Нор-Гетик, Гегард и Нораванк любезно предоставлены автором их архит. О. Х. Халпахчьяном, которому приношу благодарность.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАБЛИЦЫ

Севан. Деревянная капитель
Кохб. Навес жилого дома